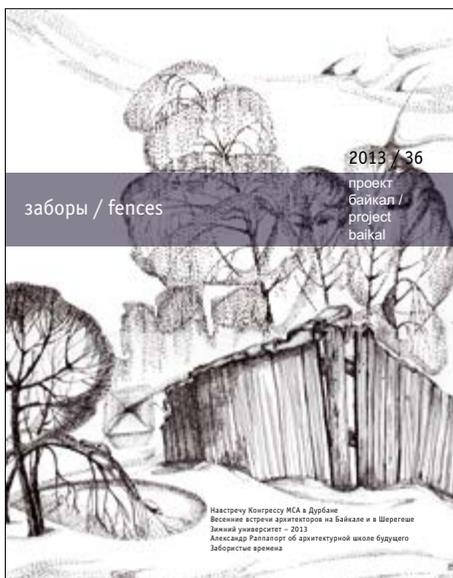
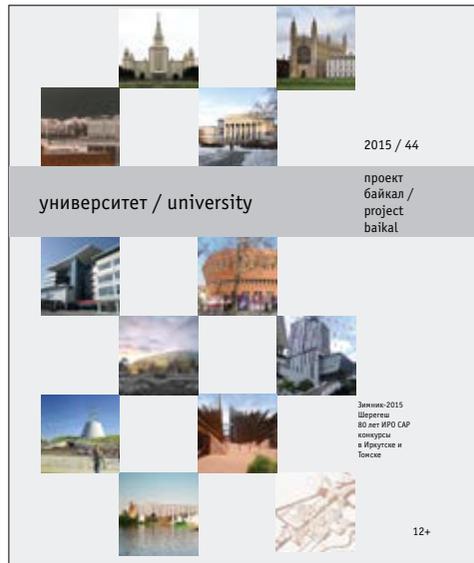
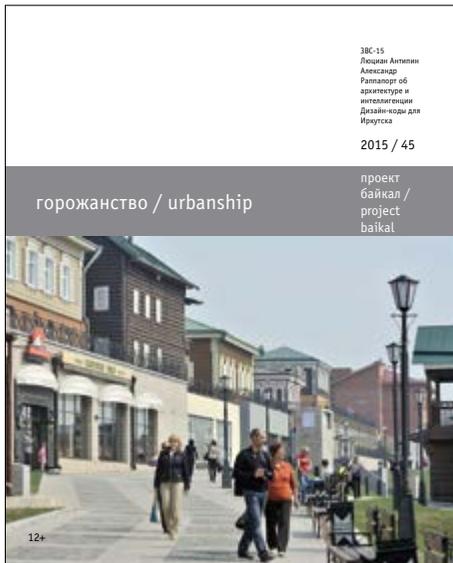

кварталы / quarters

проект
байкал /
project
baikal

12+

Номера журнала «Проект Байкал» можно приобрести по адресам:

Иркутск, пер. Черемховский, 1а,
ИРО «Союз архитекторов России»,
тел. 33-28-39

Иркутск, ул. Бабушкина, 1, Галерея
современного искусства Le Art,
арт-центр «Палитра», тел. 53-63-24

Иркутск, ул. К. Маркса, 40, книжный
бутик Lookbook, ТВЦ «Галерея
Революция», тел. 67-50-47

Иркутск, ул. К. Маркса, 20, торговый
центр «Букенгем», тел. 24-20-95

г. Иркутск, ул. Ленина 9, книжный
магазин, тел. 24-16-89

Много ли в языке слов, одновременно обозначающих (соединяющих в себе) пространство и время? Квартал из таких, редких: и часть пространства города, и четверть года.

Ограниченная четырьмя улицами часть города – это в правильном городе. Такова Чита – редкий город с абсолютно ортогональным историческим центром. Декабристы нарисовали город из Утопии во глубине сибирских руд (120).

Иркутский 130-й квартал – изначально неправильный потому, что треугольный. Расположенный между двумя дорогами, квартал-развилка, он с самого начала был омываем потоками вдоль оси запад – восток, главного направления державы. Поэтому, наверное, он благодарно принял подарок к 350-летию своего транзитного бытия – променад для неспешного потока пешеходов. И в общем-то неплохо с этим потоком справляется, преодолевая трудности нового бытия и обрастая мифами (102).

«Иркутские кварталы», проект, от которого сейчас многого ожидают, продолжает начатую в 130-м тему регенерации, возрождения, поиска гения места, подбора ключа к каждому отдельному кварталу (74). Нанизываясь на торговую ось, эти кварталы, заросшие хламом, выпотрошенные последними десятилетиями и ставшие недружелюбными, должны перестроиться и преобразиться на благо горожанам, гостям, малому бизнесу.

Триптих Лидина, Раппарта и Невлютова – как раз об этом, о счастье горожанства и городе для людей (58). Теме города для людей был посвящен и Форум городских сообществ (114).

Завершаем последний квартал года с надеждой, что Иркутск продолжит правильную линию и уже в скором будущем деревянные кварталы центра станут его гордостью, а проектный, строительный и инвестирующий комплексы объединятся в стремлении умножить число комфортных и ярких кварталов города.

Ну а Байкальский луч получит еще одну яркую точку на своей траектории: Умная школа (22) для маленьких иркутян, в том числе для детей-сирот, появится через несколько лет на берегу Чертугеевского залива.

Елена Григорьева

Are there many words combining both space and time? A quarter is one of such rare words: it means both a part of the city space and a period of the year.

A regular city has parts bordered by four streets. For example, Chita is a city with an absolutely orthogonal historical center. This Utopian city was designed by Decembrists in the depth of Siberian ore-mines (120).

The 130 Quarter in Irkutsk is irregular from its inception because of its triangular form. Located between two roads, the forked quarter was initially bordered by flows along the west-east axis – the main direction of the country. That is why it appreciated the gift for the 350 anniversary of its transit existence – a promenade for an unhurried flow of pedestrians. The quarter manages this flow quite well, while overcoming the difficulties of new existence and gathering myths (102).

Arousing many expectations, the “Irkutsk’s Quarters” project continues the theme that was begun by the 130 Quarter and involved regeneration, revival and search for Genius Loci and the key to each single quarter (74). Beaded on the trading axis, these shabby and unfriendly quarters full of rubbish should be transformed for the good of inhabitants, guests and the small business.

The triptych by Lidin, Rappaport and Nevluytov is about happiness of urbanship and cities for people, too (58). The City Community Forum was also devoted to the urban theme (114).

Going through the last quarter of the year, we hope that Irkutsk will keep to the right policy, so that in the near future the wooden downtown quarters will become its pride, and the design, construction and investment complexes will join in desire to increase the number of comfortable and lively quarters in our city.

The Baikal Beam will get one more landmark: the Smart School (22) for Irkutsk’s children, including orphans, will be built in several years on the bank of Chertugeevsky Bay.

Elena Grigoryeva, editor-in-chief

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала издателю Барту Голдхоорну, издательству **А-Фонд**, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск, пер. Черемховский, 1а

корректор
Инесса Бражникова
литературные редакторы
Инесса Бражникова,
Марина Ткачева
верстка
Татьяна Анненкова
переводчик, редактор раздела «новости МСА»
Анна Григорьева
адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru
www.projectbaikal.com

дизайн обложки
Алексей Сергеев

адрес типографии
«Репроцентр А1»,
664023, г. Иркутск, ул. А.Невского, 99/2
Тираж 300 экз.
Подписано в печать 17.12.15

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Периодичность 4 раза в год
Цена свободная

12+

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

проект байкал/
project baikal
ISSN 2307-4485

46

кварталы / quarters

2

новости	Анна Григорьева по материалам сайтов: www.uia.archi www.maca.ru	Новости Международного союза архитекторов..... 5
	Инесса Бражникова Анна Гор, Григор Айказян	XXIII Международный фестиваль «Зодчество» 8
москва на марше	Никита Токарев	Здание Арсенала в Нижегородском кремле, объект культурного наследия федерального значения. Реставрация и приспособление под Волго-Вятский филиал ФГБУК «Государственный центр современного искусства» (2004–2014) 10
новости	Эдуард Товмасьян	МАРШ для всех..... 14
конкурс	Татьяна Данилова	Инга Абаева навсегда с нами..... 16
	Инесса Бражникова	Конкурс на разработку элементов городской среды для общественных пространств Иркутска «Уличная мебель. Уличный дизайн» 20
новости	Дарья Кулеш Ольга Железняк	Международный закрытый конкурс на проектирование комплекса «Умная школа» в Иркутске 22
монитор	Ольга Железняк Ирина Шестопалова Мирья Корелина	Архитектурный пленэр на Снежной Home Fest 26
книга	Андрей Ляпин	Железноводск-2015: кафедра дизайна ИРНТУ на Международном смотре-конкурсе дипломных проектов по архитектуре и дизайну 30
коротко	Елена Григорьева Валентина Казакова	Средовой потенциал набережных: формирование городской рекреации в Иркутске 34
		Новая книга о Кругобайкальской железной дороге 36
портрет архитектора	Марина Ткачева	Дискуссионный клуб Иркутского дома архитекторов 37
	Елена Григорьева	V пленум Союза архитекторов России..... 37
кварталы	Константин Лидин Александр Раппапорт Марат Невлютов Елена Багина	Новые назначения..... 37
		На Всемирном фестивале архитектуры 37
		Юбилейные мероприятия, посвященные 80-летию Иркутской организации Союза архитекторов 37
		«Чувствую, что могу работать еще долго...» Интервью со Станиславом Михайловичем Григорьевым накануне юбилея 40
		Почерк мастера..... 44
	 57
		Кварталы. Пять слоев счастья. Способно ли горожанство сделать людей счастливее? 58
		Архитектурная фелицитология 64
		Города не для людей 66
		Микрорайон умер? Да здравствует квартал! 68

Special thanks to Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage. Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief

E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovsky Pereulok 1a,
Irkutsk, Russia

proofreader

Inessa Brazhnikova

literary editor

Inessa Brazhnikova,
Marina Tkacheva

upmaking

Tatyana Annenkova

translator, editor of the "UIA News"

section

Anna Grigorieva

address of the publisher and the editorial board

664025 Chermkhovsky Pereulok 1a
Irkutsk, Russia

tel. +7 3952 332839, +7 3952 332840

email: sar@irk.ru

www.projectbaikal.com

cover design

Alexei Sergeev

printed by

"Reprocenter A1"

Alexandra Nevskogo Street 99/2

Irkutsk 664023

print run 300

passed for printing:

17.16.15

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors.

quarterly publication

free price

12+

спонсоры номера

	Алексей Козьмин	Иркутские кварталы. Преамбула руководителя проекта	74
	Сергей Маяренков	Иркутские кварталы	75
	Елена Григорьева	Торговая ось центра Иркутска	76
	Елена Григорьева	Прогулка по иркутским кварталам	82
	Михаил Рожанский	Заметки на полях концепции.....	89
	Марина Ткачева	Топонимика и город, прошлое и будущее	90
	Михаил Рожанский	Топонимия может быть живой	92
	Александр Снарский	Топонимическая реставрация в Иркутске	92
	Алексей Чертилов	Деревянная застройка в центре Иркутска: обуза или невостребованный туристический ресурс?	95
	Алексей Чертилов	Квартал-музей деревянной архитектуры под открытым небом в историческом центре Иркутска: предварительные предложения для обсуждения.....	98
	Козьма Кварталов	Мифы 130-го квартала	102
	Марина Ткачева	Терем-теремок	104
	Мария Хаустова	Конкурс в Красноярске. Концепция общественного пространства в границах улиц Карла Маркса, Дзержинского, набережной Енисея и улицы Декабристов.....	108
	Ирина Крылова	Концепция общественного пространства «Улица-река» в историческом центре Красноярска	110
	Марина Ткачева	Форум городских сообществ в Иркутске: перспективы изменения города.....	114
		Выступление эксперта Марка Мееровича.....	118
		Выступление эксперта Елены Григорьевой	119
	Арина Шаравина	Правильный город.....	121
градо	Илья Лежава	Уроки мастера.....	124
	Барбара Энгель		
	Кристиан Хорн		
	Арина Сендер	Трансформация наследия промышленного строительства Санкт-Петербурга	
	Фолкер Зиглер	Варианты будущего развития южного промышленного пояса.....	134
	Николас Рогге		
ландшафт	Виктор Кузеванов		
	Хаджиме Мацушима		
	Такухино Ямада		
	Светлана Сизых		
	Алексей Пономарев	Первый японский сад в сердце Азии. Место, где Восток встречается с Западом	142
наследие	Елена Багина	Стеклянная революция и странники виртуального мира.....	148
	Ольга Успенская	Архитектурное веяние эпохи. Архитектор Чернышёв – яркий представитель сибирского модерна.....	154
SOS	Арина Шаравина	Самая древняя от Байкала до Тихого океана	156
авторы		157

news	Anna Grigoryeva	UIA News.....	5
	Inessa Brazhnikova	The XXIII International Festival Zodchestvo.....	8
	Anna Gor, Grigor Aikazyan	The Nizhegorodsky Kremlin Armory, a Cultural Heritage Site of Federal Significance. Restoration and Adjustment for the Volgo-Vyatsky Branch of the State Center of Modern Art (2004-2014).....	10
moscow on the march	Nikita Tokarev	MARCH for Everybody.....	14
	news	Eduard Tovmasyan	Inga Abaeva is Forever with Us.....
competition	Tatyana Danilova	Competition for the Elements of the City Environment for Irkutsk's Public Spaces "Street Furniture. Street Design".....	20
	Inessa Brazhnikova	The International Closed Competition for the "Smart School" Complex in Irkutsk.....	22
news	Darya Kulesh	Architectural Plain-Air Home Fest at the River Snezhnaya.....	26
	Olga Zheleznyak	Zheleznovodsk 2015: IRNRTU Design Department at the International Review Competition of Graduation Projects on Architecture and Design.....	30
monitor	Olga Zheleznyak	Environmental Potential of Embankments: Formation of Urban Recreation in Irkutsk.....	34
	Irina Shestopalova		
	Mirya Korelina		
book	Andrei Lyapin	A New Book about the Circum-Baikal Railway.....	36
	in brief	Elena Grigoryeva, Valentina Kazakova	The Irkutsk House of Architects' Discussion Club.....
			The V Plenum of the Union of Architects of Russia.....
		New Assignments.....	37
		At the World Architecture Festival.....	37
		The Events Dedicated to the 80th Anniversary of the Irkutsk Organization of the Union of Architects of Russia.....	37
portrait of the architect	Marina Tkacheva	"I Feel I Can Work for a Long Time..." Interview with Stanislav Mikhailovich Grigoriev before His Anniversary.....	40
	Elena Grigoryeva	The Master's Hand.....	44
quarters		57
	Konstantin Lidin	Quarters. Five Layers of Happiness. Can urbanism make people happier?.....	58
	Alexander Rappaport	Architectural Felicology.....	64
	Marat Nevlyutov	The Cities for No Man.....	66
	Elena Bagina	Is the Microdistrict Dead? Long Live the Quarter!.....	68
	Alexei Kozmin	Irkutsk's Quarter. Preamble by the Project Director.....	74
		Irkutsk's Quarters.....	75
	Elena Grigoryeva	The Trading Axis in Irkutsk Downtown.....	76
	Elena Grigoryeva	A Walk around Irkutsk's Quarters.....	82
	Mikhail Rozhansky	Notes on the Margins of the Concept.....	89
	Marina Tkacheva	Toponymy and the City, the Past and the Future.....	90
	Mikhail Rozhansky	Toponymy Can Be Alive.....	92
	Alexander Snarsky	Toponymic Restoration in Irkutsk.....	92
	Alexei Chertilov	Wooden Houses in Irkutsk Downtown: a Burden or Unused Touristic Resources?.....	95
	Alexei Chertilov	The Open-Air Museum Quarter in the Historical Center of Irkutsk: Preliminary Proposals to Be Discussed.....	98
	Kozma Kvartalov	Myths of the 130 Quarter.....	102
	Marina Tkacheva	A Small Wooden House.....	104
	Maria Khaustova	Krasnoyarsk Competition. Concept of the public space bordered by Karl Marx Street, Dzerzhinsky Street, Yenisei Embankment and Dekabristov Street.....	108
	Maria Khaustova	Concept of the Public Space "River Street" in the Historical Center of Krasnoyarsk.....	110
	Marina Tkacheva	The City Community Forum in Irkutsk: Future Changes in the City.....	114
		Speech by the Expert Mark Meerovich.....	118
		Speech by the Expert Elena Grigoryeva.....	119
urban	Arina Sharavina	A Regular City.....	121
	Ilya Lezhava	Lessons of the Master.....	124
	Barbara Engel	Transforming industrial heritage in St. Petersburg	Possible futures for the southern industrial belt.....
	Christian Horn		
	Arina Sender		134
landscape	Volker Ziegler		
	Nikolas Rogge		
	Victor Kuzevanov		
	Hajime Matsushima	First Japanese Garden in the Heart of Asia. A place where East meets West.....	142
	Takuhiro Yamada	Glass Revolution and Wanderers in the Virtual World.....	148
	Svetlana Sizykh	Architectural Trend of the Epoch.	
heritage	Alexey Ponomarev	Architect Chernyshev as a bright representative of the Siberian Modern.....	154
	Elena Bagina		
	Olga Uspenskaya		
SOS	Arina Sharavina	The Oldest from Baikal to the Pacific Ocean.....	156
authors		157

World Cities Day 2015

The United Nations has designated every 31st of October as World Cities Day. Established by the General Assembly in December 2013, the day aims to involve the states, international organizations, civil society and promoters in an awareness campaign about urbanization and the challenges it presents. The general theme for this day is: Better City, Better Life. A different sub-theme is set each year. The first of these days was celebrated in Shanghai, China, under the sub-theme: Leading Urban Transformations. A second will take place in Milan, Italy, in 2015, on the theme: Designed to Live Together.

Learn more:

<http://unhabitat.org/wcd/>

Urban Thinkers Campus in Dhaka

UIA announces the next urban thinker's campus that will be held from 6 to 8 November 2015, at the Bangladesh University of Engineering and Technology in Dhaka, Bangladesh, on the theme: 'Megacities: bridging reality and aspirations'.

Bangladesh is experiencing rapid and uncontrolled urban growth, and its capital, Dhaka, with a population of 15 million people, is facing major problems in the areas of transportation, public spaces, and earthquake management.

This urban campus aims to identify

the prime concerns related to housing, mobility, resilience and public spaces in Dhaka city, and smaller urban centers around the capital. It will compare experiences and solutions offered in other cities around the world, and formulate a framework for future development.

The 'urban thinkers campus' project is a part of UN-Habitat's World Urban Campaign, that aims to transform current urban tendencies and challenges into a new paradigm and thus contribute to the new urban agenda for the United Nations Conference on Housing and Sustainable Urban Development, HABITAT III.

Learn more about the Dhaka campus:
<http://unhabitat.org/event/>

urban-thinkers-campus-megacities-bridging-reality-aspiration/
<http://unhabitat.org/urbanthinkers/>

Dame Zaha Hadid 2016 RIBA Gold Medal

For the first time since its creation 167 years ago, the Royal Institute of British Architects has awarded its highest honour, the RIBA Gold Medal, to a woman in her own right: Iraqi-British architect Zaha Hadid. She is also the only woman to win the Pritzker Prize.

A graduate of the Architectural Association School of Architecture in London, Zaha Hadid joined the Office for Metropolitan Architecture (OMA) and her

Новости Международного союза архитекторов / UIA News

Всемирный день городов – 2015

В декабре 2013 года Генеральная ассамблея ООН объявила 31 октября Всемирным днем городов. Празднование этого дня должно вовлечь государства, международные организации, гражданское общество и влиятельных лиц в общественную кампанию по вопросам урбанизации. Всемирный день городов отмечается под общей темой – «Лучше город – лучше жизнь». Для каждого года определяется новая подтема. Так, «Ведущие городские трансформации» стали темой празднования первого Всемирного дня городов в китайском Шанхае. Теме «Создан, чтобы жить вместе» будет посвящен Всемирный день городов, который пройдет в Милане (Италия) в 2015 году.

Дополнительная информация:
<http://unhabitat.org/wcd/>

Кампус урбанистов в Дакке

МСА объявляет о следующем кампусе урбанистов, который состоится с 6 по 8 ноября 2015 года в Бангладешском инженерно-техническом университете г. Дакка. Его темой станет «Мегагорода: соединение реальности и стремлений».

В Бангладеше наблюдается стремительный неконтролируемый процесс урбанизации. Столица страны город Дакка, насчитывающий 15 миллионов человек, испытывает серьезные проблемы в сфере транспорта, общественных пространств и обеспечения сейсмобезопасности.

Градостроительный кампус призван определить главные вопросы,

связанные с жилищным строительством, мобильностью, принципом устойчивости и общественными пространствами в городе Дакка и соседних городах. Участники кампуса из разных стран мира будут делиться опытом и решениями, а также сформулируют основы будущего развития Дакки.

Данный проект является частью всемирной кампании за урбанизацию «ООН-Хабитат», которая стремится составить новую парадигму на основе современных градостроительных тенденций и задач, тем самым внося вклад в новую повестку дня Конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию «Хабитат III».

Дополнительная информация по кампусу в Дакке:

<http://unhabitat.org/event/urban-thinkers-campus-megacities-bridging-reality-aspiration/>
<http://unhabitat.org/urbanthinkers/>

Госпожа Заха Хадид – обладатель золотой медали RIBA – 2016

Впервые за 167 лет, прошедших со дня основания Королевского института британских архитекторов (RIBA), высочайшая награда института – золотая медаль RIBA – была по праву присуждена женщине, британо-иракскому архитектору Захе Хадид. Она также является

^ Заха Хадид / Zaha Hadid

v Культурный центр Гейдара Алиева в Баку по проекту Zaha Hadid Architects. Фото: © Iwan Baan / Heydar Aliyev Cultural Centre in Baku by Zaha Hadid Architects. Photo © Iwan Baan

former mentors Rem Koolhaas and Elia Zenghelis, then founded her own studio in 1979. An international competition for a hotel on the Peak in Hong Kong, which she won in 1982, revealed her talent and her singular formal vocabulary. The Vitra Fire Station in Weil am Rhein then propelled her onto the international scene and she began a dizzying rise, punctuated by emblematic buildings that already mark the 21st century, including: the National Museum of 21st Century Arts MAXXI in Rome, the Olympic swimming pool in London, and the Heydar Aliyev Cultural Centre in Baku. Her studio, Zaha Hadid Architects, has realised 950 projects in 44 countries!

Zaha Hadid on the web:
<http://www.zaha-hadid.com>

Herzog & De Meuron win the 2015 Jencks Award

The Jencks Award is offered by the famous British theorist and writer Charles Jenks and recognizes an individual or practice that has recently made a major contribution internationally to both the theory and practice of architecture. This year it was awarded to Pierre Herzog and Jacques de Meuron.

Celebrating the jury's choice, Charles Jenks commented and praised the Swiss team's practice and realisations: "Herzog & de Meuron have the widest approach

to architecture, varying their style for each job. In this sense they epitomise the global search for an architecture of pluralism, one flexible enough for very different cultures. ... The high quality of the work is as notable as the wit; the amount of production as much as its personality."

<http://www.architecture.com>

Dominique Perrault winner of the 2015 Praemium Imperiale

French architect Dominique Perrault has been awarded the Praemium Imperiale in his discipline. These prizes are discerned by the Japanese Imperial family since 1989 and each year recognize artists for

their entire artistic career in the fields of painting, sculpture, architecture, music and theatre. After winning the competition for the French National Library at 35 years of age, Dominique Perrault rapidly conquered the international scene, installing his iconic buildings in the world's major capitals. He is the author of realisations such as the Ewha Women's University in Seoul, South Korea, the Olympic velodrome and swimming pool in Berlin, and the Court of Justice of European Communities in Luxembourg. David Chipperfield won this prize in 2013; Steven Holl in 2014.

<http://www.praemiumimperiale.org>

единственной женщиной, получившей Притцкеровскую премию.

Окончив Архитектурную школу Архитектурной ассоциации в Лондоне, Заха Хадид работала в Office for Metropolitan Architecture (OMA), где ее наставниками были Рем Колхас и Элиа Зенгелис. В 1979 году она основала свою собственную студию. Международный конкурс на проект отеля на вершине горы в Гонконге, который она выиграла в 1982 году, помог раскрыть ее талант и индивидуальность. Широкому международному признанию способствовал ее проект пожарной станции Vitra в Вайле-на-Рейне, после которого она начала стремительное восхождение к славе, отмеченное знаковыми зданиями, уже ставшими архитектурными символами XXI века, такими как Национальный музей искусства XXI века MAXXI в Риме, Олимпийский плавательный бассейн в Лондоне и Культурный центр Гейдара Алиева в Баку. Студия Zaha Hadid Architects создала 950 проектов для 44 стран.

Информация о Захе Хадид:
<http://www.zaha-hadid.com>

Херцог и де Мерон – лауреаты Премии Джэнкса – 2015

Премия Джэнкса была учреждена известным британским теоретиком и писателем Чарльзом Джэнксом. Награда вручается за современный вклад как в теорию, так и в практику архитектуры в международном масштабе. В этом году ее получили Пьер Херцог и Жак де Мерон.

Одобрив решение жюри, Чарльз Джэнкс высоко оценил труд швей-

Херцог и де Мерон / Herzog & De Meuron

царской команды: «Херцог и де Мерон применяют широкий подход к архитектуре, варьируя свой стиль в зависимости от работы. Таким образом, они воплощают глобальный поиск архитектурного плюрализма, достаточно гибкого, чтобы удовлетворять потребностям самых разных культур... Талантливые мастера создают проекты высокого качества в объеме, соответствующем масштабу их личностей».

Дополнительная информация:
<http://www.architecture.com>

Доминик Перро – обладатель Императорской премии – 2015

Французский архитектор Доминик Перро получил Императорскую премию в области архитектуры. Премию назначает японская императорская семья с 1989 года, ежегодно награждая деятелей в области изобразительного искусства, скульптуры, архитектуры, музыки и театра. Одержав победу в конкурсе на проект Французской национальной библиотеки в возрасте 35

Доминик Перро / Dominique Perrault

лет, Доминик Перро начал быстро завоевывать мировое признание, создавая выдающиеся объекты для крупнейших столиц мира. Он автор таких построек, как здание Женского университета Ихва в Сеуле, Олимпийский велодром и бассейн в Берлине, а также здание Суда европейских сообществ в Люксембурге. Императорскую премию в 2013 году получил Дэвид Чипперфилд, а в 2014 году – Стивен Холл.

Дополнительная информация:
<http://www.praemiumimperiale.org>

v Женский университет Ихва в Сеуле. Проект Доминика Перро / Ewha Women's University in Seoul by Dominique Perrault

Region II International Architecture Awards Baku 2015

The Ministry of Culture and Tourism of the Republic of Azerbaijan and the Union of Architects of Azerbaijan (UAA) organised the second edition of the Baku International Architecture Awards. These awards are organised every two years, with the aim of spotlighting architectural diversity, encouraging new and exemplary ideas, realizations, and planning projects throughout the world. This award has received the International Union of Architect's support.

Awards are discerned according to several categories of realisations: public

buildings, residential buildings, and interior designs, and various project categories including: non-realised projects, landscape architecture, and rehabilitation and reconstruction, as well as to architectural publications.

The international jury met on 1 to 3 October 2015 and was composed of: Thomas Vonier, UIA Secretary General (USA); Elbay Gazimzada, UAA President (Azerbaijan); Vassilis Sgoutas, UIA Past President (Greece); Hayder Ali, UIA Vice-President (Sudan); and Michel Barmaki, former UIA Secretary General (Lebanon).

**See all the winning projects on the
UIA website:**

<http://www.uia.archi/en/s-informer/concours/9354#.VjaYHaRSRgg>

**Using source material from the
websites:
www.uia.archi
www.archi.ru**

публикации на тему архитектуры.

С 1 по 3 октября 2015 года проходило заседание международного жюри, в состав которого вошли: генеральный секретарь МСА Томас Вонье (США), президент САА Эльбай Гасымзаде (Азербайджан), экс-президент МСА Василис Сгутас (Греция), вице-президент МСА Хайдер Али (Судан) и бывший генеральный секретарь МСА Мишель Бармаки (Ливан).

**Все проекты-победители представлены на сайте МСА:
<http://www.uia.archi/en/s-informer/concours/9354#.VjaYHaRSRgg>**

**По материалам сайтов:
www.uia.archi
www.archi.ru**

в Первое место в номинации «Реализованные проекты общественных зданий» Бакинского международного архитектурного конкурса. Центр Дружбы в районе Гайбандха по проекту Кашефа Махбуба Чаудхури (Бангладеш). Фото: © Eric Chenal / Category A Public buildings – 1st Prize: Kashef Mahboob Chowdhury (Bangladesh), the Friendship Centre, Gaibandha, Bangladesh. Photo: © Eric Chenal

Регион II Бакинский международный архитектурный конкурс – 2015

Министерство культуры и туризма Республики Азербайджан и Союз архитекторов Азербайджана (САА) организовали Второй Бакинский международный архитектурный конкурс. Конкурс проводится каждые два года при поддержке Международного союза архитекторов, чтобы поощрить архитектурное разнообразие, новые интересные идеи, постройки и проекты по всему миру.

В номинации «Постройки» награда присуждается за общественные здания, жилые здания и дизайн интерьера. Номинация «Проекты» включает в себя такие категории, как нереализованные проекты, ландшафтная архитектура, восстановление и реконструкция, а также

XXIII Международный фестиваль «Зодчество» / The XXIII International Festival Zodchestvo

Освещаются итоги XXIII Международного фестиваля «Зодчество». Представленная экспозиция в соответствии с темой фестиваля «Новые индустрии. Позитивные практики развития городов» ответила на насущные вопросы: как одновременно оживить российские моногорода, создать комфортные пространства, соединить идеи архитекторов с административными требованиями.

Ключевые слова: «Зодчество-2015», проекты обновления городов, новые индустрии, арт-пространство, модернизация территорий. /

∞

The results of the XXIII International Festival Zodchestvo are presented. The exposition on the theme of the Festival "New industries. Positive practice of urban development" proposed solutions to such urgent problems as revitalization of Russian monocities, creation of comfortable spaces and integration of architects' ideas and administrative requirements.

Keywords: Zodchestvo-2015; city renovation projects; new industries; art space; modernization of territories.

С 1 по 3 октября в Центральном доме художника прошел XXIII Международный фестиваль «Зодчество». В торжественной церемонии открытия приняли участие министр культуры РФ Владимир Мединский,

заместитель мэра Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства Марат Хуснуллин, глава Департамента культуры Александр Кибовский, президент Союза архитекторов Андрей Боков,

главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов, президент Национально-общественной лиги проектировщиков Михаил Посохин.

Тема фестиваля в этом году – «Новые индустрии. Позитивные

практики развития городов». Девиз «Зодчества-2015» – «Архитектура как инструмент развития городов» – придумали кураторы фестиваля архитекторы Андрей и Никита Асадовы. По словам Андрея Асадова, представленная экспозиция ответила на насущные вопросы: как одновременно оживить российские моногорода, создать комфортные пространства, соединить идеи архитекторов с административными требованиями. Города XXI века, по мнению экспертов, во-первых, должны развиваться, подобно живым организмам – то есть постоянно менять свои составляющие, а во-вторых, сохранять уникальное историческое достояние. Соблюдение этих условий создаст привлекательное для социума пространство. Фестиваль «Зодчество», таким образом, стал площадкой, позволяющей профессионалам предложить проекты обновления городов.

Всего фестиваль продемонстрировал более 300 проектов, 50 из которых претендовали на российскую национальную премию «Хрустальный Дедал» и 32 – на премию Владимира Татлина. Главная экспозиция фестиваля – «Кейсы в кейсах» – коллекция проектов, демонстрирующая, как архитектура «спасает» даже самую безнадёжную территорию, например заброшенную промышленную зону. Этаж ЦДХ превратился в иллюстрацию утопического пространства: огромные плакаты с изображением зданий будущего прикрепили к потолку. Впрочем, организаторы показали и уже реализованные проекты

Почетный президент СА России Юрий Гнедовский, руководитель Департамента культуры города Москвы Александр Кибовский, президент РААСН Александр Кузьмин

Заместитель мэра Москвы в правительстве Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства Марат Хуснуллин, президент СА России Андрей Боков и президент Московского отделения Международной академии архитектуры Юрий Платонов на экспозиции Хабаровского края

(например, столичный Винзавод). Справа расположился «фермерский уголок» с живыми гусями и пахучим сеном. На одной из стен – карта реновации трехгорной мануфактуры завода «Россия». А на плакатах – арт-пространство ЭМА в Москве (когда-то непривлекательный завод электромедицинской аппаратуры), столичные «Садовые кварталы», «Промышленные дома»...

Один из самых запоминающихся спецпроектов фестиваля – «Анатомия города». Ее куратор архитектор Илья Заливухин представил мегаполис как живой организм, в котором есть все – от костей до души. По замыслу авторов, существует некий базис, он же транспортный каркас, он же скелет города, на который нанизывается остальная инфраструктура. В рамках презентации проекта Илья Заливухин рассказал о том, что фундамент для формирования комфортного столичного пространства – развитие транспортной инфраструктуры. Грамотный архитектурный подход позволит создать децентрализованную систему транспорта. В нее входит модернизация территорий около железнодорожных путей, появление наземного экспресса, который курсировал бы по Московской области, строительство дополнительных станций метро, внедрение скоростных электричек. Сеть улиц внутри района должны соединять кластеры, по которым можно было бы перемещаться.

2 октября состоялась конференция «Развитие территорий с помощью креативных индустрий»,

которая раскрыла тему фестиваля и показала новые индустрии как источник развития городов, а архитектуру – как инструмент внедрения креативных индустрий в ткань города. В рамках конференции были рассмотрены успешные кейсы российских и зарубежных городов, воплотивших на практике стратегию креативного развития.

Для посетителей выступали с лекциями и мастер-классами архитектор Филипп Мойзер, голландский архитектор Михил Ридайк, главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов, архитектор и градостроитель Илья Заливухин, Никита Токарев, Святослав Мурунов, Лев Гордон, Софья Троценко, Николай Матушевский и другие.

Завершающий день фестиваля подарил посетителям возможность живого диалога с экспертами в области архитектуры. Мероприятие «100 вопросов к архитектору» собрало учащихся архитектурных вузов и колледжей, молодых специалистов и тех, кто заинтересован в архитектуре и градостроительстве. На вопросы отвечали президент Союза архитекторов России Андрей Боков, главный архитектор Московской области Михаил Хайкин, куратор фестиваля «Зодчество» Андрей Асадов, голландский архитектор Михил Ридайк. По окончании мероприятия авторы самых интересных вопросов получили специальные подарки – наборы LEGO® Architecture.

Главное событие завершающего дня – награждение победителей фестиваля. В общей сложности ор-

ганизаторами было отмечено около 60 проектов и более 10 архитектурных бюро в различных номинациях.

Главный приз фестиваля «Зодчество» – Российская национальная премия в области архитектуры «Хрустальный Дедал» – в этом году вручен Евгению Ассу. Евгений Викторович – автор концепции и руководитель авторского коллектива, работавшего над реставрацией и приспособлением здания Арсенала в Нижегородском кремле под Волго-Вятский филиал ГЦСИ. Это первый в России масштабный объект федерального значения, на котором научная реставрация проведена одновременно с приспособлением здания под современные функции.

Среди реализованных проектов золотыми знаками были отмечены восстановленная Триумфальная арка Победы в Красном Селе (архитектор В. Попов), Московский театральный центр «Вишневы сад» от «Театрпроекта» и мастерская Виктора Логвинова за комплекс жилых домов в Химках.

Гран-при Премии Владимира Татлина за лучший архитектурный проект вручили Творческой мастерской архитектора Быкова за концепцию гостиничного комплекса в Нижнем Новгороде. Еще одной гостиницей, удостоившейся золотого знака, стал комплекс Butterfly от московского бюро «Богачкин и Богачкин». Третий золотой знак достался архитекторам Архстройпроекта за многофункциональный комплекс в Екатеринбурге.

На «Зодчестве-2015» посетители смогли погрузиться в процесс создания городского пространства, проанализировать территориальный контекст, разработать концепцию и стратегию развития территории, подобрать команду, требуемую для реализации проекта и многое другое.

**Инецца Бразжникова /
Inessa Brazhnikova
Фото Елизавета Санникова
Photo Elizaveta Sannikova**

Здание Арсенала в Нижегородском кремле, объект культурного наследия федерального значения. Реставрация и приспособление под Волго-Вятский филиал ФГБУК «Государственный центр современного искусства» (2004–2014)

заказчик

ФГБУК «Государственный центр современного искусства» (ГЦСИ), генеральный директор М. Миндлин, директор Волго-Вятского филиала ГЦСИ А. Гор

генподрядная строительная организация

ЗАО «СМУ-77», генеральный директор В. Молоканов

проект приспособления для современного использования

ООО «Архитекторы Асс», руководитель мастерской Е. Асс

главный архитектор проекта

Г. Айказян

автор проекта и научный руководитель реставрации

А. Епифанов

Рассмотрены особенности реализованного проекта реставрации здания Арсенала в Нижегородском кремле – объекта культурного наследия федерального значения. Показано, что в основе концепции реставрации лежали принципы научности и подлинности, максимального сохранения параметров и исторического облика Арсенала, его эстетической и исторической ценности. Показана обоснованность реставрационного вмешательства и всех планировочных решений, которые позволили сохранить и раскрыть историко-культурную ценность объекта, улучшить его эксплуатационные качества, создать условия для современного использования здания и обеспечить публичную доступность объекта культурного наследия.

Ключевые слова: Нижегородский кремль, Арсенал, объект культурного наследия, реставрация, планировочные решения, историко-культурная ценность. /

The article observes the peculiarities of the realized restoration of the Nizhegorodsky Kremlin Armory, a cultural heritage site of federal significance. The restoration concept was based on the principles of scientificity and authenticity. Its purpose was to retain the parameters and historical look of the Armory, as well as its aesthetic and historical value as much as possible, causing the least interference in the historical material of the site. The article demonstrates the appropriateness of restoration and all design decisions, which made it possible to reveal the historical and cultural value of the site, to improve its maintenance, to provide conditions for modern use of the building, and to make the cultural heritage site available to the public.

Keywords: Nizhegorodsky Kremlin; Armory; cultural heritage site; restoration; design decisions; historical and cultural value.

Архитектура и проектирование

В основе реставрации здания Арсенала в Нижегородском кремле лежали принципы научности и подлинности (аутентичности), принципы максимального сохранения параметров и исторического облика Арсенала в соответствии с концепцией реставрации: сохранение и выявление эстетической и исторической ценности памятника, неприкосновенность первоначального архитектурного замысла, минимальное вмешательство в исторический материал объекта, обоснованность реставрационного вмешательства, визуальное выделение всех вновь добавленных современных элементов. Соответственно, проектом предусматривалось сохранение и реставрация фасада, сохранение в конструктивной схеме здания исторических строительных систем перекрытия

кровли, а также планировочной структуры и лестниц.

На детали планировочного решения существенно повлияли особенности архитектуры здания, в частности арочная структура кремлевской стены и всех поперечных стен. Для того чтобы избежать случайного примыкания перегородок к аркам применен единый принцип независимости новых и старых конструкций. По возможности новые служебные помещения, располагающиеся в центральном пространстве, выделялись в отдельно стоящие объекты, не касающиеся ни стен, ни потолков. Решения интерьеров подчинены, с одной стороны, принципам максимального сохранения аутентичности памятника, с другой – задаче создания современного культурного и художественного центра.

В концепции интерьеров основное внимание уделено существующим материалам и отделке.

Принципиально важным для данного проекта интерьеров является решение сохранения стен экспозиционных залов и общественных помещений по всей ее протяженности и поперечных (арочных) стен в кирпичной кладке без штукатурки. Такое решение позволило объединить всё пространство единой темой и в то же время превратило эти стены в исторический экспозиционный объект.

Реставрация

Здание Арсенала в Нижегородском кремле – одно из самых значительных в Нижнем Новгороде сооружений в стиле позднего классицизма – объект культурного наследия федерального значения. Распоряжение о строительстве Арсенала к востоку от кафедрального собора вдоль кремлевской стены дал лично император Николай I во время своего пребывания в Нижнем Новгороде в августе 1836 года. Проект Арсенала, составленный в Комис-

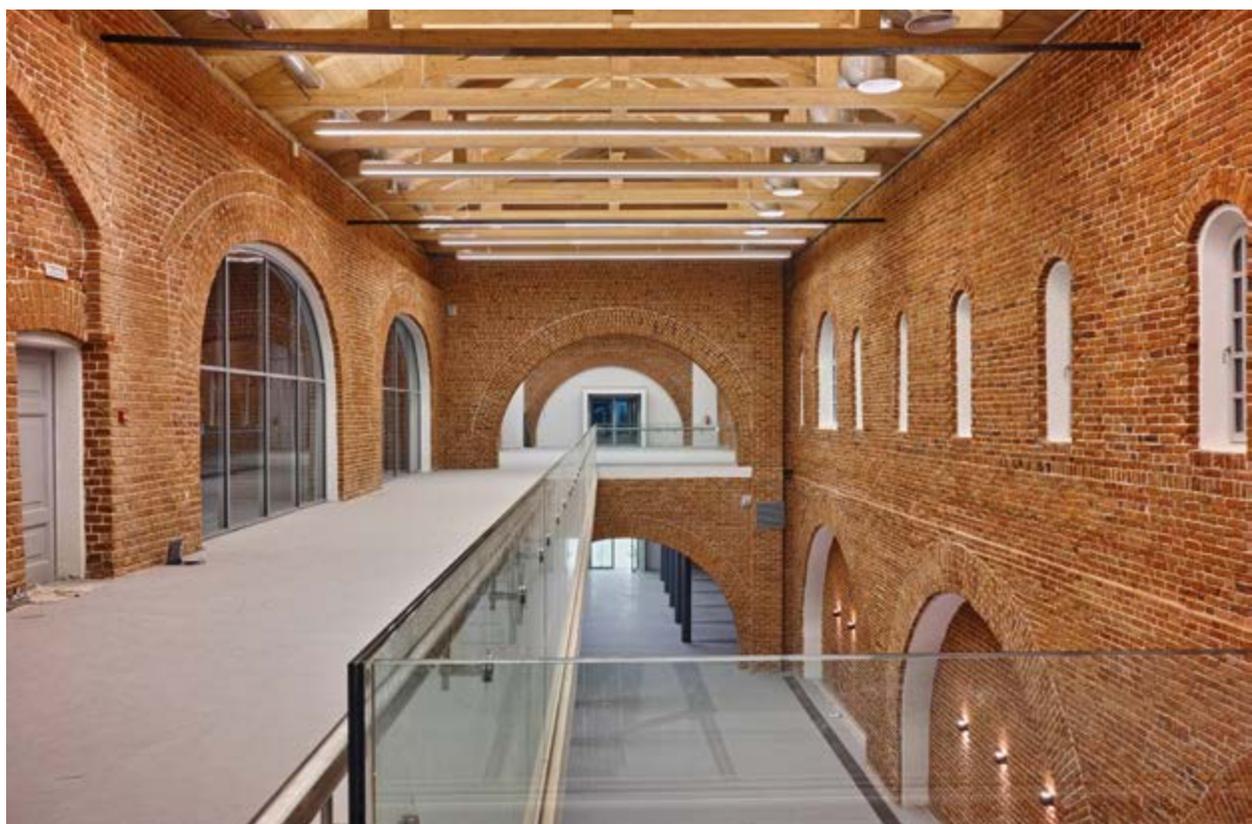
The Nizhegorodsky Kremlin Armory, a Cultural Heritage Site of Federal Significance. Restoration and Adjustment for the Volgo-Vyatsky Branch of the State Center of Modern Art (2004-2014)

сии проектов и смет Департамента путей сообщения и публичных зданий, был высочайше утвержден 2 мая 1837 года. За основу архитектуры здания взяты образцы казарм и складов, которые в эпоху классицизма отличались монументальным характером. Особенностью объемно-планировочного решения Арсенала является использование конструкций кремлевской стены.

Автор проекта не установлен, однако очевиден факт личного участия Николая I в определении его архитектурного решения. Здание Арсенала вплотную примыкает к крепостной стене Нижегородского кремля. Николай I приказал, чтобы часть кремлевской стены, «к коей предназначено пристроить здание Арсенала», исправить «непреречно в том же виде, как она первоначально была устроена». Строительство Арсенала велось в 1841–1843 годах под руководством председателя строительного комитета обустройства Нижнего Новгорода П. Д. Готмана и под надзором инженера П. М. Яфимовича.

Реставрация здания Арсенала проводилась в строгом соответствии с принципами и нормами, заложенными в международных конвенциях (в частности, в «Венецианской хартии» по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест) и в современном российском законодательстве об объектах культурного наследия.

Реставрационным работам предшествовали археологические и исторические исследования,

архитектурное изучение памятника, инженерно-техническая экспертиза состояния первоначальных элементов, материалов и конструкций здания. Противоаварийные работы по усилению оснований и фундаментов Арсенала путем устройства буроинъекционных свай позволили не только укрепить и усилить конструкции здания, но и восстановить эксплуатируемый подвальный этаж.

Реставрационные работы в полном объеме проведены на фасадах памятника, обращенных внутрь территории кремля. Они сохранены в первоначальном виде, без изменений архитектурного облика, с реставрацией декора и белокаменного цоколя. Расчищена и отреставрирована кирпичная кладка кремлевской стены с арочной аркадой, раскрывающаяся внутрь Арсенала, стены

и своды интерьеров. Исторические каменные конструкции открыты для обозрения и включены в экспозиционное пространство залов.

Заполнения оконных и дверных проемов выполнены на основании обмеров с сохранением исторической расстекловки. Оконные проемы второго этажа по кремлевской стене раскрыты, кованые решетки на них восстановлены. Кованые

ограждения подлинных лестниц в ризалитах, а также чугунные плиты на лестничных площадках и ступенях лестниц отреставрированы, а утраченные – воссозданы по аналогам.

В процессе реставрации здания воссоздана уникальная деревянная стропильная система памятника, раскрывающаяся в интерьеры создаваемого выставочно-экспозиционного пространства. Историческая стоечно-балочная деревянная система перекрытий внутри Арсенала была демонтирована из-за физического износа и несоответствия современным техническим требованиям. Ее заменил внутренний монолитный железобетонный каркас, в целом повторяющий пропорции и структуру исторической конструктивной системы перекрытий.

Современные элементы приспособления не затрагивают исторических частей Арсенала, гармонично вписываются в целостный облик здания и вместе с тем отличаются от подлинных фрагментов, что полностью исключает искажение исторической документальности и художественного образа памятника.

Технологии капитального ремонта, реставрации и приспособления здания Арсенала в Нижегородском кремле:

1. Археологические полевые работы в границах проведения строительных работ в течение пяти летних сезонов (площадь раскопок 2 100 кв. м).

2. Воссоздание стропильной

системы и конструкций деревянных ферм по историческим образцам (944 пог. м).

3. Монтаж кровельных конструкций и покрытий по историческим габаритам, воссоздание системы организованного водостока (4000 кв. м).

4. Предварительная очистка стен от загрязнений аэрогидродинамическим методом с использованием АГД-технологии, патент № 2313407 (7000 кв. м).

5. Восстановление декоративно-художественной отделки фасадов при помощи сложных растворов на основе извести и кремнийорганической фасадной краски. Цветовое решение фасадов повторяет существующее в ансамбле зданий кремля середины XIX века: желтый, с тонировкой деталей и карнизов белым цветом (6 500 кв. м).

6. Усиление кирпичных стен методом инъектирования сухой трассово-цементно-известковой смеси ASOCRET-ВМ (4,5 тыс. скважин).

7. Устройство буроинъекционных свай длиной до 12 м под внутренний монолитный железобетонный каркас (512 свай).

8. Укрепление фундаментов кремлевской стены и исторических стен здания Арсенала наклонными буроинъекционными сваями длиной до 12 пог. м (638 свай).

9. Устройство монолитных железобетонных конструкций (4500 куб. м).

10. Восстановление кирпичной кладки по комплексной технологии с применением материалов фирмы

«Реммерс» (вычинка кирпичей – более 1 млн штук).

11. Докомпоновка утрат кирпичной кладки и швов (более 4 тыс. кв. м).

12. Устройство напольного покрытия из двухкомпонентного наливного полимерного пола с особо прочным износостойким покрытием, устойчивым к агрессивным химикатам и механическим нагрузкам (3 100 кв. м).

13. Прокладка кабельных коммуникаций, как открыто в жестких ПВХ-трубах и кабель-каналах, так и скрыто, в металлическом лотке и трубах в бетонной заливке полов, а также в штробах (совокупная длина кабельных коммуникаций 80 тыс. пог. м).

14. Устройство приточно-вытяжных систем вентиляции, использующих теплоту удаляемого воздуха на нагрев приточного наружного воздуха (7 систем).

15. Реставрация исторических напольных чугунных плит (54 шт.).

16. Устройство напольного покрытия из чугунных плит, отлитых по историческим образцам (1200 плит).

17. Монтаж покрытий лестничных площадок и облицовки ступеней лестниц из отреставрированных чугунных плит (56 шт.).

18. Раскрытие окон второго этажа на кремлевской стене и реставрация исторических кованых решеток (51 шт.).

19. Устройство заполнения оконных и дверных проемов из лиственницы, восстановленных по историческим образцам (45 шт.).

20. Монтаж трехтрубной системы отопления. Отопительные приборы на 1-м и 2-м этажах в анфиладах – внутриспольные конвекторы (общая длина отопительной системы 1600 пог. м).

21. Благоустройство территории двора Арсенала: мощение брусчатки трех типоразмеров с водоотводящими лотками (3 200 кв. м).

22. Укладка трамвайных путей вдоль фасада здания (150 пог. м).

23. Изготовление и монтаж скамьи / ограждения территории здания Арсенала (120 пог. м)

24. Монтаж световых опор (15 шт.).

25. Монтаж точечных светильников на фасаде здания (57 шт.).

26. Монтаж уличных светильников на опорах (42 шт.).

В ходе капитального ремонта и приспособления Арсенала для современного использования историческая система перекрытий здания была демонтирована и полностью перестроена в соответствии с задачами современных выставочных пространств. Благодаря комплексу мер по усилению фундаментов и оснований стало возможным устройство полноценного подвального этажа для размещения служб инженерного обеспечения здания, в котором проходит горизонтальная часть магистралей инженерных коммуникаций.

Над подвальным этажом выполнена трехуровневая конструкция внутреннего монолитного каркаса здания («этажерка»), в габаритах и геометрии аналогичных первоначальной деревянной стоеч-

но-балочной системе, сохранение которой было невозможно из-за полного физического износа и жестких нормативных требований по несущей способности перекрытий, необходимых для зданий с публичной функцией. Данный каркас не привязан к наружным стенам и опирается на 512 железобетонных свай (каждая длиной 12 м), связанных поясом роствержков.

Приспособление для современного использования

К началу XXI века здание Арсенала дошло в аварийном состоянии. В 2004–2014 годах на здании Арсенала были проведены колоссальные работы, связанные с проведением противоаварийных работ, тщательной реставрацией подлинной ткани памятника и созданием в нем современного выставочно-культурного центра, оборудованного новейшей инженерно-технической инфраструктурой.

В данной работе нашли оптимальное равновесие два равнозначных вектора культурного процесса – бережное сохранение культурного наследия и развитие современных тенденций культуры.

Создание в Арсенале выставочно-культурного центра современного искусства ставит его в ряд знаменитых мировых аналогов. Венецианская биеннале проходит в арсенале – бывшем средневековом комплексе верфей, переоборудованном во время Второй мировой войны в военную базу. В складах венецианской таможни ныне размещается Центр современного искусства. Музей Орсе – крупней-

ший музей Парижа – находится в здании бывшего вокзала. Галерея «Тэйт-моден» в Лондоне переделана из электростанции. В Женеве музей современного искусства МАМСО располагается в бывшей машиностроительной фабрике. Повсеместно в мире арсеналы, верфи, бункеры, складские и промышленные здания превращаются в музеи современного искусства и выставочные комплексы.

Проведенные реставрация и приспособление Арсенала в Нижнем Новгороде блестяще решили проблему современной адаптации специфической пространственной структуры исторического здания с незначительным вмешательством в архитектуру памятника. Максимально раскрыты очевидные достоинства Арсенала: его протяженные анфилады образуют идеальное пространство для презентации материальных и виртуальных произведений, видео- и акустических инсталляций, архитектурных макетов и технических объектов.

Здесь смоделирована оптимальная среда, направленная в современность, на развитие людей и территории. При этом организация выставочного пространства в здании, изначально созданном как закрытый объект – строго охраняемый оружейный склад, парадоксальным образом смогла выявить поразительную архитектурную гармонию интерьеров и типологические особенности Арсенала.

Данным успешно реализованным проектом также решена сложнейшая проблема формирования

обширной инфраструктуры обслуживания выставочных и общественных функций на значительных площадях исторического объекта. В здании переструктурированы внутренние связи, усложнен композиционный сценарий интерьеров, вновь созданы современные системы электроосвещения, водоснабжения и водоотведения, отопления, вентиляции и кондиционирования, дымоудаления, пожаротушения и др.

Архитектурная концепция Арсенала отвечает как требованиям реставрации памятника, так и потребностям его модернизации. В процессе реставрации восстановлен первоначальный облик здания и сохранена его объемно-пространственная композиция. В то же время в результате проведенных работ по приспособлению здания почти вдвое увеличилась его площадь (с 4 тыс. кв. м до 7 тыс. кв. м) за счет устройства подвального этажа с одновременным усилением оснований и фундаментов здания, а также организации над боковыми ризалитами здания эксплуатируемого мансардного этажа, не изменившего силуэт здания.

Выставочно-экспозиционная зона разворачивается на исторических площадях Арсенала. Анфилады складских залов первого и второго этажей преобразованы в выставочные залы, тем самым остроумно демонстрируется близость функций складирования и экспонирования. Для преодоления монотонности чередования однотипных залов в нескольких местах

отсутствуют междуэтажные перекрытия, чем создаются двухсветные вертикальные композиции. Визуально пересекая перспективы анфилад первого и второго этажей, они создают экспрессивный образ пульсирующего пространства. Мансарда и подземный этаж обеспечивают связь всех частей здания по горизонтали.

В соответствии с планировочными решениями по приспособлению Арсенала для Волго-Вятского филиала ФГУК «Государственный центр современного искусства» в здании размещаются: в подвальном этаже – технические и служебные помещения, склады, гардероб, кафе, репетиционный класс, студия звукозаписи; на первом этаже – экспозиционные залы, аудитории, медиатека, лаборатория визуальных коммуникаций, служебные кабинеты и помещения; на втором – экспозиционные залы, конференц-зал, детская изостудия, служебные кабинеты и помещения; в мансардном этаже – студии художников, кабинеты, технические и служебные помещения. Здание оснащается тремя грузо-пассажирскими лифтами.

Данные планировочные решения сохраняют и раскрывают историко-культурную ценность объекта, улучшают его эксплуатационные качества, создают условия для современного использования здания и обеспечивают публичную доступность объекта культурного наследия.

**Анна Гор, Григор Айказян /
Anna Gor, Grigor Aikazyan**

Выставка архитектурной школы МАРШ на фестивале «Зодчество-2015» посвящена роли исследования в архитектурном образовании. На примере магистратуры МАРШ исследование, критика и дискуссии показаны как эффективный инструмент обучения и проектирования. В рамках выставки прошли открытые лекции, семинары и обсуждения, в которых приняли участие как студенты, так и посетители выставки.

Ключевые слова: архитектурное образование, архитектурная школа МАРШ, исследование, магистратура. /

The exhibition of the Architectural School MARCH at the Festival 'Zodchestvo 2015' was devoted to the role of research in architectural education. Taking as an example the MARCH Master's programme, the article features research, criticism and discussions as an effective tool of education and design. The exhibition included open lectures, workshops and discussions, where both students and visitors participated.

Keywords: architectural education; Architectural School MARCH; research; Master's programme.

МАРШ для всех / MARCH for Everybody

сказать, что профессиональное сообщество архитекторов в России к проблемам образования обращается крайне редко: ситуация в архитектурной школе ни разу не была темой конференций Московского союза архитекторов, не обращался к ней ни ведущие журналы, такие как «Проект Россия» или «ТАТЛИН», за исключением монономеров, посвященных отдельным педагогам. Также нет у нас выставок, связанных с архитектурным образованием, кроме весьма камерного смотра дипломных проектов, привлекающего в основном работников вузов.

Справедливости ради нужно отметить, что необходимость непрерывного образования в связи с активно обсуждаемой темой аттестации архитекторов становится предметом дискуссии в профессиональной среде. Впрочем, и это обсуждение остается преимущественно в организационно-бюрократическом русле: кто будет аттестовать (Союз, Палата, Минстрой или СРО), когда и почему, не затрагивая сути: чему и как учить архитектора в XXI веке в России с учетом сложившихся образовательных традиций, особенностей нашей профессиональной практики и уклада.

Инициатива оргкомитета «Зодчества» и Оскара Мамлеева ценна еще и тем, что от жанра отчета (покажем лучшие проекты и дадим за них призы) переходит к постановке проблемы. Исследование, ставшее темой выставки, – это прежде всего процесс, а потом уже результат, это

формулировка вопроса, а не ответ на него.

Таким образом, тема выставки подводит нас к методике обучения, к тому, как студент может выработать и обосновать свои решения через анализ контекста и проблемы, через исследование аналогов и практических кейсов. Это особенно важно для магистратуры, ориентированной, по моему убеждению, не только на науку, историю или педагогику как сейчас, но и на подготовку практиков, будущих руководителей проектов. Для большинства наших коллег за рубежом магистратура – необходимая ступень на пути к самостоятельной практике.

В школе МАРШ исследование – важный компонент обучения как в магистратуре, так и в бакалавриате, ему отводится столько же времени, сколько и проектированию. По приглашению куратора работы МАРШ, дополненные проектами из Казани, Москвы, Вологды и Самары, составили основу экспозиции.

Прежде всего мы решили сделать акцент на событиях и переместили на три дня в ЦДХ занятия школы, тем более что сроки фестиваля точно совпали с началом учебного года. За время этого трехдневного марафона, который мы назвали «МАРШ для всех», прошли первые занятия бакалавриата и магистратуры, вручение дипломов выпускникам 2015 года, в общей сложности 12 лекций, семинаров и дискуссий. Среди выступавших были Питер Мак-Кеффри, проректор Лондонского университета Метрополитен, академического партнера МАРШ,

В этом году фестиваль «Зодчество» сильно изменился по формату и по содержанию экспозиции. Переезд из Манежа и Гостиного двора в Центральный дом художника (ЦДХ) сменил пафос и масштаб на более живое и неформальное общение. Перенос акцента с достижений архитектурной отрасли на кураторские проекты дал явный приток публики, уравнивая «Зодчество» и проходящую в ЦДХ в мае «АрхМоскву». Одним словом, перемещение с Красной площади в Парк культуры пошло фестивалю на пользу, дав не только новую географию, но и новые смыслы.

Несомненной удачей фестиваля стал проект «Исследование», куратором которого выступил Оскар Мамлеев. Этот раздел «Зодчества» был посвящен образованию. Надо

Никита Токарев – член правления СМА,
директор Архитектурной школы МАРШ /
Nikita Tokarev – member of the UMA
Board, director of the Architectural
School MARCH

Вернер Зобек, директор Штутгартского института легких конструкций (ILEK), преподаватели МАРШ Юлия Панкратьева (руководитель мастерской НИИИПИ Генплана Москвы), Наринэ Тютчева (архитектурное бюро «Рождественка»), Рубен Аракелян (WALL), Сергей Ситар, Александр Острогорский. Каждый посетитель выставки мог присоединиться к обсуждению, послушать лекцию, стать на несколько часов студентом МАРШ.

Экспозиция состояла из нескольких разделов, по-разному отражающих место исследования в программе МАРШ. О работе над курсовыми проектами рассказывали стенды проектных студий, каждая из которых выстроена вокруг поставленной руководителем проблемы. Половина семестра посвящена исследовательской работе, в результате которой студент сам себе формулирует задание на проектирование.

В дипломном проекте исследовательская часть выливается в репорт (обоснование проекта, анализ градостроительного, культурного, экономического контекста, описание архитектурных и технических решений) и дневник проектирования, где еженедельно фиксируются результаты встреч, обсуждений, эскизы и идеи, появляющиеся в ходе разработки проекта.

Остальные учебные модули – «Градостроительство», «Цифровая культура», «Конструкции, материалы и технологии». Модуль «Профессиональная практика и коммуникации» также ориентирован на

исследовательский подход в работе с текстами, цифровыми средствами проектирования, проблемами повседневной практики архитектора.

Методика МАРШ основана прежде всего на критике и обсуждении как основном инструменте обучения. Важную роль в поддержании уровня обсуждаемых проблем играют приглашенные лекторы, российские и зарубежные архитекторы, инженеры, художники и ученые. В год проходит до 40 открытых лекций, на них приглашаются все желающие. Равноправная и заинтересованная дискуссия, сотрудничество студентов и преподавателей, доступность ресурсов школы создают образовательную среду обитания студента, важный фактор обучения. Отдельный раздел экспозиции был посвящен этой стороне жизни школы. Удачным дополнением нашей выставки МАРШ стал читальный зал, развернутый в ЦДХ «Центром авангарда» на Шаболовке.

Заявленная тема исследования, конечно, не исчерпывается опытом МАРШ. Надеюсь, что выставка только начало плодотворного обмена идеями и лучшими практиками между различными российскими и зарубежными школами, профессиональным сообществом, преподавателями и экспертами. Нашей общей целью является «воспитание чувствительных, думающих и ответственных архитекторов».

**Никита Токарев /
Nikita Tokarev**

^ Работа (одна из трех отмеченных золотым знаком) Лизы Скубик (16 лет) «Пространство приключений», (номинация «Новое», педагог Н. Волков), ДШИ «СТАРТ», Москва

Инга Абаева навсегда с нами / Inga Abaeva is Forever with Us

Освещаются итоги смотра-конкурса детского архитектурно-художественного творчества XXIII Международного фестиваля «Зодчество», основоположником которого была Инга Абаева, руководитель самой прогрессивной московской детской школы искусств «СТАРТ». Созданная ею совместно с коллегами методика становления творческой личности средствами архитектуры и дизайна получила признание не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Ключевые слова: смотр-конкурс, детское архитектурно-художественное творчество, довузовские образовательные учреждения. /

The article presents results of the review competition of children's architectural and artistic creation of the XXIII International Festival "Zodchestvo". The competition was initiated by Inga Abaeva, the head of "Start", one of the most advanced children's art schools in Moscow. Together with her colleagues, she has created the methods of formation of creative personalities by means of architecture and design. These methods are recognized not only in Russia, but also abroad.

Keywords: review competition; children's architectural and artistic creation; pre-university educational institutions

Смотр-конкурс детского архитектурно-художественного творчества XXIII Международного фестиваля «Зодчество-2015» прошел, к глубокому сожалению, без его основоположника Инги Михайловны Абаевой. Созданная ею совместно с друзьями-коллегам и отмеченная в свое время Государственной премией Российской Федерации, методика становления творческой личности средствами архитектуры и дизайна получила признание не только в нашей стране, но и за ее пределами на уровне ООН. Инга Михайловна была, есть и всегда будет с нами.

Еще в конце мая – начале июня 2015 года оргкомитет по подготовке детского смотра-конкурса, с неизменным участием Инги Михайловны, приступил к работе. Одним из обсуждаемых был вопрос обновления состава жюри за счет приглашения профессионалов смежных профессий. В обновленный состав жюри вошли: Александр Мессерер – живописец, график, член Союза художников России, Станислав Садовский – профессор МАРХИ, кандидат архитектуры, Эдуард Томасьян – заслуженный архитектор РФ, член правления СА РФ, Дмитрий

Фесенко – главный редактор журнала «Архитектурный вестник», Андрей Чернихов – профессор МААМ, Михаил Ширвиндт – телеведущий, теле- и кинопродюсер.

На оргкомитете было решено отметить наградами персонально авторов лучших работ, в отличие от предыдущих лет, когда награды присуждались школам, лицам, студиям, классам. Это значительно усложнило работу жюри, но принесло интересные, располагающие к размышлению, как любила Инга Михайловна, результаты.

На смотр-конкурс прислали свои работы 25 школ, студий, классов из 15 городов и одной области европейской части России (Воронеж, Евпатория, Казань, Москва, Пенза, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саров, Ленинградская область) и Зауралья (Иркутск, Красноярск, Магадан, Набережные Челны, Новосибирск, Тобольск, Якутск). Разделение на западную и более удаленную от Москвы восточную часть страны здесь не случайно: это связано с небольшими транспортными затратами, которые не под силу многим школам и студиям. Очень жалко, что по разным причинам не смогли участвовать в смотре-конкурсе многолетние постоянные участники из

Ижевска, Мытищ, Перми, Сыктывкара, Твери, Тольятти, Тюмени, а также железнодорожцы, омичи, хабаровчане и многие другие.

Детские работы были представлены в трех номинациях: «Наследие», «Новое» и «Фантазии». Нужно признаться, что оргкомитет в свое время не до конца доработал выбор номинаций. По представленным на смотр-конкурс работам «Новое» и «Фантазии» оказались по существу очень близкими.

Те члены жюри, которые уже много лет оценивали детские работы, высказали мнение, что общий уровень работ 2015 года как бы стабилизировался по сравнению с лучшими достижениями прежних лет, вспоминали яркие работы по выбранной много лет назад теме смотра-конкурса детских работ «Корабль архитектуры». Тем не менее, несмотря на это и на не очень удачное место экспозиции в Центральном доме художника, раздел детского архитектурно-художественного творчества остался ярким пятном экспозиции «Зодчество-2015».

Золотой знак был присужден трем авторам – Саше Качанову (15 лет), Лизе Скубик (16 лет) и Максиму Тарасову (15 лет) – за

работу «Пространство приключений», представленную в номинации «Новое» (педагог Н. Н. Волков). Этой высокой наградой заслуженно отмечены ученики московской детской школы искусств «СТАРТ» архитектурно-художественного профиля (директор Н. С. Азнавурян) Управления культуры ЦАО г. Москвы (основателем «СТАРТ а» более 30 лет тому назад была Инга Михайловна Абаева).

Серебряным знаком отмечен коллектив 17-летних авторов, представивших в номинации «Фантазии» интересную, располагающую к размышлению работу «Фасад-композиционный концепт» (педагог О. В. Митюкова). Это иркутяне, занимающиеся в центре детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида» Иркутского национального исследовательского технического университета. В прошлом, 2014 году «Пирамида» тоже была награждена серебряным знаком. Похвальная стабильность этого замечательного центра! Когда в 1992 году основатель и нынешний директор «Пирамиды» Н. В. Ремизова начинала свою деятельность, она опиралась на методическую базу, созданную Ингой Михайловной Абаевой.

^ Макет Юлии Старцевой (5 лет) «Архитектурная фантазия "Волшебный город"» (номинация «Фантазии», педагог Л. Числова), детский сад комбинированного вида № 86, Воронеж. Диплом лауреата XXIII Международного фестиваля «Зодчество»

^ Коллективная работа «Счастливый город» (номинация «Фантазии», педагог И. Тыртычная), английский детский сад «Гусенок», подготовительная группа, Москва. Диплом лауреата XXIII Международного фестиваля «Зодчество»

^ Опыт работ над пространственными арт-объектами авторской дизайн-студии Игоря Ключкина при Ленинградском государственном университете им. А. С. Пушкина, Ленинградская область, Колтушская волость, деревня Старое. Диплом участника XXIII Международного фестиваля «Зодчество»

Второго серебряного знака удостоены 18-летние авторы проекта «Архитектура – застывшая музыка» (номинация «Фантазии») Зуфар Аширметов и Екатерина Очеретина (педагог П. А. Спирченко), учащиеся профильного архитектурного класса «Колорит» средней общеобразовательной школы № 12 Тобольска (директор О. М. Коксина). В 1994 году по инициативе главного архитектора города Тобольска Андрея Геннадьевича Спиридонова молодыми специалистами в сфере архитектуры и градостроительства супругами Мариной и Александром Спирченко, была создана система непрерывного образования будущих архитекторов. Началось всё с архитектурных классов «ТОБиК» и «Колорит» (ныне там уже преподают их сын Павел и его жена Марина, а также бывшие выпускники), а в 2008 году образовалась детская художественная школа архитектуры и дизайна «Арт-Перспектива», которые начинали работать по абаевской программе непрерывного допрофессионального (высшие и средние специальные учебные заведения архитектурной направленности) образования «СТАРТ».

Дипломы лауреата Международного фестиваля «Зодчество-2015» были вручены авторам 27 работ:

1. Юлия Старцева (5 лет). Архитектурная фантазия «Волшебный город» (макет) в номинации «Фантазии» (педагог Л. Числова), Воронеж, детский сад комбинированного вида № 86.

2. Коллективная работа 13–16-летних ребят «Экспозиция

«Невозможное»» в номинации «Фантазии» (педагоги Т. Паничева, О. Целярицкая, Н. Фролова, И. Бойко, Д. Ващук), Воронеж, детская студия архитектуры и дизайна «СТУПЕНИ» Воронежского ГАСУ.

3. Коллективная работа детей 12–13 лет «Архитектурные шляпы» (как тут не вспомнить Ингу Михайловну Абаеву!) в номинации «Наследие» (педагоги С. Комова, В. Буторина, И. Кудрявцев, Я.) Гусева), Евпатория, Республика Крым, Лаборатория архитектурной мысли, арт-группа «Курортград».

4. Коллективная работа детей 13 лет «Дом-ракушка. Дом-насекомое» в номинации «Новое» (педагог У. Кручинина), Иркутск, центр детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида» ИРНИТУ.

5. Коллективная работа детей 10–12 лет (Мария Гостева, Катя Елагина, Настя Елагина, Глеб Емильянов, Настя Пахатинская, Ульяна Постникова, Лиза Толстикова) «Арт-скульптура в Иркутске "Певец, танцор, художник"» в номинации «Новое» (педагоги А. Пахатинская, А. Пахатинский), Иркутск, детская студия дизайна «Спектр».

6. Коллективная работа ребят 15 лет «Арт-объект "Башня Солнца"» в номинации «Новое» (педагоги Д. Галиакберова, А. Москалев, С. Новиков), Казань, Республика Татарстан, детская архитектурно-дизайнерская школа «ДАШКА» (Казанский государственный архитектурно-строительный университет).

7. Альбина Мухаметова (16 лет). Работа «Пешеходный мост "Живая волна"» в номинации «Новое» (пе-

дагоги М. Забрускова, И. Сайфуллин), Казань, Республика Татарстан, детская архитектурно-дизайнерская школа «ДАШКА» (Казанский государственный архитектурно-строительный университет).

8. Коллективная работа детей 4–9 лет «Сказочные замки» в номинации «Фантазии» (педагоги И. Турова, Э. Успенская), Красноярск, студия «Творчество» Красноярской региональной организации «Союз архитекторов России».

9. Мария Козлова (8 лет). Работы «Фантастические образы инопланетян» и «Космические обитатели» в номинации «Фантазии» (педагог И. Орлова), Москва, детская школа искусств «СТАРТ» архитектурно-художественного профиля.

10. Степан Снятков (12 лет). Работа «Космическое пространство» в номинации «Фантазии» (педагог Т. Сафразбекян), Москва, детская школа искусств «СТАРТ» архитектурно-художественного профиля.

11. Диана Ковешникова (9 лет). Работы «Наш космос» и «Космический калейдоскоп» в номинации «Фантазии» (педагог И. Полукарова), Москва, детская школа искусств «СТАРТ» архитектурно-художественного профиля.

12. Коллективная работа авторов 14–16 лет «Неабстрактная геометрия. Креативные объемно-пространственные композиции на основе простых геометрических форм» в номинации «Наследие» (педагог И. Федорова), Москва, детская школа искусств «СТАРТ» архитектурно-художественного профиля.

13. Злата Беляева, Арина Алексеева, Ангелина Мачнева, Кристина Романенко, Ксения Малышева, Мария Круглова, Соня Юрова, Ксения Малышева, Майя Марьина. Работы «Павловский посад» и «Архитектурные фантазии» в номинации «Наследие» (педагог А. Матвеевко), Москва, детская школа искусств «СТАРТ» архитектурно-художественного профиля.

14. Катя Новосёлова, Ксюша Сидлина, София Кузьмина, Тарас Салихов, Майя Анисимкина, Матвей Салихов, Оля Волкова, Саша Смирнова, Андрей Ухов. Работа «Архитектурно-графические фантазии» и «Снегопроизводительный завод» в номинации «Фантазии» (педагоги В. Салихов, О. Киричьева, И. Салихова, А. Кузьмина), Москва, студия архитектуры и дизайна «ФА-САД».

15. Кристина Гуменюк, Полина Остахова, Мария Верес, Мария Комарова, Александр Пронин, Александр Фокин. Работа «Истоки величия и красоты» в номинации «Фантазии» (педагог И. Верес), Москва, Московский государственный университет леса, факультет ландшафтной архитектуры, студия Ю-ЛА* U-LA.

16. Артем Егоров, Алёна Руденко, София Оболенская, Евгения Покусаева, Ева Александровская, Иван Астраханцев, Софья Растагеева, Иван Якуб, Никита Кошечев. Работа «Счастливый город» в номинации «Фантазии» (педагог И. Тыртычная), Москва, английский детский сад «Гусенок», подготовительная группа.

17. Александр Глушко, Александр Шатунов, Ира Лактанова, Анна

Остойич, Даниил Ревизцев. Работа «Игры в городском пространстве» и арт-объект «Каракатица» в номинации «Новое» (педагог В. Ерышев), Москва, школа архитектурного развития «ШАР».

18. Коллективная работа авторов 11–15 лет «Объекты истории и культуры (живописные работы)» в номинации «Наследие» (педагоги И. Пелевинова, Р. Хаяльдинов, О. Кондратьева, А. Шаряпова), Москва, детская художественная школа им. Ильи Ефимовича Репина.

19. Елизавета Ишмухаметова (15 лет). Работа Urban Park в номинации «Новое» (педагог И. Биккинин), Набережные Челны, Республика Татарстан, детская школа искусств № 6 «ДА-ДА» архитектурно-дизайнерского профиля.

20. Кадрия Шакирова, Лейсан Бадертдинова, Рената Гарифуллина. Работа «Гидропластика FROZEN» в номинации «Новое» (педагог Р. Хайруллин), Набережные Челны, Республика Татарстан, детская школа искусств № 6 «ДА-ДА» архитектурно-дизайнерского профиля.

21. Диляра Низамова (15 лет). Работа «Многофункциональный комплекс гидропарк "Радиолярия"» в номинации «Фантазия» (педагог Ю. Адисова), Набережные Челны, Республика Татарстан, детская школа искусств № 6 «ДА-ДА» архитектурно-дизайнерского профиля.

22. Коллективная работа авторов 12–16 лет «Человек и его мир в новой реальности» в номинации «Фантазии» (педагоги Е. Малкина, Е. Дмитриева, А. Барбе), Пенза, лицей архитектуры и дизайна № 3.

23. Коллективная работа авто-

ров 12–15 лет «Новый взгляд на привычное» в номинации «Новое» (педагоги Т. Костенко, А. Кулик), Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, Региональный центр архитектурно-художественной довузовской подготовки Академии архитектуры и искусств.

24. Коллективная работа авторов 11–12 лет «"ОТ РЕБРА"». Архитектурные буквы в стиле Якова Чернихова» в номинации «Наследие» (педагог И. Гришина), Саров, архитектурно-художественное отделение детской школы искусств.

25. Коллективная работа авторов 7–13 лет «Параллельное пространство» в номинации «Наследие» (педагоги Г. Корнева, И. Герц), Санкт-Петербургский городской дворец творчества юных, детский дизайн-центр (директор О. Левиаш).

26. Коллективная работа авторов 9–11 лет «Проект "Подводный город"» в номинации «Новое» (педагог Т. Радионова), Тобольск, детская школа искусств «Арт-перспектива», архитектурно-художественное отделение «Тоби*К».

27. Коллективная работа авторов 15–17 лет «Архитектурные фантазии по мотивам Всемирного культурного наследия» в номинации «Наследие» (педагог П. Спирченко), Тобольск, средняя общеобразовательная школа № 12, профильный архитектурный класс «Колорит».

Авторы и коллективы двадцати шести школ, лицеев, студий из Иркутска, Казани, Москвы, Набережных Челнов, Новосибирска, Пензы, Сарова, Тобольска и Якутска были награждены дипломами Союза

архитекторов России, подписанными президентом САР Андреем Владимировичем Боковым, который заинтересованно относится к решению возникающих в сфере детского архитектурно-художественного творчества проблем.

Благодаря традиции, заложенной с самого начала в «стартовой» деятельности Инги Михайловны Абаевой, ДШИ «СТАРТ» (директор Нона Степановна Азнавурян) приложила огромные организационно-творческие усилия к формированию и успешной реализации обширной программы смотра-конкурса детского архитектурно-художественного творчества «Зодчество-2015». Помимо выставки в ЦДХ работ победителей в школе «СТАРТ» была организована выставка остальных работ участников смотра-конкурса, проведены творческие мастер-классы и открытые уроки. Участники и гости посетили Государственный музей архитектуры им. А. В. Щусева, Музей современного искусства «Гараж», мультимедийную выставку «Микеланджело. Сотворение мира» в Центре дизайна ARTPLAY.

Вторым по своему значению после смотра-конкурса стала II межрегиональная конференция для преподавателей довузовских образовательных учреждений города Москвы и регионов России «Создание учебно-методических комплексов по предметам "архитектура" и "дизайн"», которая прошла в Государственной библиотеке им. А. П. Боголюбова. Программа конференции, включающая выступления специалистов в области детского архитектурно-художествен-

< Открытие директором ДШИ «СТАРТ» Нонной Степановной Азнавурян II межрегиональной конференции «Создание учебно-методических комплексов по предметам "архитектура" и "дизайн"»

ного творчества, открытую защиту дипломных проектов учащимися детской архитектурно-дизайнерской школы «ДАШКА» (директор М. Забрускова) и награждение победителей смотра-конкурса, была успешно выполнена.

Праздник завершился, но невозможно не сказать о наболевшем. В этом году были отстранены от работы, якобы по возрасту, два талантливейших, признанных лидера в области детского архитектурно-художественного творчества – Татьяна Викторовна Вукович (Пенза) и Татьяна Александровна Хайман (Набережные Челны). Однако талант не имеет возраста, на то он и талант!

Татьяна Викторовна Вукович – многолетний директор лицея архитектуры и дизайна № 3 Пензы. Ее неиссякаемая энергия и организационный талант помогли сформировать и сплотить творческий коллектив педагогов, которые вывели увлеченных архитектурой и дизайном молодых пензенцев в лидирующую пятерку учащихся школ, лицеев и студий детского архитектурно-художественного творчества России. Установленные ею связи с Пензенским государственным университетом архитектуры и строительства обеспечили для желающих получить высшее образование выпускников Лицея своеобразный мост в творческое будущее. Татьяна Викторовна – вдохновитель и организатор одиннадцати международных научно-практических конференций имени уроженца Пензы всемирно известного живописца, дизайнера, сценографа и аван-

< Открытая защита учащимися ДАДШ «ДАШКА» (Казанский государственный архитектурно-строительный университет) дипломных проектов

гардиста Владимира Ефграфовича Татлина. Кстати, XI Международная конференция в 2015 году была посвящена его 130-летию со дня его рождения. В составе конференции работали секции «Архитектура и градостроительство», «Дизайн», «Культурология и социология», секция для профессорско-преподавательского состава учреждений высшего и среднего специального образования «Проблемы образования в области архитектуры и дизайна». В насыщенной программе конференций – мастер-классы, конкурс-олимпиада для школьников, научно-практическая конференция студентов. Почти все конференции проходили, как правило, в феврале и были серьезным подспорьем для осеннего Международного фестиваля «Зодчество».

Татьяна Александровна Хайман двадцать пять лет тому назад, можно без преувеличения сказать, создала и выпестовала нынешнее учреждение дополнительного образования – детскую школу искусств № 6 «ДА-ДА!» архитектурно-дизайнерского профиля города Набережные Челны. Вот что пишет ее супруг Вадим Исаакович Хайман, педагог школы, талантливый архитектор и верный соратник Татьяны Александровны: «У этой школы удивительное название – жизнеутверждающее, оптимистическое и загадочное – «ДА-ДА!». Именно так – с восклицательным знаком. «Что это такое?» – гадают те, кто впервые слышит эту аббревиатуру и тщетно пытается ее расшифровать. Не догадались? Запомните – это Детская Архитектурно-Дизай-

нерская Альтернатива. Сложно и необычно, но – звучит. Живет «ДА-ДА!» в городе Набережные Челны, и не будет преувеличением сказать, что ее знает весь город». Вадиму Исааковичу присуща врожденная скромность: школу знают не только в городе, но и во всей стране, и даже за ее пределами.

Татьяна Александровна – заслуженный учитель Республики Татарстан, член Союза дизайнеров России. Школа награждена двумя золотыми, тремя серебряными и тремя бронзовыми дипломами Международного архитектурного фестиваля «Зодчество», призами всероссийских конкурсов «Современный образ предметного мира» и «Золотой карандаш», является пятикратным победителем Всероссийского детского архитектурного конкурса-олимпиады им. В. Е. Татлина, обладателем гран-при фестиваля «Столица российского дизайна – 2011» и Международного конкурса «Европа без границ», дипломов Международного архитектурного фонда им. Я. Чернихова и многих других наград.

Стан неотъемлемой частью культуры Республики Татарстан, «ДА-ДА!» за прошедшее 25 лет уверенно перешагнула эти рамки и по праву вошла в число студий-грандов детского архитектурно-художественного творчества России, как правило занимая призовые места в тройке лучших школ, лицеев и студий страны. У «ДА-ДА!» свое ярко выраженное дизайнерское лицо. Не случайно Третьяковская галерея предоставила возможность ознакомить москвичей и гостей

Москвы с работами школы искусств «ДА-ДА!».

И вот два таких выдающихся педагога по совершенно формальным соображениям выброшены за борт активной жизни. Нет слов, молодежь должна приходить на смену старшему поколению. Более того, и в лицей архитектуры и дизайна Пензы, и в школу искусств «ДА-ДА!» Набережных Челны приходят на работу и успешно трудятся их выпускники. Но передача руководящих полномочий не должна быть такой варварской! Стыд и позор власти предрежащим!

Со слабой, но всё же надеждой на просветление руководящих голов в будущем!

Эдуард Товмасьян /
Eduard Tovmasyan

конкурс

^ Ольга Журавлева. Диплом I степени

Конкурс на разработку элементов городской среды для общественных пространств Иркутска «Уличная мебель. Уличный дизайн» /

^ Команда «Ильин/Черняк/Ипатов». Диплом III степени

Освещаются результаты конкурса на разработку элементов городской среды для общественных пространств Иркутска «Уличная мебель. Уличный дизайн», организованного производственной компанией «Палп-Норд» совместно с Международной научно-исследовательской лабораторией «Градостроительная школа» и ИРО САР.
Ключевые слова: Иркутск, уличная мебель, городская среда, малые архитектурные формы. /

The article reviews the contest «Street furniture. Street design», which was held this summer by manufacturing company «PalpNord», International research laboratory of study and design of the urban environment «Urban Planning School» and the Union of Architects of Russia. The winners and their projects are also listed in the article.
Keywords: Irkutsk; street furniture; city environment; small architectural forms.

Конкурс уличной мебели для Иркутска – явление уникальное, поскольку для нас новым является само это понятие. Что же такое уличная мебель? Это все объекты, которые создают городскую среду в целом: лавочки, скамейки, урны, столы для игры в настольный теннис, шезлонги на пляже, трибуны для проведения уличных концертов – словом, все то, что создает уют и обеспечивает удобство пребывания в городе. Но мы, к сожалению, настолько привыкли к однообразию городской среды, безликих лавочек,

что просто перестали обращать на это внимание.

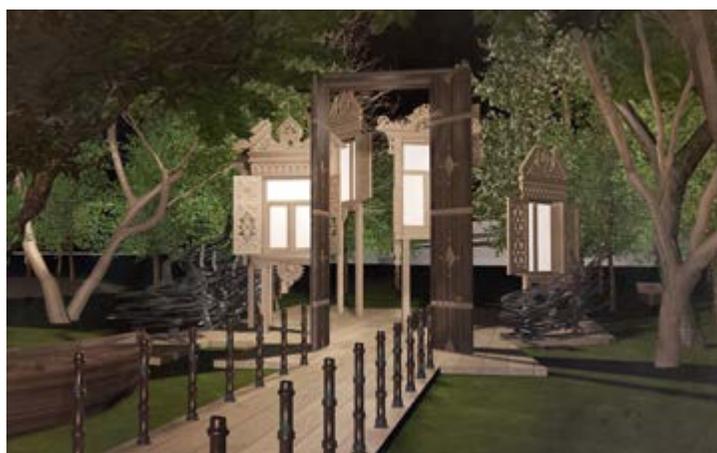
В то же время среди профессионалов растет осознание того, что дизайн малых архитектурных форм, в широком понимании этого термина как средства проектирования эстетических свойств объекта, является одной из ключевых и неотъемлемых составляющих успешного функционирования общественных пространств города. Малая архитектура способна повысить их привлекательность и сделать любое общественное

пространство мощной точкой притяжения, а также дать толчок к экономическому и социальному развитию всей территории, будь то отдельно взятая улица, квартал или весь район в целом.

Благодаря глубокому желанию преодолеть однообразие городской среды и родилась идея совместного проведения городского конкурса «Уличная мебель. Уличный дизайн» компанией «Палп-Норд», международной научно-исследовательской лабораторией по изучению и проектированию городской среды «Гра-

^ Евгения Приходько. Диплом II степени

^ Копылова Марина. Диплом II степени

^ Ольга Журавлева. Диплом I степени

^ Алина Бадула, номинация «Детская игровая площадка». Диплом I степени

Competition for the Elements of the City Environment for Irkutsk's Public Spaces "Street Furniture. Street Design"

достроительная школа» и Иркутской региональной общественной организацией «Союз архитекторов России». Такое название появилось отнюдь не случайно, поскольку оно точно отражает формулу: функциональность – экологичность – эстетичность, к решению которой стремились все конкурсные проекты. Во всех номинациях участники предложили свои оригинальные и нестандартные решения не только проблемы функциональной и эстетичной городской мебели, но и других острых городских тем, таких как благоустройство детских площадок, эстетика информационных стендов и обустройство городских пляжей.

Участникам конкурса было предложено выразить свое творческое видение в трех номинациях: «Группа малых архитектурных форм», «Детская игровая площадка» и «Оригинальный городской арт-объект».

В номинации «Группа малых архитектурных форм» участники должны были предложить один или несколько предметов уличной мебели для размещения на определенных площадках города. В этой номинации дипломом второй степени отмечена Евгения Приходько, студентка Крымского федерального университета. По словам Евгении, о конкурсе она узнала в социальных сетях, и ей сразу захотелось принять в нем участие, так как тема гуманизации городского пространства и использования натуральных материалов в современных архитектурных объектах ее всегда привлекала.

Поощрительным дипломом награжден Яков Андрейчиков с проектом «Жуки-гусеницы».

Перед участниками, решившими попробовать свои силы в номинации «Детская игровая площадка», стояла самая непростая задача – создать площадку с учетом всех существующих норм и правил, причем одним из основных требований была возможность взаимодействия ребенка с элементами площадки. В этой номинации первое место разделили Ольга Журавлева и Алина Бадула.

В номинации «Оригинальный городской арт-объект» участникам было предложено разработать арт-объект, который стал бы своеобразным символом места, не теряя при этом своей функциональности. В данной номинации дипломом второй степени были отмечены проект «Фантасмагория» Марина Копыловой и арт-объект «Высота» команды «Бубля». Валерия Кольган (команда «Бубля») определила свою инсталляцию как «что-то большее, чем разовый проект, как некую философию, продвигая которую, команда создает арт-объект, который живет в среде».

Диплома третьей степени удостоен проект «Тройка» команды «Ипатов/Черняк/Ильин». Поощрительный диплом присужден команде Lux Aeterna с их объектом «Точка».

Отдельный, так называемый реальный диплом присужден Никите Карюку из Красноярска. Его работа «Заряженные камни» была высоко отмечена жюри. Никита получил

возможность приехать в Иркутск для реализации своей идеи.

Все работы можно было увидеть с 21 октября по 1 ноября в рамках уличной выставки на площади возле Иркутского музыкального театра. Конкурс показал полное понимание проблем городской среды и готовность как молодых профессионалов, так и местных производственных компаний к тесному сотрудничеству для повышения качества жизни горожан. А работы молодых архитекторов внушает надежду на заметное улучшение городской среды уже в ближайшем будущем.

^ Команда «Бубля». Диплом II степени

текст и фото
Татьяна Данилова/
text and photo
Tatyana Danilova

конкурс

Международный закрытый конкурс на проектирование комплекса «Умная школа» в Иркутске /

Рассказывается об итогах Международного закрытого конкурса на проектирование учебного заведения нового формата – комплекса «Умная школа» в Иркутске. Победителем стала компания CEBRA (Дания), представившая архитектурную концепцию школы-парка, которая будет соединять архитектуру и ландшафт в единое целое, создавая уникальное пространство и прививая ученикам идею уважения к прошлому, настоящему и будущему. Приведены основные положения архитектурной концепции компании CEBRA.

Ключевые слова: «Умная школа», архитектурная концепция, международный конкурс, современные технологии, школа-парк, экологическое сознание. /

The article presents the results of the International Closed Competition for an educational institution in a new format – the “Smart School” Complex in Irkutsk. The winner of the competition, CEBRA Company (Denmark), proposed an architectural concept for a ‘School Park’, which would unite architecture and landscape, while creating a unique space and inspiring students to respect the past, the present and the future. The key points of CEBRA’s architectural concept are given in the article.

Keywords: “Smart School”; architectural concept; international competition; modern technologies; School Park; environmental consciousness.

22

30 июня 2015 года в Москве прошло заседание жюри, которое подвело итоги Международного закрытого конкурса на проектирование комплекса «Умная школа» в Иркутске. Заказчиком конкурса и автором образовательной концепции выступила компания ООО «Умная школа», организатор конкурса – ООО «КБ Стрелка».

В состав жюри входили авторитетные российские и зарубежные специалисты в области архитектуры, устойчивого развития, образования, а также авторы и вдохновители уникальной образовательной концепции «Умная школа»: Тина Канделаки, журналист, телеведущая, продюсер и общественный деятель; Кристин Ярмунд, норвежский архитектор, глава архитектурной компании Kristin Jarmund Arkitekter AS; Энн Финлейсон, директор британской общественной организации Sustainability and Environmental Education (SEEd); Игорь Реморенко, ректор Московского городского педагогического университета; Григорий Ревзин, архитектурный критик, партнер КБ «Стрелка»; Елена Осипова, министр образования

1-е место

The International Closed Competition for the “Smart School” Complex in Irkutsk

Иркутской области; Марк Сартан, руководитель проекта, генеральный директор ООО «Умная школа».

Кроме того, к работе были привлечены отечественные и зарубежные эксперты по планировочным и ландшафтным решениям, поддержке образовательного процесса, инженерным и конструктивным решениям, дизайну интерьеров, соответствию нормам, а также специальный эксперт по работе с детьми-сиротами – директор Китежской средней общеобразовательной школы кандидат педагогических наук Максим Аникеев.

Цель конкурса заключалась в определении одного или нескольких финалистов – создателей наилучших архитектурных концепций. Из них заказчиком был выбран один финалист.

Миссия и цель проекта заключаются в следующем: архитектурное решение комплекса «Умная школа» должно стать настоящим прорывом, опережающим наивысшие достижения сегодняшнего дня в создании образовательных учреждений, и доказательством возможности позитивных изменений в системе образования. Образовательный комплекс будет

построен в Иркутске на территории в 20 га у реки Ангары, берущей начало из озера Байкал. Вместе с детьми из обычных семей в нем будут жить и учиться дети с особыми образовательными потребностями и дети, оставшиеся без попечения родителей. Для них «Умная школа» должна стать не только домом, но и тем пространством возможностей, которое позволит научиться ответственно распоряжаться собственной жизнью. По словам Григория Ревзина, школа – это институт, который передает базовое представление о мире. Сегодняшний мир – это хрупкое целое, гармонию которого нужно поддерживать. Это принципы экологического сознания XXI века, основанного на уважении к тому, что было до нас, к настоящему и будущему. В «Умной школе» школьное пространство становится главным учебным пособием. Само здание, его инженерные системы и связи дают представление о современных технологиях и их значении. Эстетика среды, природной и архитектурной, задает представление о красоте мира. Прививается и этика, когда ребенок понимает главные принципы отношения к природе, и те социальные механизмы, которые

позволяют вместе поддерживать и развивать доставшееся детям место. Принципы ценности и целостности мира, содержание уроков не противоречат тому непосредственному жизненному опыту, который получает ребенок в школе-парке, а проясняют его интуитивное впечатление.

Международный закрытый конкурс проходил в два этапа. В ходе первого осуществлялся квалификационный отбор и определение команд для участия во втором этапе, включающем разработку архитектурных концепций и выбор финалистов.

Участниками проекта стали проектные бюро и консорциумы компаний, состоящие из специалистов в области архитектурного проектирования, инженерных систем, экологии, ландшафтного дизайна, организации и технологического обеспечения общего дошкольного, школьного и дополнительного образования, оценки стоимости проектирования и строительства.

Из семи команд были выбраны три финалиста. Наибольшее количество баллов набрала команда компании SEBRA (Дания), второе место заняла компания Architects

Rudanko & Kankkunen (Финляндия), третье – Work Architecture Company (США). На основе обновленных дизайн-проектов, согласно комментариям и рекомендациям, высказанным экспертами и членами жюри, была выбрана одна из команд в качестве победителя. Ею оказалась команда датских архитекторов SEBRA.

Проект-победитель

Международный конкурс на разработку архитектурной концепции образовательного комплекса «Умная школа» в Иркутске выиграл консорциум датской компании SEBRA и российского бюро UNK project. Датчане займутся архитектурным обликом школы будущего, UNK project – технической частью проекта.

Датская компания SEBRA с архитектурной и дизайнерской практикой основана архитектором Миккелем Фростом, Карстеном Примдалем и Колджей Нильсенем 14 лет назад. В состав команды входят специалисты в области архитектурного проектирования, инженерных систем, энергоэффективности и ресурсосбережения, ландшафтного проектирования, устойчивого развития.

Подход компании СЕВРА к проектированию образовательных учреждений и учебной среды основывается на представлении о том, что именно архитектура должна уметь приспосабливаться к учащимся, а не наоборот. Бюро стремится проектировать учебную среду, содержащую адаптивные

и разнообразные пространства, сосредоточенную на индивидуальных потребностях и социальном взаимодействии в коллективе.

Авторы концепции основали свое предложение на соединении трех подходов – местного, педагогического и ученического, для того чтобы создать оптимальную основу

для прогрессивной и разноплановой школы, в которой архитектура находится в постоянном диалоге с педагогическими принципами «Умной школы».

Местный подход подразумевает детальный анализ физических характеристик территории школы. Внешние факторы, такие как

местоположение, доступность и ориентация участка, отношение к инфраструктурным сетям, климатические условия, имеют решающее значение в расположении и облике комплекса «Умная школа».

Педагогический подход проявляется в понимании функций и развития человеческого мозга, совре-

менных образовательных парадигм, а также финансовых, технических и человеческих ресурсов. Важно, чтобы комплекс создал вдохновляющее окружение в процессе образования и повседневной жизни учеников и в то же время обеспечивал основу для педагогического развития в будущем.

Ученический подход – в том, что компания стремится спроектировать пространство, где ученики смогут создавать собственную среду, развивать свою индивидуальность и учиться строить повседневную жизнь.

Проект позволяет переосмыслить образовательное пространство, а формат школы-парка означает взаимодействие с окружающим миром. К зданию школы можно пройти через улицу-парк, которая соединяет Байкальский тракт с набережной Чертугеевского залива. Проезд с севера на юг служит общественной парковой зоной, откуда можно попасть в здание школы, на стадионы и другие открытые для горожан объекты, а также добраться до реки. У самого входа находится психологический центр поддержки и северный жилой кластер для приемных семей. Огибая школу, дорога продолжается в сторону южного кластера, где расположены дома для приемных семей и дома временного проживания специалистов и выпускников. Запланированные зеленые насажде-

ния представляют собой декоративную границу вдоль общественных улиц, отделяющую общественное пространство от частного.

Проект представляет собой целостный комплекс, который изменяется согласно сезонному циклу, а также развивается с течением времени. Экологическая часть проекта реализуется через стратегию планирования. Через 25 лет монокультурное, интенсивно обрабатываемое открытое поле должно превратиться в биологически разнообразный ландшафт, где птицы, звери и насекомые будут жить в адаптированной экосистеме. Предполагается работать с местными устойчивыми растениями, которые приспособились к климату Иркутска. Предусмотрена сезонная стратегия поведения ландшафта, который формирует красивую территорию, провоцирующую различные чувства.

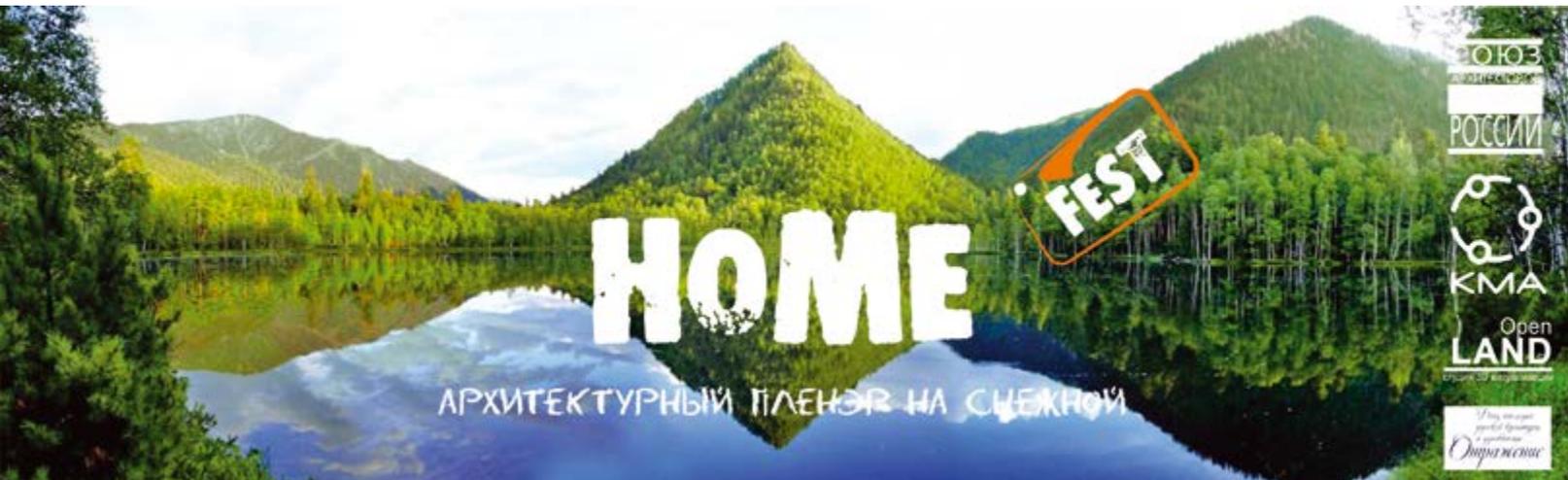
Несущие конструкции здания школы представляют собой монолитный железобетонный каркас. Колонны, балки и перекрытия отливаются на месте. Конструкция будет стабилизирована путем передачи горизонтальных нагрузок на стены лестничных клеток и по необходимости на стабилизирующие стены, откуда нагрузки будут переданы в фундамент. При

проектировании несущих конструкций большое значение будет иметь повторение структурных элементов по четкой системе, которая согласуется с общей геометрией здания. Помимо рациональности строительного процесса, высокая степень повторяемости и точности стабилизирует здание и позволит впоследствии изменять планировку помещений без необходимости менять несущие конструкции. Конструкция крыши выполнена из стропил, опирающихся на систему литых на месте колонн / балок. Строгое использование параллельной двускатной кровли приводит к относительно простой конструкции крыши, которая оптимизирована в отношении поглощения снеговой и ветровой нагрузки. Конструкция крыши может быть легко изменена в зависимости от особенностей климата и стоимости проекта.

Учебные помещения ориентированы на юг и восток для максимального использования прямых солнечных лучей и высокого уровня естественного освещения.

Инецца Бражникова
Использованы материалы организаторов конкурса /
Inessa Brazhnikova
Using the source material provided by the competition organizers

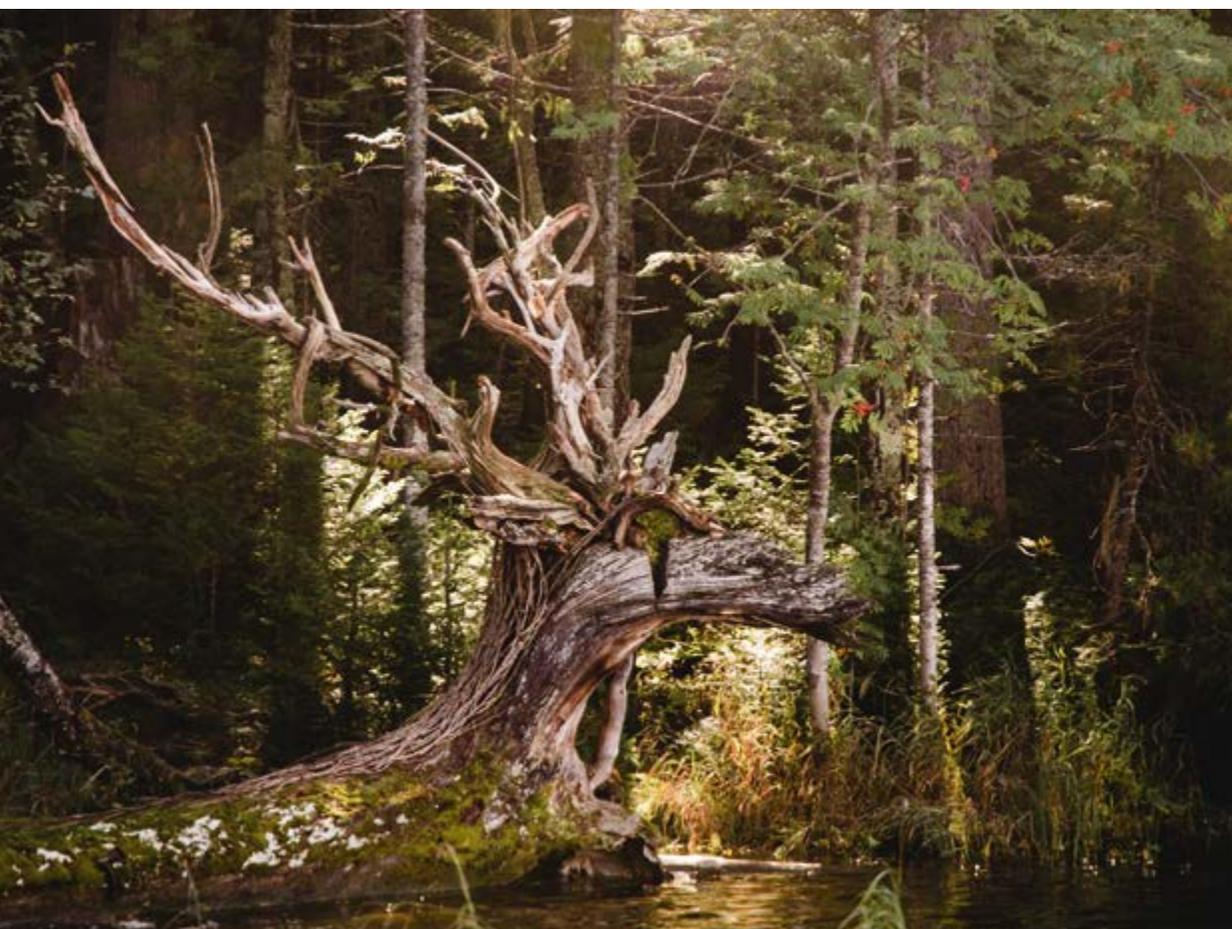

Архитектурный пленэр на Снежной Home Fest / Architectural Plain-Air Home Fest at the River Snezhnaya

Подводятся итоги первого архитектурного пленэра Home Fest, цель которого – привлечь внимание к взаимоотношениям человека и природы. Основным условием проекта было использование реального пейзажа в качестве главного художественного материала и объекта.
Ключевые слова: архитектурный пленэр, природа, пейзаж, инсталляция, созерцание. /

The results of the first architectural plain-air Home Fest held from the 3rd to the 6th of September at the resort “The Warm Lakes on the Snezhnaya” (Slyudyansky District, Irkutsk region) are presented. The Festival was aimed at drawing attention to the nature and the relationship between man and nature. The principal requirement of the project was using the real landscape as the main artistic material and the object.
Keywords: architectural plain air; nature; landscape; installation; contemplation.

26

3–6 сентября в Слюдянском районе Иркутской области на базе отдыха «Теплые озера на Снежной» состоялся первый архитектурный пленэр Home Fest. Организаторами выступили Клуб молодых архитекторов Иркутска и Фонд наследия русской культуры и духовности «Отражение» при поддержке Союза архитекторов России. Фестиваль проводился с целью привлечь внимание к природе и взаимоотношениям человека с природой. Основным условием проекта было использование реального пейзажа в качестве главного художественного материала и объекта.

Архитектурный пленэр на Снежной... Само сочетание этих слов вызывает в воображении чарующие лесные пейзажи. Можно представить человека, пробужденного звуком дождя у побережья, созерцающего опаловые озера и несмело ступающего по таежному лесу, что томится у границы осени. Так и мы, студенты-архитекторы, месяцами грезящие о берегах Снежной, увидели себя героями эпохи романтизма, такими «странниками над туманами», ушедшими в серебристое марево по тропе, устеленной черникой, горной ветреницей и папоротником.

^ Команда «Перекасти море», инсталляция «Блуждающий олень», 1-е место

Мы прибыли на Снежную утром 3 сентября, и уже к вечеру нами и впрямь были исхожены все таежные травяные пути, что опутывают здешние озера изумрудными нитями. Пейзажи звучали неизъяснимой, зыбкой поэзией: вдалеке звякали окаймленные медью весла, от костров поднималось перевитое дымом марево, и в дивных созвучиях мы грезили услышать тихое, неслышимое, заветное.

Из семидесяти смелых, приехавших на Снежную, ни один наверняка не верил в то, что сделанный им эскиз композиции будет исполнен в первоизданном виде. О нет, мы с восторгом ждали грядущие дни, что переиначат наши замыслы! Под диким ливнем мы резали шартрезово-зеленые ивовые прутья и волокни с реки искрящиеся кремниевые камни, по колено утопали в вязи клюквенно-травяной низины и вылавливали в озере древесные ветви, отливающие сиянием латунной патины. Срывали с деревьев рубиновые рябиновые грозди, пылающие в композиции, словно красное пятно Кандинского! С засученными рукавами и мятущимся сердцем – ради десяти архитектурных созданий, звучащих точно пущенные Гребенщиковым «десять стрел на десяти ветрах».

Инсталляции эти встали вдоль таежной тропы, устеленной пестрой чешуей ягеля и опавшей хвои и огибающей берега здешних озер – Изумрудного и Сказочного. И теперь, проходя по озерному побережью, можно встретить и увитое древесными ветвями убежище путника, и вертящиеся на ветру плетеные

тальниковые ловцы снов, и блуждающего зверя с ветвистыми рогами оленя, разверзающими горную даль, и вязанную из лозы ивовую скамью, обвивающую деревья петлями изгибающихся стеблей. Вы увидите и нежнейший цветок, позабытый ветрами у далекого побережья, и небывалой величины кольцо, обводящее чарующие очертания горной вершины, и каменное ожерелье из ажурных полукружий. Вы поверите в сказку, заметив в вышине беличью переправу, сплетающую мальвовыми нитями и качелями вершины изумрудных кедровых деревьев, или встретив у болотца травянистого козленочка, словно потерявшего сестрицу на полотнах Васнецова.

И к четвертому вечеру на Снежной, когда инсталляции были созданы, речи, то и дело прерываемые громовым ослиным ревом, произнесены, вкуснейшая гречка по-купечески с лесными грибами испечена, а пряный имбирный чай заварен, лучшие композиции назвали и увенчали пусть и не лавровыми, но витыми ивовыми венками с медным абрисом дома в сердцевине.

Бронзовым призером была признана инсталляция «Точка зрения», сделанная из тончайших прутьев в виде крученого обруча, достигающего верхних ветвей еловых деревьев и обрисовывающего темным абрисом дивные очертания далекой пирамидальной горной вершины. Эта композиция, обрамляя живописный пейзаж, позовет путника созерцать великие горы в их первоизданности и естестве.

^ Команда-победитель

Серебряным призером стала инсталляция в виде сплетенной ивовой скамьи, опирающейся витыми петлями на стволы трех реликтовых деревьев, реющих на высоком таежном побережье. Эта инсталляция, распростертая на перекрестье мира лесного и озерного, словно сделанная ради греющего душу созерцания, вероятно, потому и зовется «На просторах души».

История инсталляции «Блуждает олень» (золото архитектурного пленэра) началась с поваленного дерева, что поднималось ввысь из озерной тины взмывающим изгибом древесного ствола. В этом первобытном порыве всё,

до взвывающихся трещин черной коры, говорило о том, что это – шея зверя. И авторам предстояло услышать и точно почувствовать, что это за зверь: «Мы видели вдали лишь тонущее дерево, но спускаясь к нему, нечаянно наткнулись на Блуждающего оленя».

Общей чертой названных инсталляций стало то, что они с легкостью вступали в музыку просторов реки Снежной, входили в расстилающийся пейзаж, будь то горные хребты, хризолитовые леса или клюквенные низины, чувствуя себя здесь «как дома». И признаться, за это время «как дома» себя почувствовали не только инсталляции: мы засыпали

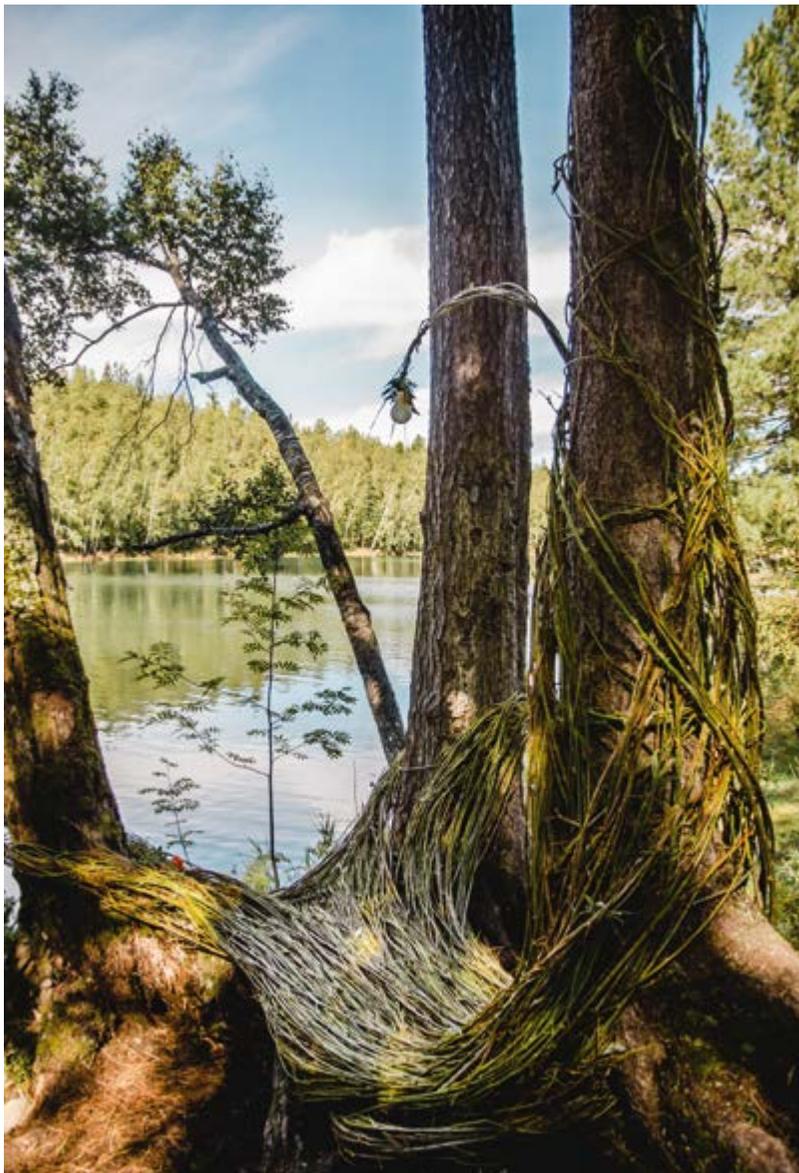

^ Команда Pazzles, инсталляция «Гнездо»

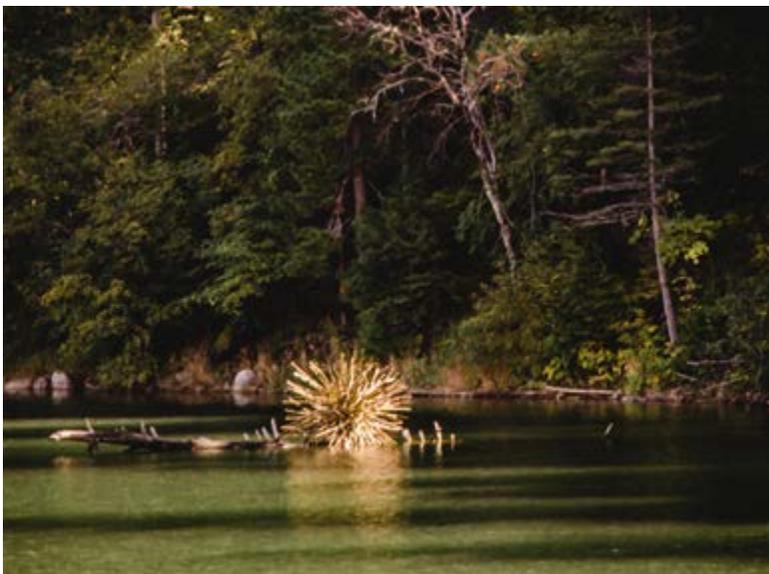
^ Команда Open Land, инсталляция «Место созерцания»

v Команда OTVINTA, инсталляция «На просторах души», 2-е место

v Команда «45°», инсталляция «Точка зрения», 3-е место

^ Команда «Салон цветов кв. № 7», инсталляция «Одуванчик на воде!»

^ Команда «Поющий пенёк», инсталляция «Поющий пенёк-олень»

в махоньких домах-скворечниках на краю леса, заплывали по мерцающей лунной колее в сердце озера, согревались у полыхающих смолистых костров, пели, не отводя глаз от дрожащих путеводных созвездий, и были так счастливы... Словом, в городе такого не пережить.

И нежно расставаясь со Снежной, мы стояли на краю причально-го пирса и шептались будто бы ни о чём:

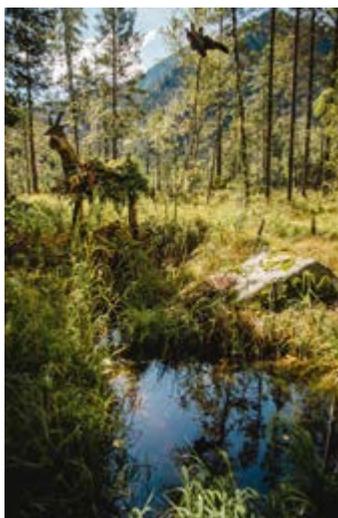
– Мы в этом лесу словно в стихах Элюара: «Когда сойдутся вершины наших небес, мой дом обретет крышу...»

– Мудрено, – он рассмеялся, – а у Бременских музыкантов, помнишь, там еще в припеве всё время ревел осёл? – И он напел: «Наша крыша – небо голубое...»

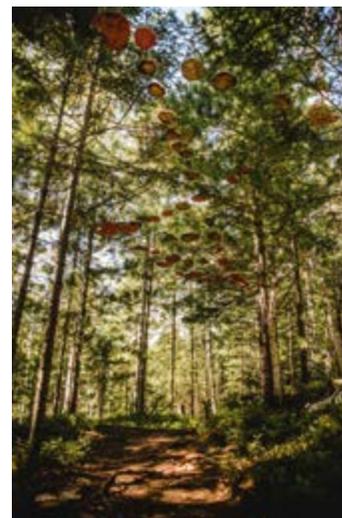
– Помню! «Наше счастье – жить такой судьбою! Наше счастье – жить такой судьбою...»

И в заключение хотелось бы сердечно поблагодарить Фонд наследия русской культуры и духовности «Отражение» за отзывчивость и теплый приют, Российский союз молодежи за юмор и незабываемые вечера, Российскую национальную гильдию флористов и Ларису Коркунову за вдохновение и умение поделиться мастерством, Марию Панюкову и Клуб молодых архитекторов Иркутска за энтузиазм и умелую организацию, Георгия Культикова и студию архитектурной визуализации OpenLAND за чуткость и неотлучное участие в создании пленэра.

Дарья Кулеш / Darya Kulesh

^ Команда Pop-Corn, инсталляция «В сказке»

^ Команда PROstore, инсталляция «Воздушная тропа»

v Команда Lux Aeterna, инсталляция «Ворота в сказку»

v Команда «Центрифуга», инсталляция «Ловец путников»

Освещаются итоги участия кафедры дизайна Иркутского национального исследовательского технического университета в XXIV Международном смотре-конкурсе выпускных квалификационных работ по архитектуре и дизайну 2015 года и в Международном конкурсе научной и учебной литературы. Из девяти представленных кафедрой работ восемь награждены дипломами 1-й степени МООСАО и дипломом лауреата, одной работе присужден диплом 2-й степени.

Ключевые слова: смотр-конкурс, архитектура и дизайн, тематика дипломных работ, пространства культурной идентификации. /

The article presents the results of participation of the Design Department of Irkutsk National Research Technical University in the XXIVth International Review Competition of Graduation Works on Architecture and Design 2015 and in the International Competition of Scientific and Educational Literature. The Department submitted nine works. Eight of them received the 1st category diplomas of International Public Organization of Assistance to Architectural Education and a laureate diploma; one work was awarded with a 2nd category diploma.

Keywords: review competition; architecture and design; themes for graduation works; spaces of cultural identification.

Железноводск-2015: кафедра дизайна ИРНИТУ на Международном смотре-конкурсе дипломных проектов по архитектуре и дизайну /

^ Проект комплексного формирования городской среды – ландшафтного парка о. Конный и прилегающей к нему территории (автор Е. И. Марченкова, руководители Т. П. Петрова, А. Н. Прокудин). Входная зона пешеходного моста

Zheleznovodsk 2015: IRNRTU Design Department at the International Review Competition of Graduation Projects on Architecture and Design

Традиционный Международный смотр-конкурс по архитектуре и дизайну – 2015 проходит в Железноводске, маленьком курортном городе с населением 48 тысяч, входящем в «мировую табель о рангах золотых курортов» и известном в мире дизайна как город, породивший «ФЕРОДИЗ» – первые фестивали дизайна в России. Уникальный смотр-конкурс в очередной раз собрал представителей архитектурных и дизайнерских школ Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, России, которые привезли более 600 работ по 16 номинациям: жилье и общественные здания, промышленная архитектура, градостроительство, реконструкция и реставрация архитектурного наследия, сельская архитектура, теория и история архитектуры, ландшафтная архитектура, дизайн городской среды, дизайн интерьера, предметный дизайн, дизайн костюма и ДПИ, графический дизайн, теория дизайна, бакалавр, магистр.

Кафедрой дизайна Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук Иркутского национального исследовательского технического университета на конкурс были представлены работы в трех основных номинациях по дизайну: «Дизайн городской среды» (три работы), «Графический дизайн» (две работы), «Дизайн костюма и ДПИ» (одна работа); из них – четыре дипломных проекта специалистов и два проекта бакалавров первого выпуска.

Тематика дипломных работ кафедры лежит в русле современных трендов профессии, отражает ключевые направления научных исследований и проектных разработок, осуществляемых кафедрой в рамках государственной темы «Пространства культурной идентификации», и ориентирована на решение насущных проблем региона.

Так, в номинации «Дизайн архитектурной среды» в конкурсе специалистов приняли участие проекты «Средовой потенциал набережных: формирование городской рекреации в Иркутске» (автор И. Н. Шестопалова, руководители О. Е. Железняк, М. В. Корелина) и Проект комплексного формирования городской среды – ландшафтного парка о. Конный и прилегающей к нему территории (автор Е. И. Марченкова, руководители Т. П. Петрова, А. Н. Прокудин). Своевременность и жизненность тематики работ заданы актуальностью обращения к проблематике создания рекреационных пространств в современных городах, где индустрия развлечений и туризма, спортивный бизнес и пр. становятся весьма значимыми факторами экономики и культуры, провоцируя своеобразный рекреационный бум во всех сферах жизни. Необходимость решения проблем организации территорий набережной и превращения прибрежных пространств в современную развитую рекреационную структуру и потребность создания качественной многофункциональной общественной среды с эффективным использованием

ландшафтных особенностей участка определяют основы целеполагания и диктуют формы и системы авторских интерпретаций конкретных проектных ситуаций. При этом интеграция природы с искусственной предметно-пространственной средой и городской застройкой выступает существенным средством создания среды, обеспечивающей высокое качество жизни.

Из дипломов бакалавров по среде представлен проект «Формирование имиджевой среды Театра юного зрителя в г. Иркутске» (автор И. М. Железняк, руководители М. В. Корелина, А. Н. Прокудин, С. В. Мурашова), актуальность которого предопределена значимостью объекта проектирования и заинтересованностью администрации ТюЗа в расширении функций и возможностей театра, внедрении новых форм деятельности (в т. ч. выхода на городскую/уличную сцену), а также в продвижении бренда театра, что и вызывает в целом необходимость создания нового имиджа.

Дизайн графический представлен двумя проектами: диплом специалиста – «Фирменный стиль антикафе «Зигзаг» в библиотеке г. Шелехова», автор К. В. Табиханова, руководители О. А. Игнатьева, Е. Н. Курочкина; диплом бакалавра – «Фирменный стиль и рекламное сопровождение бренда дома детского творчества "Созвездие"», автор В. Н. Малых, руководители О. Е. Железняк, А. В. Шолохов. Они выполнены по заявкам муниципальных предприятий Иркутска и

Шелехова, современная ситуация становления которых требует создания полноценного комплекса визуального оформления для идентификации предприятий и их продвижения на рынке услуг, предоставляемых в сфере образования, культуры и творческого развития. Обе работы посвящены проектированию оригинальных авторских стилей, формирующих индивидуальные имиджи каждого из учреждений, что очень актуально сегодня в условиях движения к самоосознанию и уникальности в пространстве глобальных экономик и культур. Это не только увеличивает конкурентные преимущества каждой из организаций, но и наглядно демонстрирует их особенности, создавая особые микромиры.

В номинации ДПИ на смотр представлена работа «Музыкальные инструменты по мотивам славянской культуры» (автор А. С. Родионова, руководитель О. Ю. Копенкина). Музыкальные инструменты выполнены из керамики для белорусского праздника «Гуканне вясны» – зазывания весны на землю, которое традиционно выполняется с помощью свистулук.

Все шесть представленных кафедрой работ были высоко оценены жюри и награждены дипломами 1-й степени.

Наибольший интерес вызвала работа И. Шестопаловой, которая помимо диплома 1-й степени МООСАО отмечена дипломом независимого жюри Общества северокавказских архитекторов. Серьезный, глубоко продуманный

^ Проект «Фирменный стиль антикафе «Зигзаг» в библиотеке г. Шелехова» (автор К. В. Табиханова, руководители О. А. Игнатъева, Е. Н. Курочкина). Серия плакатов

^ Проект «Музыкальные инструменты по мотивам славянской культуры» (автор А. С. Родионова, руководитель О. Ю. Копенкина). Фрагменты

проект, выполненный дипломницей, позволяет оценить потенциал главной городской набережной Иркутска и запроектировать органичную среду, объединяющую разнохарактерные функциональные зоны: культурно-развлекательную и прогулочную, экорекреацию набережной, зоны речного причала и фонтанов, городской экстрим-парк и др. Предложенная концепция формулирует общую идею развития территории набережной.

При оценке диплома А. Родионовой особое внимание жюри было обращено на профессионализм и элегантность проектного решения, высокое качество выполнения музыкальных инструментов (окарин) из керамики. Образные решения всей композиции построены на авторской интерпретации белорусских языческих мифов о двух птицах-прародительницах жизни на Земле и магической охранительной силе свиста. Созданные автором птицы-свистульки являются настоящими музыкальными инструментами, способными воспроизводить различные звукояды. Кроме того, различаясь по формам и размерам, они могут выполнять как декоративную функцию украшения среды, так и служить сувенирами и ритуальными подарками.

Нестандартность подхода к решению задач целостности среды отмечена в бакалаврской работе И. Железняк по дизайну среды,

посвященной созданию нового имиджа ТЮЗа, в которой органично совмещены в едином проекте элементы графического дизайна и дизайна среды. Идея развивается от лаконичного логотипа в виде флага к проникающим в среду театра элементам фирменного стиля и далее к построению имиджевой среды. Скамьи вдоль фасада поддерживают линейность логотипа. В их конструкции предусмотрены места для временных рекламных или праздничных инсталляций и элементы озеленения. На пространство перед скамьями с пилястр на фасаде проецируется театральная реклама, заменяющая интерактивный экран. Графика на асфальте перед главным входом, постепенно перетекает в напольное покрытие фойе театра, тем самым объединяя интерьерное пространство с уличным в единую структуру. Особый интерес представляет сцена под открытым небом, расположенная во внутреннем дворе театра. Новая сцена проектируется как дополнительное пространство своеобразного взаимодействия театра с городом и горожанами, чрезвычайно востребованное сегодня.

Еще одна ВКР бакалавра по графическому дизайну привлекла внимание своими креативными разработками для дома детского творчества «Созвездие». Хорошая авторская графика В. Малых, эксклюзивные персонажи, соз-

< Проект «Средовой потенциал набережных: формирование городской рекреации в Иркутске» (автор И. Н. Шестопалова, руководители О. Е. Железняк, М. В. Корелина). Фрагмент панорамы. Зона фонтанов

< Проект «Фирменный стиль и рекламное сопровождение бренда дома детского творчества "Созвездие"» (автор В. Н. Малых, руководители О. Е. Железняк, А. В. Шолохов). Фрагмент рекламной продукции

данные дипломницей, и концепция рекламного сопровождения выделяют этот проект из других работ по графическому дизайну. Хорошо прорисованные сопровождающие персонажи становятся главными героями блока фирменной продукции и систем навигации, элементов фирменной одежды и сувенирной продукции. Рекламный блок выстроен несколько по иному принципу, но с общей стилистикой имиджа их объединяет авторская графика. Предложенные компоненты графической идентификации позволяют показать многогранность школы и ее творческой системы, охватывают весь спектр разнообразной деятельности художественной школы, что подробно и последовательно отражено в «Руководстве по фирменному стилю».

Помимо участия в конкурсе выпускных квалификационных работ, кафедра дизайна представила три работы на Международный конкурс научной и методической

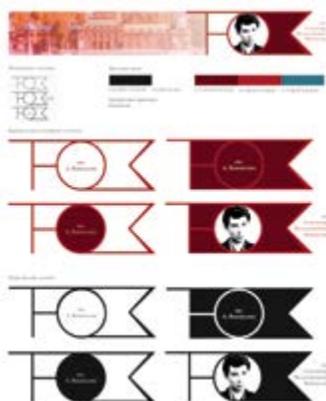
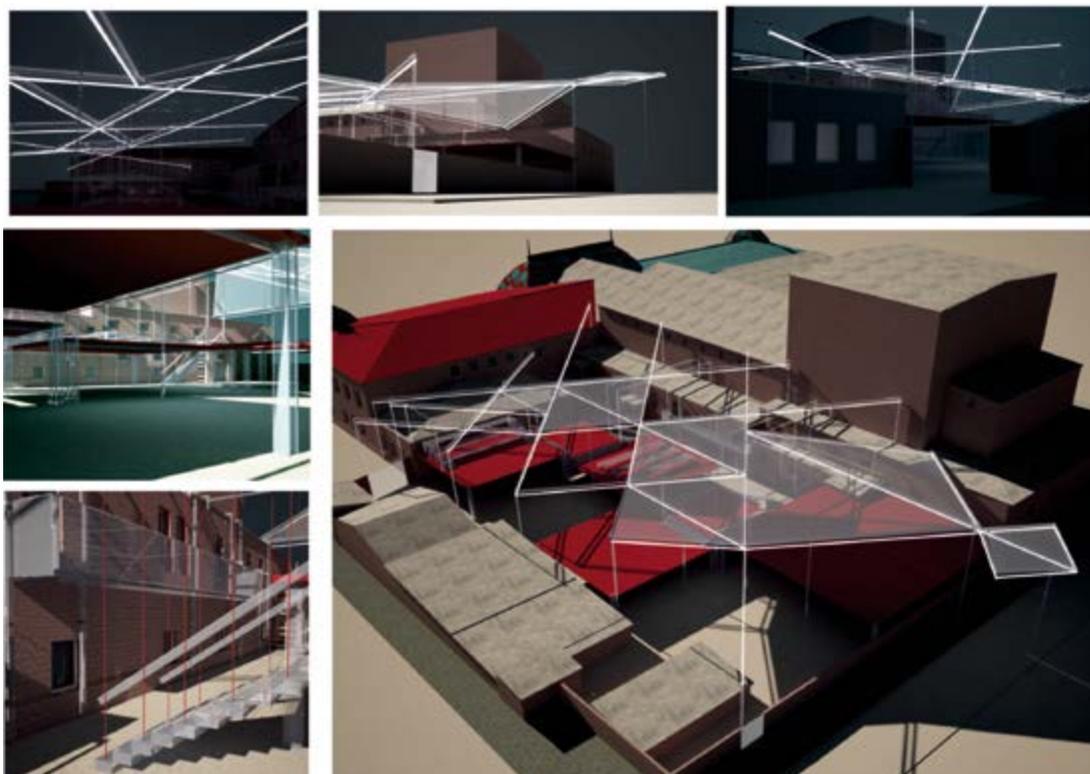
литературы, в котором в целом участвовало более 120 работ. По итогам конкурса учебное пособие «Живопись. Колористика. Цветовое проектирование и моделирование» О. Е. Железняк награждено дипломом 1-й степени МООСАО и дипломом лауреата; учебному пособию «Пропедевтика» авторов О. Железняк, С. Мурашовой, М. Ко-

релиной, Т. Смертиной, И. Дьяченко (под общей редакцией О. Железняк) присужден диплом 1-й степени МООСАО; монография «Буддийский храм в Петербурге. К 100-летию со дня основания. Концепция и программа реконструкции живописного убранства» Е. Асалхановой удостоена диплома 2-й степени.

В целом результат участия кафедры дизайна ИРНИТУ в таком представительном форуме свидетельствует о высоком рейтинге школы в профессиональном и образовательном пространстве.

Ольга Железняк / Olga Zheleznyak

в Проект «Формирование имиджевой среды Театра юного зрителя в Иркутске» (автор И. М. Железняк, руководители М. В. Корелина, А. Н. Прокудин, С. В. Мурашова). Реорганизация внутреннего двора: Новая сцена
 в Проект «Формирование имиджевой среды Театра юного зрителя в Иркутске». Фрагмент фирменного стиля

Средовой потенциал набережных: формирование городской рекреации в Иркутске /

дипломный проект

автор проекта

студентка кафедры дизайна
ИИИ и СГН ИрНТУ
Ирина Шестопалова

руководители проекта

О. Е. Железняк,
М. В. Корелина

Проектные преобразования осуществляются в работе через поиск взаимодействия структуры природного ландшафта с антропогенным рельефом. Сформировавшиеся в результате такого взаимодействия объемно-пространственные образования функционально наполняются в соответствии с авторской концепцией. Попытка решить проблему динамично меняющейся среды набережной через обращение к обследованию проживания конкретного место-пространства, с одной стороны, и погружение в современный опыт и

актуальные проблемы проектирования – с другой, позволяет выйти на чистое по идее, элегантное и функционально продуманное предложение, формируя столь значимую для города рекреацию. Вся набережная разделена на несколько функциональных зон, формулирующих общую концепцию развития территории.

1. Первая зона является переходным пространством от исторической части набережной к современной, где предлагается обустроить береговую линию и организовать комфортную связь с островами Юность и Конный. На отрезке между улицами Красного Восстания и Кожова предусматривается спуск к воде как продолжение оси от входа в детскую больницу к акватории.

2. Следующий фрагмент набережной трактуется как **культурно-развлекательная** и торговая зона и включает ТРЦ «Комсомолл», новую концертную площадку города для проведения массовых мероприятий и видовую площадку. Знаковым объектом становится Чертово колесо. В основу решения положено формирование ланд-

шафтного ансамбля вокруг ТРЦ и вдоль набережной с выходом на остров Конный. Колесо обозрения с видовой обзорной площадкой органично встраивается в среду. Площадка под мостом становится актуальным решением для участка с затрудненной проходимостью и связывает жилье и центр города.

3. **Экорекреация** – это зона естественной «природной жизни» в городе, территория, где сохраняются частные участки, между которыми могут располагаться, зоопарк и дендропарк. Здесь сохраняются лодочная станция и клуб охотников-рыболовов и организуется площадка для проведения ежегодных сельскохозяйственных ярмарок и традиционных праздников. «Переходы» от набережной к острову или на пирсы трактуются как система садов, парков и видовых площадок, становясь туристической достопримечательностью.

4. **Центральная зона** набережной организуется вокруг речного причала на бульваре Постышева. Ключевые образы строятся на интерпретации темы кораблей; одним из имиджевых объектов

становится Маяк, завершающий пирс. Сам участок с высотной застройкой, благодаря органичному дизайну, становится местом променада и встреч горожан. Открытые пешеходные пандусы и лестницы формируют выход из города к берегу реки, оживляя панораму города. Существующая коса благоустраивается, на ней появляются места для отдыха, видовые площадки.

5. **Зона фонтанов**, ключевыми образами которой стали струи воды, а дизайн-объектами – Главный фонтан и его «коллеги», позиционируется как зона активного отдыха. Доминантой композиции выступают светомузыкальные фонтаны в пруду на оси ул. 30-й Дивизии с Главным фонтаном в створе улицы. Открытые бассейны, отделенные от основного русла реки, проектируются со специальным павильоном для отдыха. Со стороны залива и насыпных пирсов размещается кафе с видом на акваторию и ландшафтный амфитеатр, выходящий к воде. Насыпные островки, соединенные деревянными переправами, могут использоваться для активных игр и в качестве места для рыбалки. Ве-

Environmental Potential of Embankments: Formation of Urban Recreation in Irkutsk

лотуристам предлагается скоростная трасса или обзорный маршрут с остановками.

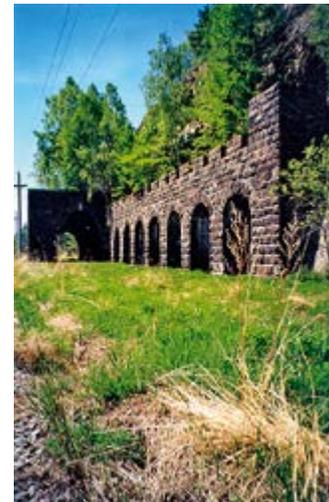
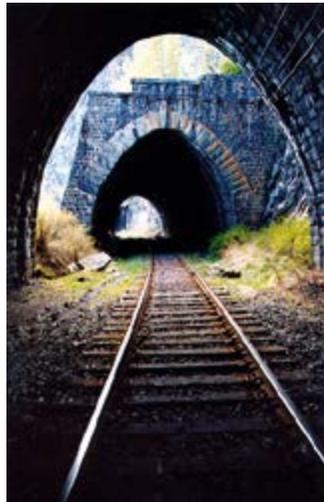
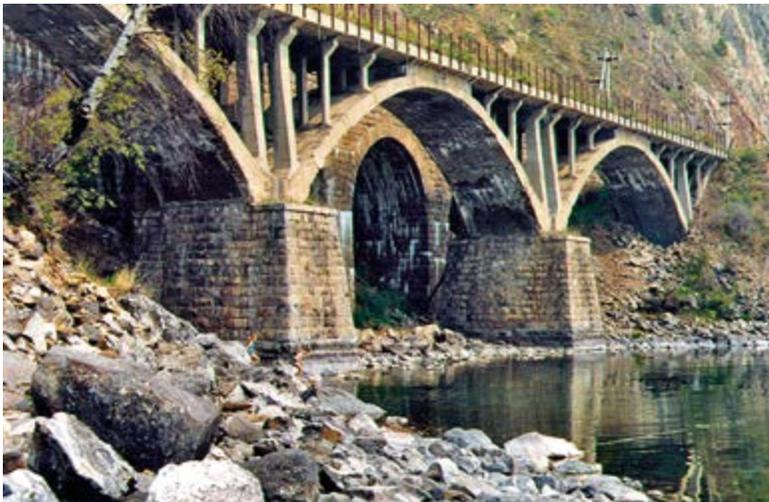
6. Полифункциональная рекреация – это территория, включающая в себя парковую зону, игровое пространство и городской пляж. Проектом предусматривается сохранение ландшафта и «разыгрывание» существующего перепада высот. Повторяя тематику волн, появляются тропинки, ведущие к двухъярусному пляжу. Ярусы объединяются амфитеатром, который может быть использован в качестве площадки для проведения концертов и спектаклей для детей и родителей.

7. Городской экстрим-парк включает площадки и сооружения, связанные с активным времяпровождением: открытый скейт-парк; баскетбольная и теннисная площадки; пирс, который служит трамплином для экстремальных прыжков в воду, и др. Велодорожки – основа передвижения через территорию активного отдыха.

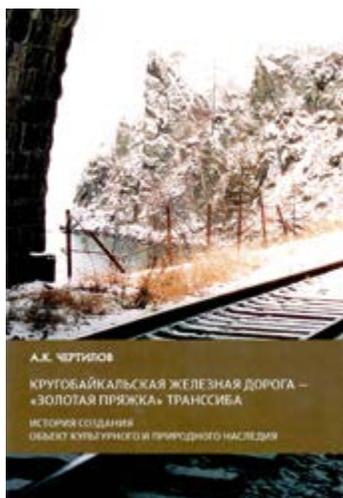
В целом формирование городской рекреации максимально сохраняет природный ландшафт, рекультивирует береговую полосу, всесторонне использует имеющиеся ресурсы, раскрывая потенциал набережной. Подход к проектированию, соединяющий в себе потребности сегодняшнего дня и возможности перспективного развития, формирует целостную концепцию жизни территории в жизни города.

Ольга Железняк, Ирина Шестопалова Мария Корелина / Olga Zheleznyak, Irina Shestopalova, Mirya Korelina

Новая книга о Кругобайкальской железной дороге / A New Book about the Circum-Baikal Railway

Чертилов А.К. Кругобайкальская железная дорога – «Золотая пряжка» Транссиба. История создания. Объект культурного и природного наследия. (История архитектуры и градостроительства Сибири) : учебное пособие. – Иркутск: Изд. ИрННТУ, 2015. – 128 с. : ил.

В издательстве Иркутского национального исследовательского технического университета вышла новая книга Алексея Чертилова «Кругобайкальская железная дорога – «Золотая пряжка» Транссиба: история создания. Объект культурного и природного наследия». Доцент кафедры истории архитектуры ИрННТУ архитектор Алексей Константинович Чертилов ранее уже издал ряд работ по своей любимой теме – старой железной дороге на южном берегу Байкала. Новая работа является наиболее основательной. Она сводит воедино всю известную на сегодняшний день информацию по сооружению в самом начале XX столетия одного из участков Транссибирской магистрали – Кругобайкальского (КБЖД). Изданная как учебное пособие для архитекторов в рамках курса «История архитектуры и градостроительство Сибири», книга далеко выходит за рамки учебного процесса, являясь в настоящее время самой содержательной справочной публикацией по заповедной дороге.

Кругобайкальская железная дорога не имеет аналогов в российской и во многом мировой строительной практике, поэтому в 1980-е годы она была признана заповедным местом, комплексным памятником, ее образно сравнивают с «Золотой пряжкой» Транссиба. По большому счету, она может стать уникальным музеем под открытым небом. В книге в трех частях обобщен материал по истории

сооружения и эксплуатации КБЖД, рассказано о ее составляющих – памятниках инженерного искусства, архитектуры и природы, ландшафтах, проанализировано ее современное состояние, даны рекомендации по охране и приоритетному использованию комплексного памятника.

Серьезное достоинство работы – содержательные приложения, которые существенно обогащают это научное издание, позволяя глубже вникнуть в железнодорожный феномен на берегу самого известного в мире озера – Байкала. Приложения содержат дополнительную информацию: исторические сведения о прокладке Сибирской железной дороги, сокращенный перечень памятников КБЖД, описание туристских маршрутов; различные схемы, архивные чертежи, исторические и современные фотоиллюстрации, демонстрирующие неповторимость и безупречные эстетические качества заповедной дороги.

Книга была встречена с интересом и сразу получила признание экспертов высшей школы. Выйдя из печати в мае 2015 года, учебное пособие уже к ноябрю было отмечено тремя наградами: серебряным дипломом фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2015» в Иркутске; дипломом как «лучшее учебное издание по архитектуре и строительству» IV Сибирского конкурса изданий высших учебных заведений «Университетская книга – 2015» в Чите; дипломом 2-й степени на Международном конкурсе

выпускных и квалификационных работ по архитектуре и дизайну в Железноводске.

К сожалению, эта полезная книга была выпущена тиражом, несопоставимо малым по сравнению с ее значением, – всего 100 экземпляров, которые разошлись по библиотекам. Так как в продажу книга не поступит, готовится ее электронная версия.

Очевидно, что эта работа, давно ожидаемая историками архитектуры и специалистами-реставраторами, станет не только частью учебного процесса, но и важной ступенью в дальнейшем изучении и планировании музейно-туристического будущего Кругобайкальской железной дороги.

**Андрей Ляпин /
Andrei Lyapin**

^ Фото Марии Сокол

Иркутск

Дискуссионный клуб Иркутского дома архитекторов продолжил свою работу 20 августа обсуждением документа под названием «Внесение изменений...». В ходе горячего обсуждения архитекторы пришли к неутешительному выводу, что реализация генплана провалена. Главный закон развития города, коим является генеральный план, не соблюдается. А каждая следующая его актуализация (внесение изменений...) по сути является констатацией нарушений генплана, допущенных за истекший период. Особенно печально, что от нерегулируемой застройки страдают в первую очередь общественные пространства и зеленые зоны.

На состоявшемся 20 октября **городском градостроительном совете** был высказан целый ряд замечаний к проекту «Внесение изменений...» и принято решение о необходимости его доработки.

Москва

В пленум Союза архитекторов России состоялся в Центральном доме архитектора в Москве 4 октября. Кроме рабочих вопросов по подготовке к очередному, IX съезду СА России в 2016 году повестка дня включала в себя обсуждение концепции реорганизации Союза архитекторов России из общественной организации в ассоциацию профессиональных объединений архитекторов. В обсуждении при-

няли участие члены правления Национальной палаты архитекторов.

Иркутск

Новые назначения, произошедшие в администрации Иркутской области в связи с очередной сменой кабинета, затронули и архитектурно-строительную сферу. Кресло министра строительства и дорожного хозяйства с 4 октября занимает Светлана Свирикина, главным архитектором области назначена Екатерина Протасова.

Сингапур

На Всемирном фестивале архитектуры, прошедшем с 6 по 8 ноября в Сингапуре, в двух из двадцати номинаций победили россияне. Сразу две работы архитектурного бюро «Студия 44» **Никиты Явейна** получили награды: в номинации «Мастер-план» лучшим стал проект реконструкции исторического центра Калининграда «Königsberg / Калининград: топология непрерывности»; в номинации «Школы» победила Академия танца Бориса Эйфмана в Санкт-Петербурге.

Иркутск

Юбилейные мероприятия, посвященные 80-летию Иркутской организации Союза архитекторов, завершились торжественным вечером в культурно-досуговом центре «Художественный» 16 октября.

Торжественному вечеру предшествовал цикл событий и встреч. Клуб молодых архитекторов начал этот цикл с празднования Международного дня архитектуры, продолжил архитектурными тематическими кинопоказами и открытием нового сезона дискуссионного клуба «Заварник». 2 октября в Доме архитектора торжественно открылась фотовыставка Ольги Железняк. 12 октября состоялся семинар «Smart City / городские технологии» (ведущий – Алексей Козьмин, эксперт по региональному и стратегическому развитию). Большой интерес аудитории вызвала публичная лекция «История Иркутской организации Союза архитекторов» в Областной библиотеке им. Молчанова-Сибирского 13 октября. На следующий день КМА открыл свой новый цикл знакомства с мастерами профессии встречей с архитектором Еленой Григорьевой. Ярким событием на пленэре стала творческая выставка-ярмарка, прошедшая в дружеской атмосфере под лучами октябрьского солнца в скверике на углу улицы Чкалова и Черемховского переулка.

Что касается завершающего торжественного вечера, то благодаря атмосфере, созданной организаторами – Инной Дружининой и Алексеем Курачицким при активном участии КМА, этот праздник надолго запомнится всем участникам и приглашенным. Яркие выступления Клуба молодых архитекторов, студентов Института архитектуры и строительства ИрНТУ и студии этнической перкуссии «Этнобит»

чередовались с чествованием юбиляров, награждениями, выступлениями архитекторов и гостей. Правление ИРО САР выразило благодарность ведущим, авторам фильма «75+5» о восьмидесятилетней истории Иркутской организации (авторы – Инна Дружинина, Алексей Курачицкий, Дарья Кремлева) и активу Клуба молодых архитекторов (Дарья Кремлева, Валентина Казакова, Дарья Белоокая, Мария Панюкова, Константин Здышев, Дарья Золотухина, Анна Мартынова, Ксения Золотухина, Арина Московская, Мария Сокол, Виктория Хорхоткина, Алина Блинова).

**Елена Григорьева,
Валентина Казакова /
Elena Grigoryeva,
Valentina Kazakova**

White Hills
ДЕКОРАТИВНЫЙ ОБЛИЦОВОЧНЫЙ КАМЕНЬ

Новый облик вашего дома: фасад от White Hills

Камень с древних времен ассоциируется с основательностью и надежностью. Для зодчего этот материал предоставляет возможность воплотить в реальность всё многообразие архитектурных стилей, а для владельца дома – выразить свою индивидуальность. Построить дом из камня хотели бы многие, и это обусловлено рядом факторов: камень долговечен, не изменяет свой первоначальный вид, не поддается деформации при перепадах температуры, механических воздействий, и наконец, дом из камня выглядит всегда презентабельно и привлекательно. Поэтому владелец загородного дома вполне осознанно стремится воссоздать на участке и в жилище среду природного происхождения, хотя современные искусственные материалы подчас не только не уступают естественным прототипам, но и по многим параметрам даже превосходят их.

Яркий тому пример – искусственный декоративный камень White Hills, приобретающий за счет совершенствования производственных технологий новые полезные свойства. Например, декоративный камень White Hills предназначен не только для облицовки зданий традиционным «мокрым» способом – креплением плитки на фасад, он используется и совместно с навесными фасадными системами, что позволяет применять камень на зданиях высотой до 75 метров и более, улучшить теплозащиту стен и проводить монтаж

круглогодично без использования затирки. Также весомым преимуществом декоративного камня White Hills является его негорючесть и наличие всей необходимой технической документации и сертификатов. Фасадная отделка из декоративного камня отличается высокой ремонтопригодностью, элементы фасада White Hills всегда можно заменить. На сегодняшний день компания White Hills располагает самым крупным производством декоративного камня на территории России с широким ассортиментом продукции, а ассортимент и качество находятся на уровне лучших европейских производителей.

Об ассортименте White Hills

Компания White Hills предлагает широкий ассортимент декоративного облицовочного камня для навесных вентилируемых систем. Он отличается тщательностью проработки фактуры и деталей рельефа поверхности. Изделия с особой достоверностью имитируют природные камни. Компания имеет собственную технологию производства литых форм и регулярно пополняет ассортимент, выпуская на рынок до шести новых коллекций ежегодно. Для облицовки фасада «мокрым» способом (с применением затирки и клея) в каждой коллекции декоративного камня White Hills присутствуют угловые элементы, с помощью которых отделка на углах выглядит как кладка натуральным камнем. Это создает образ солидной и

надежной постройки, а монтаж становится несложным.

Немного о классификации ассортимента камня White Hills. Методом вибротитания производятся изделия на основе бетона, которые предназначены для отделки фасада или обустройства прилегающей к дому территории. Эти материалы по своему назначению делятся на три группы:

- элементы мощения (тротуарные плиты, дощечки, бордюры, водоотвод) для садовых дорожек, входных и въездных групп и т. д.;
- фасадные декоративные элементы: карнизы, наличники, подоконники, пилястры, колонны, русты и т. д.;
- стеновой облицовочный камень.

О гарантии

Декоративный камень прочнее некоторых пород природного камня. Например, травертин и песчаник имеют пористую структуру. Марка прочности и морозостойкость таких пород очень мала. Искусственный камень по своему составу не является пористым материалом. Имитируя травертин или песчаник, декоративный камень не разрушается зимой. Его можно использовать в регионах с суровым климатом. Компания White Hills дает гарантию на свою продукцию сроком на 12 лет.

Почему так мало? Да потому, что примерно столько же времени этот материал выпускается в нашей стране.

ФАСАДНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Продукт White Hills
Представлен в Восточно-Сибирском
регионе и Забайкальском крае
компанией «Фасадные технологии»
Иркутск, ул. Энгельса, 8, оф. 302
Тел. (3952) 484-184
whitehills.ru fasdom.ru

О цене

Стоимость – основной вопрос, который интересует каждого домовладельца. Если сравнивать искусственный камень White Hills с натуральным камнем, то он существенно дешевле натурально-го, а при транспортировке гораздо удобнее, включая весь процесс: погрузку, разгрузку и перевозку.

Фасады, облицованные камнем White Hills, выглядят более презентабельно и привлекательно, как раньше говорили, богато. То, что это действительно так, подтверждают специалисты многих агентств по продаже недвижимости, которые уже давно подсчитали экономическую эффективность использования декоративного облицовочного камня при отделке фасадов. Установлено, что прибыль от продажи дома увеличивается на 50–80 % от средств, израсходованных на фасадные работы. Это значит, что если в отделку фасадов был вложен, например, 1 млн руб., то прирост стоимости дома может составить 1,8 млн руб., и это только за счет повышения эстетических свойств фасадов.

Еще одна статья доходности, а лучше сказать – экономии, связана уже с эксплуатацией фасада. Дело в том, что облицовочный декоративный камень White Hills имеет высокий коэффициент прочности и морозостойкости, что подтверждается соответствующими испытаниями, проведенными российскими и международными организациями.

Кроме того, с течением времени камень не меняет своего цветового тона под воздействием солнечного ультрафиолета: для его окрашивания используются неорганические красители на основе оксидов железа, хрома, титана.

Для архитекторов

Используя продукцию White Hills, архитекторы и дизайнеры получают огромные возможности для реализации своих замыслов, решения самых сложных и оригинальных задач в работе над проектами. А также для воплощения мечты заказчика о красивом доме, который вызовет восхищение окружающих и подчеркнет вкус и статус владельца.

Для удобства подбора облицовочных материалов дизайнерам-архитекторам специально предоставляются текстуры для работы в программах формата 3D и вся необходимая информация с техническими характеристиками и параметрами изделий для точного расчета нужного количества материала.

Широкий ассортимент продукции White Hills и богатая палитра цветовых решений позволит наиболее полно реализовать творческие задумки мастеров, поможет создать проекты в различных архитектурных стилях. Компания предлагает дизайнерам-архитекторам привлекательные условия сотрудничества, чьи творческие идеи совместно с продукцией White Hills приведут к достойному результату.

Представлена характеристика творческого пути и профессиональных принципов Станислава Григорьева, одного из активно действующих архитекторов поколения шестидесятников. Описываются биография, профессиональное становление и наиболее значительные объекты, построенные по его проектам. Ключевые слова: архитектура, градостроительство, иркутский стиль, павловская школа, архитектурное проектирование, педагогическая деятельность, общественные пространства. /

Stanislav Grigoriev is one of the actively practicing architects of the 1960s generation. His biography and creative career, professional principles and the most famous realizations are presented.

Keywords: architecture; town planning; Irkutsk style; Pavlov school; architectural design; teaching activities; public spaces.

«Чувствую, что могу работать еще долго...»

Интервью со Станиславом Михайловичем Григорьевым накануне юбилея

Делай что должно, и будь что будет...

Юбилей – это причина посмотреть на сделанное мастером и на самого мастера по-новому. Несколько раз мне доводилось разговаривать со Станиславом Михайловичем. Сдержанный, скромный, не склон-

ный к цветистым выступлениям, он производит впечатление сосредоточенного на своем деле и увлеченного этим делом мастера. Он много лет проработал в Иркутскгражданпроекте, в том числе в звездный период его истории. Я заново пролистывала номер, посвященный 50-летию ИГП, и обнаружила

целый ряд объектов этого автора, созданных в разные периоды существования института. А когда мы просматривали папки с реализованными и нереализованными проектами, я увидела, как много сделано этим человеком в городе, как плохо вошли его замыслы в градостроительную ткань Иркутска. Конечно, С. М. Григорьев – один из тех архитекторов, кто создавал «лица необщее выражение» нашего города. Поэтому я с удовольствием воспользовалась возможностью взять интервью у Станислава Михайловича накануне его юбилея.

**Марина Ткачева /
Marina Tkacheva**

МАРИНА ТКАЧЕВА У вас очень узнаваемые постройки и проекты еще с советских времен. Когда вы говорите о своем стиле, что вы имеете в виду?

СТАНИСЛАВ ГРИГОРЬЕВ Если приходится выполнять только желанное заказчика – это не мой стиль. А мой – это иркутский стиль.

МТ А какие у него особенности, на ваш взгляд?

СГ Не очень простой вопрос. Думаю, это не дом сам по себе, а способ организации пространства. А потом уже оно перетекает во внешние контуры здания, конструирует его. К сожалению, сегодня зачастую мыслят только внешними характеристиками зданий, фасадами: дом красивый, некрасивый... А надо проектировать всю структуру будущей жизни воедино. Мне приходилось проектировать обще-

жития, требующие максимальной экономии пространства, но даже и в этих случаях мы не ограничивались только положенными шестью квадратными метрами на человека. Удавалось вписать в проект и соцкультбыт, и сделать привязку к месту так, чтобы создавалась среда для жизни. Проектируется вся структура как единое целое.

Кроме того, условия Сибири требуют компактной, плотной застройки, даже если она малоэтажная.

МТ Но она не создает ощущения тесноты.

СГ Да, предусмотрена автономность комфортного жизненного пространства.

МТ Среди ваших проектов много общежитий – для студентов разных вузов, для сотрудников организаций. Можно считать, что вы – разработчик типового проекта таких общежитий. Какие из них вы сами выделяете?

СГ Первое было запроектировано для студентов пединститута в комплексе с предприятием № 1: общественное здание кооперировалось с общежитием. Мы стремились сделать комплексную застройку. Но проект всего участка не реализовался.

Второе – это общежитие института народного хозяйства на 1200 мест. Задумано было спроектировать его по модульному принципу: одна ячейка на два этажа – один модуль, а потом их можно комбинировать, как кубики, и получать любую архитектуру. К сожалению, полностью эту идею реализовать не смогли. Мы ориентировались

^ Иркутскгражданпроект. Архитектор: С. Григорьев

^ Комплекс малоэтажной застройки в Ленинском районе Иркутска. Архитекторы: С. Григорьев, С. Карпов, И. Билтуев, Марченко, Чихачева

“I Feel I Can Work for a Long Time...” Interview with Stanislav Mikhailovich Grigoriev before His Anniversary

на сборные конструкции – отчасти кирпич, отчасти железобетон. Еще когда с Юрием Бержинским проектировали поликлинику, мы изобрели панели-«соты»; их делал наш домостроительный комбинат. Потом из них полгорода было построено. Но возникла сложность: панели высотой 3,3 м, а у нас высота – 2,5–2,8 м. Я придумал, что панели можно перемежать такой кирпичной «лентой», без выступов и проемов. В одном этаже форму окон диктуют панели, они вписываются в «соты», а в другом окна квадратные, выложенные в кирпиче. Технологически возможным стало использование больших панелей, и дополнительно получался интересный архитектурный эффект, облик зданий становился более разнообразным.

Для рабочих общежитий предусмотрена другая внутренняя планировка, так называемая малосемейка. При этом соблюдаются два, казалось бы, взаимоисключающих принципа – автономность ячейки и сосуществование людей именно в общежитии.

МТ У меня от ваших проектов осталось ощущение, что вы продолжаете традиции иркутской усадебной застройки.

СГ Усадьба – это изолированный кусок земли. Она создавала ощущение своего места, существующего отдельно от других, и естественным образом должна была быть комплексной. Школа Павлова именно эти традиции подхватила и продолжила.

МТ Я вижу большую экономность в средствах осуществления проекта, особую любовь к материалу, из которого он делается: вы этот материал показываете.

СГ Выбор материала зачастую был весьма ограничен, но находили возможности. Хотя иногда столько согласований нужно было сделать...

МТ А много ли у вас проектов деревянных зданий – и осуществленных, и оставшихся в бумажной версии?

СГ Коттедж зятя я проектировал как частично кирпичный, частично деревянный. А деревянный – целый микрорайон Ново-Ленино. В основном там комбинированные здания: первый этаж кирпичный, второй деревянный. А гостиница на Байкале чисто деревянная.

МТ Сочетание материалов вообще дает очень интересный эффект. А какие выигрши в эксплуатации получают от такого комбинированного сочетания кирпича и дерева?

СГ Дает экономию. Например, пустой чердак. А почему бы его не сделать этажом? Он и превращается в обычный этаж, без чердака, и интерьер интересный получается.

МТ Если бы захотели назвать самый удачный свой проект, который реализован, то что бы вы назвали?

СГ Думаю, что проект, который я делал сразу после окончания института: в 66-м году закончил, а в 67-м уже запроектировал здание Иркутскгражданпроекта. Наш ИГП – объект современный по планировке, без коридорной системы.

Рабочих площадей больше, вокруг холлов размещаются залы, удобные помещения – то, что сейчас называют западной, американской системой. Я и сегодня считаю этот объект одним из самых удачных. На нем начали многие учиться и повторять уже найденные нами приемы. Мы с Ю. Бержинским изобрели Т- и Г-образные элементы. По тем временам это, конечно, достижение было.

Считаю интересной конкурсную работу на Байкале, в Голоустном. Тогда 1–2 место присудили мне и В. Павлову. Ново-Ленино я уже упоминал. У меня же почти 29 лет работает своя творческая мастерская, и объектов много выполнено за эти годы.

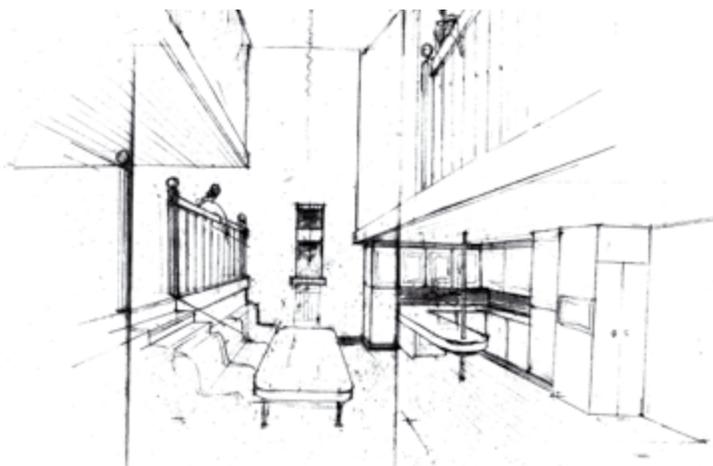
МТ А как вы пришли в профессию?

СГ Я приехал в Новосибирск из глухой деревни. С первой попытки в архитектурный институт не

поступил, а стал учиться в университете на вечернем отделении. Нам преподавал основатель Сибирского отделения АН СССР М. А. Лаврентьев, я слушал лекции и его сына, М. М. Лаврентьева. Одновременно стал работать по комсомольской путевке на стройке.

МТ Значит, выбор профессии был осознанный?

СГ Конечно. Я еще в школе маслом рисовал, «Аленушку» копировал. Прихожу в институт: куда я попал? «Давида» рисуют! Куда мне? Был там преподаватель, член комиссии, все сзади подходил, подсматривал. Экзамен по рисунку сдал отлично, а вот сочинение плохо написал и по конкурсу не прошел. Два года отработал каменщиком на стройке. У меня до сих пор высокий разряд каменщика. Курирую каменщиков, когда они неправильно углы заводят. Я-то теорию знаю: и шести-, пятирядка, и цепная реакция, и

^ Интерьер загородного дома в пос. Моты. Архитектор С. Григорьев

мастера

кладка Онищенко... Сами каменщики часто этого ничего не знают. Тогда серьезно обучали профессии, трехмесячные курсы все проходили. Многие, правда, к работе на стройке относились – лишь бы стаж заработать, а потом поступить совсем не по этой специальности. Например, там девчонки работали, а потом кто в мединститут поступил, кто на гуманитарные факультеты.

МТ А для вас стройка была билетом в будущее?

СГ Для меня стройка была введением в специальность. Мне кажется, что и Гражданпроект

получился потому, что я конструкцию по кирпичикам складывал, руками всю перебрал. Довелось строить коттедж для сестры Никиты Сергеевича Хрущёва (она тогда с М. А. Лаврентьевым вместе приехала, все с собачкой ходила). Глину для строительства специально с Украины привезли.

МТ А что, в Новосибирске не нашлось?

СГ Хотелось, видно. Сами Хрущёвы с Украины, и хотелось им дышать воздухом с Украины.

Интересная история, когда Никсон приезжал. Мы его как

комсомольцы в повязочках красных встречали, в оцеплении были. Ведут его в институт гидродинамики. Он идет, за руку с нами здороваются. И Хрущёва в шляпе запомнил. Вот уже все гости прошли, а тут женщина с письмами бежит, прорывается. Генерал из сопровождения вышел: «Уйди, пузатая!» Схватили девку, отвели. Но письма с просьбами о квартирах она все-таки передать умудрилась. Вот такие случаи, если вам интересно.

Потом мы поступили в институт. Хрущёв на первом году сделал вечернее обучение. Год работали днем на стройке, вечером в аудитории; к тому времени у меня и разряд по строительной специальности был. Получали стипендию; выходило 140 рублей в месяц. По тем временам 140 рублей – большие деньги. Вот когда потом в Иркутск приехал работать по распределению, у меня зарплата стала 90 рублей. Но всю жизнь в ИГП так и отработал. Совмещал свою мастерскую и Гражданпроект, только три года как оттуда ушел.

МТ Кто были вашими учителями в вузе? Кого вы считаете главным учителем во время студенчества?

СГ Н. С. Кузьмин. Он был самый конструктивный. Томский институт закончил, и уже его дипломный проект дома-коммуны наделал много шума. В Москве работал, первые дома-коммуны разрабатывал, потом типовые проекты. В 30 лет защищал докторскую. Но не защитил. Его стали критиковать за утопичность и какой-то «архитектурный экстремизм»... Потом – Б. И. Оглы. Вот два самых значительных специалиста, которые научили меня специальности. Хороший рисунок давал Л. К. Минерт, немец. Это классики! Л. Минерт был главным архитектором Улан-Удэ. Во время перестройки уехал в Германию. Это три самых главных учителя, я от них многое получил.

МТ А руководителем диплома у вас кто был?

СГ Борис Иосифович Оглы.

МТ Тогда и дипломная практика предусматривалась длинная.

СГ Я практику проходил в Ростове-на-Дону. Тогда она шесть месяцев длилась. Я там и парк запроектировал, и реконструкцию стадиона (совместно с ростовчанами). А собственно диплом был – проект гостиницы «Интурист» в Ростове-на-Дону. Главный архитектор проекта – Л. П. Пушкова. Эта гостиница построена. Правда, среди авторов мое имя там не упоминается. Может, потому, что

я начинал помощником, обычным архитектором, но уже не техником. На время практики я устроился на работу, зарплату получал. Вначале мне 60 рублей дали. Потом уже, через три месяца, перевели на должность архитектора, мне дали категорию, и зарплата повысилась до 90 руб. После защиты диплома нас распределили в Иркутск. Этого я не рассказывал раньше.

МТ Еще будучи молодым архитектором, вы участвовали во всесоюзных конкурсах «Молодость. Творчество. Современность».

СГ В конце 70-х я получил третью премию, представлял свои работы в совокупности.

МТ Вы занимались преподаванием...

СГ Да, кроме проектирования, я еще 10 лет на архитектурном факультете в должности доцента преподавал. Был среди тех, кто начинал формировать эту специальность в ИПИ. Нас шестеро было: М. Ашихмина, В. Суханов, В. Павлов, В. Бух, я и Л. Антипин. И вот ведь память какая странная штука: какой узел когда-то проектировал, какие работы со студентами выполнял – все помню. Первый выпуск архитекторов был наш, а мой студент делал дипломный проект, его отправил на конкурс в Москву, и он получил приз. Потом у меня делали дипломы Владимир Распутин с Сергеем Васильевым и тоже получили второй приз.

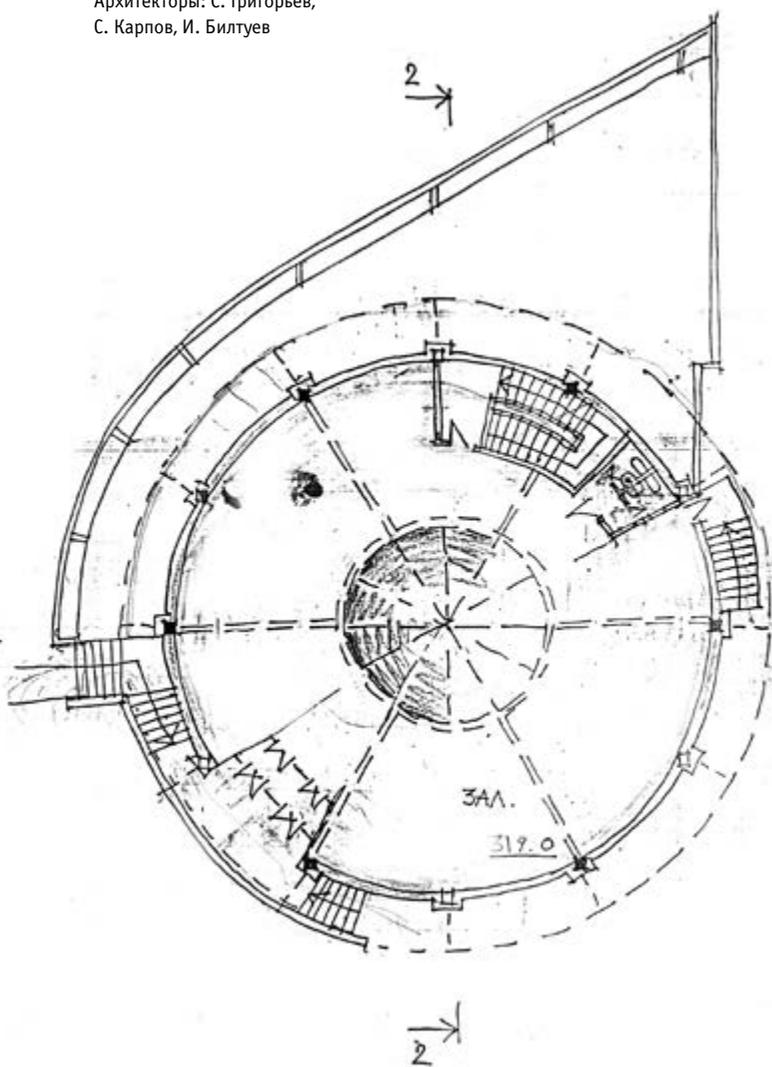
МТ У вас успешные выпускники. Как бы вы сформулировали свои преподавательские принципы?

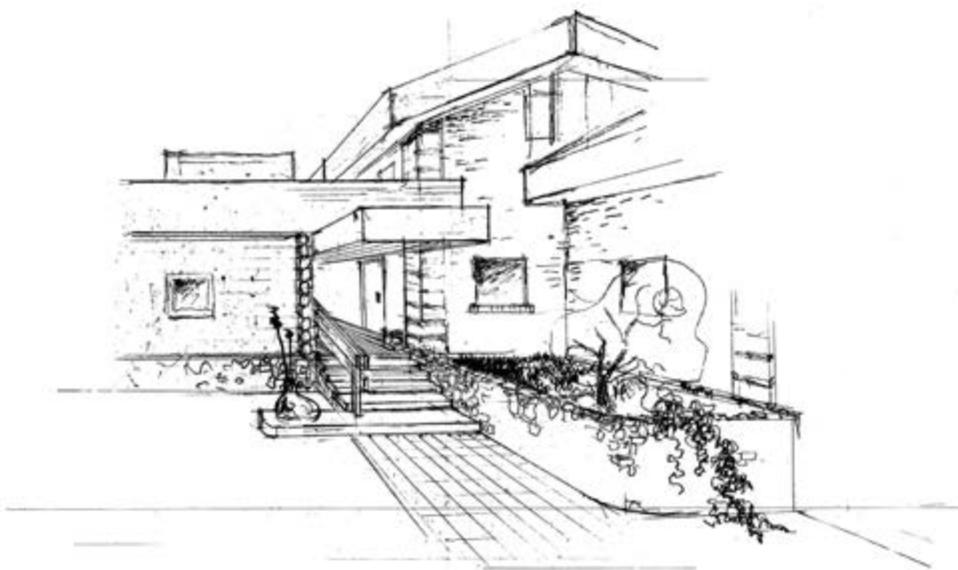
СГ Я никогда не считал, что нотации или какие-то теоретические рассуждения помогают делу, всегда старался показать, нарисовать, исправить на чертеже. От этого, мне кажется, пользы гораздо больше, да и понимают тебя лучше. Естественно, если стремятся понять. Бывает, что вначале студент и слова красивые говорит, и вроде в деле разбирается. Но проходит месяц, другой – и никакого движения вперед нет. А его сокурсник вроде и косноязычный, и рисовать толком не умеет, но воспринимает новое быстро и набирает профессионализм. Для таких и время тратить не жаль. Единственное, что необходимо вкладывать в студента, как в компьютер, и требовать потом абсолютно – это знание проектной документации, всех нормативов, СНиПов...

МТ Какие у вас впечатления от самой процедуры преподавания?

СГ Очень хорошие. Я с удовольствием преподавал. Хотелось бы

Универсальный зал в жилом районе Солнечный.
Архитекторы: С. Григорьев,
С. Карпов, И. Билтуев

^ Загородный дом в пос. Моты. Архитектор С. Григорьев

еще, для разнообразия. Да и работы нет сейчас. Заказов нет.

МТ Говорят, когда вы работали в ИГП, то активно участвовали в праздниках, капустниках и спортивных битвах.

СГ Ну, не стоит преувеличивать. Истинным заводилой был, конечно, В. Г. Нечволодов. Но я тоже выезжал на байкальскую дачу, в хоккей рубился. Помню, в воротах стоял Павлов в своей волчьей дохе и с метлой. Он ею отбивался от шайб. Хотя обычно активного участия

в этих делах он не принимал, в сторонке держался.

МТ Вы около 20 лет состояли членом правления ИРО САР.

СГ По поручению В. А. Павлова я много занимался организацией выставок. Это было по-настоящему сложно: и планшеты подготовить, и пространство зала организовать, да и организационные вопросы урегулировать – все это очень было сложно.

МТ Представьте, что вы сидите на банкете. Какой тост вы бы произнесли?

СГ Я не большой мастер говорить тосты. Но за женщин поднял бы бокал обязательно.

МТ Что бы вы пожелали Иркутской организации Союза архитекторов?

СГ Больше общения с рядовыми архитекторами. Я был членом правления несколько сроков. Обидно было, что правление работает, а остальные как бы в стороне. Ну, молодежь еще иногда активничает. Наверное, надо, чтобы все участвовали в работе Союза. Это не касается творческих успехов: у нас творческий союз, само собой разу-

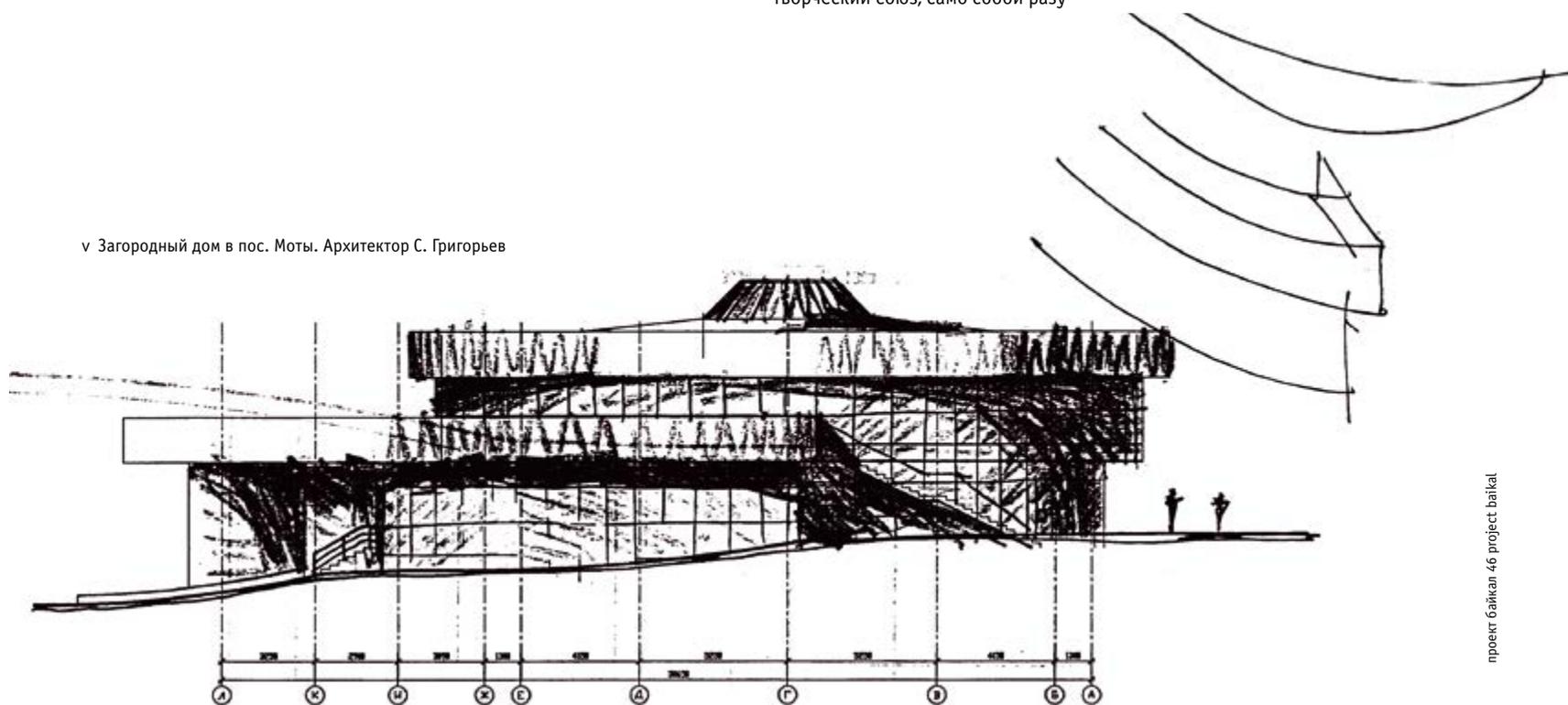
меется, что все люди творческие. Я говорю о том, чтобы лучше было с точки зрения организации.

МТ Вы находитесь в состоянии творческого расцвета: вы многое можете, вы очень многое сделали. У вас есть достижения, через которые переступить уже просто как-то недостойно, не нужно, да и не хочется. Чего бы вы сами себе пожелали?

СГ Еще поработать: есть силы, есть идеи, есть своя мастерская. Хочется, чтобы и заказы были.

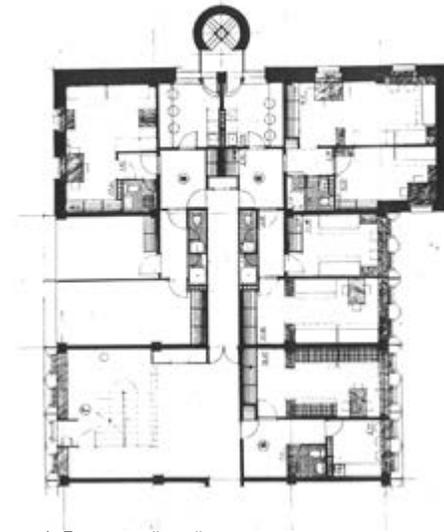
МТ Спасибо и творческих удач!

v Загородный дом в пос. Моты. Архитектор С. Григорьев

^ Общежитие для рабочих и служащих релейного завода на 800 мест

^ План жилой ячейки

Почерк мастера / The Master's Hand

Рассказывается о работе С. М. Григорьева с молодыми архитекторами в конце 1970-х – начале 1980-х, о его наставнической деятельности, о творческом кредо мастера иркутской архитектуры.

Ключевые слова: микрорайон Байкальский, студенческие общежития в Иркутске, иркутская школа. /

The article tells about the master of Irkutsk architecture, S. M. Grigoriev's collaborative work with young architects in the late 1970s – early 1980s, his tutorial activity and his creative credo.

Keywords: Baikalsky microdistrict; student hostels in Irkutsk; Irkutsk school

В Иркутскгражданпроект я пришла по приглашению своего учителя В. А. Павлова и была направлена им в мастерскую № 5, где главным архитектором проектов был С. М. Григорьев. С 1978 года и примерно до 1985-го я работала под его руководством, а потом сама стала ГАПом. Самый первый объект я делала в его авторском коллективе. Это было общежитие для рабочих и служащих релейного завода на 800 мест. Кроме того, Станислав Михайлович разрабатывал всю ту часть микрорайона Байкальского, которая примыкает к кольцевой развязке: дома 135-й серии, весь соцкультбыт. Это был очень интересный объект; в основе его планировочного решения лежало пешеходное общественное пространство. Один из блоков общежития был приподнят на ножки, а на пешеходный променад выходили почта, кафе, почта, телеграф, продовольственный магазин. Таким образом, еще в 1978 году в Иркутске осуществлялись весьма прогрессивные идеи в проектировании, так модные в нынешней российской градостроительной практике. И внутренняя структура общежитий была чрезвычайно

прогрессивной: удавалось уходить от коридорной системы, создавать гораздо более пригодные для жизни ячейки с автономными кухнями и всеми другими удобствами, комплексно решалась вся инфраструктура, размещенная в первых и верхних этажах, – кафе, большой зал, библиотека, спортивные и кружковые, многочисленные бытовые помещения.

Сейчас, уже имея свой опыт руководства молодыми архитекторами, я особенно отчетливо понимаю, каким замечательным руководителем и воспитателем стал для нас Станислав Михайлович: очень терпеливый, очень внимательный, очень деликатный. Никакой назидательности и напряженности, настоящая творческая атмосфера. Нам, конечно, повезло, что начинать довелось под руководством такого мастера.

Вместе мы делали проект зданий областной, районной и городской прокуратуры по улице Володарского в начале восьмидесятых. В этом здании тоже проявились характерные черты иркутской архитектурной школы: компактность решения, формирование внутреннего общественного пространства,

организация этого пространства, некоего прообраза атриума, вокруг парадной лестницы. Конференц-зал был решен в виде амфитеатра (что очень нетрадиционно для советских конференц-залов). Он возвышался над атриумом, в него вела парадная открытая лестница. Минимальной длины коридоры, большинство кабинетов ориентированы на атриум. По окончании проекта Станислав Михайлович доверил мне, совсем неопытному архитектору (стаж работы у меня был три года), поездку в Москву в Прокуратуру СССР для согласования объекта. Там после долгих воспитательных бесед проект согласовали, несмотря на то что он был кардинально непохож на привычные для согласующих инстанций здания прокуратуры.

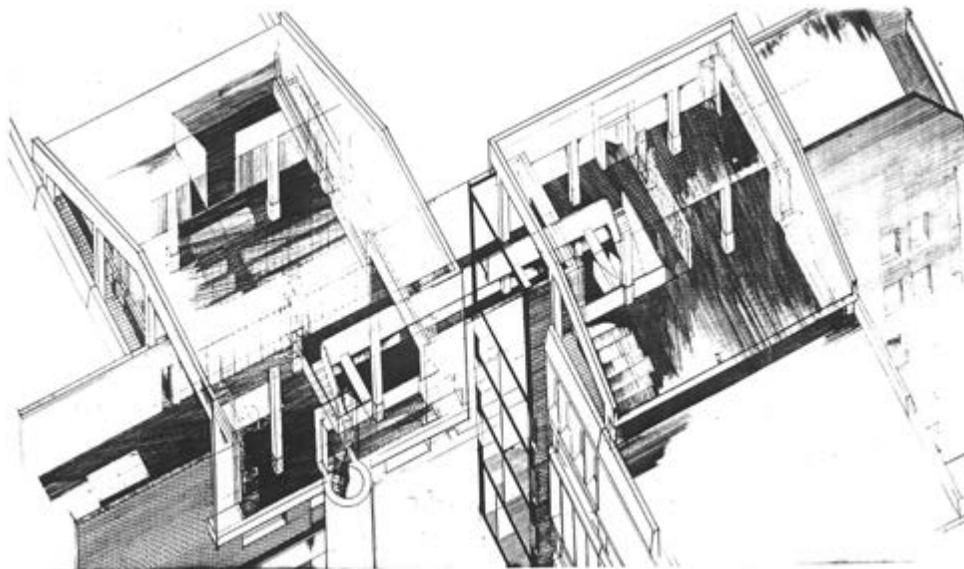
Много совместных проектов осталось нереализованными – профилактории, пионерские лагеря, развитие нархоза по ул. Карла Либкнехта и Осеннему переулку... В советские времена это было обычным делом. Интересной работой было участие в проекте общежития ИИН-Ха (ныне БГУЭП) на 1200 мест по ул. 1-й Советской. Моего авторского участия не было, я занималась привязкой проекта к месту. Здесь

маэстро приобщил меня к традициям градостроительной преемственности: комплекс студенческих общежитий ориентировался своими рекреационно-спортивными зонами на зеленый диаметр, который в будущем должен был соединить берега Ушаковки и Ангары.

Объекты С. М. Григорьева, особенно того периода, принадлежат течению, названному исследователями иркутской павловской школой. Он – самостоятельный, самодостаточный автор со своим индивидуальным почерком, но его главные заповеди – думать прежде всего о городе, о компактности, о климате, достигать эффекта лаконичными средствами, – безусловно, совпадают с идеями В. А. Павлова и В. Ф. Буха. Воспитанник Сибстрин (НГАСУ), Станислав Михайлович Григорьев – один из самых ярких представителей славного периода иркутской архитектуры 1960–1980-х годов. И в трудные для архитекторов и градостроителей последующие периоды он старается оставаться верным себе.

Добавлю еще, что предельная экономичность в планировочных принципах получала естественное продолжение в использовании материалов. Хотя их выбор был более чем скромным, но использовались они очень умело: лицевой кирпич, сочетание лицевого кирпича с мрамором, сочетание лицевого кирпича с белой штукатуркой – с их помощью достигался эффект структурности фасадов.

Конечно, это self-made man, родоначальник династии. Его сын

^ Аксонометрия инфраструктуры верхних этажей

^ Здание областной, районной и городской прокуратуры в Иркутске. Парадная лестница

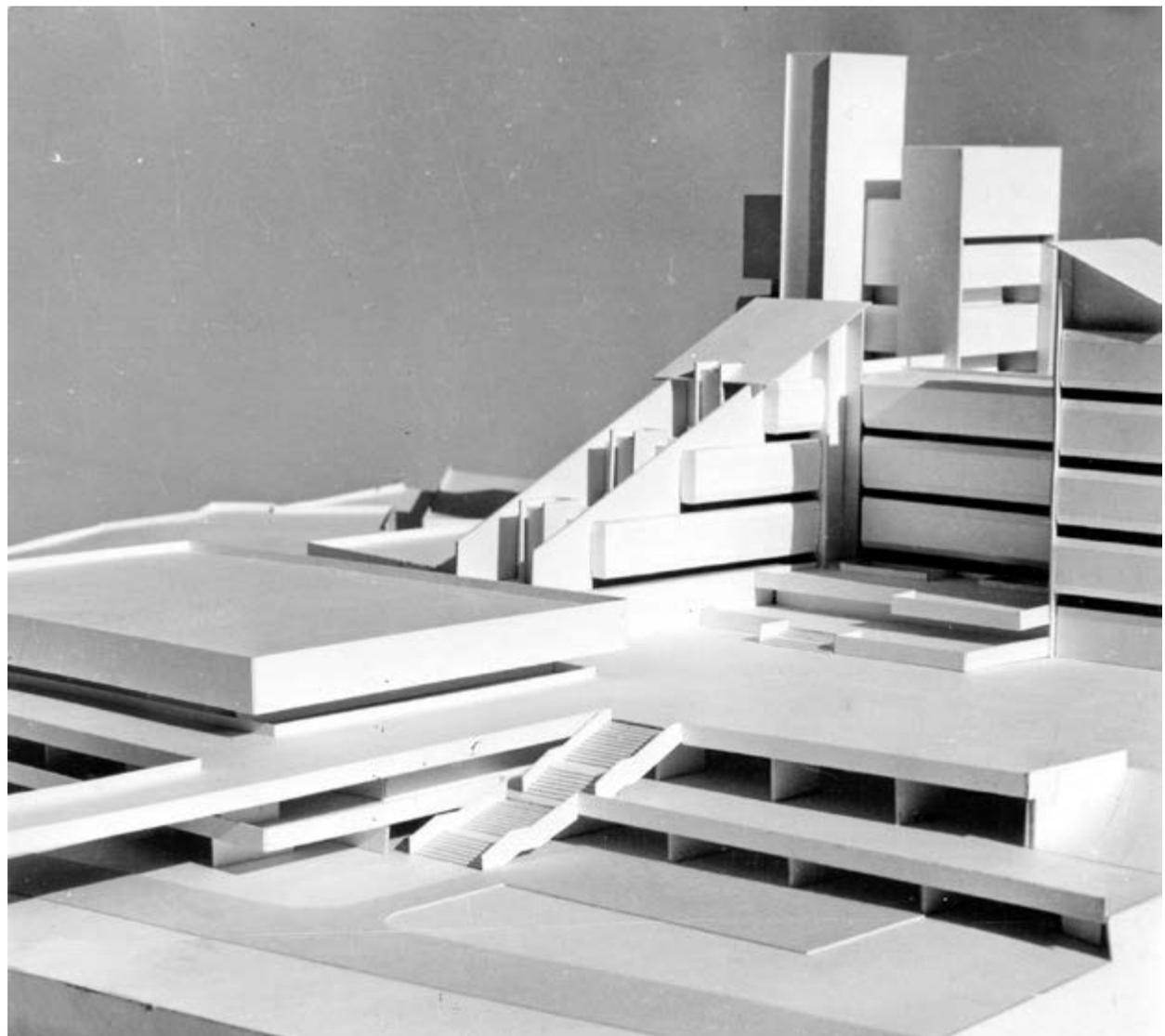
v Эскизный проект развития комплекса зданий института народного хозяйства по ул. Карла Либкнехта и Осеннему переулку. Архитекторы: В. Павлов, С. Григорьев, Е. Григорьева, Е. Третьяков. Проектирование – начало 1980-х гг.

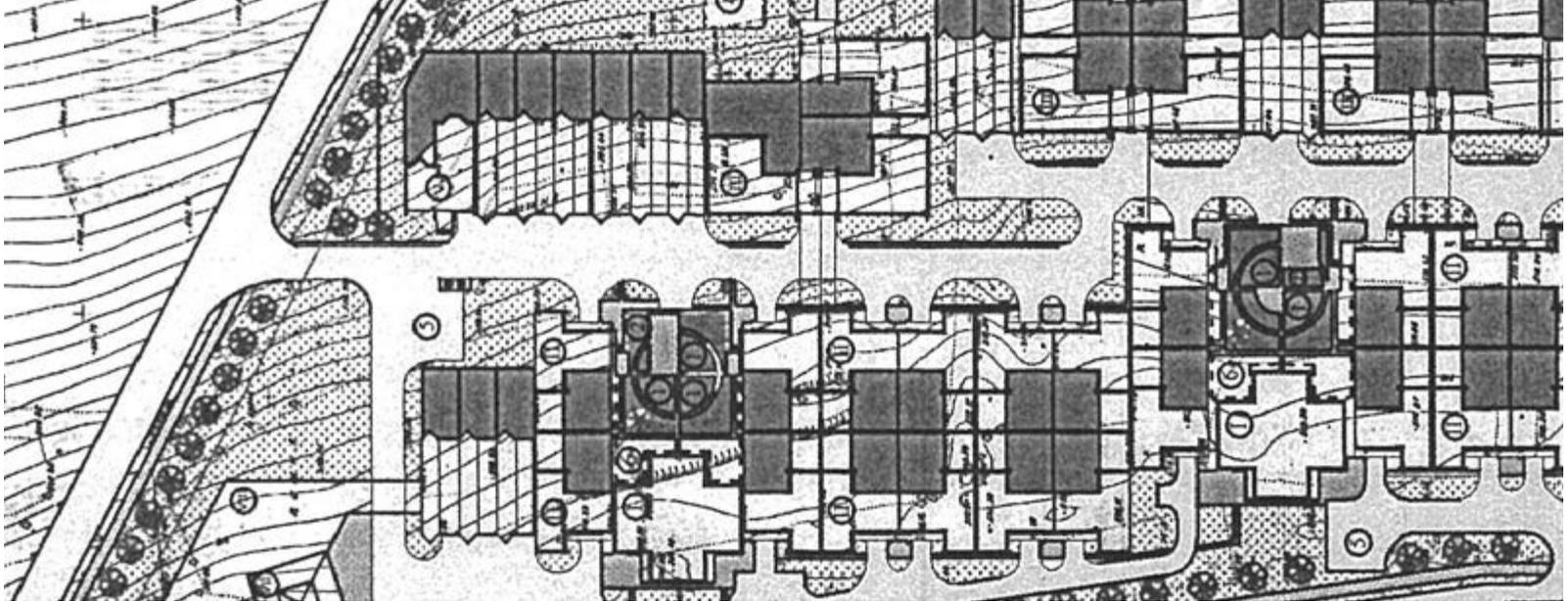
Михаил – активно практикующий архитектор, автор библиотеки Молчанова-Сибирского, строящегося торгового центра на Байкальской.

В период моего председательства в ИРО САР, кроме ответственной работы по организации выставок для фестиваля ЗВС, Станислав Михайлович взялся по моей настоятельной просьбе за очень нудную и щепетильную работу генерального казначея. Я считаю эту деятельность очень важной: в Международном союзе архитекторов, например, генеральный казначей – третья величина. Благодаря ему у нас кардинально изменилась ситуация с членскими взносами. Здесь снова помогла его тонкость, деликатность и последовательность.

Очень благодарна Станиславу Михайловичу за большую школу. Проектные навыки, конечно, привил нам наш руководитель: внимание к проработке планов, тщательность в эргономике, в расстановке оборудования, привычка делать здания рациональнейшими с минимальными коридорами или вообще без них, с рекордным коэффициентом компактности, с минимальными теплотерями (что особенно важно в Сибири), с оптимальной дальнейшей эксплуатацией. И все это в комплексе с передовой инженерией и без ущерба для образного решения.

**Елена Григорьева /
Elena Grigoryeva**

^ Малоэтажная застройка в районе Первомайского

Архитекторы
С. Григорьев, Н. Беляков,
В. Снежно-Блоцкий

Проекты и постройки Станислава Григорьева

46

1. Мкр-н Синюшина Гора в Иркутске, группа жилых домов. Рабочий проект, Иркутскгражданпроект (ИГП). Проектирование – 1966, строительство – 1969–1971. Соавтор проекта.
2. Группа жилых домов в Иркутске. Детская библиотека, магазин на первом этаже жилого дома. Рабочий проект. ИГП. Проектирование – 1966, строительство – 1971. Автор проекта.
3. Рабочий проект реконструкции Дома политпросвещения в Иркутске. ИГП. Проектирование – 1966, строительство – 1969–1970. Автор проекта.
4. Просмотровый и банкетный зал для интуристов в кинотеатре «Художественный» в Иркутске. Рабочий проект. ИГП. Проектирование – 1968, строительство – 1970–1971. Автор проекта.
5. Интерьеры Иркутского педагогического института. Рабочий проект. ИГП. Проектирование – 1967, строительство – 1970. В соавторстве с А. Соколовым.
6. Интерьеры почтового отделения № 3 в Иркутске. ИГП. Проектирование – 1967, строительство – 1970. Автор проекта.
7. Академгородок, генплан. Мкр-н «Б», проект застройки. ИГП. Проектирование – 1969. В соавторстве с С. Нечволодовым, В. Нечитайло.
8. Академгородок, генплан. Микрорайон «Б», рабочий проект. ИГП. Проектирование – 1971, строительство – 1971–1973. В соавторстве с В. Бухом.
9. Иркутский государственный университет, генплан. Проект застройки. ИГП. Проектирование – 1969. В соавторстве с С. Нечволодовым, В. Нечитайло.
10. Производственное здание Иркутскгражданпроекта. Рабочий проект. ИГП. Проектирование – 1968–1970, строительство – 1971. Автор проекта.
11. Комплекс Иркутского педагогического института. Проект застройки. ИГП. Проектирование – 1970.
12. Технический проект реконструкции иркутского ипподрома. ИГП. Проектирование – 1971. В соавторстве с В. Нечитайло.
13. Учебный корпус музыкального факультета Иркутского педагогического института. ИГП. Проектирование – 1971. Автор проекта.
14. Рабочий проект на 12 рабочих мест с КБО в пос. Листвянка на оз. Байкал. ИГП. Проектирование – 1973. ГАП.
15. Проект застройки жилых домов в мкр-не Нагорном, Иркутск. Проектирование – 1975. Автор проекта.
16. Корректировка проекта застройки мкр-на Байкальского, Иркутск. ИГП. Проектирование – 1976, строительство – 1977–1987. В соавторстве с В. Павловым.
17. Рабочий проект магазина, кафе, почты, сберкасса и КБО в мкр-не Байкальском, Иркутск. ИГП. Проектирование – 1977, строительство – 1980. В соавторстве с Е. Григорьевой.
18. Общежитие релейного завода на 800 мест в мкр-не Байкальском, Иркутск. ИГП. Проектирование – 1980, строительство – 1988. ГАП, в соавторстве с Е. Григорьевой.
19. Общежитие на 1200 мест Иркутского педагогического института с производственным зданием № 1. ИГП. Проектирование – 1976, строительство – 1988. ГАП, в соавторстве с В. Павловым.
20. Общежитие на 1200 мест Иркутского политехнического института и института народного хозяйства. ИГП. Проектирование – 1985, строительство – 1990. ГАП, в соавторстве с В. Павловым.
21. Рабочий проект лабораторного корпуса, спортивных залов и столовой Иркутского института народного хозяйства. ИГП. Проектирование – 1984. В соавторстве с В. Павловым, Е. Григорьевой.
22. Общежитие на 600 мест для международного факультета Иркутского политехнического института. ПТАМ «А». Проектирование – 1985. Автор проекта.
23. Надстройка учебного корпуса Иркутского педагогического института. ПТАМ «А». Проектирование – 1992, строительство – 1993. Автор проекта.
24. Эскизный проект гостиницы на 400 мест в мкр-не Байкальском, Иркутске. ПТАМ «А». Проектирование – 1990. В соавторстве с А. Зибровым.

^ Онкологический центр в Иркутске

Архитектор С. Григорьев

25. Детские сады-ясли на 140, 280, 320 мест в Иркутске и Иркутской области. ИГП. Проектирование – 1969, строительство – 1970–1977. ГАП.

26. Переработка типового проекта детсада-яслей на 280 мест по конструктивной схеме с неполным каркасом в Иркутске и Иркутской области. ИГП. Проектирование – 1980, строительство – 1985. В соавторстве с инж. Ю. Бержинским.

27. Группа жилых домов с пристроенным детским садом-яслями на 140 мест по ул. Дорожной, Иркутск. ИГП. Проектирование – 1986. ГАП, в соавторстве с А. Носыревым.

28. Поликлиника на 600 посещений в день из индивидуальных сборных панелей в Иркутске (Академгородок) и Усолье-Сибирском. ИГП. Проектирование – 1983, строительство – 1985. В соавторстве с инж. Ю. Бержинским.

29. Проект застройки торгового центра в мкр-не «Б» Академгородка, Иркутск. ИГП. Проектирование – 1974. Автор проекта.

30. Гостиница в Академгородке, Иркутск. ИГП. Проектирование – 1974, строительство – 1976. В соавторстве с В. Павловым.

31. Проект застройки комплекса жилых домов, общежитий с молодежным центром Иркутского политехнического института. ПТАМ «А». Проектирование – 1991. Автор проекта.

32. Проект застройки ул. Декабрьских Событий, Иркутск. ИГП. Проектирование – 1982. В соавторстве с В. Бухом, Е. Григорьевой, Е. Третьяковым.

33. Рабочий проект хирургического корпуса Иркутского областного онкодиспансе-ра. ПТАМ «А». Проектирование – 1983. ГАП.

34. Комплекс жилых домов с торговым, оздоровительным центром и надземными автостоянками в мкр-не Солнечном, Иркутск. ПТАМ «А». Проектирование – 1991, строительство – 2003. В соавторстве с А. Макаровым, С. Карповым.

35. Гостиница на 30 мест (деревянный брус) в пос. Листвянка на оз. Байкал. ПТАМ «А». проектирование – 1999, строительство – 2000. Автор проекта.

36. Магазин химреактивов в Академгородке, Иркутск. ИГП. Проектирование – 1974. ГАП.

37. Эскиз застройки торгового центра в Академгородке, Иркутск. ИГП. Проектирование – 1976. Автор проекта.

38. Проект застройки группы жилых домов по ул. Леся Украинки, Иркутск. ПТАМ «А». Проектирование – 2003. В соавторстве с М. Григорьевым.

39. Проект застройки железнодорожного микрорайона, Иркутск. ИГП. Проектирование – 1995. В соавторстве с А. Макаровым, С. Карповым.

40. Рабочий проект группы жилых домов по ул. Гоголя, Иркутск. ИГП. Проектирование – 1989, строительство – 1993. ГАП.

41. Проект застройки квартала в исторической части Иркутска. ИГП. Проектирование – 1990. В соавторстве с А. Носыревым, искусствовед В. Щербин.

42. Рабочий проект 2-этажных блокированных жилых домов по ул. Курчатова, Иркутск. ИГП. Проектирование – 1996, строительство – 1998. ГАП, в соавторстве с А. Зибровым.

43. Рабочий проект группы жилых домов с подземной автостоянкой по ул. Профсоюзной, Иркутск. Проектирование – 1997, строительство – 2000. ПТАМ «А». Автор проекта.

44. Рабочий проект комплекса молодежной гостиницы на 600 мест, ВЦ Леспрома и расширения Сибгипробума, Иркутск. ИГП. Проектирование – 1978. В соавторстве с В. Павловым, Е. Третьяковым.

^ Реконструкция иркутского ипподрома
Архитекторы
С. Григорьев, В. Нечитайло

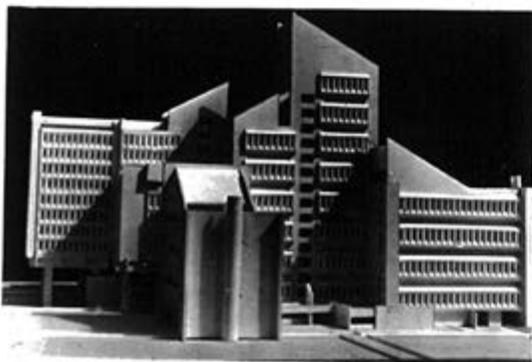
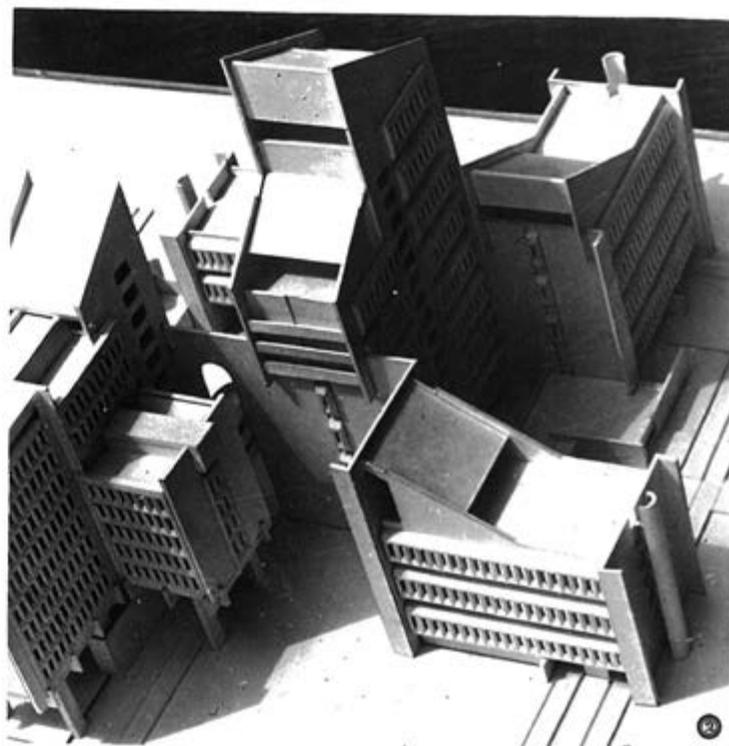
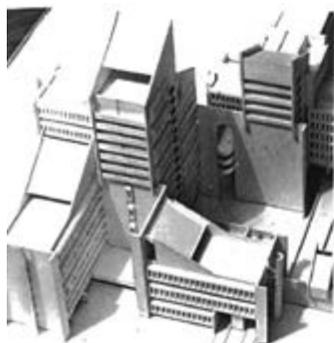
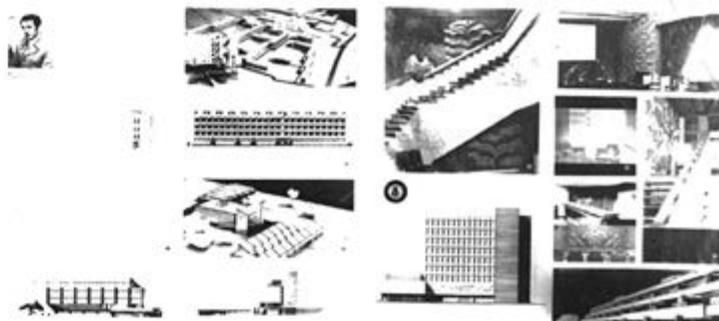
Смотр молодых архитекторов СССР. 3-я премия

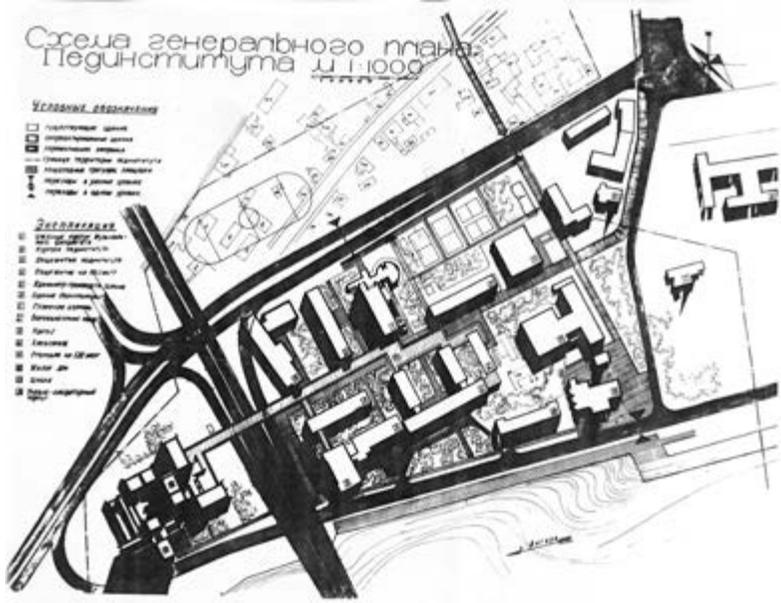

Григорьев СМ

Иркутская организация союза архитекторов СССР

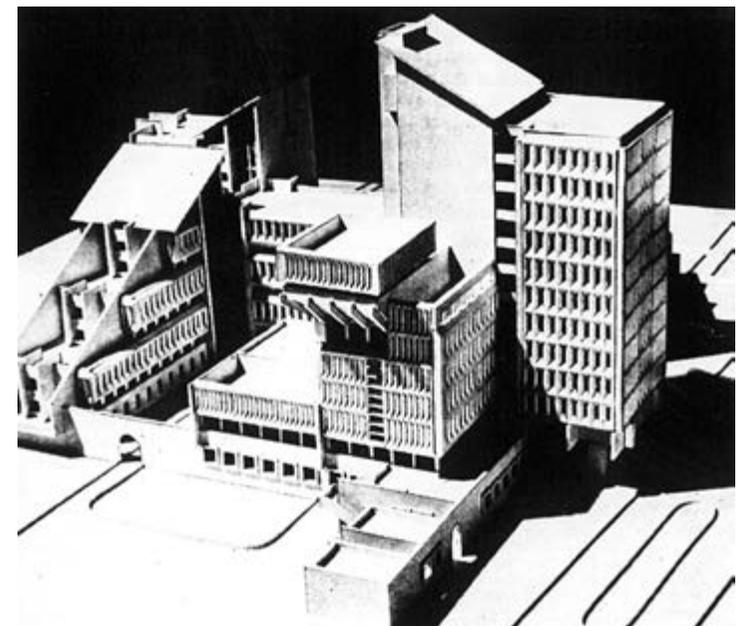
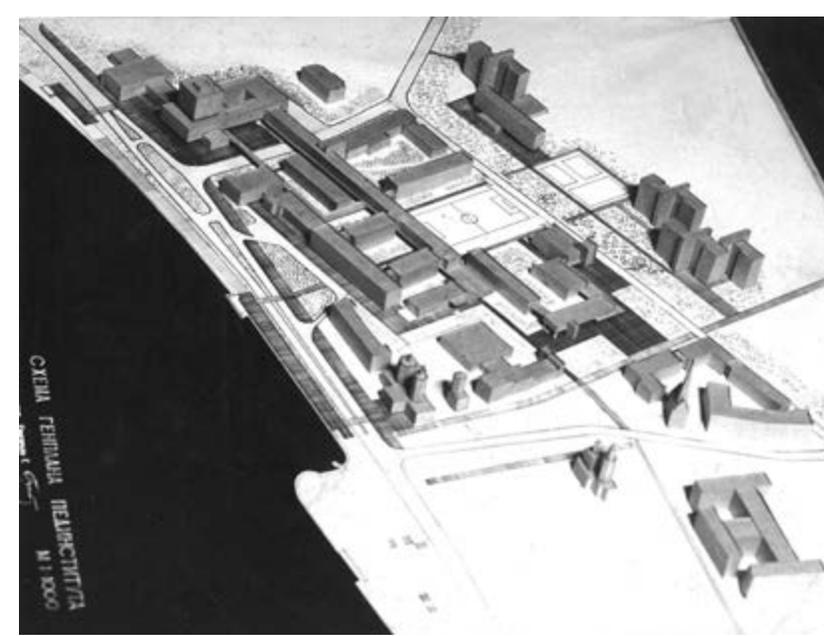
В Иркутске в 1968 году была построена новая организация Союза архитекторов СССР. Проект разработан С.М. Григорьевым. Здание имеет сложную форму, характерную для архитектуры 1960-х годов. Оно состоит из нескольких корпусов, соединенных между собой. Здание имеет высокие этажи и большие окна. Проект был выполнен в 1968 году.

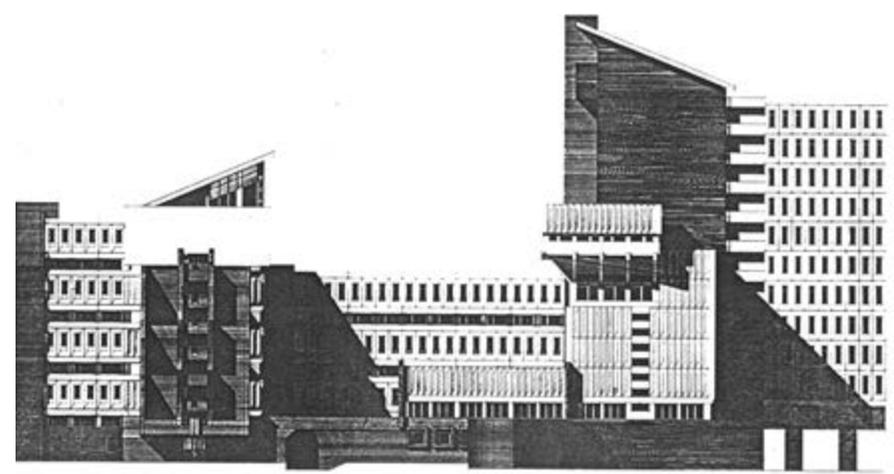
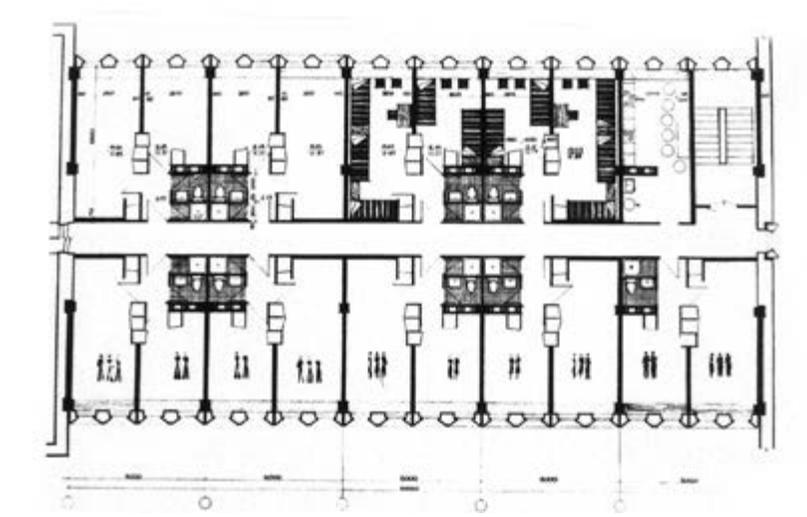

Общежитие на 1200 мест
Иркутского педагогического института

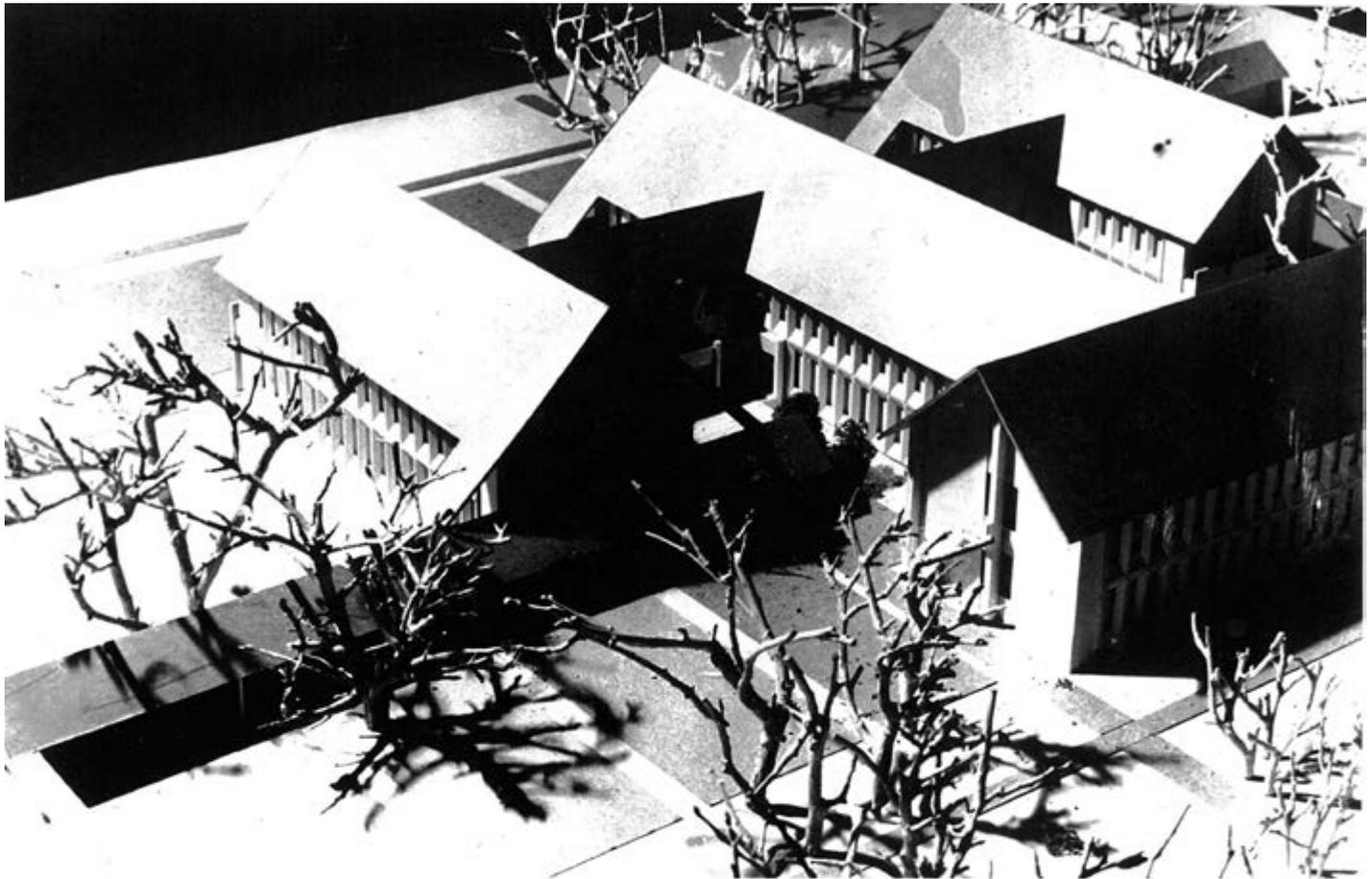
Архитекторы
В. Павлов, С. Григорьев

49

Детские сады-ясли разной вместимости

50

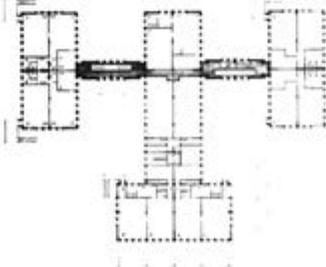
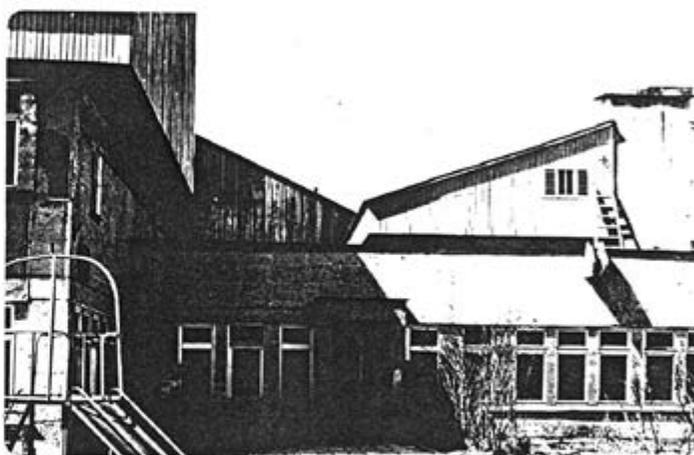
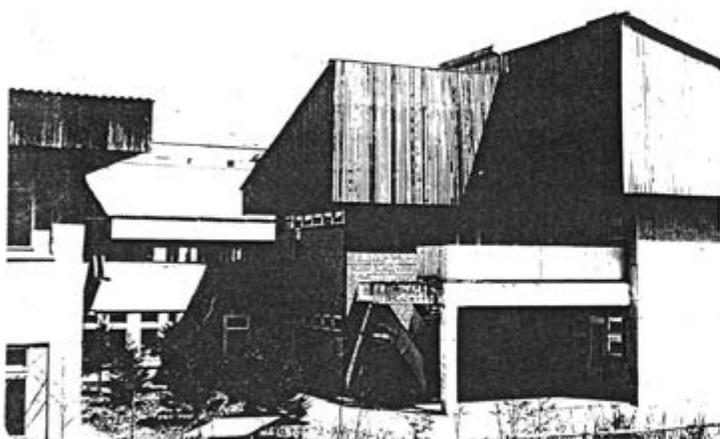
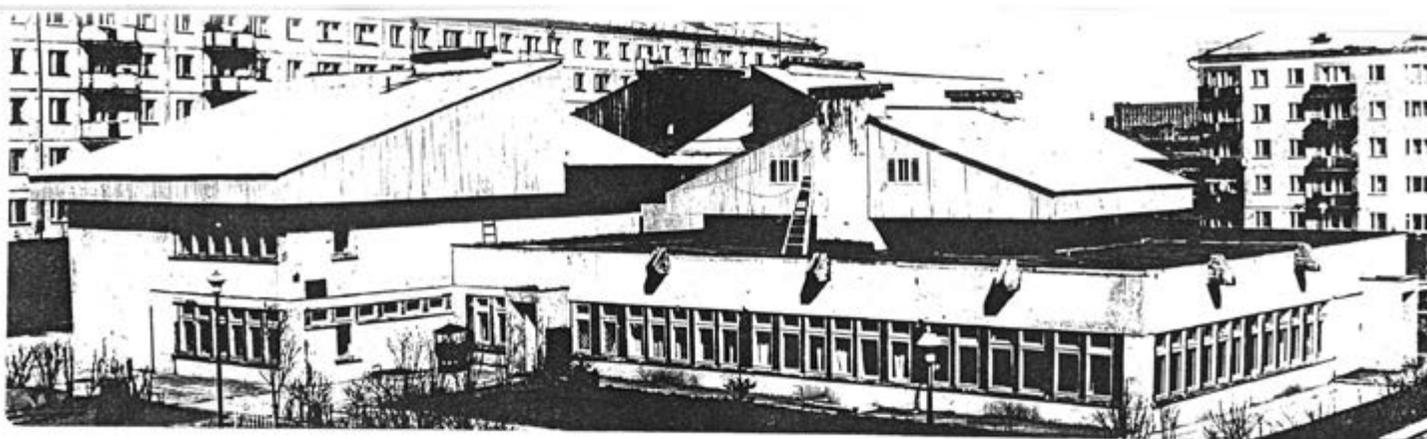

Таблица с техническими характеристиками и спецификацией, содержащая названия помещений, их площади и другие данные.

ВАРИАНТ Т.П. 212-1-204С ДЕТСКИХ ЯСЕЛЬ-САДА НА 320 МЕСТ С ПАНЕЛЬНЫМИ НЕСУЩИМИ СТЕНАМИ И НЕПОЛНЫМ КАРКАСОМ

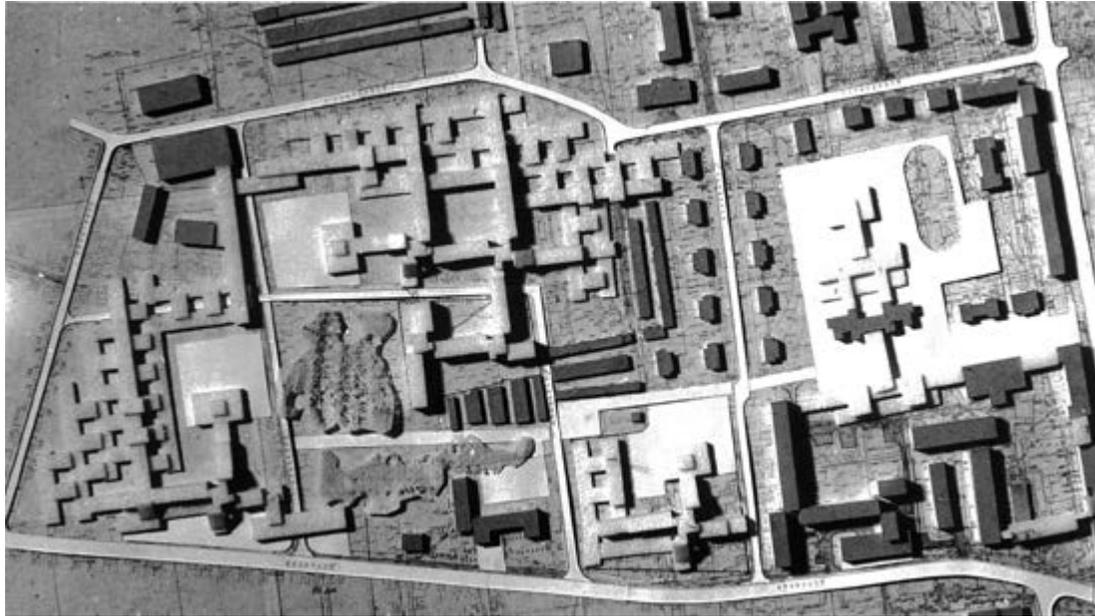
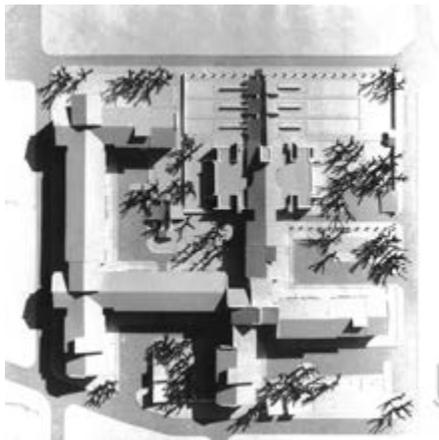
Архитектор С. Григорьев

ДЕТСКИЕ ЯСЛИ - САД НА 160, 280, 320 МЕСТ

мастера

Застройка по ул. Дорожной

Рабочая документация группы жилых домов по ул. Дорожной с детским садом на 140 мест.
Архитекторы С. Григорьев, А. Носарев

Группа жилых домов в мкр-не Солнечный

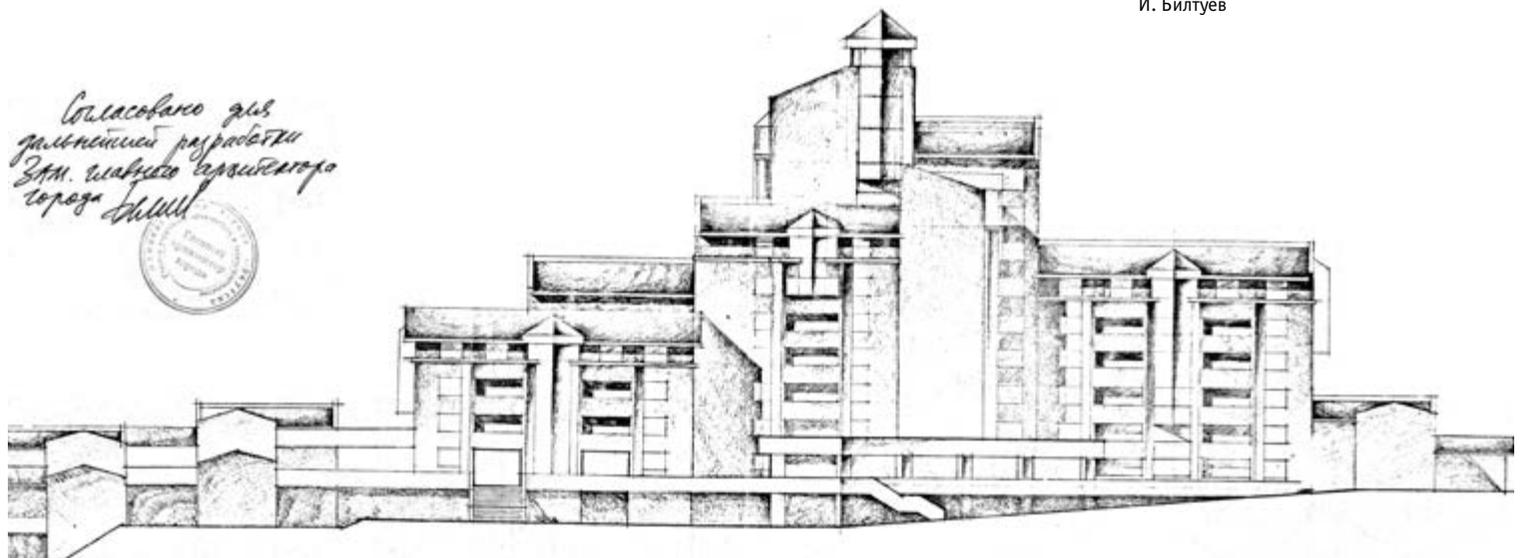
Архитектор
С. Григорьев

53

Проект жилого дома по ул. Байкальской

Архитекторы
С. Григорьев,
С. Карпов,
И. Билтуев

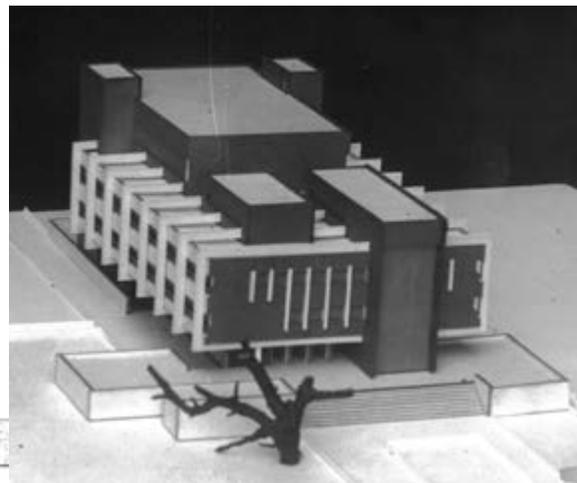
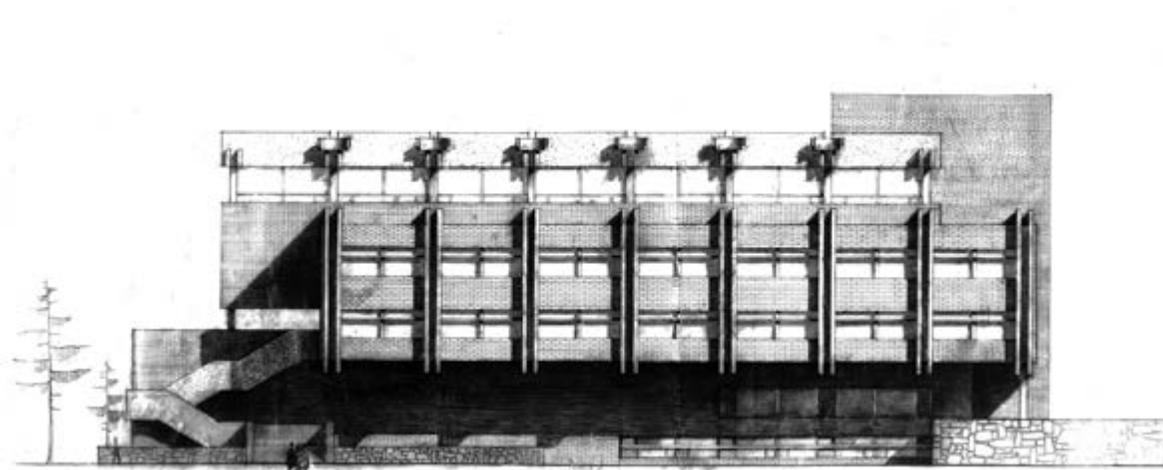

Гостиница в пос. Листвянка

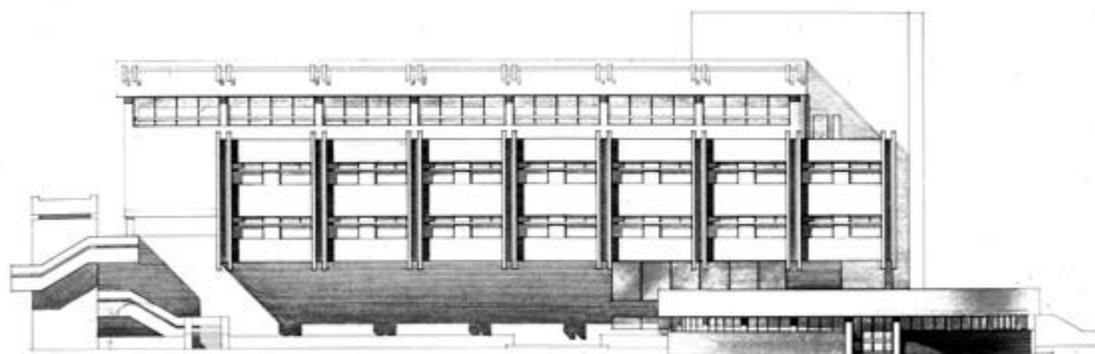
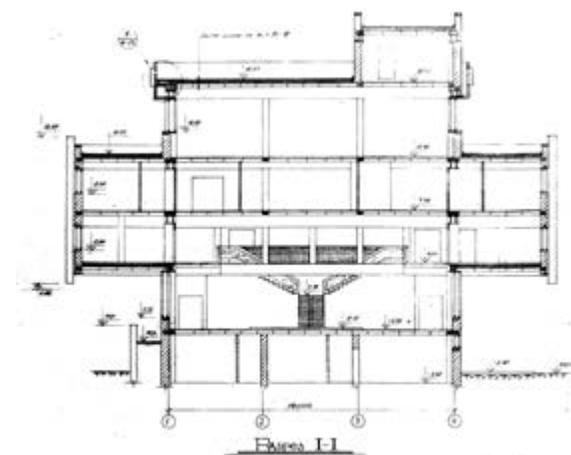
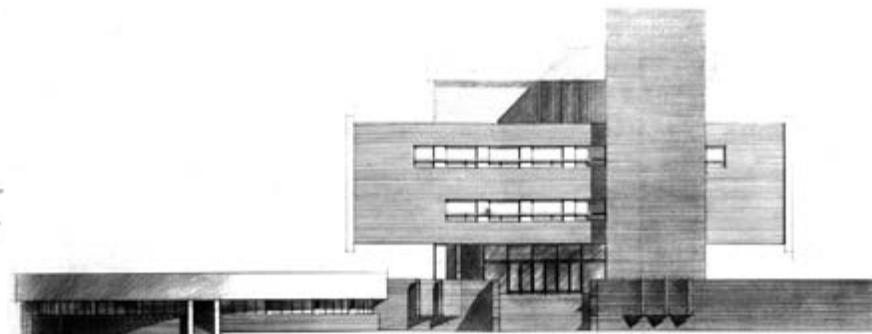
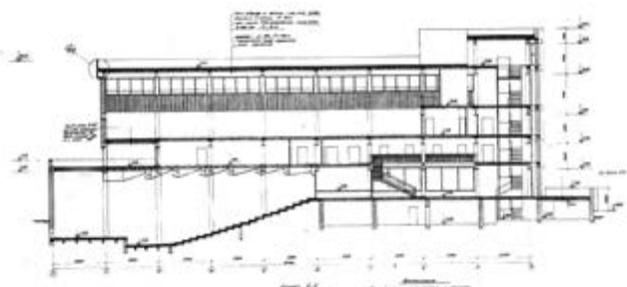

Архитекторы С. Григорьев, И. Билтуев

Учебный корпус музыкального факультета педагогического института

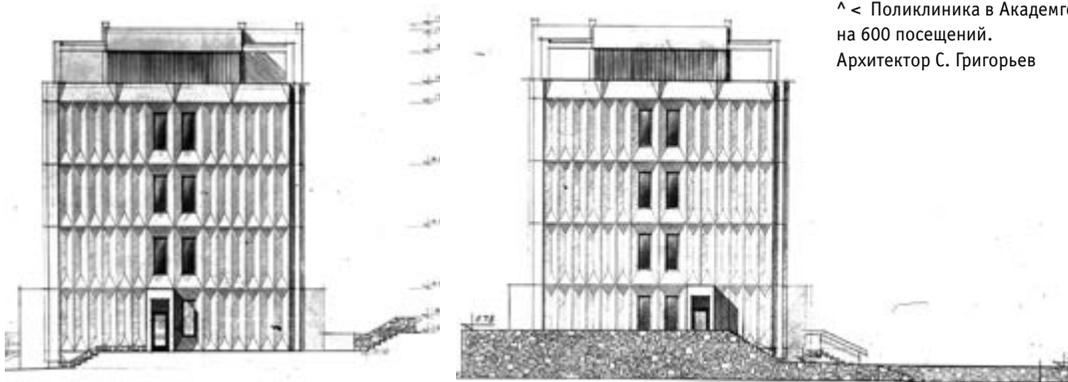

Архитектор С. Григорьев

Объекты с применением панелей «соты»

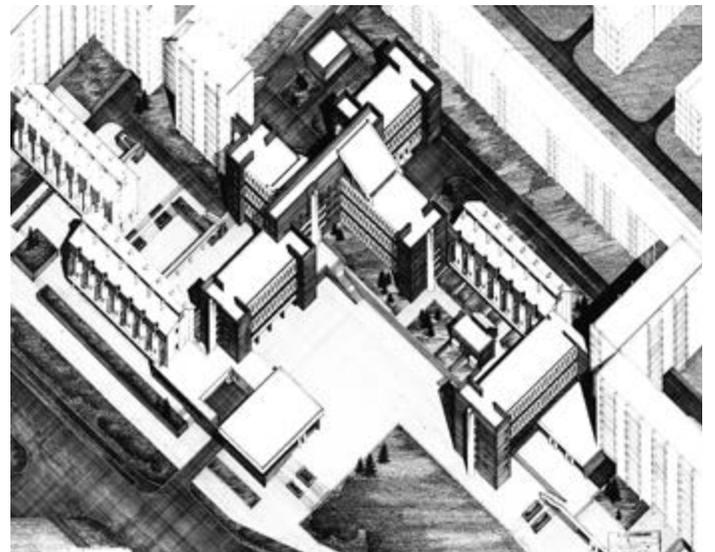
56

^ < Поликлиника в Академгородке
на 600 посещений.
Архитектор С. Григорьев

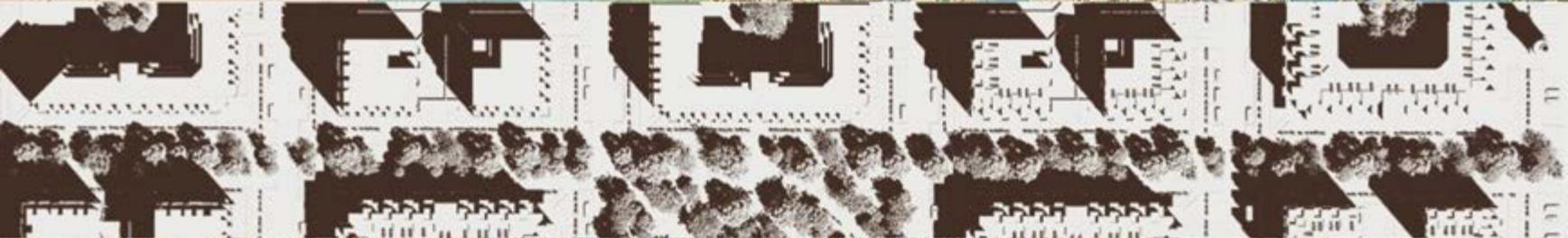

Общежития переменной этажности Института народного хозяйства на 1 200 мест по ул. Советской. Архитекторы: В. Павлов, С. Григорьев

Общежитие на 800 мест в мкр-не Байкальском.
Архитекторы: В. Павлов, С. Григорьев, Е. Григорьева

кварталы / quarters

В повседневной жизни кварталы чаще воспринимаются как фрагменты города, выделенные по признаку своеобразного уклада жизни (горожанства). Каждому из множества разновидностей горожанства соответствует свое понимание счастья. Отсюда следует, что только урбанистические решения в масштабах квартала способны сделать жителей счастливей. Масштабы города, региона, страны и так далее слишком велики, а спектр горожанства (и, соответственно, образов счастья) в них слишком широк для поисков единых способов оптимизации городской среды.

Ключевые слова: урбанистика, квартал, архитектура, социальная психология, счастье. /

In everyday life quarters are often perceived as urban fragments divided according to peculiarities of the lifestyle (urbanship). Every variation of urbanship has a corresponding conception of happiness. Thus, only urbanistic decisions on a quarter scale can make citizens happier. City, regional and country scales are too big, and the variety of forms of urbanship (and corresponding visions of happiness) is too wide there to search for uniform ways of optimization of the city environment.

Keywords: urban studies; quarter; architecture; social psychology; happiness.

Since Plato, all projects of ideal cities have been aimed at making the inhabitants as happy as possible. However, there is no clear and constructive definition of happiness.

Only one element is steadily repeated in a number of definitions of happiness. This invariant means an absolute attractiveness of happiness. Whatever is meant by this multivalent word, it is obvious that happiness is attractive and desired.

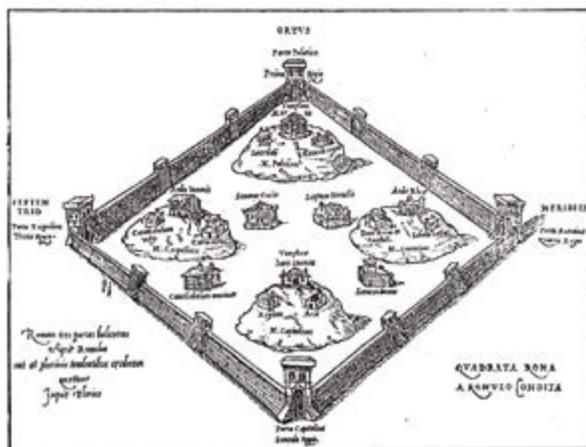
Attractiveness exists on different layers.

The first (biological) layer is caused by instincts (drivers) possessed by any living creature. Any living creature aspires to take as much and as best as possible from the environment: food, sex, hunting lands, sunshine... In general, they want to increase the intensity and laminarity of information exchange with the environment. Thorstein Veblen considered this aspiration as an instinct of Curiosity and an instinct of Workmanship. Emotionally, the strongest and the well-ordered flow of information corresponds to the

Кварталы. Пять слоев счастья

Способно ли горожанство сделать людей счастливее?

> Так, по мнению Фаблю Кальво, выглядел «Квадратный Рим» времен Ромула (Antiquae Urbis Romae cum regionibus simulacrum, Fabio Calvo, Rome, 1527)

Введение. Квадратный город и его кварталы

21 апреля 753 года до н. э. первый римский царь, братоубийца Ромул, основал на Палатинском холме поселение. По этрусской традиции оно имело форму прямоугольника и называлось Roma Quadrata. Две центральные оси поселения – кардо и декуманус – были ориентированы в меридиональном и широтном направлениях, чтобы согласовать структуру города с гармонией квадратной Вселенной.

Расширяясь, город занимал окрестные холмы, но сохранял свою квадратичную структуру. Три рода (трибы) старейшей аристократии Рима компактно селились каждый на своем холме, а четвертую часть города Ромул отвел для поселения сабинянам, чьих женщин римляне похитили в ходе решения своих демографических проблем [5, 12].

Спустя несколько веков деление города на четверти все еще сохранялось. На Палатине селились самые родовитые, богатые и властные. Субура, напротив, кишела беднотой и подонками. На Эсквiline жили ремесленники и торговцы. Квиринал по традиции населяли сабиняне, а позже и все остальные иностранцы [1].

Идея квадратного города изначально противостояла идее города круглого, концентрического, с делением на треугольные сегменты. Круглые города строили восточные деспоты – такими были Экбатаны, столица персидских царей Великой Мидии или Самаль хеттов. Согласно пифаго-

рейскому учению, живой, динамичный характер числа три и треугольника должны были уравновешивать замкнутый и неподвижный образ концентрического круглого города. Стабильный, надежный характер четверки и прямоугольника позволяли городу быть проницаемым, пронизанным сквозными улицами и проезжими дорогами [2].

Противостояние квадратности и треугольности в структуре городов продолжается и сегодня. Но все-таки в большинстве языков чаще встречается названия градостроительных единиц, основанные на четвертичном делении. В русском языке это слово «квартал».

Современное словарное значение слова «квартал» вроде бы определяется как часть города, ограниченная соседними улицами. Но это определение тут же входит в противоречие с практикой употребления таких понятий, как «китайские» (и другие национальные) кварталы, богатые или бедные кварталы, «кварталы красных фонарей» и так далее. Очевидно, во многих случаях кварталом называется часть города, выделенная по образу жизни его обитателей. Скажем, в китайском квартале могут жить не только выходцы из Поднебесной, но уклад жизни в нем действительно напоминает захолустный городок в Китае: границы квартала возникают не по национальному признаку, а именно по признаку того, что называется «горожанство» [6].

Кварталы утопий

Такое понимание квартального деления городов имеет прямое отношение к теме, которая снова приобрела актуальное звучание в сегодняшней урбанистике. Я имею в виду тему «города, который делает людей счастливее». Она вновь активно обсуждается, в основном в связи с выходом книги Яна Гейла «Города для людей» [3]. Книга была мгновенно переведена на русский и стала бестселлером, хотя сама по себе идея вовсе не нова. Например, в 1973 году Михаил Посохин выпустил книгу «Город для человека», вроде о том же самом [11]. Его шестидесятилетние идеи опирались на наследие конструктивистов, которые очень решительно планировали осчастливить все передовое человечество. Да и был ли в истории такой градостроительный проект, в любой степени утопический, чтобы в нем не заявлялась забота о счастье людей? Начиная с Платона, все проекты идеальных городов предназначены только для одного – сделать горожан макси-

^ Амброджи Лоренцетти. Результаты доброго управления городом (XIV век). Счастливы квартал глазами художника Раннего Возрождения. Четкий ритм, человеческий масштаб, активная жизнь в общественных пространствах. Почти полное соответствие критериям Яна Гейла

Quarters. Five Layers of Happiness

Can urbanship make people happier?

мально счастливыми. Проблема, однако, заключается в отсутствии сколько-нибудь внятного и конструктивного определения счастья.

Персонаж повести «Понедельник начинается в субботу» Магнус Редькин проделал огромную работу, собрав множество определений счастья – от парадоксальных (счастье есть отсутствие несчастья) до бытовых (высший успех, довольство, удача), но так и не понял, в чем же заключается подлинное счастье исследователя. Оно, конечно же, – в поиске нового, в открытии новых и новейших горизонтов, в бесконечном процессе познания. Через десятилетие, поменяв оптимизм на мудрость, Стругацкие написали повесть «Далекая Радуга» о том, как неудержимые искатели открытий выселены с Земли на отдельную планету. Там они и проводят свои эксперименты, чреватые планетарной катастрофой.

Авторы утопий эпохи Просвещения не занимались сборником определений счастья. Они точно знали, в чем это самое счастье заключается – в порядке, неукоснительном соблюдении закона, в священной иерархии. Город Солнца Кампанеллы обнесен круглой стеной, концентрически повторенной семь раз, но в нем есть и четверо ворот. Так объединены в структуре города троичный и четвертичный принципы, ибо город есть универсум. На стенах центрального храма изображено все сущее на свете – боги и насекомые, минералы, ветры, звезды, птицы и рыбы, включая удивительную рыбу в форме мужского члена. Эта энциклопедия в картинках демонстрирует: внутри города содержится все, что есть в мире ценного и хорошего. Все, что за городскими стенами, – то плохо, хаотично и проклято, и вообще не считается. Солярии живут по строжайшему, до мелочей расписанному регламенту, и счастливы от этого. Те же, кто не понимает такого счастья, как бы и не живут вовсе. Они только бессмысленно мучаются, как неправедные души, не допущенные в Новый Иерусалим после Страшного суда.

Прошло несколько веков, и утопический образ жизни стал основой для мрачных антиутопий Замятина, Оруэлла, Хаксли и многих, многих других.

Ехидный Станислав Лем в одном из путешествий Ийона Тихого описал планету Энция – одновременно утопию и антиутопию. В цивилизации энцианов наука о счастье (фелицитология) достигла небывалых высот. В результате возникла целиком искусственная среда, в которой

все вещи, здания, машины содержат в себе множество микроскопических роботов, а в мозг каждого робота заложены нерушимые правила гуманистической этики. В такой «этикосфере» ни один человек не может причинить вреда другому человеку: скажем, при попытке дать собеседнику по физиономии рукава одежды затвердевают и не дают агрессору двигаться. Кажется бы, чем не счастье – мир без насилия? Но нет, автор (да и читатель) от такого мира явно не в восторге.

Складывается впечатление, что какой бы вариант счастья ни придумали утописты, при внимательном рассмотрении он обязательно превращается в свою противоположность. Любая утопия в процессе реализации становится антиутопией. Подобная судьба постигла множество городов, построенных для людей: Ахетатон и Чандигарх, города-сады и Лучезарный город Корбюзье, Великие американские города и так далее [4,9, 10].

Так что же получается: построить город, который делает людей счастливее, невозможно? Неужели любые попытки построить рай в лучшем случае приводят в чистилище?

Счастье и его разновидности

Из множества определений счастья можно выделить только один повторяющийся элемент. Инвариант этот заключается в безусловной привлекательности (аттрактивности) счастья. Что бы ни понималось под этим многозначным словом, очевидно одно: счастье привлекательно и желанно.

Аттрактивность, однако, существует и проявляется на нескольких уровнях (слоях).

Первый слой (биологический) обусловлен инстинктами (драйвами), которые присущи всему живому. Любой живущий организм стремится получить из окружающей среды всего побольше и повыше качеством – еды, секса, охотничьих угодий, солнечного света... В общем случае можно сказать, что все живое стремится увеличить интенсивность и ламинарность информационного обмена с окружающей средой. Торстейн Веблен обозначал это стремление как инстинкт Любопытства и инстинкт Мастерства. В эмоциональном отношении самый мощный и упорядоченный поток информации соответствует переживанию эмоций группы «радость – гордость» (уважение, радость, гордость, восторг, экстаз). В английском

group of emotions “happiness-pride” (respect, happiness, pride, enthusiasm, ecstasy).

The macrosocial layer of happiness is based on the ideology of big social communities, for example, in states. Thus, the “American dream” ideology complies with the biological sense of happiness. A true American is always happy and proud of being an American. Phallic silhouettes of skyscrapers in Manhattan – the symbol of American lifestyle – refer to happiness of the primary or biological type. Happiness means much and regularly.

In modern Russia, unfortunately, we can observe tendencies to search for happiness within the group of “angry” emotions (distrust, suspicion, anxiety, aggression). The image of Russia surrounded by predatory enemies and traitors is very popular. It is also common to look for enemies and traitors inside the country, from oligarchs and ministers to representatives of creative intelligentsia. The architectural and historical heritage suffers great

losses because of the ideology of all-destroying “angry happiness”.

The third layer of happiness is formed on the microsocial level in small communities containing from several people to three or four thousands. A family, a club, a professional or creative union can be examples of microsocial units. Every community develops its own vision of happiness and the lifestyle based on this vision. Obviously, population of the quarter is also in this category (if we define the quarter as a community with specific urbanship).

The fourth layer of happiness is individual. Everybody has their own vision of happiness, which is as unique as a human person is.

The fifth layer of happiness is formed on the subpersonal level. Different fragments of the human person are often so independent that it seems that one body contains several different people. Some fragments of one’s mind may have their own vision of happiness. Inconsistency of human

> Карл-Фридрих Шиле. Готический замок над водой (XIX век). Романтическая эстетика утверждала высокую ценность состояний печали, тоски, задумчивости... Счастливый квартал для романтиков насыщен руинами и памятниками прошлого

языке «счастье» и «радость» обозначается одним словом, что не лишено смысла, хотя иногда способно сильно сбить с толку. Ведь если отождествить счастье и радость, то на этом, чисто биологическом уровне трудно отличить человека от инфузории.

Второй, макросоциальный слой понятия счастья обусловлен идеологией, господствующей в больших социальных сообществах, например в государствах. Так, идеология «американской мечты» совпадает с биологическим смыслом счастья. Настоящий американец всегда испытывает радость и гордость от того, что он – американец. Фаллические силуэты небоскребов Манхэттена, символ американского образа жизни, прямо отсылают к радостям первичного, биологического характера. Счастье – это когда всего много и регулярно.

Большинство европейских государств исповедуют идеологию равнодушия (которую часто принимают за отсутствие идеологии как таковой). Заковыристое слово «деидеологизация» означает, что житель Германии или Болгарии вообще не испытывает никаких заметных переживаний по поводу своего гражданства или места проживания. Значение имеет только личный комфорт и личные интересы, а страну можно и поменять. Всеядное архитектурное разнообразие европейских городов вполне соответствует идеологии «равнодушного счастья».

В современной России, к сожалению, весьма заметны тенденции к поискам счастья в области эмоций группы

«гнев» (недоверие, подозрительность, тревожность, агрессия). Активно используется образ России, окруженной хищными врагами и предателями. Никак не выйдет из моды поиск врагов и предателей внутри – от олигархов и министров до представителей творческой интеллигенции. Огромные потери, которые несет архитектурно-историческое наследие российских городов, напрямую связаны с идеологией разрушительного «гневно-счастливого».

Третий слой счастья образуется на **микросоциальном уровне** в небольших сообществах размером от нескольких человек до трех – пяти тысяч. Семья, клуб, профессиональный или творческий союз – примеры микросоциальных единиц. В каждом таком сообществе вырабатывается свой образ счастья и основанный на нем образ жизни. Очевидно, население квартала также попадает в эту категорию (если, конечно, использовать приведенное выше определение квартала как сообщества со своеобразным горожанством). В нашем журнале уже публиковались материалы, рассматривающие связь между идеологией квартала и его градостроительными характеристиками [7]. Помимо ярко выраженных, предельных образцов квартальной идеологии, существует богатый спектр вариантов «квартального счастья»: так, между барселонским Эшампле и бразильскими фовелами располагается непрерывный ряд способов баланса между порядком и хаосом.

Четвертый слой счастья индивидуален. Личный образ счастья у каждого свой, и он так же неповторим, как уникальна каждая человеческая личность.

Каждый наверняка встречал людей долга, чести и совести, для которых счастье заключается в том, чтобы все было правильно и законно. Не редкость и люди гордые, радостные – они обычно обладают особой харизмой (в полном соответствии с биологической притягательностью области «радость – гордость»). В детстве большинство людей проживает стадию, когда счастье находится в области «интерес». Нередко приходится сталкиваться и с людьми, чье счастье расположено в гневе, – это люди конфликтные, дерзкие и раздражительные. Даже такие непопулярные эмоции, как страх, отвращение и печаль, могут для кого-то быть «областью счастья». Авантюрист, игрок наслаждается опасностью (как с исчерпывающей

behavior and ambivalence of human desires prove that the deepest and the most sophisticated attractiveness level is associated with subpersonalities. This 'partial happiness' often becomes an illusive substitution for the true happiness, which is inherent in the personality as a whole.

The quarter and its ideology occupy the central place among the five layers of happiness. Of course, no architectural decisions can release people from complexes and intrapersonal contradictions. Of course, the state policy will keep on influencing the common trends in town planning. Nevertheless, everyday life with its daily routine and holidays goes on at the interface of people and their environment (a home, a courtyard and a quarter).

Probably, the theory and practice of quarter design focused on certain communities of citizens will make them happier. If we come down from a vague "man in general" to real people with their particular visions of happiness, the town-planning decisions and their realization will become more humane.

глубиной показал Достоевский). Подлец (вроде шекспировского Яго или Ричарда Третьего) готов совершать мерзости даже без выгоды для себя, из одной «любви к искусству». Тоска и отчаяние, как доказал Кьеркегор, могут служить источником творческого вдохновения.

К сожалению, человек, осознающий, где именно в пространстве эмоций расположено его личное счастье, встречается крайне редко. Подавляющее большинство людей воспринимают свое счастье полностью бессознательно.

Пятый слой счастья образуется на **субличном уровне**. Отдельные фрагменты человеческой личности часто «ведут» себя настолько самостоятельно, как будто в одном теле находится несколько совсем разных людей. У некоторых фрагментов индивидуальной психики могут быть свои представления о счастье. Непоследовательность и противоречивость поведения человека, амбивалентность его желаний показывает: самый глубокий и подробный уровень формирования аттрактивности связан с субличными. Такое «парциальное счастье» зачастую служит иллюзорной заменой счастья подлинного, присущего личности как целому.

Огромное количество конфликтов вызвано различиями в образах счастья. Субличные противоречия раздрают человека на части и обрекают на гамлетовские страдания. Родители искренне хотят счастья своим детям, не осознавая, что у детей могут оказаться совсем иные представления о счастье. Люди не могут сработаться в одном коллективе, если их образы счастья несогласованы. Мигранты преодолевают государственные границы, рискуя жизнью. Труднее всего в такой ситуации понять, что, собственно, происходит. Ведь каждому кажется, что именно его понятие счастья – самое «естественное», «само собой разумеющееся». Всякий, кто с этим не согласен, – или болен, или заблуждается. Восприятие своего уникального счастья в качестве общечеловеческой нормы служит неиссякаемым источником столкновений между людьми и сообществами. Отсюда постоянное искушение выбрать один из вариантов счастья и объявить его единственным, подлинным, настоящим. И, разумеется, навязать его всем людям без исключения – где убеждением, а где и силой. Именно таким путем утопия превращается в антиутопию. Особенно если образ счастья поддержан государственным аппаратом.

References:

- Carandini, A. (2011). The Blessing of the Palatine and the Founding of Roma Quadrata. In: Idem, Rome: Day One. Princeton, Princeton University Press, P. 50-62.
- Dionysius of Halicarnassus. (2013). The Roman Antiquities (Loeb Classical Library edition, 1937), Book 1, 11. Penelope, University of Chicago. Retrieved January 12.
- Gehl, J. (2010). Cities for people. Washington – Covelo – London: Island Press.
- Jacobs, J. (1993). The Death and Life of Great American Cities (Modern Library (hardcover) ed.). New York: Random House. [1961]
- Lidin, K.L. (2013). Coherent cities. Project Baikal, 10(35), 36-41. doi: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.35.13>
- Lidin, K.L. (2015) Urbanship. In search for a comprehensive definition of urban environment. Project Baikal, 12(45), 84-90.
- Livy. (1998). The Rise of Rome, Books 1–5, trans. TJ Luce, Oxford: Oxford University Press.
- Majak, I.L. (1983). Rim pervih cezarej [Rome of the first Caesars]. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Meerovich, M.G. (2007). Rozhdenie i smert goroda-sada: dejstvujuschie sili i motivi ubijstva [Birth and death of the garden city: actors and reasons of the murder]. Vestnik Evrasii, 1. Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-i-smert-goroda-sada-dejstvuyuschie-litsa-i-motivy-ubijstva> (17.11.2015).
- Meerovich, M.G. (2009). Ideja goroda-sada E. Govarda i sovetskie rabochie poselki-sadi [The idea of a garden city by E. Govard and Soviet industrial garden villages]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitecturno-stroitel'nogo universiteta, 4(25), 46 – 50.
- Posohin, M. (1973). Gorod dlja cheloveka [A City for man]. Moscow: Moskva-Progress.
- Rykwert, J. (1988). The Idea of a Town: The Anthropology of Urban Form in Rome, Italy and the Ancient World. Cambridge MA, MIT Press.

Кварталы для счастья

Квартал и квартальная идеология занимает важнейшее, срединное положение среди пяти слоев счастья. Конечно, никакие архитектурные решения не избавят людей от комплексов и внутриличностных противоречий. Конечно, государственная политика будет и дальше влиять на общие тенденции урбанистики. Но все-таки ежедневная жизнь с ее буднями и праздниками протекает в основном на границе между человеком и его непосредственным окружением – домом, двором, кварталом.

Представим себе, что в один из дней люди вдруг осознали, что они разные и счастье у них тоже разное. Как тогда может выглядеть город для людей?

Город делится на кварталы, в каждом из которых последовательно реализован тот или иной вариант счастья. Есть кварталы «по Яну Гейлу», организованные в человеческом масштабе, предназначенные для неспешного фланирования и наслаждения видами, ритмами, звуками города. Есть кварталы «по Михаилу Посохину», функционирующие по принципу эффективного механизма и населенные рациональными эгоистами. Кварталы «по Кампанелле» отгорожены заборами и шлагбаумами, а внутри них царит идеальный иерархический порядок. В тихих музейных кварталах время, кажется, остановилось и больше ничего не происходит, а в буйных молодежных кварталах жизнь кипит и пенится событиями. В каждом квартале живут люди, которые счастливы именно таким образом, который предлагает структура и оформление квартала. Уклад жизни каждого квартала осознан и

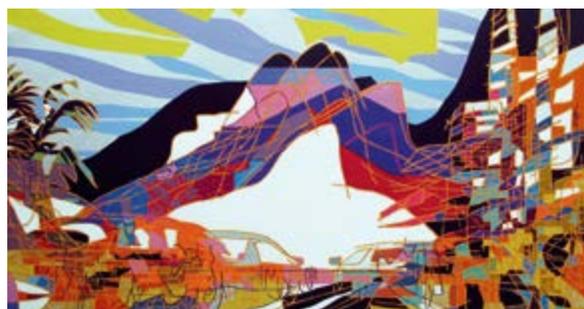
в Кадр из фильма «Шпион» (2012 год) – своеобразная попытка визуализации предвоенных советских утопий Москвы будущего. Механический, нечеловеческий масштаб и упорядоченность. Жители такого квартала находят свое счастье в приобщенности к огромным проектам великой страны.

> Американская художница Кармела Каруччи (Carmela Caruccio) видит любимый Нью-Йорк аналогичным образом. Машинный идеал счастливого квартала продолжает жить.

> Фавелы Рио-де-Жанейро – символ хаоса – тоже могут быть кварталами счастья. Современный бразильский художник JVictor видит их такими: яркими, динамичными, полными горячих переживаний.

закреплен в квартальном Уставе, и этот местный свод законов соблюдается квартальным самоуправлением. И главное, ни один из кварталов не дает своим жителям никаких привилегий. Баланс прав и обязанностей в каждом квартале одинаковый, так что выбор места, где жить, каждый горожанин делает исключительно по критериям своего счастья.

Заключение

Подобная картинка выглядит несколько утопично. Однако примерно таким образом проектировался Иркутский променад (130-й квартал). В основе проекта лежит гедонистический образ счастья (в области «интерес, любознательность, радость открытия нового»), схожий с тем, который предлагает Ян Гейл. В проекте предполагалось, что значительная часть квартала будет отведена под жилье, но еще на стадии концепции инвесторы отказались экспериментировать с этой функцией. Предлагалось хотя бы служебное жилье, во вторых этажах деревянных домов – для сторожей, поваров, пекарей, которым надо спозаранку замешивать тесто, и так далее. Проектировались и отели: например вдоль улицы Кожова спускалась по рельефу довольно вместительная гостиница с подземно-цокольной урбанистической инфраструктуры (падающая по рельефу платформа) и надземными двухэтажными жилыми единицами в традиционном подлинном материале, в дереве и камне.

Несколько гостиниц в квартале, впрочем, уже появились. Возможно, постепенно Иркутский променад обзаведется постоянными жителями, и этот градостроительный эксперимент получит новое измерение.

Разведя аристократические трибы по четвертям города, Ромул предоставил каждой из них жить по

собственному укладу, и оказался глубоко прав [8]. Возможно, теория и практика квартального проектирования, ориентированного на конкретные сообщества горожан, поможет им стать счастливее. Если перейти от абстрактного «человека вообще» к настоящим людям с их конкретными представлениями о счастье, – наверное, и градостроительные решения, и их реализация будут получаться более человеческими.

Список литературы

1. Carandini A. The Blessing of the Palatine and the Founding of Roma Quadrata // Idem, Rome: Day One. – Princeton : Princeton University Press, 2011. – P. 50–62.
2. Rykwert J. The Idea of a Town: The Anthropology of Urban Form in Rome, Italy and the Ancient World. – Cambridge : MIT Press, 1988. – 242 p.
3. Гейл Я. Города для людей / пер. с англ. А. Токтонов. – М. : Крост, 2012. – 276 с.
4. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов (The Death and Life of Great American Cities) / пер. Л. Мотылев. – М. : Новое издательство, 2011. – 460 с.
5. Дионисий Галикарнасский. Римские древности / пер. Н. Г. Майоровой, И. Л. Маяк, Л. Л. Кофанова и др. ; отв. ред. И. Л. Маяк. – (Сер. Историческая библиотека. Античная история). – М. : Издательский дом «Рубежи XXI», 2005. – Т. 1, кн. 1–4. – 272 с.
6. Лидин К. Л. Горожанство. В поисках универсального определения городской среды // Проект Байкал. – 2015. – № 45. – С. 84–90.
7. Лидин К. Л. Когерентные города // Проект Байкал –2013. – № 35. – С. 37–42.
8. Маяк И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 260 с.
9. Меерович М. Г. Идея города-сада Э. Говарда и советские рабочие поселки-сады // Вест. Томск. гос. архитектурно-строит. ун-та. – 2009. – № 4 (25). – С. 46–50.
10. Меерович М. Г. Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства // Вест. Евразии. – 2007. – №1. – <http://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-i-smert-goroda-sada-deystvuyushchie-litsa-i-motivy-ubiystva> (дата обращения 17.11.2015).
11. Посохин М. Город для человека. – М. : Москва-Прогресс, 1973. – 132 с.
12. Тит Ливий. История Рима от основания города. В 3 т. / пер. под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнова ; отв. ред. Е. С. Голубцова. – М. : Наука. 1989. – Т. 1, кн. 1–10. – 576 с. – (Сер. Памятники исторической мысли).

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС «СТРИЖИ»

Расположение – за микрорайоном Первомайский
города Иркутска

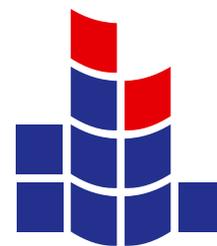
Сроки строительства – 2013 – 2018 гг.

Количество блок-секций - 8, этажность - от 16 до 22 этажей

Количество квартир - ок. 1500

Площадь квартир - от 41 до 200 кв.м.

Количество возводимых квадратных метров - ок. 90 000

СТРОИТЕЛЬНАЯ КОМПАНИЯ
**ВОСТОК ЦЕНТР
ИРКУТСК**

Высококласное инженерное оборудование
Панорамные окна (45 см от пола) и лоджии террасного типа

Игровые площадки и места отдыха с зоной Wi-Fi

Закрытая территория и видеонаблюдение

Детский сад на 140 детей(уже работает)

Амбулаторный центр

Культурно-досуговый центр

Сквер площадью 1Га

Подземный паркинг

22-77-77

www.vostokcentrirkutsk.pф

Застройщик: ЗАО «Восток Центр Иркутск»
Проектная декларация опубликована
на сайте www.vostokcentrirkutsk.pф

Квартира с окнами на рассвет...

В статье рассматривается категория «счастье» и ее применение в архитектуре и теории архитектуры. Подчеркивается редкость предметного анализа архитектуры в свете категории «счастье», и предлагается схема интерпретации архитектуры в категориях своего места, своих людей и своего дела, связанных и с понятием счастья, и с понятием о мире, которому принадлежит архитектура.

Ключевые слова: архитектура, фелицитология, красота, теория архитектуры, любовь, вкус. /

The article features the meaning of the category "happiness" applied in the architectural theory. The author suggests a connection between a new explication of "happiness" in architecture and the categories "own place", "close human relations" and "personal business" as well as the concepts of "the world".

Keywords: architecture; felicitology; beauty; theory of architecture; love; taste.

Архитектурная фелицитология / Architectural Felicitology

текст

Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

Слово «фелицитология» почти исчезло из употребления: во времена советской власти как учение о счастье оно было заменено историческим оптимизмом. Счастливым советский человек был потому, что сознавал единодушное стремление всех своих compatriots и прогрессивного человечества строить коммунизм как в одной отдельно взятой, так и во всех вместе взятых странах.

Но вот что пишет о фелицитологии «Википедия», опирающаяся на философскую мысль недавнего времени: «Фелицитология (лат. *felicitas* – счастье) – учение о достижении счастья, которое пытаются создать некоторые буржуазные теоретики, в частности неопозитивист Отто Нейрат. Как этическая теория фелицитология продолжает традицию эвдемонизма. Однако здесь категория счастья выступает не в качестве основания морали, а просто как психологическое состояние человека, к которому он естественно стремится (так называемый психологический эвдемонизм). Задача нравственности в фелицитологии целиком сводится к тому, что она якобы является средством достижения счастья. При таком толковании проблемы само понятие счастья оказывается полностью бессодержательным. С точки зрения Нейрата, неважно, к чему конкретно будут стремиться люди и каких социальных результатов они будут достигать, – важно лишь ощущение счастья. В конечном счете этика превращается в «науку» о методах внушения людям того, что они счастливы».

Понятие счастья остается в фелицитологии бессодержательным и сводится к ощущению счастья. Но вопрос о собственной природе счастья остается злободневным. Люди мечтают о счастье, стремятся к счастью и хотели бы избежать его противоположности – несчастья.

Что касается несчастья, то относительно него может быть построена масса теорий – от теории несчастных случаев на автодорогах до теории несчастного сознания.

Среди книг, обсуждающих проблему счастья в архитектуре, только одна называет вещь своим именем. Книга Алена де Боттона «Архитектура счастья» (*The Architecture of Happiness: The Secret Art of Furnishing Your Life*, 2006) [1], написанная с большим пониманием архитектуры, обходится без слова «пространство», добавленного в русский перевод. И это симптоматично,

русский переводчик заменил слово «жизнь» «жизненным пространством», следуя сложившемуся в последнее столетие стереотипу понимания архитектуры как искусства организации «пространства». Более точным был перевод: «Архитектура счастья: тайное искусство обустройства вашей жизни».

Но мне бросились в глаза и два других момента, которые уже не связаны с переводом. Говоря о счастливой архитектуре, автор иллюстрирует ее примерами того, что он считает архитектурой хорошего вкуса, не касаясь вопроса того, всегда ли этот хороший вкус приводит к переживанию счастья. Между тем для избранной им темы было бы, наверное, очень интересно посмотреть, как и когда эти качества в жизни не совпадают со счастьем.

Книга иллюстрируется большим количеством красивых черно-белых фотографий, красота которых невольно отождествляется и с красотой сооружений, и со счастливыми переживаниями людей. Но наше время, избыточное архитектурной рекламой, уже давно приучило нас не верить этим красотам и глядеть на них с достаточной долей скепсиса.

Автор пишет об архитектуре с любовью, чувством и пониманием, неотделимым от счастья, и тем самым делает важный шаг к тайнам и человеческой жизни, и архитектуры. Но любовь сложнее и противоречивее, чем видимый облик любимого предмета или существа. Теоретику архитектуры хотелось бы заглянуть туда, где видимый облик и превосходящее его чувство любви не совпадают.

В теории архитектуры, контуры которой я пытаюсь угадать, вопрос о счастье связан с вопросом о мире. Архитектура, с одной стороны, включена в мир и пронизана миром, с другой стороны, она же обещает счастье в широком диапазоне смыслов – от удобства до восторга.

Проблема отношения архитектуры и мира, как и проблема архитектуры и счастья, оставалась незаметной для теории архитектуры нового времени, так как обе возможности заслонялись нормативными требованиями пользы, прочности и красоты (функции, конструкции, формы), которые сами себе не исчерпывают ни мира, ни счастья.

Быть может, исключением был архитектурный трактат Франческо Колонны «Гипнеротомахия Полифила»,

напечатанный в Венеции в 1499 году, в котором теория архитектуры излагалась в форме любовного романа. Этот игривый эротический роман привлекает к себе внимание современных теоретиков, в том числе писавшего о нем Альберто Перец-Гомеша [2], но концепция эротической символики архитектурных форм на современную архитектуру, кажется, не повлияла, да и она едва ли исчерпывала то, что архитектура может мыслить себе как счастье в этом мире, где смерть и страдания ближе к архитектуре, чем любовные утехы.

Важным препятствием для исследования природы счастья становится его неопределенность, приводящая к бесконечности условий, так что мельчайший изъян наносит счастью непоправимый урон. Перечисление условий счастья превратило бы его исследование в дурную бесконечность.

Спрашивается: как подобрать к этой проблеме ключ, который избежал бы дурной бесконечности и сохранял бы предметную определенность?

Попытаюсь избавиться от этой бесконечности, сведя число условий счастья к трем, используя наречие и местоимение «свой» (и в этом смысле следуя Боттону, употребившему в заглавии книги слово «вашей»).

На мой взгляд, счастье обусловлено возможностью иметь: свое место, своих людей и свое дело.

Понятие «свое место» обычно отождествляется с местом рождения и детства, которое по ходу жизни расширяется, но пределы этого расширения имеют довольно ясные исторические границы. Исходной клеточкой своего места, на мой взгляд, стало понятие Дома как места, где протекает жизнь от рождения до смерти. Отсюда хайдеггеровское *Dasein* («тут бытие»), которое я бы перевел как «присутствие», понимая под присутствием не казенное место службы, а именно домашний очаг, от которого трудно оторваться.

Понятие «свои люди» точно также начинается в доме, в семье и затем расширяется до родственников, друзей и близких. Оно проходит ступени класса школы, студенческой аудитории, места работы или армейской службы, наконец, населения поселка, города, страны, а одновременно формируется через общества по расовому, национальному, сословному, профессиональному и прочим признакам. Оба указанных условия лежат в основе патриотизма – как единства места и людей.

Понятие «свое дело» сложнее. Оно слегка касается профессии или ремесла, но выходит за него в сферу организационных форм учебы и труда, и, наконец, мифа и веры. Свое дело может пониматься узко как дело семьи, ремесла, родных мест и, наконец, дела своей веры, расширяясь не столько в космической, сколько в планетарной полноте присутствия.

Вот тут понятие места и мира расширяется до бесконечности. Но не в смысле метрической бесконечной удаленности, а в смысле абсолютного предельного замыкания, где все дела, все места и все люди соединяются. Это стремление ясно читается и в «пролетарии всех стран, соединяйтесь», и в песенной формуле «люди мира», и в клише «прогрессивное человечество», хотя и оно уводит в разные миры – христианский, русский, арийский, космополитический или интернациональный. Историческим вариантом такой расширяющейся общности становились и империи – от Чингисхана, до всяких содружеств позднейших стран и наций.

Архитектура никогда напрямую не включалась в эти понятия, но косвенно всегда наполняла их образы, формируя эти огромные пространства стилевым единством. Проблемы начались с момента распада единого единства и распространения эклектики.

В эклектике возникла новая схема – экспансия своего начала превращаться во втягивание всего прежде чужого

в свои границы. Если экспансия кочевого образа жизни была распространением – вплоть до мирового замыкания, то в оседлом мире в границы города как всемирного рынка втягивались все культурные и архитектурные символы. Город становится своего рода расширяющимся перманентным «музеем всего».

Этот процесс освоения всего многообразия мира в форме городской индивидуации захватывает и место, и человека. Одной из формул такой индивидуализирующей экспансии стала фраза: «Пушкин – это наше всё», которую можно понять как символ синтеза всей мировой культуры в одной личности, в одном теле.

Конфликт такого расширения сделался парадоксом современного движения в архитектуре, когда на место эклектики, вбирающий в одно место все культурное многообразие мира, пришла обратная тенденция – распространение новых стилистических универсалий во всем их многообразии на все места, весь мир, подстригаемый под одну гребенку, а теперь уже допускающий фасоны по вкусу.

В свое время этот парадоксальный синтез идеологической экспансии и этнографического музея возник в советской архитектуре в формуле социалистического реализма, социалистического по содержанию и национального по форме. Нелепое с точки зрения диалектики расщепление формы и содержания в этом тезисе становится нормой.

Если заменить в этой формуле национальное на индивидуальное – дело получит новый оборот. Получится «универсальное по содержанию и индивидуальное по форме». Но в таком виде сама эта формула начинает звучать как камертон счастья или любви. Тогда в ней будет слышно такое освоение бытия, в котором жить в мире и жить с миром, становясь его частью (с-частью), окажется единением в любви.

И даже если вернуть в нее категорию стиля, то немедленно вспоминается Бюффон с его: «Стиль – это сам человек». Жорж Бюффон – знаменитый ученый XVIII века, биолог, эволюционист антрополог и исследователь земного шара – в своих 36 томах «Всеобщей частной и естественной истории», вышедших еще при жизни автора, вложил в понятие человека и всю историю планеты Земля, и стиль ее описания, в котором мне слышится «земляк» как свой планетарный сосед и продукт земной биосферы, наделенный разумом, и как свой человек, владеющей простой и изысканной речью. Здесь звучит гуманизм Ренессанса, уже предчувствовавшего глобализацию, выходящую за границы веры и языка.

Гуманизм в таком случае есть своего рода понимание человека как носителя стиля и счастья одновременно, так как он осваивает все в соответствии со своей природой и желаниями.

Тогда архитектура, и прежде всего архитектура самого Ренессанса, из искусства строить здания в соответствии с туманными законами красоты, превращается в символ освоения человеком Земли, вырастающим над империями и замыкающим все в глобальной экспансии живого взрослого человека.

Взрослого в эволюционном смысле, то есть возвысившегося до своего понятия, преодолевающего понятие нации и государства, хотя и не стирающего их из своей памяти.

Список литературы

1. Боттон А. де. Архитектура счастья: как обустроить жизненное пространство. – М.: Изд. дом «Классика XXI», 2013.
2. Perez-Gomez A. "Hypnerotomachia Poliphili" by Francesco Colonna: The erotic nature of architectural meaning // Paper palaces. – London: Yale University Press, 1998.

References:

Botton, A. de. (2013). *Arkhitektura schastyia: kak obustroit zhiznennoe prostranstvo* [The Architecture of happiness: the secret art of furnishing your life]. Moscow: Izd. dom "Klassika XXI".

Perez-Gomez, A. (1998). "Hypnerotomachia Poliphili" by Francesco Colonna: The erotic nature of architectural meaning. Paper palaces. London: Yale University Press.

Современные урбанистические концепции утверждают необходимость создания пространства для людей. Однако сама идея человека с момента своего появления кардинально трансформировалась. Книга известного датского архитектора и консультанта по городскому дизайну Яна Гейла, которая называется «Города для людей», является ключевым примером для демонстрации неоднозначности этой позиции. В книге концентрируется внимание на человеке, который был забыт в критикуемом автором модернизме. При более внимательном и контекстуальном изучении текста становится ясно, что речь идет не о возврате к прежнему человеку, но о конструировании нового. Гейл описывает новую городскую идеологию, в которой его понимание человека во многом совпадает с постмодернистским пониманием его отсутствия. Понятие «человек» либо рассеивается во множестве функций и акторов города, либо отсылает к телу, а точнее, к телам, неразличимым в своей анонимности.

Ключевые слова: пространство для людей, человек, город, модернизм, машина, антропологический масштаб, игра, тело. /

Contemporary urban concept asserts the need to create spaces for man. However, the idea of a "man" transformed radically from the moment of its appearance. The book by the famous Danish architect and consultant in urban design Jan Gehl, "Cities for people", is a key example to demonstrate the ambiguity of this position. The book focuses on the concept of "man", which was abandoned in modernism. And modernism is criticized by the author. But in reality, it is not about the return to the "man", but about designing "new man". Gehl describes a new urban ideology, in which his understanding of "man" coincides with the postmodernist understanding of its absence. The "man" is multiple functions, actors of the city, and it refers to the bodies that are indistinguishable in their anonymity.

Keywords: space for people; human; city; modernism; machine; anthropological scale; game; body

Города не для людей / The Cities for No Man

текст

Марат Невлютов /

text

Marat Nevlyutov

Человек

Многие современные тексты об урбанизме, начиная с Джейн Джейкобс, Ричарда Сеннета и Ричарда Роджерса, говорят о необходимости создавать пространство для людей – счастливые, гуманные города человеческого масштаба. Это стало настолько очевидным, что кастрировало хоть сколько-нибудь критическую мысль. Однако осталось неясно, что под человеком подразумевается, откуда взялась почти религиозная настойчивость пристального к нему внимания.

Думаю, что сейчас понятие «человек» полностью дискредитировано. Человек оказывается нашим собственным фантазмом, мы грезим о его наличии, жаждем его. Целостного, свободного и прекрасного человека, как мы его помним с эпохи Возрождения, уже нет. Без серьезных изменений он прожил долго. Тем не менее работа по его уничтожению была успешно проделана. Как говорит социолог Жан Бодрийяр, мы живем во времени после оргии, мы можем лишь симулировать человека, иронизировать по поводу его существования: «Нам остается лишь изображать оргию и освобождение, притворяться, что ускорив шаг, мы идем в том же направлении» [1, с. 8].

Человек давно перестал быть целью и причиной мироздания, лишился своего трансцендентного, божественного подобия. Стоит заметить, что концепт человека был изначально симулякр, не имел оригинала. В его появлении уже была запрограммирована собственная смерть. Как замечает Жиль Делез, «катехизис, во многом питаемый платонизмом, уже познакомил нас с понятием симулякра. Бог создал человека по своему образу и подобию. Согрешив, человек утратил подобие, но сохранил образ. Мы превратились в симулякр» [2, с. 335]. Человек окончательно лишился того, что его помещало в центр и делало все наше мышление антропоцентричным. Мир перестал быть его портретом, сам человек, лишившийся божественного подобия, не нуждается в соизмерении с миром.

Современная постмодернистская мысль строила себя на преодолении всего того, что связывалось с наукой, онтологией, антропоцентризмом, воплощавшими тоталитарное мышление, стремился уйти от жесткой

детерминации, в том числе и человека. Смерть человека была его судьбой, он должен был умереть вместе с модерном и метафизикой. Преодоление человека – это попытка забыть себя, стать сверхчеловеком. Мишель Фуко в «Словах и вещах» приводит высказывание Ницше: «...тем самым философия возврата хотела сказать, что человек давно уже исчез и продолжает исчезать, а наше современное осмысление человека, наша забота о нем, наш гуманизм – безмятежно спят под грохот его несуществования» [3, с. 343].

Симптоматичным для современного урбанизма является то, что после серьезных изменений в мышлении о человеке, появляются концепции гуманного пространства, антропологического масштаба, городов для людей. Откуда же этот восставший из Возрождения человек? Что с ним стало? Зачем он снова понадобился, какие проблемы решает? По всей видимости, возникает он не случайно. С одной стороны, этот новый концепт необходим для преодоления человека модерна, утратившего свою силу. С другой стороны «человек» возвращается, как ностальгия по утраченной тождественности мира и человека.

Города для людей

Одним из главных современных заступников обездоленных машинами людей является Ян Гейл. Именно его текст «Города для людей» рассматривается как пример «нового» гуманистического мышления, о чем говорит название. Свои идеи Гейл строит в основном на критике модернистского города: «После того как более полувека мы отрицали человеческий масштаб, в начале XXI в. нам крайне необходимо вернуться к городам для людей» [4, с. 29]. Действительно, человек в модернизме отчуждается от идеализируемого пространства, становится лишним. Это было время освобождения человека от человеческого масштаба. Модернизм – это взлет человека, возвышение над собой и своим телом.

Для Гейла важным является человек и антропологический масштаб: «Человеческий масштаб – необходимый новый ориентир в планировании городов» [4, с. 5]. Речь идет исключительно о физических характеристиках пространства: размеры площадей, визуальные ориен-

тиры, высотность застройки и т. п. «Мы получаем много информации с больших расстояний, тогда как короткие дистанции приносят немногочисленные, но очень сильные и очень значимые чувственные впечатления. На близком расстоянии мы чувствуем запах и прикосновения, ощущаем температуру» [4, с. 47]. Фактически Гейл занимается феноменологией городского пространства, работает над телесным восприятием среды.

Гейл заботится о теле, о его благополучии, это он и называет «городом для человека». Однако значение человека было важным и в машинную эпоху. Посохин, например, уделяет исключительное внимание человеку в книге со схожим названием «Город для человека»: «Принципы советского градостроительства основаны на стремлении всего нашего общества к единой цели – служение человеку» [5, с. 16]. Важным для него является «сохранение и воспроизводство природы, ее оздоровительных качеств, жизненно необходимых человеку» [5, с. 9]. Конечно, в первом и втором случае авторы отсылают к разному «человеку». Человек модернизма – это машина, нуждающаяся в поддержания своего здоровья-функционирования, во втором случае это планирующее и скупающее тело. Но у них есть и нечто общее. Оба этих человека являются фрагментом города, но уже не его центром.

Помимо возвращения к телесности Гейл осознает динамичность города в его становлении. Этим он отстраняет себя от объектно-ориентированного модернизма: «Главным же является ряд отступлений от идеалов модернизма в градостроительстве, в частности при планировании новых городов и жилых районов. Растет интерес к строительству динамичных, многофункциональных районов вместо конгломерации отдельно стоящих домов» [4, с. 4]. Гейл понимает город не как совокупность объектов, но как сети взаимосвязей и отношений между всеми процессами, участниками городской жизни.

Гейл использует фразу в своем тексте: «Мы формируем города, а они формируют нас». Кажется, что человек создает города некоторым демиургическим актом, после города начинают формировать человека. Можно принять иную позицию, что города (как культура, язык) уже предзаданы в ситуации до нас и формируют человека тоталитарным образом. Я думаю, два этих действия существуют одновременно, что делает невозможным отделение города от человека и наоборот. Человек – это есть город. Такие парадоксы описывает Делез: «Именно из-за такого ускользания от настоящего становление не терпит никакого разделения или различия на до и после, на прошлое и будущее. Сущность становления – движение, растягивание в двух смыслах-направлениях сразу: Алиса не растет не сжимаясь, и наоборот. Здоровый смысл утверждает, что у всех вещей есть четко определенный смысл; но суть парадокса состоит в утверждении двух смыслов одновременно» [2, с. 15].

При такой невозможности отделения человека от города можно сказать, что человек окончательно растворен в городских процессах или, как бы сказал Фуко, в практиках. В этой логике человек не существует без города, без культуры и формирует себя в соответствии с масштабом окружающего его пространства. Человек переносит на себя масштаб города – уподобляет и уподобляется. Эпоха модерна отказалась от человека в пользу машин и механизмов, редуцировав «антропологический» масштаб. Город создавался для машинных процессов, и человек был одним из них. И если раньше он отождествлял себя с машиной, то теперь с чем-то другим, сконструированным такими текстами, как «Города для людей». Книга Гейла оставляет много вопросов, которые, по всей видимости, списываются за кажущейся очевидностью. Она становится своего рода городской идеологией, в которой человек,

антропогенный масштаб, пешеход оказываются в центре. Таким образом, Гейл создает нового «человека», которого прежде мы не знали, формирует новое представление о городах для людей.

Игра

Итак, человек не играет определяющую роль, он утратил свой специфический характер, стал неотличим от процессов, в которые вовлечен. Бодрийяр так описывает это состояние: «Таков один из аспектов общей транссексуальности, которая, помимо самого секса, распространяется и на другие области в той мере, в какой они утрачивают свой специфический характер и вовлекаются в процесс смешения или заражения – в тот вирусный процесс неразличимости, который играет первостепенную роль во всех событиях наших дней» [1, с. 14].

Но тогда встает вопрос: как в такой ситуации неразличимости анализировать, работать со структурой города? Что взять за основание и ориентир, если не человека? Город не имеет четких, заранее сформулированных правил, не имеет структуры. Он момент действия, набор акторов. Человек – это элемент в общем процессе функционирования машин, протезов, геопроцессов, животных, еды, мусора, экономики. Город в таком ракурсе очень напоминает игру.

Ведь игра лежит на поверхности и не обладает глубиной, поэтому применима для неметафизического понимания города. Она есть чистое действие, акт, не имеющий значения и цели. Игра – бессмыслица, потому что она повторяется вновь и вновь, принося наслаждение производством самой себя. Делез называет Люиса Кэрролла большим любителем игр: «Как никому другому ему удалось обойтись без смысла, но он все поставил на бессмыслицу, поскольку разнообразия бессмыслиц вполне достаточно, чтобы охватить вселенную, ее ужасы и ее славу: глубину, поверхность, объем или свернутую плоскость» [6, с. 38]. Город не может быть описан через смыслы, он, как игра, есть только сам акт высказывания, момент действия.

Игра есть специфический метод понимания города именно из-за схожей морфологии. Она есть проявление шизофренического, где обезличенность обозначает не просто пустоту собственного тела, но речь идет всегда о некой схватке, в которой игрок воспринимает себя не иначе, как в некой анонимности. Анонимность не принадлежит никому, включает тебя в игру и в конце концов лишает идентичности. Игра важнее играющих, их в ней нет.

Но если нет человека, субъекта действия, то что есть? Есть тела и отношения тел, анонимно вовлеченные в игру. Именно с ними работает Гейл: «Естественная отправная точка проектирования городов для людей – это подвижность человека и его чувственное восприятие, поскольку они составляют биологическую основу для деятельности, поведения и коммуникации в городском пространстве» [4, с. 33]. Для него важно, чтобы биологическому телу была предоставлена наиболее комфортная среда обитания, обещающая счастье.

Современные тексты о городе, концентрирующие свое внимание на человеке, зачастую используют это понятие, чтобы придать самому тексту знакомый, антропологический масштаб. В действительности же речь всегда о другом, новом человеке, который либо рассеивается во множестве функций, акторов, действий, им производимых, либо отсылает к телу, а точнее, к телам, так как тела в своей анонимности не различимы. Таким образом, человека нет, а города не имеют структуры, и вместо «городов для людей» мы можем скорее предложить «игры для тел».

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. с фр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
2. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. – СПб.: А-сэд, 1994. – 407 с.
4. Гейл Я. Города для людей / пер. с англ. – М.: Крост, 2012. – 276 с.
5. Посохин М. Город для человека. – М.: Прогресс, 1973. – 220 с.
6. Делёз Ж. Критика и клиника / пер. с фр. – СПб.: Machina, 2002. – 240 с.

References:

- Baudrillard, J. (2000). *Prozrachnost zla* [The transparency of evil]. Moscow: Dobrosvet
- Delueze, G. (1998). *Logika smysla* [The logic of sense]. Ekaterinburg: Delovaya kniga
- Delueze, G. (2002). *Kritika i klinika* [Critical and clinical]. SPb.: Machina
- Foucault, M. (1994). *Slova i veschi. Arheologiya gumanitarnykh nauk* [The order of things. An archaeology of the human sciences]. SPb.: A-cad
- Gehl, J. (2012). *Goroda dlya lyudey* [Cities for people]. Moscow: Krost
- Posohin, M. (1973). *Gorod dlya cheloveka* [The city for man]. Moscow: Moskva-Progress

Transition from building microdistricts to quarter site development was announced by the chief architect of Moscow Sergey Kuznetsov less than a year ago and has become the most radical change in the Russian urban policy from Nikita Khrushchev's times and the beginning of industrial housing. This conclusion was made by the organizers of the IVth Moscow Biennale of Architecture and its XIXth International Exhibition "ARCH Moscow" and the First Moscow Architectural Forum.

Within more than 50 years of domination of microdistricts, the Russian town planning has gradually lost the city cultural layer associated with quarter planning and closed spaces of small yards. The dwellers of microdistricts are disengaged, living an isolated life in their flats, like in small worlds. Neighbours do not know each other and treat their sections, houses and adjacent territories indifferently.

Either there will be architecture capable to compete with the pleasures of the virtual computer world, where

the majority of Homo consumens hide from the problems of reality, or our living environment will be irreversibly destroyed. The architectural heritage will be the first to suffer.

The problem seems to be feasible. We should give the housing a human scale and return to time-proven quarter planning, because the concept of microdistricts has fallen short of expectations.

The quarters for different social layers will differ markedly in quality, population density and location. In virtue of the laws of economics, the economy-class quarters will be multistoried – 20 storeys and above. The small flats in such houses will not be too comfortable. The courtyard spaces will become small and closed because of the principle of quarter planning.

The modern quarter planning should copy neither the quarter planning of the 19th century, nor the one of the 1930-50s, because the times have changed, and the

Микрорайон умер? Да здравствует квартал! / Is the Microdistrict Dead? Long Live the Quarter!

Социальные идеи XX века, повлиявшие на градостроительные концепции, утратили актуальность. В наследство нам достались огромные городские территории, застроенные по типу микрорайонной планировки, которые сегодня не отвечают представлениям о безопасной достойной жизни. Переход от возведения микрорайонов к застройке по принципам квартального деления стал самым радикальным изменением в российской градостроительной политике. Вместе с тем существуют определенные проблемы при проектировании современных кварталов как в исторической среде, так и на новых территориях. На незастроенных площадках, скорее всего, будут возникать гибриды микрорайонной и квартальной планировки. В исторических центрах городов строительство новых кварталов сопряжено с решением проблемы транспорта, созданием пешеходных зон, а также с проблемой создания качественной новой архитектуры, не копирующей здания предшествующих эпох. Проектирование «в стилях», свойственное застройке в исторических центрах, наносит городам больший вред, чем принципиально новые архитектурные решения встраиваемых объектов.

Ключевые слова: социальные идеи, микрорайон, квартал, кардинальные изменения в градостроительной политике. /

Social ideas of the 20th century, that had an impact on town-planning concepts, have lost their relevance. We have inherited huge urban territories built up in the form of microdistricts, which do not currently correspond to the idea of safe and decent life. Transition from building microdistricts to quarter site development has become the most radical change in the Russian urban policy. At the same time, there are certain problems of designing modern quarters both in the historical environment and in new territories. Unbuilt sites will likely house hybrids of microdistrict and quarter planning. In the historical centers of cities, building of quarters requires solution of transport problems, provision of pedestrian areas and creation of new architecture of high quality, which never copies buildings of previous epochs. Designing buildings 'in the styles', which is typical of the historical center development, does more harm to the cities than brand new architectural decisions of built-in structures.

Keywords: social ideas; microdistrict; quarter; drastic changes in the town-planning policy.

текст

Елена Багина /
text

Elena Bagina

Переход от возведения микрорайонов к застройке по принципам квартального деления, объявленный главным архитектором Москвы Сергеем Кузнецовым чуть менее года назад, стал самым радикальным изменением в российской градостроительной политике со времен правления Никиты Хрущева и начала индустриального домостроения. К такому выводу пришли организаторы IV Московской биеннале архитектуры и прошедших в ее рамках XIX Международной выставки «АрхМосква» и I Московского архитектурного форума.

Социальные эксперименты XX века тихо (громко) провалились, оставив неизгладимый след в наших городах и в наших умах. Неактуальны ныне утопии, породившие архитектуру соцгородов, домов-коммун, пролетарских клубов... Строчная и свободная планировка тоже не в чести. То, что построили мастера архитектуры XX века, такие как Мельников, братья Веснины, Жолтовский, Щусев, Буров, восхищает. Но их творения отвечали на запросы другой эпохи, другого строя. Для этих зданий и сооружений нужны программы ревитализации, иначе они просто уйдут в небытие, не оставив после себя даже руин.

Идею Лучезарного города Ле Корбюзье в СССР попробовали воплотить в жизнь в бесчисленных микрорайонах. Конечно, с учетом местных условий, конечно, с оговорками, ведь идеал недостижим по определению. Что смогли, то сделали в этом направлении, искренне

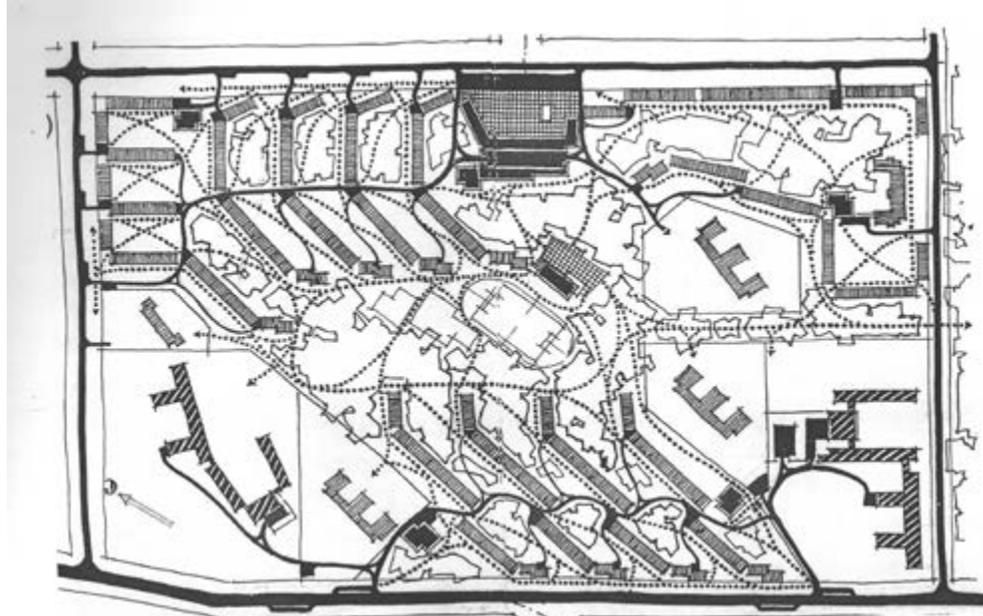
веря, что свободная планировка – последнее достижение градостроительной теоретической мысли. Лучезарный город был задуман Ле Корбюзье так, чтобы из каждой квартиры было видно море, лес или горы, чтобы в каждую квартиру заглядывало солнце. Но не всем в существующих микрорайонах досталось солнце, не у всех вид из окон получился на горы, лес или море. В основном люди видят из своих окон соседние серые дома, чахлую неухоженную зелень, машины, стоящие в проездах, на газонах, на тротуарах... Можно, конечно, смотреть на небо и медитировать. Полезно для здоровья.

Пространство между жилыми домами микрорайонов, запроектированное строго по «научно обоснованным нормам», быстро стало запущенным и неприглядным, поскольку изначально было общим. То есть ничьим. А сколько диссертаций было защищено на тему микрорайонной планировки! И социологи старались, и транспортники, и санитарные врачи, и экономисты, и архитекторы... Сейчас в микрорайонах 60–80-х годов XX века люди делят пространство между домами, перегораживая бывшие площадки общего пользования заборами. Парковки для жителей своего дома отстоять эти меры помогают, а сделать двор уютным все равно не удается.

Как-то незаметно за 50 с лишним лет господства микрорайонной идеи в российском градостроительстве ушел целый пласт городской культуры, связанный с

problem of private transport is very urgent.

New residential quarters should have a differentiated road system. Thus, closed residential groups isolated from transport will appear on empty sites. Their first floors will be occupied by the service sector. Schools and kindergartens, trading centers and clinics will be also nearby. It will result in a hybrid of microdistrict and quarter planning. Having several undeniable advantages, these hybrid formations, however, will hardly create a city environment inhabited by people that bear responsibility for their territory.

квартальной планировкой и закрытыми пространствами небольших дворов. В прошлом понятие «ребята с нашего двора», не дерутся мальчишки «двор на двор», нет дворовых футбольных команд. Люди, живущие в микрорайонах, разобщены и замкнуты в тесных мирках своих квартир. Соседи не знают друг друга и относятся к своим подъездам, домам, придомовым территориям безразлично. Отдушиной для многих стал садовый участок с неблагоустроенным летним домиком. В результате ни в городе, ни за городом у людей нет качественного благоустроенного дома, достойного любви.

Жилые комплексы в двадцать, тридцать, сорок этажей, которые появляются во всех крупных городах, к представлению о комфортном жилище тоже не имеют никакого отношения. Некоторые психологи утверждают, что происходят необратимые изменения психики, если человек живет выше пятого этажа. Далекие перспективы, открывающиеся из окон небоскребов, могут радовать глаз, но исчезает связь с землей. Миф об Антее, который черпал свои силы, прикасаясь к матери-земле, возник не случайно. Недаром заблудившихся в дебрях виртуального мира лечат вдали от цивилизации, на фермах, где они имеют возможность общаться с землей, животными и растениями. Ни компьютеров, ни сотовых телефонов, ни небоскребов там нет.

Может быть, человек как вид изменился? Может быть, вид *Homo sapiens* (человек разумный) превратился не в *Homo faber* (человек творящий), о чем мечтали создатели проектов идеальных городов, а в *Homo consumens* (человек потребляющий), и эта новая модификация человека предпочитает жить в высотных домах, подобных муравейникам? Нет, конечно. Но голубую мечту о собственном доме на природе вряд ли всем удастся осуществить.

Избыточное потребление суррогатов, отдаленно напоминающих настоящие вещи, для огромного количества людей стало нормой. Соответственно, и живут они в домах-суррогатах. Язык исторической архитектуры стал для них мертвым. Как следствие, уровень агрессии, особенно в молодежной среде, зашкаливает. Возможно, поэтому дома в городах покрываются безобразными, немасштабными по отношению к архитектуре граффити, которые так любят исследовать и описывать некоторые искусствоведы

и деятели из центров современного искусства, которые активно вносят деструктивное начало в сложившуюся городскую среду, устраивая свои акции.

Кризис налицо. Судьба жилого микрорайона «Пруитт-Айгоу» (Pruitt-Igoe), взорванного в 1972 году в Сент-Луисе (США), может ждать любой микрорайон, населенный людьми невысокого достатка. В этой связи корбюзийский лозунг «архитектура или революция» вновь становится актуальным. Наиболее чуткие из *Homo faber* понимают, что либо появится архитектура, способная соперничать с прелестями виртуального компьютерного мира, куда уходит от реальных проблем большинство *Homo consumens*, либо нашу среду обитания ждут необратимые разрушения. Архитектурное наследие пострадает в первую очередь

Казалось бы, понятно, как решить проблему. Нужно жилищу придать человеческий масштаб и вернуться к тысячелетиями проверенной квартальной планировке: микрорайонная концепция себя не оправдала. Пусть будущее поколение строителей «постиндустриального общества» живет в уютных кварталах, пусть дети играют в

в Г. В. Шауфлер,
проект 1959 г.

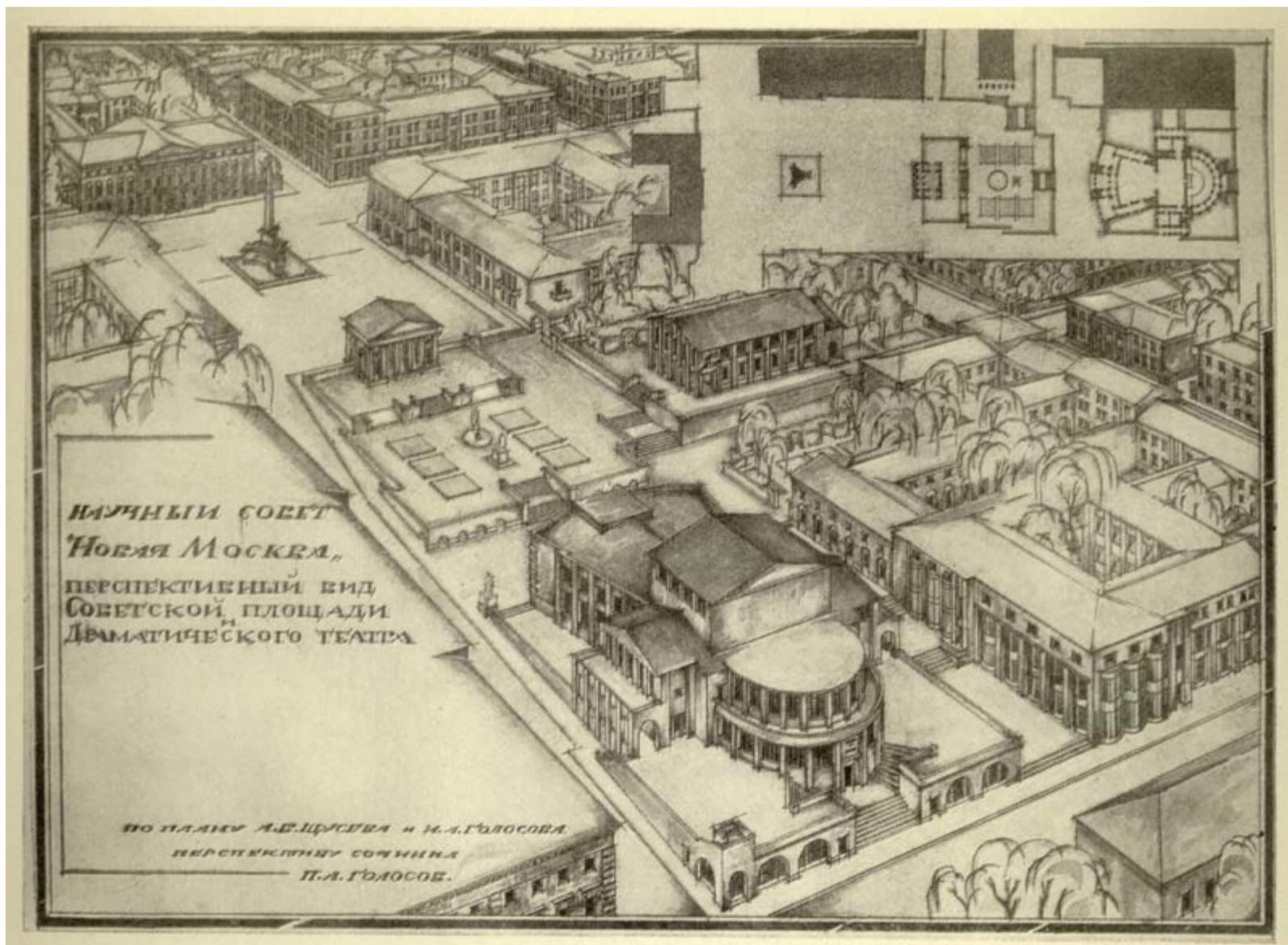

закрытых защищенных дворах... Пусть фасады домов будут разнообразными... Прекрасные намерения, возможно даже осуществимые для социальных слоев с доходом намного выше среднего. А где будут жить представители *Ното consumers*, у которых нет возможности даже за сто лет выплатить кредит за небольшую квартирку в милом малоэтажном кварталчике с добротной архитектурой. Может быть, пришло время вспомнить о потерпевшей фиаско в XIX веке экономической идее Эбенизера Говарда, предлагавшего построить для малоимущих города-сады. К архитектуре эта идея не имела ни малейшего отношения, но помогала решить с помощью государства проблему расселения малоимущих граждан в малоэтажных домах в пригородных зонах мегаполисов. По всей

вероятности, в истории Эбенизер Говард так и останется мечтателем-социалистом.

Но вернемся к квартальной планировке. Остается предположить, что кварталы для разных социальных слоев будут резко отличаться по качеству, плотности населения и местоположению. Кварталы экономкласса в силу законов экономики неизбежно будут многоэтажными – от 20 этажей и выше. И квартиры в этих высотных кварталах будут не слишком комфортными. Дворовые пространства станут, естественно, небольшими и закрытыми, поскольку принцип квартальной планировки диктует такое решение. Будут ли там вазоны с цветами и детские площадки? Будут, но останутся, почти с гаранти-

v Вид Советской площади и драматического театра. План А. Щусева и И. Голосова. 1923 г.

^ А. В. Щусев. Эскиз квартала с малоэтажной застройкой. 1924 г.

^ Перспективный вид планировки Хамовнического района. Проект А. Щусева и Н. Колли. 1924 г.

ей, на бумаге. Вытопнут небольшой двор многочисленные жители и заставят своими машинами.

Есть еще один аспект проблемы. Современная квартальная планировка не должна копировать ни квартальную планировку XIX века, ни квартальную планировку 30–50-х годов XX века, поскольку времена изменились и проблема личного транспорта стоит очень остро. Средства передвижения не мешали своим шумом и выхлопными газами жителям еще полвека назад. А век назад городские власти и архитекторы всерьез задумывались о том, как убирать навоз, когда лошадей на городских улицах становится все больше и больше.

Окна в домах XIX–XX веков нередко выходили на оживленные улицы, и балконы висели над тротуарами. Выходя на эти балконы, дамы, господа и товарищи могли приобщиться к жизни улицы, подышать свежим воздухом. Ныне балконы в домах, окна которых смотрят на улицы с интенсивным движением, жильцы стремятся застеклить, присоединив к внутреннему пространству пару квадратных метров площади и испортив фасад дома.

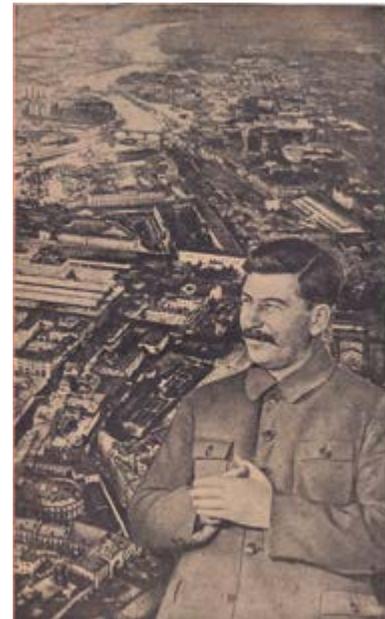
Квартиры в кварталах эпохи советского неоклассицизма востребованы и высоко ценятся на рынке недвижимости, но только те, что выходят окнами во дворы или на тихие улочки. Дворы в этих советских кварталах огромны и подчас внутриквартальные пространства столь же чужды обитателям некогда элитных квартир, как чужды открытые междомовые пространства жителям микрорайонов.

Понятно, что вновь проектируемые жилые кварталы должны иметь дифференцированную систему улиц и проездов. Окна квартир на шумные, переполненные машинами магистрали выходить не должны. И что же получается? Получается, что на пустых территориях будут проектировать изолированные от транспорта замкнутые жилые группы, в первых этажах которых будут располагаться обслуживающие предприятия. Неподалеку будут школы и детские сады (без них невозможно обойтись). И где-нибудь рядом обязательно возникнет торговый комплекс, поликлиника и т. п. В результате получится гибридный микрорайонной и квартальной планировки. Более упорядоченными будут проезды между замкнутыми жилыми группами, станет меньше пространств, которые жители

не воспринимают своими. Эти гибридные образования будут иметь ряд неоспоримых преимуществ. Но неизвестно, удастся ли этими планировочными методами создать городскую среду, где жители будут чувствовать ответственность за территорию, на которой они живут. Или в их сознании останется представление, что кто-то должен следить за их домом и двором, а они будут апатично смотреть на сломанные скамейки и вытопанные газоны. Преодолеть безразличие жителей непросто, поскольку жилищная политика предшествующих лет, начиная с ленинского декрета о национализации недвижимости 1918 года, приучила поколения советских людей и их потомков к безответственности.

Какие альтернативы есть квартальной, микрорайонной и гибридной планировке? Выстроенные в линию таунхаусы? Возможно. В России первые жилые образования такого типа были построены в 1995 году близ Москвы, под Новогорском, Троицком и поселком Новые Ржавки. Сегодня поселки таунхаусов возникают нередко на бывших колхозных полях, в непосредственной близости от шумных автомагистралей и вдали от крупных населенных пунктов. Застройщики воспринимают их как поселения экономкласса и не утруждают себя привлечением грамотных архитекторов. Вытянутые в ленту строения напоминают бараки или казармы. Нередко в таких поселках нет ни магазинов, ни школ, ни детских садов.

Не будем о грустном. Социальные проблемы оставим социологам и специалистам по урбанистике. Поговорим лучше об АРХИТЕКТУРЕ.

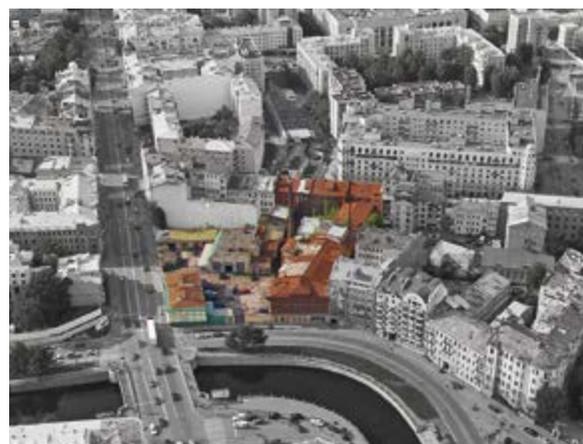

< Советская квартальная планировка

Жилой комплекс на набережной реки Карповки. Проект «Студии 44»

План на уровне 4-го этажа

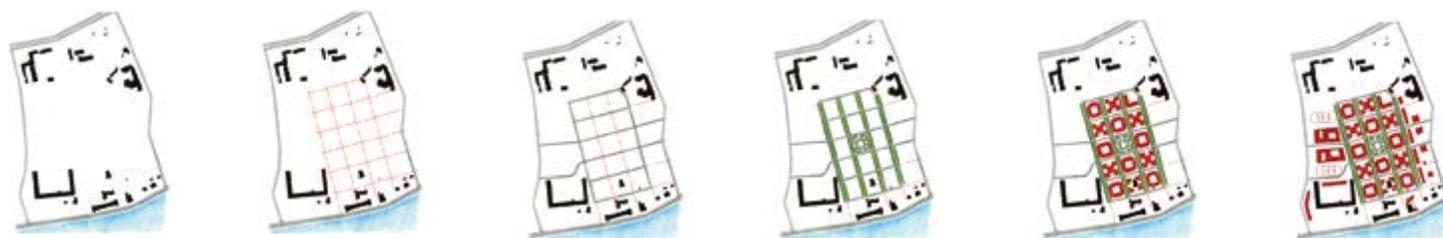
Участок территории на набережной реки Карповки

В 2013 году землю площадью 0,76 га в Петербурге, на углу Каменноостровского проспекта и набережной реки Карповки, приобрела шведская компания НСС. На ней будет построено 16 тыс. кв. м жилья класса «А». Конкурс выиграло архитектурное бюро «Студия 44» под руководством Никиты Игоревича Явейна. Члены Градостроительного совета Петербурга, рассматривая проект, долго спорили. За реализацию замысла проголосовало 10 человек, против – 7. Архитектура жилого квартала, предложенная Никитой Явейном, острая, непривычная и очень петербургская. Возражения, которые высказывали члены Градостроительного совета, в основном касались принципов включения исторических зданий в новую застройку. Но высказывались и мнения, что жилой квартал смотрится слишком грубо.

Постройки мебельно-столярной фабрики Ф. А. Мельцера (трехэтажный корпус, стоящий на изгибе набережной реки Карповки, и четырехэтажный корпус по улице Профессора Попова) представляют собой образцы «кирпичного стиля» с присущими ему нештукатуренными фасадами, крупными оконными проемами, простыми карнизами и фабричной трубой. Фабричные корпуса соседствуют с домом Корлякова и кинематографом «Гранд-Палас» – камерными постройками в неоклас-

сическом духе. Эти здания напоминают о малоэтажной застройке Аптекарского острова, который некогда был дачным предместьем. Проект застройки интегрирует эти разные по облику, характеру и масштабу здания

Со стороны реки Карповки предусматривается создание глубокого курдонера длиной 80 м и шириной 18 м. Есть также двор треугольной формы. Фасады решены в так называемом промышленном стиле. Их отделка носит символический характер и напоминает характерные для города на Неве приемы отделки фасадов доходных домов и особняков рубежа XIX – начала XX века. При всей остроте новизны этот жилой квартал органически связан с петербургской архитектурой и ландшафтом. Заводскую трубу, оставшуюся от фабрики, архитекторы предлагают пересадить по центру курдонера на крышу двухэтажного паркинга. Исторические здания встраиваются в новую, оригинальную архитектуру, и нет ощущения, что новая архитектура их подавляет: это ансамбль. Архитектуру любят называть застывшей музыкой. Если воспользоваться этой метафорой, уже давно набившей оскомину, то здесь, в жилом квартале на берегу Карповки, материализовалась остро современная симфоническая музыка с аллюзиями мелодий ушедшего XIX века.

Жилой квартал на Октябрьской набережной, проект «Студии 44»

Жилой квартал на Октябрьской набережной – еще один проект «Студии 44», выигравший международный конкурс. Жилое образование рассчитано на 12 тысяч жителей. Задуманы были эти жилые кварталы как идеальный город, в котором есть площадь, городские ворота, городская стена, улица, бульвар. И недаром нереализованный проект генерального плана Санкт-Петербурга Жан-Батиста Леблона с центром на Васильевском острове (1717 год), стоивший ему, по легенде, жизни, является символической основой, ключом к пониманию архитектуры этого жилого образования. Жесткая структурная сетка с планировочным модулем 100 на 100 метров не помешала архитекторам «Студии 44» создать (пока только на бумаге) уютный мирок, где жители будут гордиться архитектурой своих домов, где есть все для комфортной жизни.

Наверное, именно такие жилые кварталы, какие проектирует и строит «Студия 44», имели в виду Сергей Кузнецов, Андрей Гнездилов и другие архитекторы, когда на IV Московской биеннале архитектуры говорили, что нужно отказаться от свободной микрорайонной застройки и перейти к квартальной.

Иркутские кварталы

Преамбула руководителя проекта /

Irkutsk's Quarters

Preamble by the Project Director

Руководитель проекта Алексей Козьмин рассказывает об основных принципах, использованных при проектировании территории в историческом центре Иркутска – многофункциональности, соразмерности человеку, проницаемости, бережном отношении к истории и др.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, историческая связь, сохранение наследия, концепция. /

The project director Alexei Kozmin speaks about the key principals that were used in the project for the territory in the historical center of Irkutsk: multifunctionality, harmony with man, permeability, careful attitude to history, etc.

Keywords: cultural heritage sites; historical link; preservation of heritage; concept.

ТЕКСТ

Алексей Козьмин /

text

Alexei Kozmin

Авторский коллектив

Алексей Козьмин

Елена Григорьева

Сергей Маяренков

Полина Заславская

Сергей Заславский

Дарья Кремлева

Стас Соколов

Анастасия Репина

Олеся Семина

Олеся Куцакова

Идея проекта «Иркутские кварталы» возникла в 2013 году. Было понятно, что центр города нужно приводить в порядок. Давно велись разговоры о закрытии несанкционированной и нецивилизованной торговли на Шанхайке. Постоянно поднимался вопрос о критическом состоянии объектов культурного наследия, находящихся на этой территории. В ходе обсуждений с администрацией города Иркутска возникло предложение о разработке концепции и мастер-плана развития этого места – не просто бумажного фантазийного документа, а планов, подкрепленных договоренностями с собственниками земли и потенциальными инвесторами. Так стартовал проект «Торговая ось центральной части Иркутска».

Название было рабочим и опиралось на историческую связь между Хлебным и Мелочным базарами, а также объекты, возникшие в 90-е годы. В результате получалась линия, соединяющая сквер им. Кирова и ул. Советскую и проходящая по Пролетарской, Урицкого и далее по Байкальской и Партизанской. Подробно были разработаны мастер-планы 11 кварталов в границах улиц Карла Либкнехта, Горной, Подгорной, Тимирязева.

В ходе работ проводились неоднократные «челночные» переговоры с собственниками земельных участков. Подбирались объекты, выгодные для собственника и создающие синергетический эффект для всего проекта. Обсуждались параметры застройки – плотность, этажность, общий выход площадей, функциональное наполнение. Договаривались и о сквозных проходах через кварталы для обеспечения их проницаемости, для формирования потоков посетителей. Переговоры проводились группой разработчиков, в которой участвовали архитекторы, социологи, предприниматели. Это было сделано для того, чтобы учесть в переговорах все позиции, сделать их разносторонними и убедительными.

В конце 2014 года концепция была представлена администрации города, депутатам Городской думы, общественности города Иркутска. Поскольку мы получили действительно многофункциональную и сложную территорию, название «Торговая ось» уже не отражало суть проекта. Так, летом 2015 после многочисленных обсуждений, реализация проекта продолжилась под названием «Иркутские кварталы».

При проектировании разработчики опирались на следующие принципы:

1. Многофункциональность.

Центры современных городов наполнены жизнью почти круглосуточно. Они интересны и разнообразны. Такой эффект достигается за счет смешивания в одном

районе на расстоянии пешеходной доступности разных функций – жилой (это может быть временное жилье, в том числе гостиницы), торговой, деловой, развлекательной, музейной и т. д.

2. Соразмерность человеку.

Масштаб объектов не должен быть слишком большим. Это не огромные моллы, не крупноформатная торговля. Это не большие стандартные отели и высокоэтажные жилые дома. Это доступная для любого жителя среда, в которой он чувствует себя комфортно и уютно.

3. Проницаемость.

Территория кварталов не перегораживается заборами. Везде сохраняются проходы. Поток людей течет по пешеходным дорожкам, тропинкам и бульварам, повышая количество клиентов для объектов торговли, питания, обслуживания, находящихся внутри.

4. Сохранение наследия, бережное отношение к истории.

Мы исходим из принципа, что все находящиеся на территории объекты культурного наследия должны быть реставрированы, а утраченные восстановлены. Так мы сохраним идентичность этого места, идентичность старого Иркутска. Сохраняются исторические красные линии всех улиц.

5. Современная архитектура.

Новые объекты не должны имитировать исторические здания. Современная архитектура, в том числе с использованием деревянных материалов, способна украсить город не меньше, чем памятники зодчества. Сочетание нового стиля и объектов наследия может создать уникальное место в городе, привлекательное как для жителей, так и для гостей.

Осенью 2015 года проект вступил в фазу реализации. Под эгидой городской администрации был создан оператор проекта – АНО «Иркутские кварталы». Главной целью этой некоммерческой организации является содействие проектам развития на территории города Иркутска. А в этом, конкретном проекте, АНО «Иркутские кварталы» берет на себя функцию удержания «целого» в ходе реализации. Необходим определенный контроль за проектированием и строительством на данной территории. Очень важно, чтобы концепция была реализована близко к утвержденному мастер-плану, хотя мы понимаем, что определенные изменения все-таки неизбежны. Город – живой организм, и мы подстраиваемся под вызовы времени, под спрос, под экономическую ситуацию. В следующем году на территории «Иркутских кварталов» уже начнутся строительные работы, а проектирование идет уже сейчас.

Иркутские кварталы / Irkutsk's Quarters

Интервью с членом экспертного совета

Сибирской лаборатории урбанистики Сергеем Маяренковым

ПРОЕКТ БАЙКАЛ Насколько мне известно, когда вы начинали проект «Иркутские кварталы», в центре города функционировал крупный китайский рынок и никто не мог решить эту проблему два десятка лет. Какая работа была проделана для его закрытия и исследования территории будущего проекта?

СЕРГЕЙ МАЯРЕНКОВ Я думаю, в таких вопросах ответ всегда упирается в волю властей. Законных оснований закрыть данный рынок было очень много, мы просто собрали всю информацию, представили в виде схем, и все стало очевидно. Анализ был проведен по нескольким направлениям. Наша команда уже имела опыт работы над 130-м кварталом Иркутска, и мы знали, какая информация необходима для проектировщиков. Сложности добавляло то, что рынок работал, а это очень серьезное социальное образование с огромным коммерческим интересом. Территория проекта превышала размеры рынка и составляла 43 га общей площади центральной части Иркутска. Исследование состояло из нескольких крупных блоков.

Первое – анализ существующей градостроительной документации. Мы сравнили генеральный план, проект планировки, правила землепользования и застройки и обнаружили некоторое несоответствие в документах. Затем мы нанесли на каждый участок земли находящиеся в границах исследуемой территории разрешенные виды использования и составили карту.

Второе – анализ фактической ситуации и прав собственности. Мы составили реестр собственников земельных участков и разделили государственную, муниципальную и частную собственность. После чего описали каждый объект, произвели фотофиксацию с указанием фактической функции использования участка. Все это было отражено в схемах и картах.

Третье – анализ проекта зон охраны. Отдельно провели анализ на соответствие и соблюдение зон охраны, визуализировав все нарушения.

Четвертое – анализ несоответствий. Путем наложения разрешенных видов использования и фактического использования мы составили карту несоответствий и нарушений. Например, самое частое нарушение, когда на участке, отведенном под индивидуальную жилую застройку, располагался рынок.

Пятое – анализ соответствия пожарным и санитарным нормам. Рынок абсолютно не соответствовал пожарным нормам и санитарным, не было пожарных проездов, систем пожаротушения и т. п. Это создавало очень опасную ситуацию, если учесть, что одновременно на рынке находилось более десяти тысяч человек.

Шестое – съемка территории при помощи беспилотного летательного аппарата. Нам не удалось попасть с улицы на территорию всех объектов, поэтому некоторые мы снимали с воздуха.

Весь этот анализ был оформлен и описан в пояснительной записке – тысячи страниц информации и фотографий.

Еще один крупный этап – это исследование транспортных и пешеходных потоков. Была проведена работа по измерению интенсивности движения на основных магистралях. Отдельно был выделен общественный транспорт, так как при реализации проекта, возможно, поменяется схема движения транспорта. Что касается пешеходных потоков, то они измерялись как на улицах, так и внутри кварталов китайского рынка. Все измерялось как в будние, так и в выходные дни, чтобы посмотреть разницу в моделях поведения горожан. После сбора исходных данных были построены модели, которые в простой и удобной форме показывали интенсивность потоков в зависимости от времени суток и типа движения.

Работа была проведена очень масштабная. Мы подготовили отчеты и готовились выступать перед руководством города во главе с мэром Виктором Ивановичем Кондрашовым.

ПБ И как был закрыт рынок?

СМ В ходе исследований мы подготовили несколько сценариев дальнейших действий. Условно их можно было назвать: быстрое закрытие, плавное закрытие и медленное закрытие, по сути блокада, после чего собственникам ничего бы не оставалось, как менять условия работы, а возможно, и закрыть рынок. Но по факту все произошло совсем иначе, быстрее, чем «быстрое закрытие». За три дня до предоставления нашего отчета ночью начали вывозиться контейнеры, полиция тоже отреагировала и подключилась к этому процессу, рынок закрыли мгновенно, возможно потому, что нарушения были слишком очевидны, возможно, по каким-то другим причинам. К моменту, когда мы презентовали свой отчет, рынок уже был закрыт.

ПБ Как влияет такой анализ на проектирование?

СМ От того, насколько проект учитывает все нюансы реальной ситуации, зависит его качество. Это не просто подготовка проекта строительства здания, где необходимо изучить грунт, окружение других зданий и т. п., – это проект комплексной застройки, в котором присутствует множество заинтересованных сторон, это сложно организованная социальная среда, еще и нестабильная. У каждого участника свои интересы. Учитывающий юридическую, градостроительную, транспортную ситуацию и ограничения на территории, ситуацию с собственниками земли и их интересы, проект с большой долей вероятности не останется на бумаге, а будет реализован. Ошибки на стадии проектирования, как правило, стоят намного дороже тех средств, которые были затрачены на само проектирование, а качество проектирования сильно зависит от подготовленных исходных данных. На мой взгляд, технология анализа и подготовки исходных данных, которую мы применяем, достаточно новая для архитектурного сообщества: мы воплотили в ней свой опыт реализации 130-го квартала и предпринимательской деятельности, добавив экономическую и юридическую составляющие в проектирование.

текст
Елена Григорьева /
 text
Elena Grigoryeva

подбор иллюстраций
Анастасия Репина /
 illustrations provided by
Anastasia Repina

v Схема организации
 системы связанных обще-
 ственных и рекреационных
 пространств центральной
 части Иркутска

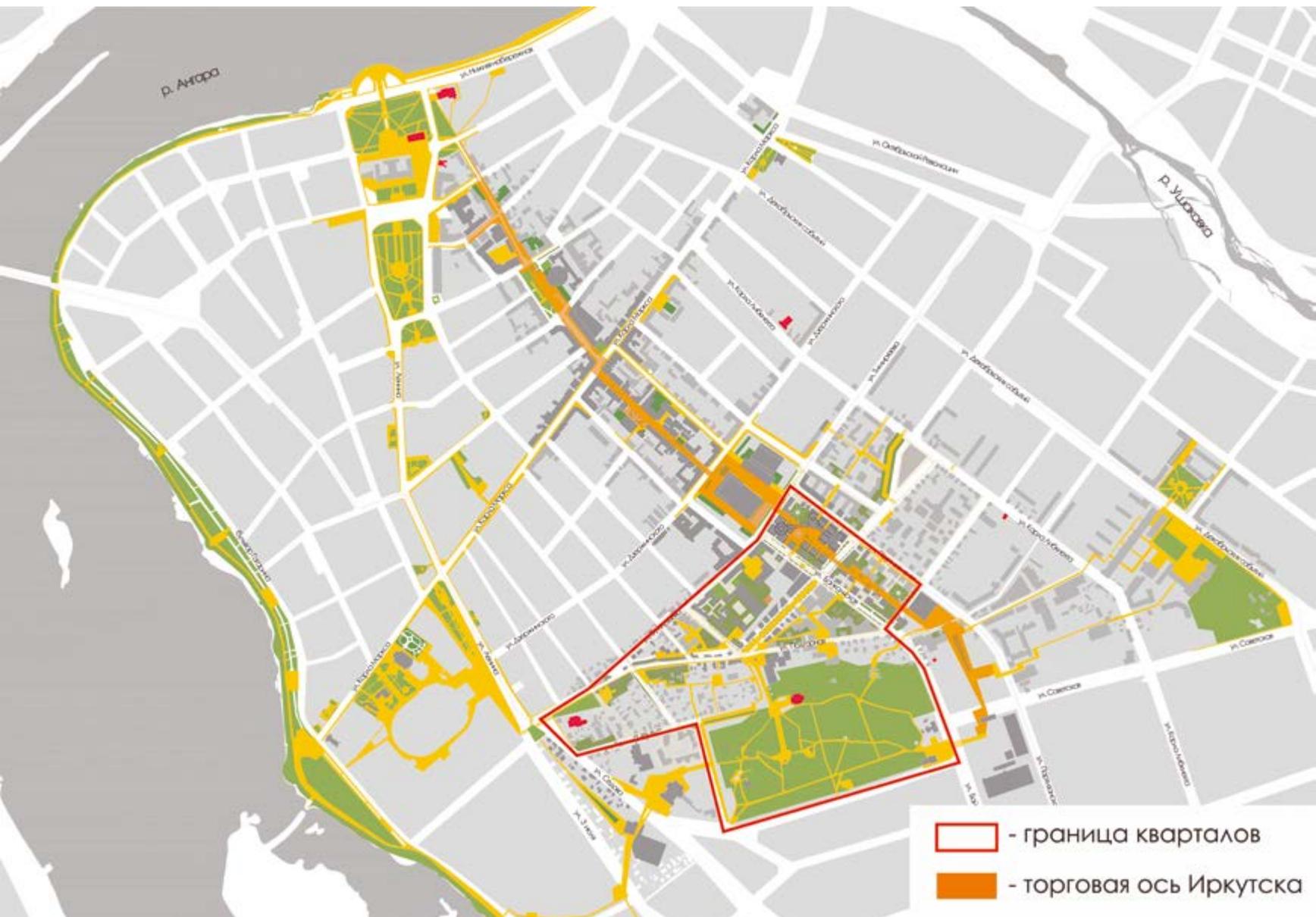
Выявляется линейная концентрация торговой функции в историческом центре Иркутска. Рассматриваются исторические предпосылки и продолжение традиции в постсоветский период при конверсии заводов и фабрик. Анализируется современное состояние и перспективы модернизации торговой оси с превращением ее в современное общественное пространство.
Ключевые слова: городская среда, дизайн-код, линейный центр, пешеходная улица./

The article reveals a linear concentration of the trading function in the historical center of Irkutsk. It features historical prerequisites and continuation of the tradition in the post-Soviet period, given the conversion of plants and factories. The article analyses the current state and prospects of modernization of the trading axis with its transformation into a modern public space.

Keywords: city environment; design code; linear center; pedestrian street.

Торговая ось центра Иркутска / The Trading Axis in Irkutsk Downtown

Торговая ось формировалась в Иркутске на протяжении трех с половиной веков его существования. На каком-то этапе Мелочной базар и Хлебный базар – два мощных магнита – связала линейная торговая ось (улицы Ивановская и Пестеревская, ныне Пролетарская и Урицкого). Из-за временного разрыва между возникновением улиц и материальной границей города по ул. Большой (сейчас Карла Маркса) в траектории оси имеется так называемое «коленце» посередине, при пересечении бывшей городской черты.

Основываясь на материалах книг «Иркутск в почтовых открытках» С. Медведева и «Вдоль по Пестеревской» Н. Бубис и Е. Ладейщиковой, мы можем с уверенностью говорить о том, что в начале XX века на торговой улице существовал дизайн-код, который задавал единый стандарт при оформлении вывесок и рекламных конструкций.

Следующий виток развития торговой ось получила в постперестроечный период процесса распада промышленных предприятий – Иркутского станкостроительного завода, Иркутского завода карданных валов и позднее кондитерской фабрики «Иркутская» с последующей конверсией и превращением в ТЦ «Меркурий», ТЦ «Иркутский» и ТЦ «Карамель» соответственно. Эти объекты еще больше усилили торговую ось центральной части города.

Сегодня торговая ось Иркутска разная на разных своих отрезках, и это делает ее еще более привлекательной и богатой впечатлениями.

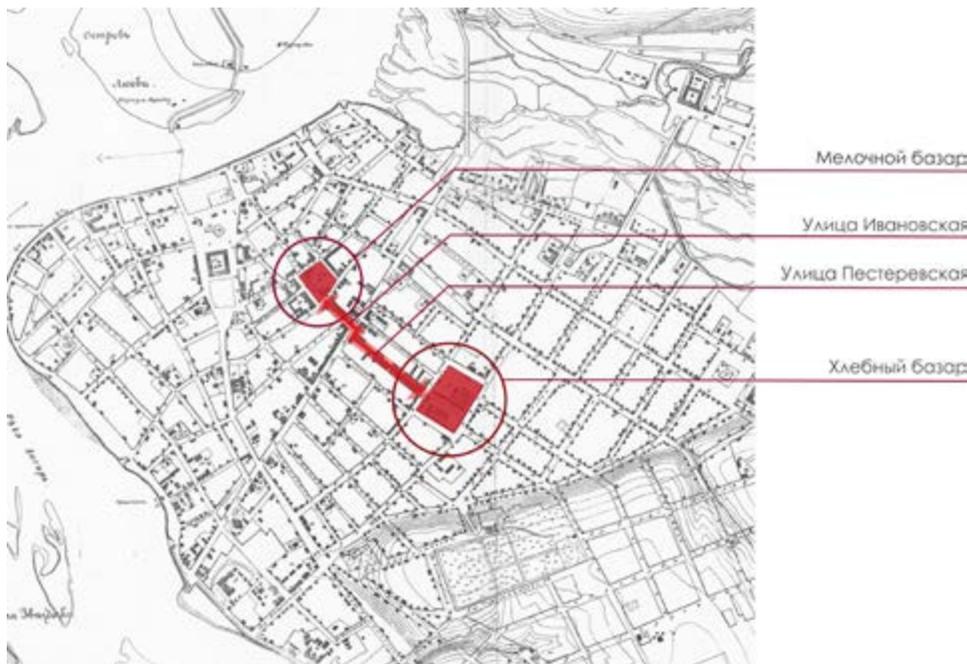
От ТЦ «Меркурий» до набережной Ангары ось капиллярно растекается на три направления:

- к скверу у Вечного огня и начальному фрагменту Нижней набережной;
- к собору Богоявления и памятнику Основателям Иркутска;

– внутриквартальная «студенческая тропа», ведущая на Нижнюю набережную к корпусам пединститута, недавно вошедшего в состав госуниверситета.

От ул. Польских Повстанцев до площади Труда

участок оси самый спокойный и озелененный. Торговая функция ТЦ «Меркурий» сменяется «детской» функцией – квартал Дворца пионеров и спортивных сооружений. В этом квартале пока не использована потенциальная

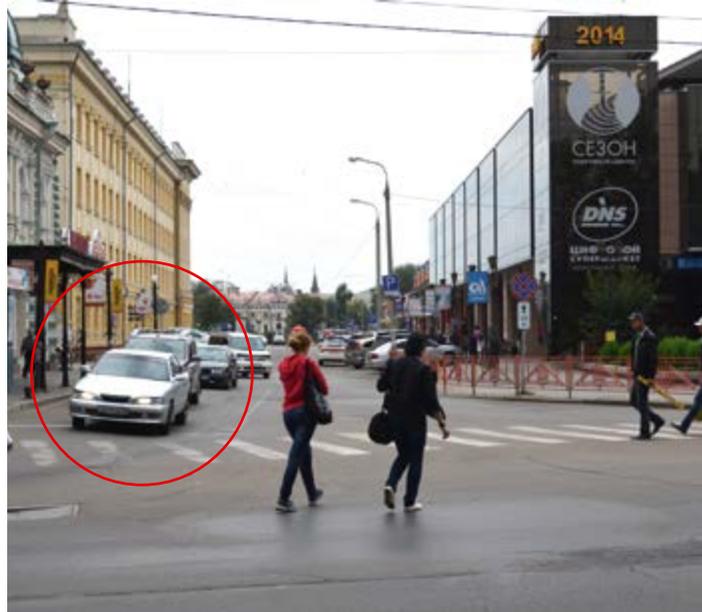
^ Главная торговая ось во второй половине XIX – начале XX века: Мелочной базар – ул. Ивановская – ул. Пестеревская – Хлебный базар

^ Виды ул. Урицкого (Пестеревской), начало XX в.

^ Вид на улицу Пролетарскую с улицы Свердлова

^ Вид на улицу Пролетарскую с улицы Карла Маркса

возможность создания большого общественного двора внутри детской площади.

На этом отрезке во многих местах открывается великолепные виды на объекты Соборной площади – римско-католический костел (церковь Успения Девы Марии), храм Спаса Нерукотворного Образа (Спасская церковь), собор Богоявления. Для большего раскрытия углов обзора требуется обрезка и уход за существующими зелеными насаждениями вдоль улицы.

В целом на всем этом отрезке необходима реставрация тротуарной и проезжей части улиц в современной интерпретации и с историческими реминисценциями, добавление малых архитектурных форм, покраска фасадов.

Площадь Труда сегодня является одним из благополучных участков торговой оси, с единственным, пожалуй, недостатком в виде диссонирующего торгово-административного здания со стороны ул. Желябова возле остановки. Это типичный для конца девяностых – начала нулевых прецедент захвата части общественного пространства, принадлежавшего горожанам.

Улица Пролетарская от ул. Свердлова до ул. Карла Маркса. Появление на ул. Пролетарской такого объекта, как ТЦ «Сезон», только подчеркивает и поддерживает поток улицы своим внутренним пассажем, размещенным параллельно этому потоку. По замыслу автора (арх. Н. Жуковский), в идеале пассаж должен был перехватывать часть потока. Сохранившийся сквер на углу улицы Пролетарской и Карла Маркса дополняет существующую зелень этого отрезка.

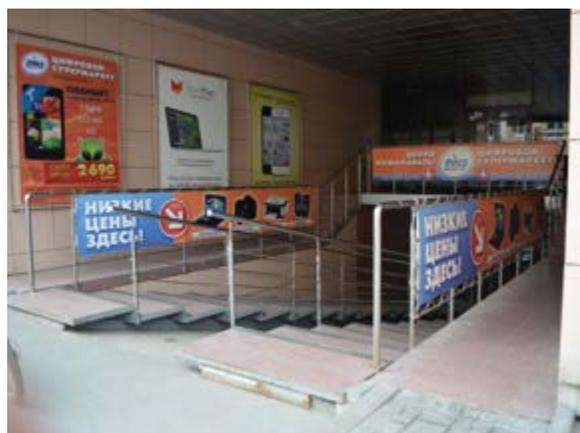
Серьезной проблемой является то, что на участке от Свердлова до Горького улица Пролетарская превратилась в стихийную парковку.

Очевидно, необходимо ввести парковочные регламенты и разрешить остановку и парковку автомобильного транспорта только с одной стороны улицы. Следует открыть предусмотренную проектом ТЦ «Сезон» подземную парковку для полноценного использования.

Тротуары, и без того узкие, на некоторых отрезках сокращены киосками и выносными рекламными конструкциями, штендерами. Особенно от этого страдает место у перехода через ул. К. Маркса, превращенное в узкое горло.

^ Вид на ул. Урицкого с ул. Карла Маркса

^ Предусмотренное проектом ТЦ «Сезон» помещение для подземной парковки сейчас используется не по назначению

^ Улица Урицкого

Необходимо расчистить тротуар для беспрепятственного прохода и в целом сделать этот перекресток ориентированным на пешеходов.

Улица Урицкого на первом этапе перемены статуса, когда ее сделали пешеходной, притягивала горожан и приезжих. Сейчас все сходится во мнении, что улица не развивается, среда деградировала.

Первым важным моментом является уже упомянутый переход от ул. Пролетарской на ул. Урицкого, который требует основательной реконструкции:

- расчистить вход на ул. Урицкого с ул. Карла Маркса от парковочных мест, рекламных конструкций и торговых киосков;

- выделить пешеходный переход мощением от тротуара ул. Пролетарской до тротуара ул. Урицкой, тем самым подчеркнуть приоритет пешеходов и еще раз обозначить бесспорное направление торговой оси дизайнерскими приемами.

Второй важный момент – это отсутствие озеленения на пешеходной улице Урицкого. Для преодоления этого недостатка в первую очередь необходимо задействовать пространство курдонёров возле и напротив Дома быта, магазинов «Евромода» и SELA. Возможно размещение

островных, не препятствующих проезду спецтехники фрагментов озеленения. Можно подключить к осевому пешеходному пространству внутренние дворы, которые могли бы стать привлекательными для владельцев торговых помещений и увеличить поток посетителей.

Следующий важный момент – внутриквартальные связи с улицами Фурье и Литвинова, которые сегодня требуют особенно внимательного отношения. Необходимо не дать застроить проход под зданием Иркутского дома моделей, как это уже случилось с проходом под зданием № 3 на ул. Литвинова, и отдать должное пешеходному соединению двух улиц – Пестеревской и Котельниковской (ныне Урицкого и Фурье) – бывшему Иркутскому пассажиу братьев Бенциона и Моисея Юцисов, построенному по проекту архитектора Алексея Кузнецова.

В целом для улицы необходимы перемены, которые повысят качество среды, привлекут горожан (покупателей) и увеличат доходы торговых заведений. Возвращение приемов общего дизайн-кода для оформления вывесок и рекламных конструкций, повышение уровня сегмента торговли могли бы стать первыми шагами по приведению этого отрезка торговой оси в должное состояние.

^ Визуальная среда

v Торговый комплекс в 1986 г.

v Торговый комплекс. Современное состояние

Квартал Торгового комплекса и Центрального рынка – главный центр торговой активности Иркутска начиная с позднего советского периода. В последнее десятилетие здесь произошла «закупорка» общественного пространства, пресечение, прерывание потоков. Вспомним, какой вид имел участок торговой оси между рынком и ТК лет пятнадцать назад, в момент сдачи обновленного рынка в эксплуатацию. Постепенно благоустроенная среда приняла вид неряшливый, потеряла первоначальные смыслы и функции, элементы благоустройства и озеленения, вверглась в хаос.

Часть общественного пространства между рынком и Торговым комплексом превращена в автовокзал с заездом через шлагбаум.

Свободному проходу горожан мешают многочисленные заборы и заборчики, маршрутки, хаотично расположенные киоски, прилавки и лотки. Само здание Торгового комплекса, некогда вполне достойный объект эпохи модернизма (отмеченный наградой Совета Министров СССР), постепенно лишилось обходной галереи, обросло пристройками и отдельно стоящими постройками,

создающими затесненную среду сомнительного качества, недостойную центра крупного города.

Группа зданий Центрального рынка. Здесь налично неиспользованные резервы второго этажа нового здания и дворов между основным зданием и блоками, расположенными вдоль улиц Дзержинского и Тимирязева. Какое-то время правый двор успешно выполнял функцию колхозного (дачного) рынка, его можно было бы и вернуть на прежнее место. Теперь это захлавленная территория.

Причина деградации территории между Торговым комплексом и рынком банальна – алчность, желание повсюду, в том числе на муниципальной земле, на общественном пространстве, разместить прилавки. Этот квартал очень наглядно демонстрирует, к чему ведет такой подход. Практически полное уничтожение зелени превратило среду в неприятную, непривлекательную. Господство единственной функции – ПРОДАТЬ – сделало пространство скученным и одновременно скучным.

v Торговый комплекс. Современное состояние

^ Торговый комплекс. Современное состояние

^ Внутренние дворы здания Центрального рынка

Общественное пространство квартала Торгового комплекса и рынка требует коренной реконструкции и изменения подходов. В первую очередь, это расчистка от торговых прилавков осевого пешеходного пространства. Второе – это решение проблемы отсутствия зелени. Возможно, так же как и на ул. Урицкого, размещение островных, не препятствующих проезду спецтехники фрагментов озеленения. Отдельного рассмотрения заслуживает тема состояния визуальной среды. Рекламы и вывески кое-где достигают абсурдной концентрации и тем самым убивают друг друга, перестают работать.

Заборы, ставни, целиком стены зданий, в том числе памятников истории и культуры, заняты разношерстной рекламой. То же самое можно сказать и о следующей группе кварталов.

После улицы Тимирязева (Преображенской) торговая тема продолжается по улицам Байкальской и Партизанской до магазина «Карамель» (удачное название ТЦ, конверсированного из кондитерской фабрики) и далее вверх по рельефу до торгового центра «Иркутский». На

участке от Торгового комплекса до ТЦ «Иркутский» для комфорта горожан предлагается разделение транспорта и пешеходного движения и устройство насыщенного самыми разнообразными функциями пешеходного бульвара по центру трех кварталов между улицами Байкальской и Партизанской до Советской.

Сегодня окончанием торговой оси является большой куб ТЦ «Иркутский», далее (см. схему) следует поворот к Иркутскому театру кукол и Центральному парку. Если говорить о перспективе развития торговой оси, то кварталы вдоль улиц Партизанской и Байкальской до Волжской могут стать достойным ее продолжением; они уже сейчас имеют много точек притяжения. Таким образом, есть все основания трактовать как торговую ось эту пару улиц (Байкальскую и Тимирязева) и дальше вплоть до ул. Волжской, где расположены рынок и несколько новых крупных торговых центров. Улица Партизанская здесь заканчивается рынком, а Байкальская преломляется в Байкальский луч.

^ Визуальная среда

v Территория вокруг Торгового комплекса

текст
Елена Григорьева
рисунки
Анастасия Репина /

text
Elena Grigoryeva
pictures by
Anastasia Repina

Раскрываются основные положения Концепции реконструкции 11 иркутских кварталов, прилегающих к торговой оси. Торговая функция, оставаясь основной, должна уйти от подавляющего доминирования, должна гармонично сочетаться с другими функциями городской среды, притягивающими в этот исторический район Иркутска горожан и приезжих (культура, образование, досуг, рекреация, жилье).

Ключевые слова: Иерусалимская гора, сад Миля, Торговый бульвар, иркутский Чайна-таун, каланча 3-й пожарной части. /

The article presents the key issues of the Concept of reconstruction of the 11 Irkutsk's quarters adjacent to the Trading Axis.

While remaining basic, the trading function should reduce its overwhelming domination to be in harmony with other functions of the city environment, which attract inhabitants and guests to the historical area of Irkutsk, that is culture, education, leisure, recreation, and housing.

Keywords: Jerusalem Hill; Milya Garden; trading boulevard; Irkutsk's China Town; fire-observation tower of the 3rd Fire Station

Прогулка по иркутским кварталам / A Walk around Irkutsk's Quarters

В границы территории, о которой пойдет речь, входят несколько кварталов вокруг главной торговой оси Иркутска – улиц Байкальской и Партизанской. Кварталы расположены у подножья Иерусалимской горы и на ее склонах. Рельеф повлиял на конфигурацию примыкающих к склону кварталов: вдоль улицы Подгорной они треугольные и трапецевидные. Эта часть даунтауна окружена несколькими культовыми доминантами: Крестовоздвиженская и Выходо-Иерусалимская церкви, новое здание армянской церкви, Татарская мечеть, на той же улице неподалеку – синагога.

В постсоветский период в этой группе кварталов агрессивный напор доминирующей торговой функции приняла на себя и сдерживала деревянная историческая застройка. И она этого, естественно, не выдержала.

Концепция, разработанная в 2014 году Сибирской лабораторией урбанистики, предлагает сохранить торговую функцию как основную, задав ее проявлениям критерии и формы, достойные цивилизованного современного города. Оставаясь основной, торговая функция должна уйти от подавляющего доминирования, должна гармонично сочетаться с другими функциями городской среды, притягивающими в этот исторический район Иркутска горожан и приезжих (культура, образование, досуг, рекреация, жилье).

Бережное отношение к опорной застройке, памятникам истории и культуры, к масштабу застройки, исторической сетке улиц – главные постулаты Концепции. Следуя современным градостроительным подходам, ее авторы считают возможным придерживаться исторических линий застройки, не расширять улицы в этих кварталах, рабски потакавая увеличению транспортного потока, а оперировать правильной организацией движения и назначением специальных режимов.

Описание предложений Концепции начнем от небольшой площади у Выходо-Иерусалимской церкви. Отсюда открывается панорама даунтауна, ближняя часть исторического центра лежит как на ладони. Вниз спускается роскошная по своим пространственным параметрам (увы, доведенная до аварийного технического состояния) лестница.

Лестница – потенциально богатое событиями, способное самостоятельно активно работать общественное пространство, самое выразительное в этой части города за счет того, что является частью рельефа – склона Иерусалимской горы. При насыщении смыслами и приведении в порядок лестница – как общественное пространство – заживет. В этом конкретном случае при выборе функций надо быть особенно деликатным. Предлагается на левой части склона в одной из усадеб, в деревянных памятниках или в комбинации с небольшим новым блоком разместить Музей Иерусалимской горы со своей библиотекой, архивом, конференц-залом, кабинетами исследователей-историков. В соседних домах на склоне может располагаться обслуживающая инфраструктура будущего Иерусалимского мемориального парка – дендрологи, садовники, диспетчерский пункт охраны и видеонаблюдения и т. д.

Очевидно, что лестница должна подводить к некой площади, подобно знаменитой площади Испании в Риме. По сторонам лестницы уместны деревья, газоны, скульптуры, на площади у подножья – фонтан.

Слева от лестницы до Крестовоздвиженской церкви (кварталы 133, 131) ландшафт уцелел. Склон Иерусалимской горы – интереснейшее место исторического города, ландшафтный памятник. Некоторые историки называют его иркутский Тифлис. Дома здесь располагаются ярусами на довольно крутом рельефе.

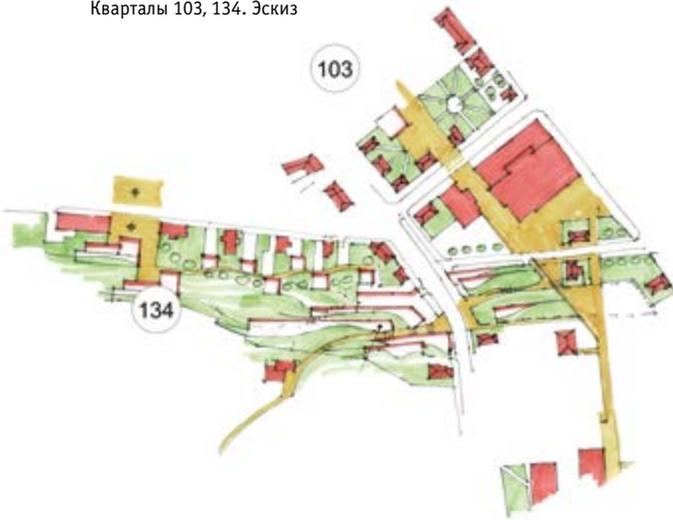
Надо привести в порядок опорную застройку, восполнить памятниками или сомасштабными им домами противоположную сторону улицы Подгорной. Желательно сохранить здесь жилую функцию и восстановить там, где она утрачена. В первых этажах станет возможно разместить юридические конторы (адвокаты, нотариусы), кабинеты частной медицинской практики (акупунктура, гомеопатия и т. п.) – дорогие виды услуг, в которых специалист работает с клиентом персонально и в назначенное время. Таким образом, не потребуются большие парковки: внутри усадьбы вполне хватит места для машины клиента.

В средней части квартала 133 на свободном от застройки участке зеленого склона возможно размещение детского сада небольшой вместимости.

< «Горный» отрезок улицы Грязнова (3-й Солдатской). Дипломный проект Елены Чубовой-Холодной

Кварталы 103, 134. Эскиз

функциям помещения – филиалы банков, отделения связи, аптеки, конторы, коворкинг и т. д. В числе прочих это могут быть и клубы по интересам. Краеведы, историки, книголюбцы, шахматисты, коллекционеры могли бы найти здесь место для общения – со своими выставочными площадями, кафе и открытыми террасами. Это подходящее место для городских туристических бюро: экскурсии по историческому центру правильно начинать, как оно и было в прошлые времена, с видовой площадки у Входа-Иерусалимской церкви. Этажность многофункционального террасного комплекса – не больше двух надземных, считая от поверхности склона в каждой конкретной точке.

Далее по склону предлагается разместить террасную гостиницу (рабочее название «Ершалаим») с видом на закат и даунтаун и маленькой аванплощадью. Здесь же возможны небольшие вписанные в рельеф объемы жилья или апартаментов.

В квартале напротив предлагается разместить деловую (конференц-зал, переговорные и т. п.) и спортивно-оздоровительную (фитнес, бассейн, национальные бани) инфраструктуру гостиницы. Она может работать и на город,

и на другие – малые частные – гостиницы, расположенные на прилегающих территориях исторических кварталов. Небольшая аванплощадь связывает три объекта в единый комплекс. При этом архитектурное решение должно быть сомасштабным опорной застройке. Под жилую и гостиничную функции могут быть отданы предлагаемые отдельно стоящие двухэтажные здания второго ряда вдоль всего участка улицы Подгорной между улицами Борцов Революции и Байкальской.

Это современная архитектура, здесь возможно сочетание камня и дерева в его современной архитектурной интерпретации. В первом ряду желательны здания деревянные, исторические.

Торговый бульвар. Кварталы 103, 109

Торговая функция концентрируется внутри главной трансгородской торговой оси – в цепочке кварталов между улицами Байкальской и Партизанской (кварталы 103, 109). При этом кварталы по своей структуре пронцаемы, не монолитны: они прорезаются в продольном и поперечном направлениях пешеходными путями с элементами озеленения и местами для отдыха.

Новый Торговый бульвар начинается от Торгового комплекса и приводит к торговому центру «Карамель». За двухэтажным зданием-памятником истории и культуры «Торговые ряды Миля» предлагается устроить сад Миля.

Здесь вполне уместен памятник знаменитому конструктору вертолетов уроженцу Иркутска Михаилу Милю. На

v Вид на Входа-Иерусалимскую церковь и лестницу с улицы Подгорной. Предложение

^ Вид на дом Миля с улицы Тимирязева. Предложение

одном из газонов (или на плоской крыше нового торгового здания) можно поставить один из первых вертолетов модели Ми-1 или Ми-2 для свободного доступа.

В конце квартала 109 бульвар предлагается завершить садом «Сибирь» (рабочее название). Дореволюционный Иркутск славился своими публичными и частными садами: известны Синельниковский сад, Интендантский сад около реки Ушаковки, сад под забавным названием «Кинь грусть!» на месте нынешнего лица № 3 в квартале 102, Александровский сад на главной набережной у реки Ангары, позднее переименованный в сад Парижской Коммуны, сад Томсона в Ново-Ленино, сад «Царь-девица» в левобережной части города.

> Бульвар внутри кварталов 103, 104. Предложение

Там, где будущий Торговый бульвар подходит к улице Горной, вблизи предлагаемого сада «Сибирь», закончилась реставрация двух памятников деревянного зодчества и заработал экорынок. Здесь предлагается расширение пешеходной линии в небольшую площадку для проведения тематических ярмарок выходного дня: по географическому принципу (например, День экологически чистых продуктов острова Ольхон) или по названию продукта (например, День меда, День сыра и т. д.).

Под частью пешеходного Торгового бульвара и прилегающими к нему новыми зданиями должны быть размещены подземные парковки с заездом с улиц Партизанская, Софьи Перовской и Байкальская. В тех местах, где автостоянка размещается под бульваром, она может освещаться естественным светом через фонари – элементы дизайна бульвара. Фонари, островные включения зелени, фонтаны выполняются в едином дизайн-коде.

Загрузку крупных торговых центров рекомендуется осуществлять из специальной зоны в уровне парковки.

В зимнее время в расширенных местах бульвара возможно устройство катка для посетителей этих кварталов. А на возвышенных заснеженных газонах – размещение снежных и ледяных скульптур.

В квартале 103 отдельные крупные торговые блоки могут быть связаны не только через подземный уровень, но и галерей в уровне второго-третьего этажа. Это придаст центральной площадке бульвара пространственную завершенность и дополнительный шарм.

Новые крупные торговые блоки здесь могут иметь названия как по специализации (Дом обуви, «Детский мир»), так и по стране-производителю товаров (атриум «Стамбул», форум «Римские каникулы» и т. п.). В этом случае для усиления идентичности подбираются сопутствующие объекты питания, специализирующиеся, соответственно, на кофе по-турецки и восточных сладостях или итальянской кухне.

Уже после окончания разработки концепции во время переговоров с собственниками земельных участков, расположенных в 103-м и 108-м кварталах, совместно были выработаны согласительные мастер-планы этих кварталов.

^ Вид сверху на квартал 103 со стороны ул. Байкальской. Вариант 1

< Согласительный вариант мастер-плана по кварталу 103

Восток – дело тонкое. Чайна-таун или Мандарин? Кварталы 102, 108

Новое угловое здание «Шанхай-Сити», как и вся история места постсоветского и даже частично дореволюционного периода, наводят на мысль о сохранении в этом районе китайской темы, но придании ей новых смыслов. Иркутско-китайские торговые связи – давняя традиция со своей интересной историей. Профессор Шахеров рассказал об этом иркутянам во время одной из популярных прогулок по Иркутску. Оказывается, одна из улиц в этом районе города в народе называлась Китайской. Торговые и культурные связи с Поднебесной – еще и актуальная геополитика.

Большой двор за «Шанхай-Сити» по сути представляет собой мини-площадь; он мог бы стать входной площадью иркутского Чайна-тауна. Входы на нее с улиц Байкальской и Софьи Перовской оформляются традиционными китайскими воротами.

Собственно Чайна-таун (назовем его пока так, хотя возможны и более образные варианты названия, например Мандарин, как это было предложено журналистами после презентации проекта в Союзе журналистов летом 2014 года) – это группа домов, расположенных вдоль пульсирующего, иногда расширяющегося прохода-пассажа. Дисперсно расположенные здания по ул. Софьи Перовской должны быть сомасштабны опорной застройке, обращены на улицу современными нейтральными фасадами с умеренным декором. Яркие китайские мотивы обращены внутрь пассажа и внутриквартальных площадей. Здесь предлагается разместить Зал чайных церемоний и Музей чайного пути, Галерею графики и Школу каллиграфии, галерею фарфора и шелка. Функция торговли отступает на второй план, она сопутствующая. Это своеобразный центр истории и культуры, традиционных технологий; в самой тихой зоне возможна и переговорная площадка.

К улице Борцов Революции китайская тема продолжается традиционной китайской медициной (по правой стороне ул. Борцов Революции медицинская и оздоровительная тематика связана с расположенным здесь НИИ травматологии и ортопедии). В этой части квартала 102 желателен еще один небольшой сад

(уместно вспомнить знаменитое историческое название «Кинь грусть!»). Сад может использоваться и для традиционной китайской гимнастики цигун. Эта зона более спокойная, тихая.

В следующем малом трапециевидном квартале 101 на внутренней территории возможно элитное жилье или гостиница (рабочее название «Порт-Артур»).

Регламент – 2–3 этажа с сохранением традиционной застройки по периметру, 1–2 уровня подземной парковки по расчету.

Китайская тема заканчивается усадьбой консульства КНР и жилья работников консульства в треугольном квартале 100.

В северной части квартала 102 существующие НИИ травматологии и лицей дополнительно изолируются зеленой зоной.

С севера от входной площади в Чайна-таун к сохраняющейся торговой функции в новом здании (этажность 4–5, небольшой вестибюль-атриум в сторону площади, терраса с эксплуатируемой кровлей) добавляется развлекательная (кинотеатр на верхнем уровне) и даже культурная в случае переезда театрального училища в новое здание. Слева на площади – миниатюрный садик «Китай» с традиционно вымощенными дорожками и водоемом с красными карпами.

По первому варианту развития, предполагающему расширение территории социальных объектов в **квартале 102** – лицей и театрального училища, Чайна-таун смещается южнее и группируется вокруг ул. Софьи Перовской. Ворота, оформляющие входы с улиц Байкальской и Борцов Революции, можно сделать «именными» и назвать в честь китайских городов-побратимов Иркутска – Шеньяна и Шеньженя. За воротами в мощении или объеме размещаются знаки-символы этих городов.

Жилые кварталы 104, 110

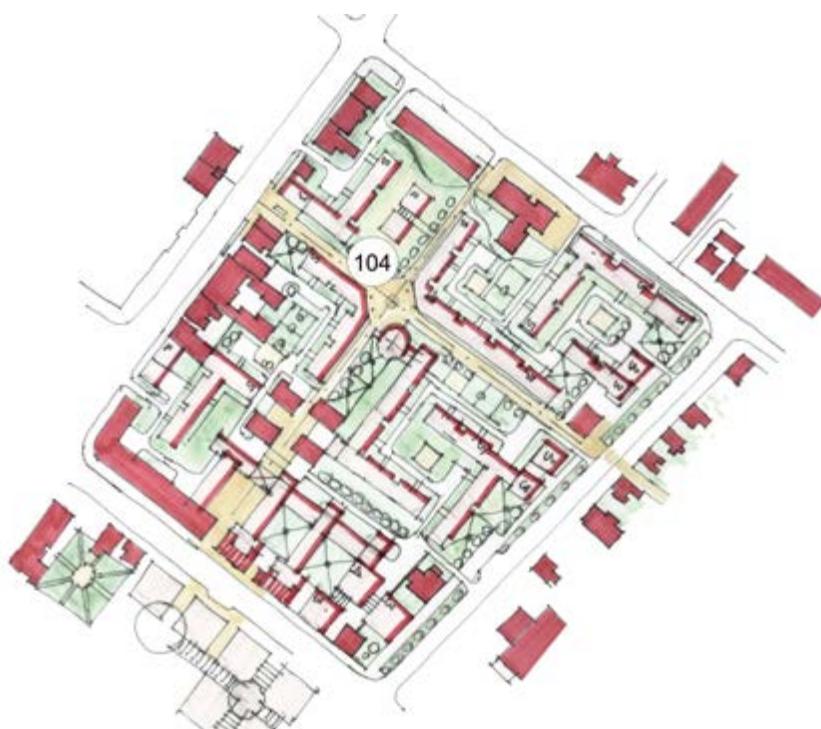
В соответствии с действующей градостроительной документацией – генпланом города и проектом планировки центра – главная функция квартала 104 в границах улиц Софьи Перовской, Партизанской, Тимирязева и Карла Либкнехта – жилая. Главную ось нового жилого образования рекомендуется ориентировать на историческую

^ Внутренний двор театрального училища. Предложение

^ Гостиничный комплекс «Порт-Артур». Предложение

^ Квартал 104. Эскиз

доминанту этого места – каланчу третьей пожарной части. Она не так давно отреставрирована и превращена в Музей пожарного дела.

Максимальная этажность в квартале 104 – пять этажей с понижением к памятникам истории и культуры. Возможен тип застройки более дорогого малоэтажного блокированного жилья. Количество спортплощадок, детских площадок, вместимость детского сада (возможно, встроенно-пристроенного или даже полностью встроенного) рассчитывается в зависимости от принятого типа застройки. По периметру квартала сохраняются исторические здания с размещенными здесь предприятиями обслуживания и торговли. Функцию ритуальных услуг давно уже следует вынести из самого центра города, она скорее уместна при действующих кладбищах и ритуальных траурных залах.

В юго-западной части квартала возможно развитие доходных домов (временное жилье). К улице Партизанской – увеличение торговой функции. В варианте 2,

предполагающем полное соответствие генплану города – пробивку продолжения ул. Чехова и диагонального проезда, соединяющего улицы Энгельса и Софьи Перовской, – функции и регламенты аналогичны; выход полезной площади, естественно, гораздо меньше, чем в варианте 1.

В соседнем квартале 110, в границах улиц Софьи Перовской, Карла Либкнехта, Горной и Байкальской, в юго-западной части сохраняется сложившийся деловой центр. Рекомендуется благоустроить площадь между четырьмя крупными офисными зданиями в соответствии с современными городскими стандартами для отдыха офисных служащих и посетителей.

В центре квартала в соответствии с действующей градостроительной документацией размещается школа, обслуживающая потребности прилегающих жилых массивов за улицами Карла Либкнехта и Горной («Новый Город»), а также перспективного жилого квартала 104. Юго-восточная часть квартала пригодна для размещения средне- и малоэтажного жилья высокого уровня.

Район, по которому мы совершили небольшую прогулку, по своему расположению, ландшафту, структуре и истории имеет серьезные ресурсы, чтобы воплотить такую ключевую особенность Иркутска – его культурное многообразие, историческую и современную связь с азиатскими и европейскими странами и народами, его этно-конфессиональную историю.

Опыт последних 20 лет продемонстрировал интересную закономерность: появление нового общественного пространства, ничтожного в соотношении с общей территорией города (0,01%), способно менять его имидж. Так происходило в Барселоне, Нью-Йорке, Берлине и других городах. Так произошло и в Иркутске с появлением 130-го квартала. Общественные пространства заменяют собой традиционные архитектурные ансамбли, они создают новую городскую идентичность и формируют городские сообщества. Новые подходы, высокое качество среды поднимут ценность территорий, охватываемых Концепцией (а заодно и всей существующей и вновь создаваемой недвижимостью на этих территориях), подчеркнут индивидуальность Иркутска.

Заметки на полях концепции / Notes on the Margins of the Concept

В проекте, который при разработке назывался «Торговая ось Иркутска», а теперь именуется «Иркутские кварталы», мне кажется важным подчеркнуть несколько пунктов.

Первый. И рабочие, и новое название проекта подчеркивают, что преобразование городского пространства опирается на индивидуальность Иркутска, подхватывает логику развития города, в центре которого всегда был рынок, и дает импульс новому этапу, для которого история города – ресурс, а не музей и не тяжкое бремя. Район, который стал за последние четверть века монофункциональным, сосредоточив торговую функцию (всегда в центре Иркутска преобладавшую), развивался не просто стихийно, но агрессивно по отношению к наследию и к другим необходимым функциям городской среды. Это развитие можно уверенно назвать нецивилизованным; проект предлагает сохранить торговую функцию как основную, но задать ее проявлениям критерии и формы, достойные современного города. В то же время торговая функция, оставаясь основной, должна лишиться доминирования, сочетаясь с другими функциями городской среды, притягивающими в этот исторический район Иркутска горожан и приезжих: культурно-досуговыми, рекреационными, жилыми и т. д. Многофункциональность городской среды проект акцентирует, в частности, предназначением планируемых скверов-площадок как публичных пространств. Подгорная площадь и лестница Иерусалимской горы – историко-культурное пространство, окно в исторический деревянный Иркутск, предисловие к мемориальному парку. Китай-город – окно в Азию, Иркутск в глобальном мире. Площадь искусств посвящена художественному творчеству. Площадь (сквер) Сибири – площадка для фестивального представления хозяйственной продукции и культурной жизни Приангарья. Этот район по своему расположению, ландшафту, структуре и истории имеет серьезные ресурсы, чтобы воплотить такую ключевую особенность Иркутска как культурное многообразие, историческую и современную связь города с азиатскими и европейскими странами и народами, историю его этно-конфессионального разнообразия.

Второе. Авторы проекта подчеркивают, что он кардинально меняет атмосферу всего исторического центра Иркутска, создавая пространство для пешей жизни, фланера, отдыха, туризма (см. интервью Алексея Козьмина по поводу концепции: <http://baikalpress.ru/chto-zhe-budet-na-meste-rynka-shanhay>). Я бы еще подчеркнул оздоровляющее значение этого проекта для соседних сегментов исторического Иркутска. Инфраструктура поддержки деревянного Иркутска (владельцев и арендаторов деревянных домов), которая планируется на Подгорной, должна включить в зону своего влияния бывшие Солдатские (Красноармейские) улицы, как и другие улицы, примыкающие к иркутскому Тифлису.

Третье. Вместе с регенерацией городской среды на склоне Иерусалимской горы и созданием насыщенного публичного пространства на Иерусалимской лестнице можно, наконец, искать решения проблемы бывшего Иерусалимского кладбища, ставшего в советское время центральным парком. Недопустимо делать место, в котором

захоронено по приблизительным подсчетам около 120 тыс. человек, как зоной застройки, так и зоной развлечений, но и превращение обширного пространства в центре города в место траура и скорби (Иркутский некрополь) также трудно признать конструктивным для города и горожан решением. Парк должен стать местом памяти об иркутянах, но памяти живой, участвующей в сегодняшней жизни, в создании лица города. Иерусалимское кладбище было многоконфессиональным. Возможное решение – создание парка памяти, в котором памятными знаками о сословиях, конфессиях, выдающихся людях дореволюционного Иркутска будут не надгробные монументы (тем более что точные места захоронения тех или иных людей, за редким исключением, утрачены), а деревья, ландшафтная скульптура, аллеи и дорожки (например, купеческая аллея, аллея ремесленников, католическая аллея, лютеранская и т. д.). Парк мог бы стать также местом художественных экспозиций под открытым небом, тематически связывающих нас и гостей города с его историей. В то же время парк получит развитие как пространство спокойного отдыха и прогулок.

Общественное пространство перед входом в парк сейчас сочетает в себе отреставрированную Входу-Иерусалимскую церковь и мемориальный «революционный» комплекс с памятником Борцам Революции, захоронениями и надгробиями деятелей Гражданской войны и советской власти 20–30-х годов. Организация парка как памяти о культурном и религиозном многообразии дореволюционного Иркутска позволит перевести и это пространство из регистра противостояния идеологических символов (православный храм и борцы революции) в регистр исторической памяти: «революционный» фрагмент будет включен в более обширный контекст мирной истории Иркутска, смыслы которого будут подчеркнуты парком памяти.

Четвертое. «Горный» отрезок улицы Грязнова (3-й Солдатской) – ближайший фрагмент исторического деревянного Иркутска к 130-му кварталу. Если Иркутская слобода (130-й квартал) застроена заново, то на этом отрезке улицы сохранились достойные образцы деревянной архитектуры, усадебной застройки. Приведение его в порядок, сочетание жилых домов с домами, приобретающими другие функции – мини-отелей, кафе, галерей, мастерских, – может стать пространством перехода от 130-го квартала как визитной карточки исторического Иркутска к сохранившейся исторической городской среде. Для этого также целесообразно возвращение улице названия Солдатской (без порядкового номера).

Пятое. Регенерация и организация городской среды в этом районе, ориентированная на тему исторического Иркутска, позволяет сделать шаг и в решении такой проблемы Иркутска, как доминирование в топонимике центра наименований «в революционном духе», введенных постановлением от 5 ноября 1920 года и, как правило, не имеющих отношение к истории города. В проект можно включить пункт о желательной отмене действия постановления в данном районе. В районе проекта пять названий были введены именно этим постановлением. Были переименованы: Солдатские (б) – в Красноармейские,

текст
Михаил Рожанский /
text
Mikhail Rozhansky

Саломатовская – в Карла Либкнехта, Преображенская – в Тимирязева, Главно-Иерусалимская – в Коммунар, Матрешинская – в Перовской. В сферу проектирования, как замечено выше, входит участок одной из бывших Солдатских (Красноармейских) улиц и одна из Иерусалимских. Возвращение этим двум улицам исторических названий без «порядковых номеров» (Иерусалимская – на плане 1904 года она именуется именно так, без «главно», и Солдатская) позволят вернуть эти исторические топонимы в городскую среду без неуместного восстановления имен всех одноименных улиц. К тому же к парку памяти будут с двух сторон параллельно примыкать Иерусалимская и Советская, таким образом создав пространственную метафору единства дореволюционного и советского этапов расширения городского пространства. Параллельное существование Красноармейской и Солдатской улиц (как памяти о Солдатской слободе) также несет смыслы единства и сложности истории города. Возвращение

Саломатовской, Матрешинской и Преображенской также имеют основательную внеидеологическую аргументацию, поскольку наименования, присвоенные в 1920 году, никак с историей Иркутска связаны не были.

И еще, «на полях»: мне кажется одной из изюминок проекта для его пиара и для туристической рекламы Иркутска идея «деревянного фонтана» как некоей иркутской уникальности. В проекте она смягчена до «с деревянными фрагментами в облицовке». Лиственница с ее уникальными свойствами – основа исторического Иркутска. Впрочем, после пожара приметой деревянного Иркутска стал еще и песчаник. Не знаю, может быть, это идея из разряда сумасшедших и проистекает из моего невежества, но если вдруг это технологически возможно, то союз дерева и камня, не подвластных течению воды и времени, – это такое семантическое богатство, которое может подарить городу новый символ.

Топонимика и город, прошлое и будущее / Toponymy and the City, the Past and the Future

Представлен аналитический обзор концепций топонимии, проведенный на основании обмена мнениями с членами Совета по топонимике и редколлегией журнала. Приводятся предложения по наименованию новых градостроительных образований Иркутска.

Ключевые слова: топонимика, 130-й квартал, торговая ось Иркутска, исторический, повседневно-обыденный, географический подходы к топонимике. /

The article reviews and analyses the concepts of toponymy, basing on the exchange of ideas between the members of the Toponymy Council and the Editorial Board of the journal. The names of the new urban entities of Irkutsk are proposed.

Keywords: toponymy; 130 Quarter; Trading Axle of Irkutsk; historical, everyday and geographical approaches to toponymy.

ТЕКСТ

Марина Ткачева

ФОТО

Татьяна Анненкова

TEXT

Marina Tkacheva

PHOTO

Tatyana Annenkova

28 октября в Доме архитектора главный редактор журнала «Проект Байкал» архитектор Елена Григорьева и члены редколлегии Константин Лидин и Марина Ткачева обменялись мнениями по вопросам иркутской топонимии со специалистами-историками, общественными деятелями Иркутска и представителями СМИ. В обсуждении участвовали: член Общественной палаты города Иркутска, директор ООО «Антиквар», член совета общественной организации «Губернский собор» Сергей Снарский, историк и телеведущий Александр Снарский, эксперт Росохранкультуры, доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИргТУ, председатель Иркутского отделения Все-рос-сийского общества охраны памятников Алексей Чертилов, председатель редакционного совета газеты «Восточно-Сибирская правда», генеральный директор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева Александр Гимельштейн, начальник управления культуры города Иркутска Виталий Барышников.

В своем вступительном слове Елена Григорьева обратила внимание, что названия и переименования могут оказаться неуправляемым процессом, результат которого трудно предвидеть. Сейчас, когда идет конструктивная реконструкция центра города и на карте появляются объекты, которых ранее не было, особенно ясно, что наименования этих топосов не могут быть отданы на волю случая.

Собеседники сформулировали, в сущности, те же аргументы, которые существуют в дискуссии. С. Снарский предложил обдумать вопрос о сохранении тех топонимов, которые возникли в советское время: нельзя становиться заложником сиюминутных страстей и претензий. А. Чертилов добавил, что в процессе именования, как и в возвращении исторических названий, обязательно нужно юридическое обоснование: необходимо предусмотреть утверждение конструктивной законодательной базы,

позволяющей сохранять и возвращать исторические топонимы. Это возможно, так как появилась законодательная норма о предмете охраны исторического поселения: каждое историческое поселение должно иметь предмет охраны. Если в качестве предмета охраны в Иркутске прописать топонимику, тогда споров не будет. В. Барышников обратил внимание на то, что иногда событие, в честь которого названо то или иное место, стерлось из памяти, утрачен сам предмет памяти. Вместе с тем есть названия, которые родились неадминистративным путем. В историческом центре (между Ангарой и Ушаковкой) их около 30–40. Но в России, к сожалению, нет закона о нематериальном культурном наследии. А. Гимельштейн добавил, что исторические названия – те же памятники, которые были затоптаны. Таким образом, отчетливо была озвучена стратегия, опирающаяся на историческую память и историческое прошлое. Крайний ее вариант («возвращать – и никаких гвоздей») прозвучал в выступлении А. Снарского, статью которого журнал публикует ниже.

К. Лидин задал вопрос: почему топонимическая реставрация вызывает такое сильное сопротивление населения и властей? Он предложил подумать над иными вариантами топонимической стратегии – фонетическим, географическим.

Одновременно были обозначены принципиальные подходы к наименованиям и переименованиям. Чисто «исторический», ретроспективный подход (А. Снарский), якобы дистанцирующий топонимику от политики, выглядел чересчур «хирургическим». С другой стороны, обыденно-повседневный («оставим все как есть, мы так привыкли») тоже вызвал критику. У каждого из участников нашлось несколько примеров, когда свободная «территория» для наименований рождала унылое однообразие названий улиц типа Лесная (но на ней нет леса),

Рябиновая (без рябин), наводящих на воспоминание о садово-огородных кооперативах. Таких случаев, кстати, довольно много и в исторической практике: почти в каждом городе (сибирском во всяком случае) есть улицы Большая, Почтовая, Хлебный рынок, Сенная площадь... Где же историческая уникальность именно иркутских топонимов?

Естественно, главной стала проблема, обозначенная Е. Григорьевой и А. Гимельштейном: особое внимание надо обратить на вновь возникающие градостроительные образования, так как брендинг обновленных фрагментов городской территории – тоже способ продвижения самой идеи обновления исторического центра («как вы яхту назовете, так она и поплывет»). Вспомнили, что и сквер Кирова когда-то назывался и Тихвинской площадью, и площадью Сперанского. И если бы вовремя установили бюст или памятник этому деятелю, то и площадь могла бы быть окончательно площадью Сперанского... Процесс стихийного именования подчас приводит не к самым лучшим результатам: много раз упоминаемый 130-й квартал мог бы называться Иркутская слобода (тоже не самый удачный вариант, но все-таки...) М. Ткачева подкрепила эти высказывания материалом студенче-

ских анекдотов: «Логика иркутян уникальна: единственный квартал в городе назван сто тридцатым!»

Была затронута тема новых кварталов, образующих торговую ось. Е. Григорьева, как один из авторов проекта, рассказала про Торговый бульвар, идущий как ось симметрии между улицами Байкальской и Партизанской. Он идет от ул. Тимирязева мимо «Карамели» вплоть до 1-й Советской. Начинается от одного из домов, претендующих на то, что в нем родился авиаконструктор Михаил Миль. Было решено торговые ряды Милиа сохранить, не перегородив линейное пространство создаваемого пешеходного бульвара высоткой. Обсуждалось: а не дать ли ему название – бульвар Милиа. За торговыми рядами есть место для скверика Милиа, там можно установить памятный знак, бюст или модель маленького старого вертолета. Если бы осуществился проект этого бульвара без потерь и перерывов около «Карамели», то его длина составляла бы как раз одну милю. Такой получился бы каламбур – бульвар Милиа.

Топонимика обнаруживает свое сверхсовременное лицо и имеет непосредственное отношение к будущему Иркутска.

Топонимия может быть живой / Toponymy Can Be Alive

Считая бесперспективной дискуссией об исторической реставрации топонимов Иркутска, автор в качестве приоритетного подхода к проблемам городской топонимии предлагает отношение к топонимам как к ресурсу оживления городского пространства.

Ключевые слова: топонимия, городское пространство, Иркутск, историческая память, прагматика. /

The author thinks that any discussion on the historical restoration of toponyms in Irkutsk is unpromising and offers to treat toponyms as a resource for vitalizing the city space. This could be a priority approach to the problems of city toponymy.

Keywords: toponymy; city space; Irkutsk; historical memory; pragmatics

текст

Михаил Рожанский /

text

Mikhail Rozhansky

Когда мы спорим «переименовать, вернуть, не тронуть», важно выбрать общий приоритетный принцип. Иначе споры бесконечны и бесплодны. В ходу два принципа: идеологический и прагматический. Идеино-исторический – это «как можно спокойно ходить по улице имени террориста» или «вы хотите вычеркнуть советскую историю». Прагматический – это «люди привыкли, нечего их путать, а у вас, видимо, других проблем нет». Есть еще позиция тотальной топонимической реставрации: «верните все как было». В общем, приоритет исторический, но тоже предполагающий идеологическое решение: точкой для реставрации выбран ноябрь 1920 года, то есть возвращаются тотально дореволюционные имена. Эти два принципа согласовать, как показывает практика, невозможно: их сторонники апеллируют к аргументам, находящимся в разных мирах – в мире истории, в первом случае, и в мире повседневности, во втором. Вот эту практику споров по модели «чья возьмет» и надо менять.

Есть другой принцип, который, по моему убеждению, и должен быть приоритетным: в нем признание необходимости как истории, так и безусловных прав повседневной жизни. Это принцип отношения к городскому пространству как к месту человеческой жизни. Что этот категорический императив означает на практике, когда мы говорим о топонимии? Во-первых, он означает, что город – не наградная доска, на которой названия улиц администратор или история присваивают по заслугам. Во-вторых, что город – не архив, и топонимическая карта центра города не может быть памятником одной эпохи, а точнее, памятником революционному самосознанию нескольких людей, корпевших в ноябре 1920 года над

списком из 70 с лишним имен, чтобы каждое из них заменить новым. В-третьих, что топонимия может стать живой и участвовать в насыщении городской жизни, даже быть экономическим ресурсом. Как сделать топонимию живой? Боюсь, что ей уже надо делать искусственное дыхание, постепенно возвращая к жизни. Сначала вернуть те названия, которые отличали центр города от других городов России, восстановить индивидуальность центральных артерий (Большая, Амурская, Тихвинская) и там, где происходит реставрация или имитация исторической среды (в Иркутской слободе, иркутских кварталах). Затем впустить в топонимию мирную городскую жизнь через возвращение тех названий, которые рассказывают о том, как возникал и развивался Иркутск, его отдельные пространства, особые миры, возвращать там, где возможно, через замену нынешних, а в каких-то случаях через поясняющие таблички. Это тоже пошаговый процесс, в котором категоричность бесполезна: поворот «вдруг» ни к чему, кроме вспышки идеологической гражданской войны, не приведет. Есть имена, которые оскорбляют нравственные чувства, – с этими именами «надо работать», и в том числе с помощью поясняющих биографических табличек, конечно, не на улицах, а в музеях, на виртуальных картах города, создавать веб-доки. Только так можно актуализировать звучание этих имен, чтобы они царапали слух тех, кто на этих улицах живет. Впрочем, это же касается имен, которые не имели и не имеют никакого отношения к городу. Следы большой истории и большого мира тоже часть своеобразия города, особенно когда-то бывшего столичным, но важно, чтобы эти следы не были грязными.

Топонимическая реставрация в Иркутске / Toponymic Restoration in Irkutsk

Анализируются дискуссия о возвращении публичным пространствам в Иркутске исторических наименований, подходы к проблеме, сложившиеся в исторической науке и публицистике. Утверждается необходимость и своевременность строго исторического подхода к топонимической реставрации.

Ключевые слова: топонимика, исторический топоним, топонимическая реставрация, культурно-историческое пространство, историческое преемство. /

The article analyzes the discussion on restoration of historical names of public spaces in Irkutsk. It also reviews different approaches to the problem that appeared in the historical science and publicism. The author says about the necessity of a strictly historical approach to the toponymic restoration.

Keywords: toponymy; historical toponym; toponymic restoration; cultural and historical space; historical continuity.

текст

Александр Снарский /

text

Alexander Snarsky

Дискуссия о необходимости проведения в Иркутске комплексной реставрации топонимических памятников, то есть о возвращении городским объектам их исторических наименований, ведется весьма своеобразно. Этот сравнительно простой научно-исторический вопрос неожиданно оказался сугубо важным для неких идеологических

лагерей, политических стратегий и, наконец, просто для любителей досужих разговоров. При этом, как несложно догадаться, собственно научная аргументация почти не звучит, ибо в таком формате обсуждения всякая научность только мешает и тяготит. В самих же научных кругах, насколько нам известно, вопрос «возвращать или не

возвращать» давно решен положительно, хотя, конечно, имеются разные мнения по ряду технических вопросов (например: какое название объекта восстанавливать в случае его многократного естественного переименования и т. п.). Автор крайне положительно относится к стремлению горожан принять участие в обсуждении вопросов из любой области знаний, однако призывает вести таковые обсуждения в логике тех наук, к которым эти вопросы относятся, избегая притом излишней эмоциональности и не привлекая ностальгических, идейно-партийных, электорально-предвыборных и тому подобных «аргументов». В частности, вопрос о возвращении городским объектам их исторических наименований относится к компетенции топонимики.

Топонимика – это вспомогательная научная дисциплина, находящаяся на стыке географии, лингвистики и истории и изучающая топонимы. Топонимы – это собственные названия географических объектов, начиная от материков, морей, океанов и заканчивая названиями остановок общественного транспорта. В этой статье речь пойдет в основном об урбонимах Иркутска, то есть о названиях внутригородских объектов, которые, в свою очередь, подразделяются на агоронимы – названия городских площадей и рынков, годонимы – названия улиц, хоронимы – названия отдельных зданий и др.

Каким же образом топонимика взаимодействует с исторической наукой? Очень просто: история использует топонимы в виде источника знаний, так же как она использует письменные, устные, архитектурные, археологические, этнографические и иные памятники. В этом качестве и сами топонимы становятся историческими памятниками. Они в некотором смысле нематериальны, и потому сознание не всегда способно безоговорочно поставить их в один ряд со зданиями, монументами, предметами декоративно-прикладного искусства. Однако даже самые поверхностные наши рассуждения на тему возможной нематериальности памятников немедленно породят воспоминания о таких феноменах, как сказки, эпосы, традиционные праздники, народные танцы и пр. Таковы же и топонимы.

Топонимические памятники, как и памятники вообще, имеют большое историческое и культурное значение. Они организуют культурно-историческое пространство местности, в которой бытуют, подчеркивают ее уникальность и своеобразие, обеспечивают историческое преемство, свидетельствуют о древности и историчности окружающей их среды, фиксируют события, запечатлевают утраченные городские объекты, особенности рельефа, имена и занятия жителей. Наконец, топонимические памятники, с которыми ежедневно соприкасается огромное число людей, являются естественным и эффективным средством распространения исторических знаний в самых широких слоях населения.

Всякий ли топоним является памятником? Нет, не всякий, так же как не всякое здание или монумент – памятник. Безусловно, некоторую полезную информацию можно извлечь почти из любого топонима, однако по степени научной ценности, культурной и общественной значимости, самобытности и уникальности топонимы определенно не равны. Ценность представляют топонимы, сложившиеся естественным путем и закрепившие в себе память об исторических реалиях времени своего возникновения, например о стоявших поблизости церквях (улицы Тихвинская, Благовещенская, Иерусалимская, пер. Чудотворский), домах горожан (улицы Дегтевская, Баснинская, Трапезниковская), государственных и городских учреждениях (улицы Арсенальская, Адмиралтейская, Кремлевская площадь), увеселительных учреждениях (улицы Матрешинская, Дворянская), торговой и профессиональной специализации городских объектов и

граждан (Сенная и Хлебная площади, Барахолка, улицы Кузнечная, Ямская), городских легендах (местность Царь-Девица) и т. п. Такие, подлинные, топонимы можно назвать памятниками.

И наоборот, как, скажем, типовые хрущевки не являются архитектурными памятниками, хотя в известном смысле и несут дух своего времени, так и типовые топонимы, как правило навязанные чьей-то волей, а не сложившиеся естественным путем, едва ли могут быть признаны памятниками или во всяком случае наделены особой ценностью. К примеру, собственник земельного участка или застройщик, планируя новый поселок или садоводство, нередко нарекают улицы совершенно произвольно (как, впрочем, они нарекают и сами поселки, и жилые комплексы). Так появляются стандартные Березовые, Яблочные, Васильковые, Вишневые и подобные улицы (примеры абстрактны), даже несмотря на то, что ни васильков, ни яблонь, ни тем более вишен поблизости никогда не было и нет. В этой ситуации у вновь нареченных улиц, садоводств и микрорайонов почти нет шансов стать топонимическими памятниками даже и в будущем, так как единственным «ценным» знанием, которое они донесут до потомков, будет информация о богатстве фантазии собственника и застройщика или их исполнителей. То же самое касается и иных волонтеристских наименований. Например, объекты, названные из политических или агитационных соображений, также лишаются топонимической естественности. В то же время нельзя не признать объективность процесса естественной смены топонимов, когда один исторический топоним естественным образом сменяет другой. На иркутском материале, в качестве примера этого процесса, можно привести естественное замещение названия реки Иды Ушаковкой или даже названия Яндашский острог топонимом Иркутский острог, давшим городу его современное название.

Особенно удручает замена подлинных исторических топонимов на искусственно измышленные. Полагаем, что это недопустимо вне зависимости от причин, побуждающих энтузиастов подобных начинаний к таким свершениям. Ни кажущаяся неблагозвучность топонима (ул. Кладбищенская была переименована в Парковую не по политическим причинам), ни слабая осведомленность историков об истоках исторического наименования объекта, ни незначительность масштаба личности или явления, в честь которых назван тот или иной объект, ни политическая конъюнктура, ни что-либо еще не может быть оправданием для замены подлинного топонимического памятника фальсификатом. При посещении музея, картинной галереи, приобретении произведения искусства или предмета антиквариата нам крайне важна подлинность памятника. Так кольми паче следует требовать подлинности от окружающей нас топонимической среды, не допускать уничтожения или утраты первоначального вида памятников!

К сожалению, даже в письменный период уничтожение топонимического материала вполне возможно. Если исторические топонимы не были зафиксированы в письменных и иных источниках – как это нередко происходило в деревнях, селах, предместьях и слободах, – то, будучи замененными топонимами привнесенными и, мало-помалу изгладившись из народной памяти, они неизбежно исчезнут. Более благоприятный вариант – утрата первоначального вида исторического топонима. Она отличается от полной утраты памятника тем, что, несмотря на искусственное изменение названия объекта, исторический топоним оказался зафиксированным в административных документах, периодике, литературе или каким-то иным образом, к примеру филокартическими средствами. Но в этом случае первоначальные топонимы, становясь достоянием исторической науки, все же

утрачивают общественные функции памятника, так как становятся доступными лишь для узкого круга специалистов. Подобно музейным объектам, навеки заключенным в фондохранилище и никогда не демонстрируемым публике, такие памятники перестают организовывать культурно-историческую среду, распространять научные знания в обществе, обеспечивать историческое, культурное и, быть может, ментальное преемство между поколениями горожан, утрачивают иные традиционные функции, присущие памятникам, бытующим в публичном пространстве. Строго говоря, часть этих функций осуществляется посредством публикации работ ученых-историков, однако эффективность этих научных публикаций, в рассматриваемом аспекте, несоизмеримо уступает простому бытованию и общеизвестности топонимических памятников.

В случае с большинством исторических названий иркутских городских объектов мы имеем ситуацию утраты первоначального вида памятника. То есть исторический облик топонимического объекта находится под слоем волюнтаристских наслоений позднейших периодов. С чем для наглядности можно сравнить такое положение памятника? К примеру, с живописным полотном, имеющим значительную культурно-историческую ценность, поверх которого более полувека назад написали актуальный тогда политический лозунг. Полотно является единицей хранения музея, специалистам известно его живописное содержание, на этот счет имеются научные публикации, однако функции памятника этот предмет не выполняет. Нетрудно догадаться, что для устранения изменений исторического облика топонимического памятника, как и в случае с предметом материальной культуры, следует осуществить научно-реставрационные мероприятия. В нашем случае они будут выражаться в разыскании и официальном возвращении иркутским городским объектам их исторических названий.

Часто звучит предложение указать исторические названия на уличных табличках в виде дополнения к тем, которые сейчас являются официальными. Однако это не только не решение проблемы бытования искусственных топонимов в Иркутске, но и, быть может, ее усугубление. Во-первых, таким образом исторические топонимы бытовать не начнут, так как дополнительное указание исторического названия, не являясь обязательным, не заставит пользоваться ими ни при отправке корреспонденции, ни в государственных органах, ни в СМИ – словом, нигде, где бы их употребление способствовало выработке привычки их использования и постепенному проникновению в жизнь города. Во-вторых, подобная мера в глазах, например, властей (которых, как кажется, самая природа принуждает быть инертными), может создать иллюзию решения проблемы и, таким образом, отсрочить подлинное решение на неизвестное время. Система дублирующих названий сама по себе, равно как и сеть памятных досок или стендов, повествующих об истории улиц, вполне приемлема, но не в качестве топонимико-реставрационной меры, а в виде средства популяризации идеи возвращения исторических названий.

Особенное место занимает вопрос о том, почему важно реставрировать весь комплекс топонимических памятников, а не отдельные топонимы, как это иногда предлагается. Скажем откровенно, идея фрагментарной реставрации вызывает изрядное удивление. Сторонники таковой, как нам кажется, до сих пор не смогли убедительно обосновать возможность избирательности в этом вопросе с позиций топонимики. Представляется, что при наличии исторического топонима ставить вопрос о сохранении его позднейшего эрзаца или замене последнего эрзацем современным – неправомерно, так как при этом, на наш взгляд, теряется научная логика всего процесса топони-

мической реставрации и возникает вопрос о правомерности принятия кем-либо таких решений. Если отбросить традиционную реставрационную цель – восстановление подлинного вида памятника, то непонятно, на каких научных основаниях предлагается проводить реставрационные работы. Если же эту цель преследовать, то неясно, почему один топоним достоин реставрации, а другой – нет. И наконец, исторический облик поселения формируется посредством памятников. В какой-то мере он может быть сформирован и единичными памятниками, и парой десятков таковых. Однако, бесспорно, что в случае реставрации всего комплекса оригинальных топонимов (а на сегодняшний день в Иркутске их разыскано около двухсот) историческая среда будет восстановлена с наибольшей полнотой. Ради какой высокой цели следует отказаться от этой полноты – совершенно непонятно.

Возможно, что «минимализм» сторонников избирательной топонимической реставрации связан с тем, что они находятся в плену имеющих всероссийскую известность мифов о небывалой дороговизне реставрационных мероприятий в этой области, а также об изрядной путанице с документами физических и юридических лиц, якобы влекомой этими мероприятиями. Однако мифы эти убедительно опровергнуты и реставрационно-топонимической практикой других городов, и государственными органами, в том числе местными (в частности, ФРС и ФНС по Иркутской области), и, наконец, опытом жителей проспекта Маршала Жукова (бывшего проспекта Карл-Маркс-Штадт), подвергшегося сравнительно недавно (в 1999 году) малопонятному переименованию. Но, несмотря на все официальные опровержения, эти мифы все еще властвуют над умами властей и большинства горожан.

В этой ситуации трудно говорить о предлагаемом иногда городском референдуме как средстве решения топонимической проблемы в Иркутске. Большинство всегда противится переменам. Сторонники перемен бранят его за этот консерватизм и объясняют его неразвитостью, непросвещенностью, иррациональными страхами. Однако консерватизм большинства – объективная реальность, ничто не в силах его изменить... и это воодушевляет! Привычка – душа держав. Но это касается глубинных пластов сознания народов: их национальных, нравственных, религиозных, культурных оснований – решений, требующих субъективного выбора большинства. Однако парадигма общественного сознания имеет свойство выстраиваться и вокруг проблем, не достигающих таких глубин, как вопросы общественных и государственных основ. Эти вопросы гораздо менее глобальны, но зато зачастую требуют не субъективного выбора, а объективного решения. Наверняка вопрос необходимости налогов или объявления военной и тыловой мобилизации будет решен большинством необъективно, что приведет к трагическим последствиям для самого большинства. Именно по этой причине мудрое большинство в ходе своего исторического развития отнесло решение объективных вопросов к компетенции специалистов в тех или иных областях знаний. Не является исключением и топонимика.

В заключение повторим мысль, прозвучавшую в начале этой статьи: естественно, что судьба иркутских исторических топонимов волнует не только историков; без сомнения, любой желающий, даже не будучи историком, имеет право принять участие в обсуждении вопроса о реставрации топонимических памятников Иркутска. Однако любое обсуждение должно иметь правила и логику. Топонимическая проблема не может не иметь топонимической логики, и потому все участники принуждены следовать ей, то есть, если угодно, стать немного историками – специалистами в той теме, которую они обсуждают. Иначе никакой дискуссии, увы, не получится.

Деревянная застройка в центре Иркутска: обуза или невостребованный туристический ресурс? / Wooden Houses in Irkutsk Downtown: a Burden or Unused Touristic Resources?

В статье говорится об удручающем состоянии ценной старой деревянной застройки центральной части исторического поселения – города Иркутска, о ее безжалостном уничтожении в угоду хищническим интересам строительного бизнеса, о невосполнимых утратах этого историко-культурного генофонда, произошедших за последнюю четверть века, когда в большей части эта застройка уже относилась к культурному наследию. Рассматриваются варианты решения этой проблемы. Ключевые слова: Иркутск, деревянная архитектура, исторический центр, усадебная застройка, объекты культурного наследия, памятники архитектуры, музей деревянной архитектуры, музейно-туристический комплекс. /

The article tells about the poor condition of valuable old wooden housing in the central part of the historical settlement, the city of Irkutsk. The major part of this historical and cultural genetic pool has been ruthlessly demolished for reasons of predatory construction business in the last 25 years, being already in the list of cultural heritage. Various solutions of the problem are considered in the article.

Keywords: Irkutsk; wooden architecture; historical center; housing estate; cultural property; monuments of architecture; museum of wooden architecture; museum-tourist complex.

В Список исторических поселений России входит всего-навсего 43 населенных пункта. Иркутск не только включен в этот список, но вправе называться столицей деревянного зодчества Сибири. Кроме почти 400-летней истории, связанной с завоеванием и освоением земли Сибирской, одним из критериев включения в список стал факт наличия уникальной деревянной застройки в самом центре города. Благодаря этому часть центра исторического Иркутска еще в 1990-е годы внесена в так называемый Перечень ожидания для включения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Дальше надо, если иркутянам это интересно, «всего-то» выполнить специальное достаточно дорогое экспертное обоснование и направить Правительством РФ в адрес ЮНЕСКО стандартную заявку. Ни то ни другое пока не сделано...

В России лишь три провинциально-столичных города обладают уникальным, без преувеличения национальным достоянием – массовой деревянной застройкой XIX – начала XX столетия. Это Вологда, Томск и Иркутск. Именно деревянная застройка, в подавляющем большинстве жилая, является для этих исторических городов самым сложным вопросом в деле сохранения культурного наследия. Именно деревянные жилые здания, и не только дореволюционного происхождения, являются самыми проблемными.

В столице Приангарья более 1100 памятников истории и культуры различной категории охраны, из них около 700, то есть две трети, – деревянные дома, хозяйственные постройки рубежа прошлых веков. Иркутск сохранил деревянную архитектуру не в отдельных постройках, как

это случилось в большинстве других сибирских городов, а в массивах застройки со своим масштабам, усадебной организацией, разнообразием объемно-планировочных решений и декоративного убранства фасадов.

Деревянная застройка во всех сибирских городах вплоть до Второй мировой войны преобладала, не был исключением и Иркутск. Еще в середине 1990-х дореволюционная усадебная застройка в историческом центре Иркутска занимала не менее 25 %, то есть четвертую часть. В настоящее время – чуть больше 16 %. Другими словами, за четверть нового капиталистического времени мы невосполнимо утратили примерно 35 % того, что давно разучились качественно и красиво строить, – деревянные нарядные особняки, доходные дома. Тем не менее некоторые кварталы и сегодня сплошь заняты жилыми усадьбами, построенными из дерева. Именно это является наравне с озером Байкал главным туристическим ресурсом Приангарья. По большому счету, только это вместе с барочными иркутскими храмами привлекает и будет привлекать гостей города.

Долгое время, практически на протяжении столетия, большинство этих зданий не подключалось к инженерным сетям (кроме электрических), не ремонтировалось, не приводилось хотя бы в нормальное для проживания состояние, поэтому многие из них находятся в неудовлетворительном, крайне неудовлетворительном или аварийном состоянии, имеют неприглядный, отталкивающий вид, нередко просто сжигаются или вымораживаются до точки невозврата. Приходится констатировать: в наше время все меньше остается деревянных объектов, кото-

текст, схемы

Алексей Чертилов

схемы, графика

Александра Кушкова /

text and layouts

Alexei Chertilov

layouts and graphics

Alexandra Kushkova

^ Расположение исторической деревянной застройки в системе центральной части Иркутска по состоянию на середину 1990-х годов

рым более ста лет. Уходит старый Иркутск, самобытный и неповторимый. Город превращается в один из многих, теряющих свое историческое лицо, идентичность.

Процесс этот начался в 1960–1970-е, когда «всемогущей» партией-правительством Советского Союза был взят курс на массовое квартирное обеспечение граждан страны методом индустриализации строительства. Сначала в центре Иркутска стали появляться на месте усадеб дореволюционного времени редкие типовые, «без архитектурных излишеств» четырехэтажные кирпичные хрущевки, затем стала внедряться серо-агрессивная 4–5-этажная панельная продукция домокомбинатов, так называемые брежневки, продолжая безжалостно наступать на деревянную застройку. Сопrotивления со стороны граждан не было, так как к тому времени когда-то качественное, комфортное «буржуйское» жилье было в большей массе муниципализировано, то есть изъято у законных собственников, и превращено в коммунальное прибежище для рабоче-крестьянского класса и служащих. Ютятся семьями в перенаселенных без элементарных удобств домах, они с радостью соглашались переехать из этих «клоповников», получив пусть небольшие, но отдельные квартиры в благоустроенных домах. Таким образом, к 1970 году в центре города деревянная усадебная застройка была значительно заменена многоквартирными домами.

С конца 1970-х при массовом сносе иркутской самобытной деревянной застройки стало приходить понимание ее историко-архитектурной ценности, в конце 1980-х появились официальные списки недвижимых памятников, в которых большую часть позиций справедливо заняли деревянные дома, хозяйственные. Но охранные меры ни тогда, ни после не способствовали сохранению этого культурного генофонда, с каждым годом количество деревянного наследия Иркутска сокращалось. В последние годы или при попустительстве, или при непосредственном участии государственного органа охраны объектов культурного наследия Иркутской области, без возмущения общественности, это стало угрожаящей обыденностью. Только в Солдатских улицах центра Иркутска в начале нынешнего века по разным причинам исчезло 17 деревянных объектов архитектурного наследия, еще 16 находятся в аварийном состоянии после пожаров или отселения. Бывает, по недомыслию, по халатности, недоумию. Но в основном это делается преднамеренно с целью освобождения площадки под новое строительство: они либо выжигаются, либо выморачиваются путем отселения жильцов, раскрытия несущих конструкций для атмосферных осадков, а те в свою очередь за несколько лет легко добивают любое деревянное строение.

- границы предлагаемого достопримечательного места «Исторический центр Иркутска»
- границы центральной исторической части Иркутска
- историческая деревянная усадебная застройка
- ансамбли и комплексы региональной и муниципальной категории охраны:

1. Градостроительный ансамбль деревянной застройки «3-я Солдатская улица»
2. Градостроительный ансамбль деревянной застройки «5-я Солдатская улица»
3. Градостроительный ансамбль каменной застройки «Большая улица»
4. Градостроительный ансамбль каменной застройки «Пестеревская улица»
5. Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске»
6. Градостроительный комплекс деревянной застройки «Желябовский» (Трапезниковский)
7. Градостроительный комплекс исторической застройки «Подгорно-Иерусалимский»

- ансамбли и комплексы, рекомендованные для включения в государственный реестр объектов культурного наследия:

1. Градостроительный ансамбль деревянной застройки «Улица Бабушкина»
2. Градостроительный ансамбль деревянной застройки «Саломатовская улица»
3. Градостроительный ансамбль деревянной застройки «Луговая улица»
4. Градостроительный ансамбль деревянной застройки «Ланинская улица»

Как показывает отечественная и зарубежная практика, самой действенной формой сохранения объекта культурного наследия, как и любого объекта недвижимости, является его эффективное использование. Если здание используется, приносит доход либо в нем живут в свое удовольствие, чтобы и дальше в нем жить или получать с него прибыль, за ним ухаживают, содержат в рабочем и приятном состоянии. Это – аксиома. Если здание не эксплуатируется, оно приносит двойной убыток: во-первых, теряет рыночную стоимость вплоть до полной ее (и его) утраты, во-вторых, не приносит эксплуатационный доход. Поэтому вменяемый владелец не позволяет пустовать своей недвижимостью, тем более не доводит ее до не эксплуатационного состояния. Вывод прост: если в центре города уничтожаются объекты, в нашем случае памятники деревянной архитектуры, – значит, это кому-то надо, значит, на их месте кто-то планирует сиюминутно, исключительно для него любимого, более выгодное использование территории. Борьба с этим варварством можно только одним способом – сделать эти «убыточные» объекты прибыльными.

Есть только два пути изменить ситуацию. Первый – снести все эти «деревяшки», которые позорят город, иркутян, мэрию, и построить на их месте современные прибыльные здания. Второй – вдохнуть в этот «аварийный жилой фонд», а именно им и являются во многом деревянные дома в центре Иркутска, новую жизнь и сделать их прибыльными. Первый путь вступает в явное противоречие с российским и областным законодательством о культурном наследии, так как значительная часть объектов деревянной застройки центра, как уже отмечалось, является памятниками истории и культуры федеральной или региональной категории охраны, многие числятся выявленными объектами культурного наследия.

Если идти по второму пути, то надо произвести банальные, всем понятные действия: 1) отселить пострадавших жильцов из аварийных исторических зданий; 2) привлечь средства на их ремонт-реставрацию; 3) привести их в порядок, приспособить под современные нужды, подключить к инженерным сетям, благоустроить, озеленить дворы. Тогда наконец-то у иркутян получится: а) обеспечить выживающих сегодня в них граждан

достойными, комфортными условиями; б) сохранить бесценную иркутскую деревянную архитектуру и, следовательно: в) повысить туристическую привлекательность застройки в самом центре столицы региона, превратив ее из убыточной в прибыльную.

Как это сделать в реалиях нынешней экономической ситуации? Если действовать по второму сценарию, будущее использование деревянного исторического фонда в Иркутске нетрудно предугадать, зная мировой и отечественный опыт: жилое, коммерческое (это традиционные распространенные функции) и музейное (этого раньше не было). Четвертого не дано.

Сохранение и развитие жилой функции

Во всем мире сегодня (как и в дореволюционной России) в добротных деревянных домах, в дорогих центральных городских зонах, могут позволить себе жить только состоятельные граждане, минимум среднего достатка. Социальное жилье в такой недвижимости невозможно в силу сложности и финансовой затратности содержания, требующей постоянного внимания и ухода, особенно если это объекты наследия столетнего и более возраста. В Иркутске, и не только в нем, все наоборот. В деревянных домах исторического центра (он же остается административно-деловым, торговым) во многом проживают, точнее, волочат необустроенное существование люди без должного достатка, а поэтому неспособные надлежаще содержать жилище, вкладываться в их ремонт. При этом имущие граждане здесь же, в центре, покупают квартиры в так называемых элитных многоэтажных многоквартирных домах-новостройках, то есть по международным меркам в домах социального найма, и заметьте, совсем недешевых. Парадокс: в дорогих особняках – малоимущие, в коммунальных, по сути, многоэтажках – богатые...

В Иркутске есть только один яркий пример, когда частное лицо, без какой-либо помощи со стороны государства и мэрии, возродило по реставрационным правилам для собственного комфортного проживания деревянный особняк, доведенный когда-то до аварийного состояния и демонтированный в конце 1980-х. Это памятник архитектуры федеральной категории охраны по улице Бабушкина, 12, – дом Винтовкина, построенный в конце XIX столетия. Обошлось недешево, но это того стоило, и новый владелец дома, Дмитрий Разумов, несомненно, им гордится: дом быстро стал местной достопримечательностью, к нему уже протоптана экскурсионная тропа.

Общезвестный факт: в силу специфики материала деревянный дом требует большего внимания со стороны эксплуататора, чем, к примеру, каменный, бетонный. Надо чаще делать осмотр деревянных конструкций, немедленно устранять их увлажнение, вовремя давать им текущий ремонт. Лишняя влажность – главный враг дерева. В сухом состоянии деревянный дом может находиться только в случае его надлежащей круглогодичной эксплуатации, с правильной вентиляцией, зимой – в отапливаемом режиме. Надлежаще это может делать только настоящий хозяин, тот, для которого дом является материальным капиталом, стоит дорого, который можно наследовать, продать, заложить в банк.

Ситуация с сохранением ценного деревянного фонда исправится только тогда, когда все встанет с головы на ноги, когда в таких домах будут жить те, кто обеспечен материально. Поэтому главная задача властей не искать громадные, немыслимые бюджетные средства на ремонт-реставрацию жилых домов-памятников, расточительно спонсируя тем самым малоимущие слои населения, что антисоциально и безрезультатно, а создавать условия передачи их состоятельным пользователям, собственникам, стимулируя их разными льготно-налоговыми, льготно-кредитными, компенсационными способами с целью приведения домов в нормальное состояние.

^ Расположение исторической деревянной застройки в системе центральной части Иркутска по состоянию на 2015 год

А в тех домах, усадьбах, где пресловутая приватизация квартирных метров привела к владению одним объектом недвижимости-памятника несколькими собственниками (и таких много), создав тем самым конфликтные ситуации, – принуждать к созданию одного коллективного владельца (товарищества жильцов, кондоминиума).

Наравне с частными домами на одну семью, иркутская деревянная архитектура представлена одноквартирными и более доходными домами, то есть сдававшимися ранее хозяевами под жилье в аренду для получения дохода (короткий промысел). Такая практика сегодня возвращается в Россию и, в частности, в Иркутск. Ее надо просто поддержать. Это позволит не сразу, но с годами превратить «аварийный фонд» опять в качественное жилье по типу традиционных для дореволюционного Иркутска особнячков, доходных домов, сохраняя и развивая усадьбную застройку. Таким образом, наравне с освоением под коттеджную и блокированную застройку загородных территорий, целесообразно возродить комфортную жилую, сомасштабную человеку застройку в самом центре, что всегда было и будет престижно. Идеальными для этого являются тихие зоны, например группы кварталов № 27–28–34 (так называемый Желябовский комплекс), рядом с ними – № 36–46–55, далее – № 86–87–88–98 (район улиц Бабушкина, Декабрьских Событий, К. Либкнехта) и в районе Солдатских улиц – № 131–133 (на бровке Иерусалимской горы), есть и другие фрагменты поменьше.

Коммерческое использование

Судя по ситуации в городе, интерес к этому налицо: уже достаточно примеров, когда фирмы реставрируют здания-памятники и используют их под торговлю, офисы, оказание различных услуг. Коммерческое использование застройки, в том числе деревянной, естественно, осуществляется за счет внебюджетных средств, то есть самими владельцами. Наиболее перспективным направлением, на наш взгляд, в Иркутске пока, к сожалению, практически не развитым, является превращение деревянных усадеб в малые гостиницы и целые гостиничные комплексы. Гости города, искушенные путешественники, ищут в Сибири именно традиционное жилье, то есть деревянное. Что для нас обыденно, для них – экзотика. Но мы им до сих пор, стыдясь, предлагаем и технически, и морально давно устаревшие гостиницы «Ангара», «Интурист» и подобные советские монстры. Если уж взят курс на Иркутск как туристическую столицу Приангарья, то надо понимать, что самый интересный, востребованный у гостей, особенно зарубежных, гостиничный сервис ассоциируется с деревянными строениями, наиболее надежными, уютными

> Памятник архитектуры в квартале 93 после реставрации (ул. Грязнова, 22)

в суровом сибирском климате, но никак не с бетоном, никак не с безликой и агрессивной архитектурой.

Для того чтобы в деревянных усадьбах появлялись гостинцы, необходимо организовать льготную продажу такой проблемной для города недвижимости. Таким образом, вернуться к старой, дореволюционной схеме, когда за здание и земельный участок отвечает конкретный собственник, а не абстрактная, неэффективная муниципальная или коммерческая управленческая компания. Чтобы это заработало по городским правилам, необходимо всего-навсего заложить эту норму в городские Правила застройки и зонирования и Градостроительные регламенты, другие нормативные акты.

Развитие музейной сети в центральной исторической части города

В Иркутске сохранилось большое количество зданий и сооружений, представляющих историческую и архитектурную ценность. И только единицы музеефицированы или в них размещены музеи, музейные экспозиции. Есть в центре абсолютные музеи, где сами объекты недвижимости, их экстерьеры и интерьеры в комплексе стали музейными экспонатами, и плюс к этому в них развернуты музейные экспозиции, соответствующие первоначальному, историческому содержанию объекта. Это Музей ВСОИРГО (Иркутский областной краеведческий музей,

ул. К. Маркса, 2); Музей декабристов – Дом Трубецкого (ул. Дзержинского, 62) и Усадьба Волконского (пер. Волконского, 10); Усадьба Сукачева (филиал Иркутского областного художественного музея, ул. Декабрьских Событий, 112).

Другие объекты достойно используются под музеи, хотя первоначальную функцию не отражают: Иркутский областной художественный музей (ул. Ленина, 5) с выставочными залами (ул. К. Маркса, 23–25), Музей истории города Иркутска (Франк-Каменецкого, 16) с филиалами, Музей связи (флигель в усадьбе купцов Басниных, ул. Свердлова, 35), Музей природы (филиал Иркутского областного краеведческого музея, ул. К. Маркса, 11). И это все крупные музеи в Иркутске. Сеть мелких музеев, в том числе частных или общественных, отсутствует. Для столицы Приангарья с такой богатой историей, многочисленными архитектурными памятниками (среди которых есть потенциально музейные) этого явно недостаточно.

Превращение в музеи целесообразно, конечно же, далеко не для всей исторической застройки, а лишь для отдельных, наиболее подходящих для музеефикации объектов и одного-двух фрагментов в виде отдельных кварталов или отрезков улиц. Только для настоящей туристической привлекательности это должны быть не чисто музейные комплексы, а что-то вроде музейно-предпринимательского партнерства, когда рядом с музеями, бок о бок, в одной концепции или структуре интерактивно работает «около музейный» бизнес. Это могут быть традиционные ремесла (производство, обучение, реализация своей продукции), антикварные лавки с различными производственными и обучающими реставрационными мастерскими, выставки-продажи произведений народного творчества и произведений искусства, прочее – то, что во всем мире приносит существенный доход как музеям, так и муниципальным бюджетам.

Таким интерактивным, уникальным, несомненно интересным новым музейно-туристическим комплексом, на наш взгляд, может стать фрагмент исторической застройки в системе кварталов центра города, территории, некогда называемой Солдатской слободой – квартал № 93 и часть соседнего квартала № 94. Его общие границы – улицы Лапина, Дзержинского, Тимирязева, Грязнова.

Подробнее об этом – в следующей статье.

Квартал-музей деревянной архитектуры под открытым небом в историческом центре Иркутска: предварительные предложения для обсуждения / The Open-Air Museum Quarter in the Historical Center of Irkutsk: Preliminary Proposals to Be Discussed

Обосновывается актуальность создания музея деревянной архитектуры Иркутска на базе одного или нескольких исторических кварталов.

Ключевые слова: Иркутск, деревянный город, деревянная застройка, исторический центр, музей под открытым небом, музей деревянной архитектуры, объект культурного наследия. /

The author of the article makes the case for establishing a museum of wooden architecture on the basis of one or several historical quarters in Irkutsk. Keywords: Irkutsk; wooden city; wooden houses; historical center; open-air museum; museum of wooden architecture; cultural heritage site.

текст, схемы, фото

Алексей Чертилов

схемы, фото

Александра Кушкова /

text, layouts and photo

Alexei Chertilov

layouts and photo

Alexandra Kushkova

Общеизвестно, что максимально сохранить первоначальный облик объекта культуры зачастую позволяет только его музеефикация. Это справедливо и для памятников архитектуры. В таком случае и внешний вид, и интерьеры «консервируются» с целью экспозиционного показа, исключается проблема приведения к современным техническим нормам, например для проживания, представлениям о комфорте современного владельца и пр. Также известно, что самыми ранимыми среди объектов архитектурного наследия являются деревянные постройки. А также то, что наиболее эффективная форма спасения,

сохранения таких объектов – организация их в архитектурные, этнографические музеи под открытым небом. Это позволяет беспрепятственно осуществлять весь комплекс необходимых работ: детальное изучение, научную реставрацию, соблюдать щадящий режим эксплуатации, вести мониторинг и многое другое.

Музеи под открытым небом во всем мире и в России появлялись, как правило, в связи с угрозой утраты уникального народного (крестьянского) зодчества, и чаще – в загородных зонах, редко на окраинах поселений. Это и понятно: того требовала сельская специфика природы.

В нашей стране в городских застройках такие музеи, насколько нам известно, не создавались. В городах подобное есть в виде музеев-заповедников, заповедных зон, где устанавливаются строгие охранные режимы. Значит, иркутяне опять будут первыми. Это становится хорошей традицией после появления в центре Иркутска торгово-развлекательного квартала деревянной застройки № 130, быстро ставшего самым популярным местом отдыха и развлечений в городе. Можно спорить о том, что получилось, но бесспорно одно: даже в таком недоделанном, несуразном виде 130-й доказал, что «деревяшки» можно и должно приводить в порядок, придавать им привлекательный вид, что и они наравне с капитальными и большими объектами могут приносить доход и владельцам, и в казну.

В российских «деревянных» городах – столицах регионов (а таких всего три – Вологда, Томск и Иркутск) – за последнюю четверть века сложилась угрожающая практика выморачивания деревянной застройки в угоду бизнеса. Уж слишком выгодные с точки зрения бизнеса территории в центральных районах, в исторических центрах занимают деревянные строения. Старая малоэтажная застройка в силу своей «убыточности» беззащитна под коммерческим натиском, поэтому там, где общественность ее не защищает, ее становится все меньше, и если так пойдет дальше, то лет через 30–50 от нее останутся, может быть, только небольшие фрагменты в закоулках, или того страшнее – отдельные объекты.

Наравне с традиционным жилым и коммерческим, то есть прибыльным использованием недвижимых объектов наследия, существует, казалось бы, убыточное использование – музейное. Не выгодное, если считать сиюминутную прибыль, возврат вложений прямо сейчас, как этого хочет современный российский бизнес. Если же смотреть в будущее, то музейная форма много более прибыльная, чем любая другая. Банально и пафосно, но она работает на потомков, на историю, на культуру, на народную память, а это обернется государству сторицей, тем же потомкам.

Иркутская деревянная архитектура – наиболее (не умоляя уникальные барочные храмы), на наш взгляд, ценное наследие предков, но почему-то до сих пор в городе нет музея местной архитектуры. Информация фрагментарно хранится в нескольких областных и одном городском музеях, но целно нигде не представлена. И если в ближайшие годы такой музей с экспонатами-оригиналами, непосредственно памятниками архитектуры не появится, то потом с ними можно будет знакомиться, но-стальгируя, только на фото, видео, графических изображениях, любоваться лишь макетами. Таким образом, сама ситуация диктует начать создание архитектурного музея незамедлительно, приступить к разработке музейной концепции.

В стенах Иркутского национального исследовательского технического университета, в Лаборатории архитектурного наследия эта идея родилась давно. На протяжении многих лет ежегодно в рамках учебной программы студенты разрабатывают курсовые проекты на тему «Музей деревянной архитектуры», предварительно выполняя цикл предпроектных исследований. Объекты выбираются как в Иркутске (градостроительные ансамбли), так и в сельской местности (музейные усадьбы, музеи под открытым небом). Для нас совершенно очевидно: музей иркутской деревянной архитектуры – это вполне реальное дело. Надо просто начать его делать. Начать с малого, с концепции. Потом заразить ею горожан, власти и идти вместе дальше. Такое публичное пространство, как музей под открытым небом или музейно-туристический комплекс на базе одного или нескольких деревянных кварталов, обязательно будет востребован и как объект культуры, и как экономически окупаемый.

^ Ситуационная схема расположения Солдатских улиц и кварталов 93, 94 в системе центральной исторической части Иркутска

- границы предлагаемого достопримечательного места «Исторический центр Иркутска»
- границы центральной исторической части Иркутска
- кварталы Солдатских улиц
- проектируемый мемориальный комплекс «Иерусалимское кладбище»
- коммерческо-развлекательный квартал № 130
- планируемый Музей деревянной архитектуры, городского быта и ремесел Иркутска
- ближайшие исторические градостроительные доминанты – церкви

v Предложение по освоению деревянной застройки центральной исторической части Иркутска

- границы предлагаемого достопримечательного места «Исторический центр Иркутска»
- границы центральной исторической части Иркутска
- жилая функция
- Музеи (в деревянных усадьбах)
- существующие:
 1. Усадьба и парк В.П. Сукачева
 2. Музей декабриста Волконского
 3. Музей декабриста Трубецкого
 4. Музей городского быта
- планируемые:
 5. Филиалы Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева
 6. Музей деревянной архитектуры, городского быта и ремесел Иркутска
 7. Музеи иркутских архитекторов
- культурный центр администрации города Иркутска Дом Европы
- планируемые гостиничные комплексы
- смешанная коммерческая функция
- проектируемый мемориальный комплекс «Иерусалимское кладбище»

> Схема расположения объектов культурного наследия

- исторические красные линии застройки
- территория музейно-туристического комплекса
- памятники истории и культуры федерального значения
- памятники истории и культуры регионального значения
- выявленные объекты культурного наследия
- ценные опорные объекты исторической среды
- прочие объекты

Всего на территории планируемого музейно-туристического комплекса расположено 51 здание разных периодов строительства, из которых 42 – исторические объекты (построенные до 1920-х), т.е. 83 %. Из них 17 являются памятниками истории и культуры (2 – федерального значения, остальные – регионального), 12 – выявленные объекты культурного наследия, 13 – ценные объекты исторической среды

По нашей оценке, для этого идеально подходит территория в центре города, занятая во многом исторической деревянной застройкой (кварталы Солдатских улиц), когда-то называвшаяся Солдатская слобода. Точнее, южный фрагмент с кварталом № 93 и частью квартала № 94, в общих границах улиц: 2-я Солдатская (сегодня Лапина), Арсенальская (Дзержинского), Преображенская (Тимирязева), 3-я Солдатская (Грязнова).

В качестве обоснования превращения этой территории в музейно-туристическую зону можно привести несколько аргументов:

- этот фрагмент застройки не попал в границы страшного иркутского пожара летом 1879 года, когда выгорела большая и лучшая часть города, а поэтому здесь сохранились, в отличие от выгоревшей территории, деревянные дома 150–200-летней давности;
- здесь самая большая в центре города концентрация объектов культурного наследия различной категории охраны, всех существующих в Иркутске стилей, включая потенциально музейный, печально известный всем горожанам, один из самых старых и самых аварийных деревянных домов-памятников федерального значения – «Дом Шубина» (ул. Лапина, 23), требующий незамедлительного реставрационного вмешательства;
- осью этого фрагмента является отрезок наиболее интересного в центре Иркутска градостроительного ансамбля деревянной застройки региональной категории охраны «Третья Солдатская улица»;
- возможность без ущерба для транспортной схемы центра превращения этого отрезка улицы в пешеходный;
- выгодное во всех отношениях расположение в струк-

> Состояние застройки кварталов 93 и 94 на конец 1920-х годов

- красные линии застройки
- усадебные границы
- жилые постройки
- хозяйственные постройки
- усадебные сады и огороды

Площадь застройки на начало XX столетия в этих кварталах в среднем составляла ≈ 27 % без хозяйственных построек, с ними ≈ 36 %. Только в одной усадьбе по красной линии отсутствовал главный дом – сегодня усадьба № 20

^ Предложение по музейному освоению кварталов 93 и 94

- исторические красные линии застройки
- исторические усадебные границы
- границы планируемого комплекса
- музейные усадьбы
- ремесленные усадьбы, антикварные и сувенирные лавки, галереи, выставки
- гостиничный комплекс, ресторация
- участок пешеходной 3-й Солдатской улицы

На территории будущего музейно-туристического комплекса существует 28 усадеб. Из них предлагается использовать под музейные 8 усадеб (не более 30 %). Центры художественного и народного творчества, ремесел, сувенирные лавки и выставки-продажи художественной продукции, рукоделия, пр. могут расположиться в 10–12 усадьбах (≈40 %). Гостиничному комплексу с ресторацией, банном комплексом отводиться вся нечетная сторона квартала 94, 8–10 усадеб (≈30 %)

туре «культурного» узла, рядом находятся: уникальный памятник культовой архитектуры федерального значения, представитель сибирского барокко «Крестовоздвиженская церковь», все главные областные театры, спорткомплекс «Труд», и, наконец, известный во всей стране торгово-развлекательный квартал № 130; недалеко крупные рекреационные зоны – бульвар Гагарина и мемориальный Иерусалимский парк (недавно – ЦПКИО);

- идеальная транспортно-пешеходная доступность
- здесь существует развитая муниципальная и коммерческая транспортная сеть по всем направлениям;
- застройка в этих кварталах мало коммерциализирована;
- предлагаемая музейная площадка примыкает по улице Тимирязева к проектируемой сегодня территории «Торговая ось» и хорошо вписывается в концепцию этого проекта;

– и наконец, музей деревянной архитектуры Иркутска в этом месте предусмотрен Проектом планировки Кировского района (центральной части города); далее необходимо внести соответствующие дополнения в Правила застройки и зонирования города, отразить его в Градостроительном регламенте Кировского района.

Концентрация исторической застройки в квартале 93 и части 94-го, обращенной на улицу Грязнова, является самой высокой в центре города. Достаточно сказать, что практически весь периметр 93-го и весь нечетный ряд 94-го квартала занимают исторические здания, практически 90 %; там, где их нет, – пустыри, единичные новострои. Утрачено по внешнему их контуру (по красной линии) всего семь дореволюционных объектов. Во многом сохранились с начала XX столетия и внутриусадебные территории.

< Предложения к генеральному плану музейно-туристического комплекса на базе кварталов 93 и 94

	музейные усадьбы		банно-оздоровительный комплекс
	ремесленные мастерские		исторические красные линии
	антикварные лавки		традиционные ограждения:
	сувенирные лавки		внешние границы усадьбы – заплоты
	выставки-продажи художественных промыслов, произведений искусства и рукоделия		внутренние – штакетник, плетень
	усадьба детского досуга		музейные усадебные сады
	гостиничные усадьбы		участки озеленения – сады, газоны, цветники
	рестораны русской, сибирской и бурятской кухни		деревянные мостовые, тротуары
			брусчатка
			булыжная мостовая

Этот фактор и другие уникальные показатели служат основанием предложить эти кварталы в качестве чуть ли не единственных возможных для создания музейно-туристического комплекса (музея деревянной архитектуры, городского быта и ремесел Иркутска) с сохранением исторических построек по максимуму. Таким образом, Иркутск имеет все основания и достаточный потенциал развернуть полноценный музей деревянной архитектуры Иркутска с сопутствующими функциями, экспонатами, в первую очередь самими домами, надворными постройками (как экстерьерами, так и интерьерами). Это может быть и самостоятельная административная музейная единица, и филиал какого-либо музея (наиболее подходящие: истории города, архитектурно-этнографический «Тальцы»).

Другими словами, предлагается создать аналог популярных и востребованных во всем мире музеев деревянного зодчества под открытым небом. Только не за городом, как большинство подобных музеев, в том числе «Тальцы» на 47-м км Байкальского тракта (где собраны образцы деревенского народного зодчества), а в самом центре крупного исторического поселения, на базе существующей ценной деревянной городской застройки, отреставрированной исторической среды. Частично – из перенесенных объектов культурного наследия, воссозданных утраченных архитектурных шедевров.

Такого опыта в российской практике охраны и сохранения культурного наследия, музейного дела пока нет. Иркутск может стать опять пионером, продолжив тему 130-го квартала, но не коммерческо-развлекательного, а музейно-культурного назначения. Основой должен стать музей истории архитектуры Иркутска, он даст представление об облике города во времени, который сегодня не представлен целостно ни в одном из иркутских музеев. Экспонатами музея будут в первую очередь сами памятники архитектуры, затем макеты старинных построек и фрагменты целых частей города, панорамы, оригинальные наличники, декоративное оформление фасадов и интерьеров; исторические планы и фотографии. Такой музей станет пропагандистом уникального наследия сибирских зодчих, бережного отношения к старине, может стать основным исполнителем научной документации на объекты архитектурного и градостроительного наследия. Аналоги подобного музея есть в России, в том числе в Сибири (например, Музей истории архитектуры Сибири им. Баландина, Музей архитектуры и дизайна Свердловска).

Кроме традиционного жилья, наиболее целесообразным и логичным назначением массовой деревянной застройки в центре Иркутска может стать практически неразвитое, как во всем мире, другое использование – торговля, офисы, ресторация, различные услуги, гостиницы. Речь идет в первую очередь о превращении в малые го-

стиницы не отдельных домов или усадеб, рассредоточенных по всему центру (что, несомненно, важно), а цельных квартальных и уличных пространств. Такой гостиничный комплекс сам собой просится в соседстве с музейным кварталом 93. Здесь, по нечетной стороне квартала 94, напротив, через бывшую 3-ю Солдатскую улицу, обязательно пешеходную и соответствующе благоустроенную, в ряду деревянных гостиничных усадеб может быть представлен весь сопутствующий сервис с ресторацией, банно-оздоровительными функциями (русские бани), другими сопутствующими услугами, с возрожденными уютными и традиционными для Иркутска, но, к сожалению, утраченными, усадебными садами.

Подытоживая. В обоих кварталах на начало XX века было и на сегодняшний день сохранилось 28 усадеб. Из них предлагается использовать под музейные восемь усадеб, то есть не более одной трети. Кроме музейных могут быть организованы центры художественного и народного творчества, ремесел, сувенирные лавки и выставки-продажи традиционной и художественной продукции, рукоделия, прочее (10–12 усадеб, или примерно 40 %). Под гостиничный комплекс – 8–10 усадеб (примерно 30 %).

И главное – эта музейная площадка, наравне с музеем «Тальцы» и заповедной Кругобайкальской железной дорогой, станет еще одним местом паломничества туристов. В итоге, несомненно, это будет не только развитием культурного потенциала Иркутска, всего Байкальского региона, но и прибыльным делом как для муниципального, областного бюджетов, так и для горожан (это не один десяток рабочих мест, налоговые поступления от предпринимательской деятельности).

^ Границы охранных зон, зон регулирования застройки, хозяйственной деятельности и охраняемого природного ландшафта города Иркутска. Фрагмент. Кварталы № 93, 94. Утверждены в 2008 году

v Памятник деревянной архитектуры в квартале 93 после пожара (ул. Дзержинского, 8)

Мифы 130-го квартала/ Myths of the 130 Quarter

Всего несколько лет назад на карте Иркутска возник Променад (точнее, в него превратился 130-й квартал). Внутри квартала удалось создать атмосферу доброжелательного интереса. И она, естественно, сразу же начала привлекать в него мифы и легенды, которыми так богат старинный Иркутск. Современный городской фольклор, возникающий вокруг квартала, – признак здоровый и обнадеживающий. Пока в городе рождаются живые легенды, городу не грозит депрессия. Ключевые слова: Иркутск, 130-й квартал, мифология, современный фольклор, социальная психология, урбанистика. /

Several years ago a promenade appeared on the map of Irkutsk (or, rather, the 130 Quarter turned into a promenade). An atmosphere of friendly interest was created in the quarter. It started to attract myths and legends typical of the old Irkutsk. The modern city folklore relating to the quarter is a promising sign. As long as the city gives rise to the living legends, it is safe from depression.

Keywords: Irkutsk; 130 Quarter; mythology; modern folklore; social psychology; urbanistics.

текст

Козьма Кварталов

графика

Яна Лисицына /

text

Kozma Kwartalov

graphics

Yana Lisitsyna

Кукла

Когда начались работы по 130-му кварталу и стали разбирать дома, то в одном из них нашли куклу ростом с девятилетнюю девочку. Рабочие очень испугались, когда случайно проломили потолок этого дома.

Потолки в богатых деревянных домах раньше делали двойные, – как и полы, для тепла. Только мало кто об этом нынче знает, потому мужики и перепугались до полусмерти, когда сломали потолок, а там еще один потолок, зазор между ними примерно в полметра.

Лежала между белым и черным потолками, как им в первый момент почудилось, настоящая девочка. Была она удивительно красивая: лицо из белого фарфора без глазури, голубые глаза как живые, нежный румянец, длинные ресницы и локоны из настоящего волоса. Платье бело-голубое из французского шелка, чулочки и туфельки не кукольные – настоящие, ручки в кружевных перчаточках. И вся она как будто бы светится и прислушивается к чему-то...

Мужики и сфотать не успели, телефона путевого ни у кого не нашлось... А в это время другая бригада в соседней комнате печку обрушила. Весь дом трянуло, пылица поднялась невероятная, балки просели. А когда все успокоилось, от красавицы и следа не осталось.

Вот только все замечают, что если на этом месте фотографируется девушка или дама, то обязательно получается сказочная фотка – красавица, глаз не оторвать. А вот у мужиков на этом же самом месте вечно на фото получается вид какой-то испуганный: глаза косят, голова в плечи втянута... И почему оно так выходит – никто не знает.

Полудух Пивник

В старых купеческих домах (почитай, в каждом!) жил свой дух или полудух. Купцы их нарочно приваживали, чтобы в делах помогали.

Когда дома порушили, пожгли или так, оставили развалинами догнивать, духи отлетели, а полудухи остались без дела вокруг старого места жительства болтаться.

Новый квартал – деревянный и деловой, по-хорошему самое подходящее место, чтобы всей этой живности туда переселиться. Но есть такая загвоздка. Им без приглашения, без особого ритуала, двигаться с места нельзя. А нынешние купцы (то есть, простите, бизнесмены) не все знают, как привадить полезного помощника.

Хотя некоторые очень даже соображают. А может, соображают, какому шаману заплатить, чтобы научил.

Вот, к примеру, в доме купца Епишева (у филармонии) жил пивник. Епишев его с Поволжья привез и с почестями у себя поселил. Почему с почестями? Потому что всякий, у кого в доме живет пивник, от любой воды богатеть будет. И никогда не пострадает от воды – не утонет и не сохнет. Епишев с воды и богател – лед продавал и лечебную воду, и чай, а потом особого мастера держал, который умел серебрить воду.

Епишев своего помощника ни за что бы не оставил, но после революции его сыновья не то что дом и домового, а серебрянной ложки с собой не унесли, когда от беспорядков спасались.

Пивник долго буйствовал: всякий, кто слышал о перестройках дома Епишева знает, что там постоянно «регистровали полтергейст». Незатопленная печь выла... и материлась. Новенькие половицы скрипели как намазаная телега, а в полночь по пятницам рамы из окон выпадали...

^ Яна Лисицина. Малинка. Из серии «Иркутские листочки»

^ Рыбка

Когда печь наконец сломали, подвал замуровали, а дом разделили на четыре клетушки, пивник сдался – затих, будто бы даже помер.

Но вот объявился в Иркутске смелый купец. Еще не достроили новый деревянный квартал, а он уже затеял дело. Пивное. Потому понадобился ему срочно помощник. Как точно выманил он старика из разрушенного дома – неизвестно. Известно только, что дела у этого смельчака пошли в гору с первого же дня. Теперь и вовсе процветает он со своим пивным рестораном. И что характерно, сам не пьет. А в стареньком епишевском доме люди стали без опаски снимать офисные помещения – ни тяжких вздохов, ни разрушений, тепло и солнечно.

Много еще осталось неприкаянных существ в старом городе. И, может, не надо уже их бояться? Может, не домовые они вовсе, а ДЕЛОВЫЕ! Кто с ними поладит – тем будут служить – помогать в делах (ну и со здоровьем тоже).

Подводная тайна квартала

В старом Иркутске было множество подземных ходов. Строили их все – монастыри, купцы, чиновники, военные. Прятали под землю арсеналы, архивы, склады и так далее. Строили с размахом – длинные, широкие, сухие и крепкие. Многие ходы вели к реке. Было это возможно благодаря тому, что центральная часть города стояла на сухой и мягкой почве из речных наносов.

Разные события в развитии Иркутска сильно изменили карту подземных течений, и большая часть ходов оказалась затоплена еще в первой половине XIX века.

Богатые люди того времени зачитывались фантастическими романами Жюль Верна. Достоверно известно, что группа богатых чиновников организовала визит выдающихся инженеров и географов прославленного Королевского географического общества из Лондона в Иркутск с тайной целью составить карту подводных течений. Целью чиновников был тайный водный путь через затопленные подземные каналы города в Ангару, потом в Енисей и далее через северные моря – в Норвегию и Швецию. Чиновники не без оснований опасались инспекций и желали иметь безопасные, подготовленные пути к бегству.

Ученые и городские доносители потрудились на славу:

карта была составлена, и место, откуда можно войти в затопленный канал к Ангаре, найдено.

Через подставное лицо заговорщики купили бедный дом под Крестовоздвиженской церковью. В подвале этого дома, как и было предсказано, обнаружился удобный доступ в затопленный подземный ход, глубокие воды которого могли быстро доставить к реке крупное управляемое судно, а именно подводную лодку с двумя тоннами золота, ящиками ценных бумаг и людей (заговорщиков и их семьи).

Строительство «Хариуса» (так называли сибирский «Наутилус») заняло несколько лет. И слухи о нем, несмотря на всю секретность проекта, все-таки закружили по городу.

Несмотря на все предосторожности, ревизия Сперанского нагрянула неожиданно. А может быть, кто и донес. Заговорщиков арестовали на очередной сходке. Карта подземных вод была или уничтожена в последний момент или спрятана в недоступное место. А сам «Хариус» замурован на многие годы в глубоком подземелье.

Постепенно история о сибирской подлодке стала выглядеть совсем невероятной. Говорили о ней только в шутку. К концу XX века и вовсе позабыли. И вот – строительство квартала под Крестовоздвиженкой обнажило в «принудительной археологии» множество тайн и секретов. В том числе легендарный сибирский «Наутилус».

Вероятно, с целью скрыть найденные на подлодке ценности (а может, и еще какие секреты) современные чиновники приложили все усилия для того, чтобы замолчать находку. Дом над подземельем с подводной лодкой был построен молниеносно. И так же стремительно куплен на подставное лицо. Бизнес, который теперь расположился в этом доме, выглядит процветающим. Да он и на самом деле процветает, потому что служит надежным прикрытием важной тайны квартала.

Никто не знает точно, на что надеются наши скрытные власти – отремонтировать «Хариуса» и сбежать от ответственности в Северную Европу или, может быть, постепенно распродать драгоценности предшественников, спрятанные на подлодке...

Все, что мы можем, – поиграть в исторических детективов и поискать среди симпатичных домиков квартала тот самый – дом с тайной.

Бытование 130-го квартала рассматривается сквозь призму тенденций и процессов городской жизни. Многофункциональность территории и ее архитектурный облик как основания ее привлекательности противопоставляются возможному ухудшению ее качества. Рассматриваются условия сохранения облика квартала. Ключевые слова: 130-й квартал, архитектурный проект, градостроительные принципы, озеленение, многофункциональность, реклама, незаконная застройка, комфортность среды. /

The existence of the 130 Quarter is viewed in the light of the tendencies and processes of the city life. The multifunctionality and architectural image of the territory serve as the basis for its attractiveness. These features are opposed to possible quality loss. The conditions for preservation of the architectural look of the Quarter are also reviewed.

Keywords: 130 Quarter; architectural design; town-planning principles; greening; multifunctionality; advertising; illegal construction; comfort of the environment.

^ Кубики-сарайчики и самострой в придачу

Терем-теремок / A Small Wooden House

текст и фото
Марина Ткачева /
text and photo
Marina Tkacheva

– Кто, кто в теремочке живет?
– Мышка-норушка, да лягушка-квакушка,
да заяц – на горе увертыши, да лиса Патрикеевна,
да волчище – серый хвостыще. А ты кто?
– А я медведь косолапый; пустите к вам жить.
– Да ты не влезешь.
– Да я на крышу залезу.
Только уселся – трах! – раздавил теремок.

Мне нравится 130-й квартал – зимой и летом, в праздничные и будние дни. Тем обиднее, что в молодом поколении моей семьи обнаружили его недоброжелатели и даже противники. Нападают даже на название: «Логика Иркутска феноменальна: единственный в городе квартал имеет порядковый номер–130-й!» Повторяются все те же аргументы: декорация, дескать, выпендрож, показуха, в общем, типичный Иркутск... К ним присоединяются мои студенты, собиравшие анекдоты и остроты про квартал:

*Это Мамай вторгся в Россию,
Это Мамай дань собирал.
Это Мамай в центре Иркутска
Основал 130-й квартал.*

В этих остротах не обойдено вниманием и наше якобы геральдическое страшилище на входе в квартал (которое, строго говоря, к его территории не относится):

– Для чего нужен бабр? Чтобы отпугивать толстущек, которые ходят в квартал «порестораниться».

– В 130-м квартале пожар. В Городскую думу поступило предложение: перенести скульптуру пожарных от филармонии и поставить вместо бесполезного бабра – пусть охраняют.

В глазах противников квартала он символизирует скорее беспорядок, нежели преимущества: «Ты сходи, посмотри, сколько там хлама вокруг этих красивеньких домов валяется!»

Не желая оставаться в роли неправомерно оправдывающегося, я погуляла по кварталу и поговорила с одним из авторов проекта Еленой Григорьевой. Ни на какую теорию эти горестные заметки не претендуют – это скорее феноменологический срез реальности, воспринятый

сквозь призму наблюдений за городской жизнью. Подчеркну еще раз, что я отношусь к числу горячих поклонников и защитников квартала – как бы он ни назывался. Мои мыслишки про то, какие элементы его сегодняшнего существования могут стать причинами его деградации в будущем. Это скорее предостережение, чем критика.

Да, конечно, новизна и неисторичность некоторых строений налицо. Заметим: авторы проекта и не собирались реставрировать прошлое, а предложили многофункциональное обновление места. Видимо, через уровень менталитета застройщиков и владельцев не перепрыгнешь, и роскошный по замыслу проект, достойный «Хрустального Дедала» – высшей награды российского фестиваля «Зодчество», оказался в ситуации, когда индивидуальная воля и корысть возобладали над градостроительными интересами, а реализация не соответствовала исходной идее. Я уже писала однажды об историческом случае, имевшем место после великого городского пожара 1879 года: владельцы сразу после пожара огородили свои участки и постарались опять застраивать их так, как им самим хотелось, не обращая внимания на городские проблемы и интересы. В нашем случае утвержденный генплан квартала отчетливо акцентирует внимание на градостроительных принципах застройки, на общественных пространствах. Но именно индивидуалистическая установка, как эстафетная палочка, протянулась из XIX в XXI век, очевидно повлияв на реализацию и сегодняшнюю жизнь 130-го квартала.

Елена Григорьева: «После того, как квартал стал успешным и коммерчески выгодным, своеобразной Меккой, куда сами горожане идут и гостей ведут, некоторые застройщики продали свои объекты за бешеные деньги предприимчивым и богатым людям, которые начали получать еще большую прибыль. Эти владельцы имеют хороший навык по выжиманию квадратных метров, приобретенный в постсоветский период. И в этом особенном месте – пусть не историческом, но по-своему единственным в городе – владельцы осуществляют уже хорошо наработанную тактику».

Замечу еще раз: квартал мыслился как многофункциональный, ориентированный на разные по качеству и направленности потребности жителей: познавательно-му-

зейную составляющую, рекреационную, эстетическую, гастрономическую, торговую... Подспудно существует и еще одна, незаметная на первый взгляд, функция квартала – воспитательно-культурная. По замыслу авторов, квартал мог стать примером того, насколько исторически оправдана и красива может быть деревянная застройка. И попытка воспитать историческое и эстетическое чутье средствами архитектуры может потерпеть поражение в первую очередь.

Наверное, сама атмосфера квартала рождает (пока!) установку на солидарность, создает ощущение безопасности комфорта. Но вот наваленные кучей пиломатериалы мало-помалу превращаются в незаконные застекленные пристройки и сарайчики, явно непохожие на летние столики под традиционными зубчатыми маркизами. Запроектированное многообразие функций квартала постепенно эволюционирует в сторону привычной для Иркутска «одностольности», то есть преобладанию

торговли и общепита (а что такое общепит, как не та же торговля едой?) как наиболее массовой форме деятельности.

Елена Григорьева: «Расстояния между домами отнюдь не случайны: ведь если говорить о деревянной части квартала, дома стоят на своих родных местах: они или являются обновленными, или представляют собой отреставрированные памятники истории и культуры. Баланс пространств традиционный, дома были поставлены достаточно просторно. Так что в квартале осталось это очарование традиционных для Иркутска пропорций пространства, свободного места, которое чутко воспринимается людьми».

Когда-то в интервью Тотан Кузембаев сказал, что роскошь – это не изобилие вещей, а изобилие свободного места. С полным основанием этот афоризм можно отнести и к открытым пространствам, а не только к интерьерам. Простор создает дополнительное ощущение

v Кто кого перекричит

^ Какие там были лесенки – уже не понять

^ Без комментариев

особенности этого места для человека, естественным образом проходящего маршруты, в которых и прибрано, и свободно, и безопасно. Когда же пространства заполняются во имя коммерческой выгоды, вид квартала меняется, восприятие места меняется, причем однозначно в худшую сторону. Наступающая на просторный порядок теснота – симптом хаоса.

Елена Григорьева: «Есть и еще одна, не менее важная сторона дела. Проект проходил согласование в самых разных инстанциях, в том числе у пожарных служб. Все расстояния и проходы, являющиеся одновременно пожарными проездами, многократно проверены. Узаконены и заверены печатями все элементы застройки. Теперь производится незаконная застройка, причем непроверенными материалами; весьма вероятно, что они и не обработаны противопожарными пропитками должным образом. Вполне реальной становится угроза пожаров, а суженные проезды между домами делают невозможным подъезд пожарной техники. Если дома стояли близко друг к другу, между ними ставились брандмауэры, создавались защитные зоны. Там, где сейчас возникают самострои, этого всего нет: то, что застройщики считают «пустотами», заполняется по их прихоти и без официального разрешения».

Делается это при попустительстве управляющей компании, прямой обязанностью которой и является строгое соблюдение генплана с учетом всех особенностей данного проекта и особенностей его функционирования.

Бросается в глаза изобилие рекламы, по безвкусию и плотности превосходящее разумные границы. Вспоминаются 90-е годы, когда рекламой на центральных улицах города, кажется, можно было «подавиться». Сама атмосфера этого места, казалось бы, должна стать естественным ограничителем для цветастости, разностильности, чрезмерной плотности и эклектичности. Но вот – резные перильца у крыльца сплошь заклеены какими-то никем не читаемыми вывесками, прекрасная стена из крупных, элитных бревен затянута обещаниями какого-то очередного открытия, кирпичный брандмауэр превращен в сплошной баннер. В этом разгуле уже не поймешь, где же настоящий памятник архитектуры, а где дом из дешевой имитации бревен и кирпича... Реклама нивели-

рует восприятие деревянной архитектуры, приравнивая любой материал к подделке (ведь подделкой является и сама реклама!). Ухудшается массовый вкус, который уже не способен воспринимать изысканность дерева, рациональность планировки и цельность общего замысла, не способен отличить новодел от деревянного памятника. На что ориентировано это чрезмерное количество вывесок? Ощущение, что главное для ее владельцев – кто кого перекричит. Да и неудивительно: ведь предлагаются схожие услуги; чем же и выделиться, как не громким визуальным криком рекламы? А крик, как известно, требует еще более громкого ответа, чтобы его услышали. Так нарастают «децибелы» рекламных щитов и вывесок.

Все еще помнят, как поспешно возводился 130-й квартал. Как всегда в таком случае, во имя скорости были уничтожены крупные деревья, росшие здесь ранее. Теперь в «зеленый» летний сезон посетителя квартала встречают газоны, а в лучшем случае – кустики и прутьики, которые если и достигнут должных размеров, то не менее чем через 15 лет. Хотя на променаде народу много в любой сезон и в любую погоду, но в особо жаркие дни (такие нередко бывают и у нас, в Восточной Сибири) ходить по променаду не очень хочется: нет тени, жарко. Мне об этом не один раз говорили родители маленьких детей и пожилые люди. Вспомним, однако, что у нас семь месяцев зимы и лиственные деревья оголяются. Но и в это время кусты и деревья создавали бы особый визуальный эффект дополнения архитектуры «живой графикой», по-своему очаровательный и органичный. Ожидалось, что взамен снесенных будут куплены и посажены взрослые деревья, а также традиционные для нашего города кусты сирени и черемухи. Осуществление этой части проекта значительно приблизило бы облик квартала к тому, который планировали архитекторы и хотели бы видеть жители. При этом полноправной фигурой должен быть дендролог. Отсутствие зелени добавляет аргументы в копилку недовольных. Именно старые раскидистые деревья между строениями создали бы ощущение реальной истории и сохранности духа места.

Как в капле воды, в жизни квартала концентрированно видны проблемы города, о которых по разным поводам писали и специалисты-архитекторы, и общественность,

^ Вот истинный суррогат – облицовка, крылечко и дверь, да еще и баннер

^ ...И пластиковая дверь в придачу

радеющая за сохранность и рациональное использование архитектурного наследия. Кратко напомним наиболее очевидные из них.

1. Реклама, которая располагается по поводу и без повода: у всех на глазах Радиодом (угол Ленина и Горького), который испорчен ею. Боюсь упоминать исключительный, чуть ли не единственный случай, когда старая лиственница стала «гением места» и не испорчена рекламой гладкая стена, на фоне которой это дерево выглядит весьма эффектно в любое время года. Обязанность службы охраны исторического наследия – соблюдать закон о запрете рекламы на памятниках истории культуры.

2. Незаконный захват территорий как застройкой, так и всякими выносными крылечками, штендерами и т. п. Уже упоминавшийся Радиодом вопреки воле архитектора заткнут стеклянной вставкой, уничтожившей пешеходный маршрут и убившей градостроительную суть здания. Теснота в центральной части города становится стилем мышления, и в квартал она тоже проникает, как ползучая повилка, оплетающая и губящая все.

3. Отсутствие или уничтожение зелени под тем или иным предлогом. Жалобы на отклонения от проектов озеленения постоянно появляются на сайте администрации города.

4. Неуважение к деревянной застройке, нечувствительность к ценности истории, варварское отношение к старым домам (разрушение, пожары). Первый «черный дым» уже покружился над кварталом, нельзя допускать повторения.

Привлекательность квартала состоялась благодаря «пересечению» в одной точке и в одно время нескольких обстоятельств: топового расположения ранее непопулярной территории, политической воли и изобретательности авторов проекта, а также реализации тех ожиданий, которые внезапно обнаружили у горожан после его открытия. Мне кажется, что она подобна чашкам весов, которые колеблются между конкуренцией и взаимным согласованием интересов, между сохранением созданного и поддерживаемого стиля и его отсутствием (или нарушением), между оригинальностью объекта, его аутентичностью с образом Иркутска как исторического города

и подражательностью, все больше проникающей в жизнь города.

Капля меда. Мне кажется, что удачный пример обустройства здания в квартале – Галерея современного искусства DiaS: и вывеска сдержанно стильная, и поставленные вокруг деревянные скульптуры одновременно традиционные (дерево! Наш материал!) и эклектично-мифолого-современные (как и современное искусство).

Вернемся к эпиграфу. В версии великого собирателя сказок Афанасьева тем дело и закончилось. А. К. Толстой предложил оптимистический финал: стали звери бревна носить да пилить, лучше прежнего теремок выстроили.

Куда качнутся весы в 130-м квартале? Мы все хотим, чтобы они качнулись в пользу культуры и благополучия.

Иллюзия дерева на рекламе не делает ее лучше

^ Проект Ирины Крыловой «Улица-река»

Конкурс в Красноярске

Концепция общественного пространства в границах улиц Карла Маркса, Дзержинского, набережной Енисея и улицы Декабристов /

текст
Мария Хаустова /
 text
Maria Khaustova

С 20 февраля по 16 апреля 2015 года Управление архитектуры администрации города Красноярска совместно с Красноярской региональной общественной организацией «Союз архитекторов России» и проектным институтом «Красноярсгорпроект» провели открытый архитектурный конкурс на разработку концепции общественного пространства в границах улиц Карла Маркса, Дзержинского, набережной Енисея и улицы Декабристов в Центральном районе Красноярска.

Цель конкурса состояла в том, чтобы выявить лучшие градостроительные, архитектурные, дизайнерские предложения, идеи и концепции комплексного развития территории, включающей в себя, в том числе, объекты исторического квартала.

Исторический квартал Красноярска – это единое пространство, многофункциональная общественно-рекреационная зона, включающая в себя квартал, ограниченный улицами Карла Маркса, Дзержинского, Горького и Богграда, а также территорию Центрального городского парка и часть городской набережной. Это знаковый проект для города, направленный на сохранение историко-архитектурного наследия Красноярска, в рамках которого предстоит сформировать новое общественное пространство. Для разработчиков проекта было важно сплести воедино подлинную атмосферу Красноярска XIX века и элементы современного мегаполиса. Внутри самого исторического квартала, помимо размещения восстановленных объектов культурного наследия и создания пешеходных пространств, предполагается разместить различные тематические площади: игровые, спортивные, амфитеатр. Главная цель проекта – сохранить архитектурный облик, эстетику всех уникальных с точки зрения истории объектов города и в то же время придать им новое содержание. Реализация такого проекта позволит раскрыть исторический и природный потенциал Красноярска, интегрировать ныне разрозненные территории в архитектурное, экономическое и социальное городское пространство.

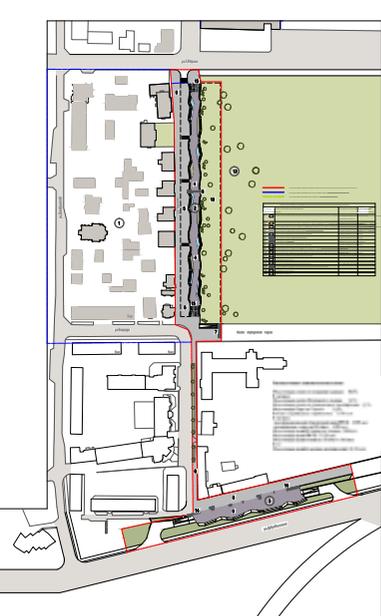
Участниками конкурса стали как юридические, так и физические лица, имеющие высшее архитектурное образование, а также студенты архитектурно-строительных

вузов. В состав жюри вошло девять человек – представители администрации Красноярска и Красноярского края, городского Совета депутатов, известные красноярские и Санкт-Петербургские архитекторы, а также преподаватели СФУ. Эксперты оценивали представленные работы с точки зрения их исторической обоснованности и достоверности, а также возможности сочетания с современностью городской среды. Кроме этого, оценивались и степень сохранения исторических особенностей объектов культурного наследия, архитектурно-пространственное преобразование проектной территории, экономическая целесообразность и инвестиционная привлекательность предложенного решения.

По словам Андрея Макарова, заместителя главы города – руководителя управления архитектуры, главного архитектора Красноярска, «проведение открытых творческих конкурсов всегда дает возможность совместными усилиями найти лучшие способы реализации многих архитектурных и градостроительных проектов. Сегодня решение вопроса сохранения и развития памятников истории и культуры требует взаимосвязанных действий – это и реставрация объектов с восстановлением исторической среды, и решение проблем инфраструктуры, технического состояния фондов, благоустройства, и, безусловно, создание инвестиционной привлекательности проектов. Конкурс как раз и призван отыскать самые эффективные идеи, которые могли бы быть реализованы в нашем городе».

По итогам конкурса лучшим из представленных проектов был признан проект Ирины Крыловой «Улица-река». Кроме того, члены жюри отметили призовыми местами проект Владимира Медиевского, а также проект коллектива под руководством Артура Пилипенко.

Одновременно для реализации проекта администрацией города было создано акционерное общество «Исторический квартал». Именно акционерное общество будет заниматься вопросами организации реконструкции исторического квартала в Красноярске, а также выбором инвестора, который возьмется за реализацию проекта.

Концепция общественного пространства «Улица-река» в историческом центре Красноярска /

текст
Ирина Крылова

объект
концепция общественного пространства «Улица-река» в историческом центре Красноярска

место
Красноярск, Центральный район, в границах улиц Карла Маркса, Дзержинского, набережной р. Енисей, ул. Декабристов

авторы
И. Крылова, М. Туровина

Цель
Для развития Сибири с ее сохранившимся природным потенциалом сегодня стали особо востребованы модели уважительного экологического взаимодействия природного ландшафта и урбанистической культуры. В проекте заложен ориентир на продолжение природного естества в общественно-рекреационных пространствах города, который порождает новый художественный язык, сохраняющий идентичное своеобразие места.

Идея
Проектирование территории исторического квартала опирается на решения, заложенные в проекте «Разработка обосновывающих документов по регенерации квартала в границах улиц Горького – Богграда – Декабристов – Карла Маркса в историческом центре Красноярска», выполненного в институте «Красноярскгражданпроект». Варианты планировки, по согласованию с авторами, сохранены и положены в основу планировочного решения в историческом квартале между улицами Декабристов и Горького. Считаем, что в данной работе сохраняется память места для многих поколений красноярцев.

Также нетронутой в плане новой застройки остается территория парка. Реконструкция паркового пространства – это тема для следующего ландшафтного конкурса.

Предметом проектирования стала часть проезжей части улицы Горького по оси от ул. Карла Маркса до ул. Дубровинского. Именно в этих границах создается новое

пространство «улицы-реки» как пешеходной улицы в историческом центре нашего города, включающей в себя функции торгового бульвара с отдельными входами с торговые ряды. Гостиный двор, заглубленный относительно уровня земли, не перекрывает привычные видовые ориентиры и напоминает в плане русло реки, бегущей по направлению к Енисею и впадающей в пространство набережной каскадом паркинга с видовой площадкой на кровле.

Тема для решения фасадов торговых галерей и паркинга навеяна образом береговых откосов Красноярского моря. Те же изломы гор и привычные для сибиряков формы заложены в идею остекления. Такое планировочное решение данного места оставляет доминантой в застройке здание польского костела.

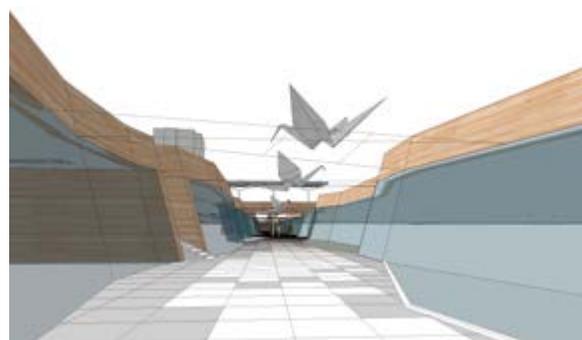
Идея наполнения исторического квартала опирается на четыре принципа:

1. Среда – поиски смысловой ткани городского ландшафта, понимание исторической природы квартала за городским садом.

2. Время – воссоздание улицы как отображения периода начала XX века (наиболее значимый период в жизни памятника).

3. Колорит – насыщение квартала общественной жизнью с учетом воссоздания сибирского, исконно русского тематического направления при проектировании нового функционального использования ОКН.

4. Публичность – общественная направленность.

Concept of the Public Space “River Street” in the Historical Center of Krasnoyarsk

Проведенные обширные историко-архивные, библиографические исследования и анализ историко-культурного потенциала местности способствовали принятию решения для определения границ территорий объектов культурного наследия, определения предмета охраны и установления историко-культурной ценности объектов, а также повлияли на выбор основных рекомендаций для реставрации объектов и воссоздания элементов благоустройства.

Все проектные мероприятия предусматривают сохранение и совершенствование цельного квартала городской застройки, сформированного из усадебных владений, рассматриваются вопросы ревалоризации – возвращения ценности и значимости городской среды начала XX века. Предлагаются рекомендации по восстановлению улицы, воссозданию цельных участков исторических усадеб как структурного элемента в застройке квартала для гармоничного существования сохранившихся объектов и более удобного использования будущими владельцами территорий объектов культурного наследия.

Разработаны правовые основы регенерации – регламенты сохранения памятников.

В перспективе, при возможности смены функционального содержания объектов культурного наследия Архиерейского двора и Духовной семинарии и позиционировании их как «объектов показа», появится «историческая вертикаль» – пешеходная связь между ними,

ведущая вдоль рассматриваемого квартала со стороны ул. Горького к набережной Енисея. Принцип исторической вертикали также положен в основу идеи представленной концепции.

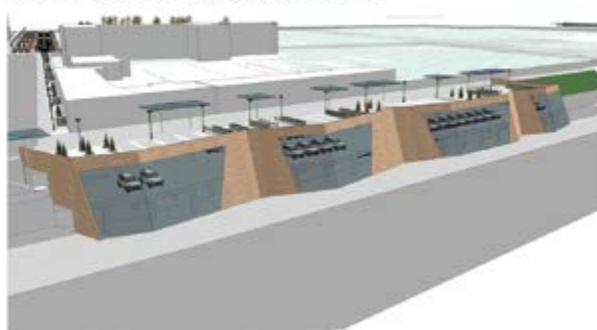
Исторический квартал

Квартал исторической застройки планируется воссоздать в том виде, который он мог иметь до 1917 года, с учетом современных технологий благоустройства. Необходимо убрать надворные постройки, подвести коммуникации, отреставрировать и высадить газон, замостить проезды и пешеходные дорожки – вдохнуть в дома новую жизнь, чтобы они не пустовали и не скучали.

Разработка историко-архитектурной подосновы и рекомендаций для реконструкции (регенерации городской среды) застройки квартала в границах улиц Горького – Богграда – Декабристов – Карла Маркса, выполнение научно-исследовательской работы по объекту «Разработка обосновывающих документов по регенерации квартала», выполнение комплексных историко-архивных и библиографических научных исследований проведено ранее в проектно-институте Красноярскгражданпроект.

Памятники данного квартала представляют собой градостроительный ансамбль, поэтому предметом охраны является их местоположение, их историческая внутренняя планировка, фасады, подлинные конструктивные элементы, стиливые характеристики декора, ограждений, ворот.

Комплекс с ул.Дубровинского

Комплекс с ул.Горького

Данный квартал содержит объекты культурного наследия регионального значения: жилой дом (ул. Богграда, 106); особняк (ул. Горького, 7); усадьба Колесникова: жилой дом, амбар, ворота (ул. Горького, 9); дом врача Гланца (ул. Горького, 11); флигель Н. М. Королевой (ул. Горького, 11а); усадьба С. В. Телегина: флигель, жилой дом (ул. Горького, 13, 15); усадьба Г. П. Некрасова (ул. Горького, 17); римско-католический костел (ул. Декабристов, 20); дом ксендза (ул. Декабристов, 22), а также объект культурного наследия местного (муниципального) значения – жилой дом (ул. Декабристов, 16).

На территории квартала выявлена ценная средовая застройка, обладающая признаками объектов культурного наследия.

Гостиный Двор, пешеходный бульвар, паркинг на 100 машино-мест

Пешеходная улица в нашем проекте задумана как образ торговой реки, впадающей в пространство набережной на Енисее. Функциональное назначение у нее торговое, а значит, оно одновременно и инвестиционно привлекательное. Движение по ней можно начать с ул. Маркса по трем направлениям: по левому берегу «улицы-реки» – вдоль сложившейся деревянной застройки, по правому берегу – по парковой зоне, и по центральному заглубленному проходу Гостиного Двора. Торговый комплекс заглублен на три уровня ниже квартала с историческими домами и парком. Для людей с ограниченными возможностями надо предусмотреть специальные подъемники и пандусы для детских колясок и велосипедов.

Кровля торговых галерей становится эксплуатируемой площадкой с обеих сторон. Парковка для торгового центра расположена в откосе ул. Дубровинского, которая каскадом, впадает в пространство набережной Енисея.

Парк

Там надо просто гулять, это место для прогулок, свиданий, отдыха. Мы должны заботливо привести в порядок зеленые насаждения, сделать проект благоустройства, проложить дорожки и убрать стихийные постройки.

Енисей

Это место притяжения, место силы, то что останется у нас в городе безусловно. Это нельзя увезти, забрать, унич-

тожить. Река – это то место, к которому все стремятся подойти, чтобы полюбоваться на уникальный ландшафт, может, вспомнить свое детство. В этом проекте инструмент градостроительного проектирования – создание новой среды с сохранением его истории.

Краткая историческая справка

Всего исторических памятников по кварталу – 12; объектов, обладающих историко-культурной ценностью, – 7. Усадьбы по ул. Горького, 9–17, и ул. Декабристов, 16–24, до 1893 года входили в состав большого участка земли, на котором находился березовый лес, огороженный забором. Этот участок принадлежал потомственной почетной гражданке Александре Федоровне Кузнецовой, а с 1888 года ее наследникам. Участок земли (Горького, 17) у Кузнецовых был приобретен в 1902 году оренбургскими крестьянами Малевскими, а с 1912 года усадьба приобретена мещанской женой Некрасовой Прасковьей Петровной. В 1904 году участок земли под строительство усадьбы (Горького, 13, 15) был приобретен купцом 2-й гильдии Созонтом Васильевичем Телегиным.

Участок земли (Горького, 11, 11а) был приобретен мещанской женой Королевой в 1904 году. Ею был построен флигель (Горького, 11а) и дом (Горького 11) для зятя – врача Гланца, где он жил и принимал больных. А в 1920 году здесь была открыта первая в Красноярске народная консерватория, где обучалось 480 человек. В 1922 году она преобразована в музыкальный техникум, а с 1936 года – в музыкальное училище. В этом же году минусин-

ский помещик Осип Тимофеевич Колесников приобрел участок земли – 500 квадратных сажень по Архиерейскому переулку, на котором по собственному проекту построил усадьбу (Горького, 9). Особняк, построенный на месте бывшей усадьбы Н. А. Шепетковского (Горького, 7), был возведен в 1949 году, но уже в 50-х годах в нем разместился детский сад-ясли. Участок земли (Бограда, 106) с 1881 года принадлежал наследникам чиновника Шепетковского. Сам дом принадлежал помещику Соломину, который сдавал комнаты в аренду. В 1927 году здесь находилась бакалейная торговля. Усадьба по ул. Декабристов, 16, с 1896 года принадлежала помещику Песегову. С 1912 года дом принадлежал служащим польского католического костела.

Инвестиционная привлекательность проектируемых по историческим аналогам объектов недвижимости станет выше при их небольшой площади и этажности. В данных объектах целесообразно размещать оригинальные производственные, торговые объекты, объекты питания (стилизованные мини-отели, кафе, рестораны-трактиры) или объекты индустрии здоровья.

Свободные территории могут быть застроены новыми зданиями с обязательным внешним оформлением фасадов в общей стилистике исторического квартала. Однако данный тип зданий предполагает небольшую площадь внутренних помещений (400–500 кв. м) и тип внутренней планировки, предназначенный для конкретного функционального наполнения.

Также возможно размещение крупных многофункциональных объектов (многофункционального общественного центра, досугового центра, гостиничного комплекса), которые могут быть интересны не только для субъектов как малого, так и среднего бизнеса. В них могут располагаться крупные объекты общественного питания (сетевые рестораны и т. д.), сетевые магазины и мини-универмаги, гостиницы среднего размера (20–40 номеров). Строительство такого рода объектов недвижимости может происходить за счет частных средних и крупных инвесторов.

Инженерные решения

Вдоль наружных стен вновь проектируемых зданий по ул. Горького предусмотрены технические коридоры для прохождения инженерных коммуникаций (сети водопровода и канализации, теплоснабжения, электроснабжения и связи). Парковочные места для посетителей предусмотрены на 100 машино-мест в начале ул. Горького. Въезд (выезд) осуществляется со стороны ул. Дубровинского. Выход на верхнюю террасу ул. Дубровинского – по лестничным маршам и на лифте. Подземная автостоянка запроектирована и в составе объектов нового строительства в историческом квартале. Парковочные площадки и остановки общественного транспорта должны быть предусмотрены и на прилегающих территориях.

Анализируются содержание и итоги Форума городских сообществ в Иркутске. Описываются теоретические подходы к деятельности городских сообществ, принципы их деятельности, условия успешности и качественные характеристики основных видов деятельности по продвижению городской идентичности. **Ключевые слова:** урбанистика, идентичность, городское развитие, индивидуалистическая модель личности, культурная память, культурные смыслы, социальное творчество, культурное взаимодействие./

The article analyzes the content and the results of the City Community Forum in Irkutsk. It describes the theoretical approaches to the activity of city communities, their principles, success factors and quality characteristics of the basic measures for promotion of city identity.

Keywords: urban studies; identity; urban development; individualistic model of personality; cultural memory; cultural senses; social creativity; cultural interaction.

Форум городских сообществ в Иркутске: перспективы изменения города /

текст
Марина Ткачева /
text
Marina Tkacheva

29–30 августа 2015 года в Иркутске прошел Форум городских сообществ. Инициатива его проведения была подскана Святославом Муруновым, руководителем Центра прикладной урбанистики при Московской высшей школе социальных и экономических наук. В начале 2015 года он прочитал несколько лекций для местных профессиональных сообществ о формировании городской среды и рассказал о том, что в нескольких городах прошли форумы городских сообществ. Было решено выйти с инициативой на мэра города. Администрацией была поддержана инициатива проведения форума. В Иркутске был создан Центр прикладной урбанистики, который стал соорганизатором форума. Собрался очень представительный состав докладчиков: С. Мурунов, М. Меерович, Е. Григорьева, А. Козьмин, В. Кузеванов. Отдельные сообщения сделаны мэром Д. Бердниковым, председателем Думы И. Ежовой и председателем Общественной палаты С. Шишкиным.

В первый день прошла теоретическая часть и презентации сообществ, в конце дня – распределение по группам. Второй день – установка на групповую работу, работа в группах, совместное создание Хартии городских сообществ, отбор проектов конкурсной комиссией и в заключение – презентация проектов победителей с участием мэра города.

Руководитель Центра прикладной урбанистики Московской высшей школы социально-экономических наук и тренер проектной программы форума Святослав Мурунов отметил, что иркутский форум – самый большой из прошедших в стране и почти единственный, в котором городские власти принимают живое, неформальное участие.

Цель городских сообществ – развитие у горожан социальных компетенций – начала реализовываться в России примерно в 2004–2005 годах. Стало понятно, что в городе, где есть власть, бизнес, есть и небольшие добровольные сообщества, которые собираются для решения конкретных городских вопросов. Ключевой компетенцией для таких сообществ является способность к самоорганизации, к коммуникации друг с другом на основе общности системы ценностей и импульса к действию. Исследования городских сообществ показали, что существуют три функ-

ции, являющиеся основой их деятельности: идеолог, коммуникатор, организатор. Беда наших городов не только в том, что разрушена система воспитания, не в отсутствии лидеров, но и в том, что зачастую лидер захватывает все три функции. Городское сообщество проявляет себя в событиях, которые оно проводит или организует. В этом случае в сообществе наличествует активное ядро (организаторы и принимающие участие в каждом событии), пассивное ядро (хотя бы раз в год участвуют в событии) и виртуальное ядро (те, кто знает о существовании сообщества и интересуется его деятельностью). Как только компетенции разделяются, качество событий вырастает. Но многое зависит от того, как взаимодействуют носители этих компетенций. Если они сосредоточены только на выстраивании иерархии сообществ, вертикали (например, кто главнее – велосипедисты или экологи?), то это приводит к неудаче. Гораздо эффективнее выстраивание горизонталей, сетевых взаимодействий на основе равноправного диалога: чем мы уникальны и как мы будем взаимодействовать друг с другом? Импульс деятельности всех сообществ – улучшить городскую жизнь. Но для начала надо собраться и понять, с кем вместе этот импульс будет реализовываться. Только совместное творчество, совместная деятельность позволят управлять проектами и реализовывать их.

Недостаток модели воспитания, ориентированной на индивидуалистическую модель личности, реализующейся в России сегодня, заключается именно в отсутствии интереса к совместной с другими деятельности. В сообществах системы ценностей завязаны на понятии «идентичность». Она базируется на представлении о городе как живом организме. Город живет в физическом пространстве – ландшафте, зданиях, парках, улицах... Но все это – условия существования социальных субъектов и отношений между ними: адекватная администрация, мелкий, средний и крупный бизнес, городские медиа, эксперты, городские сообщества. Они находятся во многообразных отношениях: кооперации, конкуренции... Беда российских городов – около 80 % всех их жителей не являются членами ни одного из сообществ, это «пассажиры».

Еще одно условие жизни города – культурные коды:

The City Community Forum in Irkutsk: Future Changes in the City

смыслы, идеи, личности – все результаты творчества. Для их передачи важна непрерывность, культурные цепочки. В России они рвались дважды: в 1917 и 1992 годах. Отказавшись от идеологии как таковой (системы воспитания, системы ценностей), государство совершило коренную стратегическую ошибку: ее место заняла рыночная экономика, проявленная через рекламу и заточенная не на идеи, а на конкретные предметы, символизирующие благополучие. Такие коды быстро «выгорают», и становится понятно, что они нас людьми не делают, эмоций не вызывают. Настоящие эмоции зависят от длины цепочки: чем она длиннее, чем крепче и действеннее социальная память, тем сильнее эмоции. Основная борьба сегодня идет именно за культурную память, потому что в наших городах 60 % культурных цепочек внешние, не связанные с жизнью именно этого города: они мировые, глобальные, европейские и т. д. В любом европейском городе этот компонент по муниципальному законодательству не должен превышать 20 %. Так утверждается идентичность; это не архитектура сама по себе, а уникальность места – времени – памяти. Социальная идентичность – это уникальность событий и людей, которые своими действиями определили непохожесть этого места на все другие, события, которые мы сохраняем как значимые для себя, и цепочки событий, являющиеся уникальными для данного места.

Носители этой идентичности – городские сообщества, люди, которые поддерживают, распространяют и развивают дальше цепочки культурных кодов благодаря тому, что у них сформировалась система ценностей. Кризис постсоветских российских городов – в отсутствии идей и людей, которые бы их продвигали: мы не понимаем, что есть в городе, кто в нем живет и что нового в нем может быть, то есть каким может быть его будущее. Формирование будущего – это результат диалога, а его-то и нет. Ключевой становится работа по созданию смыслов, культурных цепочек, идеологии в самом широком понимании слова. Они нужны, так как «зашитые» в пространство социальной деятельности творческие усилия людей закладывают основу и экономят усилия для будущего воспитания. Построение культурных цепочек и

есть создание города как живого организма, как системы. А оно не может быть осуществлено без собственной истории. Можно дать определение городу как системе по производству новых смыслов. А концептуальная идея для человека означает: понять, кто ты, можно только во взаимодействии с другими людьми. В одиночку стать личностью невозможно. Городские сообщества имеют все предпосылки, чтобы стать тем субъектом, который восстанавливает и формирует значимые для города новые смыслы, в свою очередь, придающие смысл существованию людей, делающие их личностями.

У городских сообществ нет особых материальных ресурсов, но при точной рефлексии можно помочь им стать субъектами по формированию новых городских смыслов, то есть уникальной городской идентичности. Форум проводится именно для того, чтобы помочь сформулировать конструктивные идеи, провести их экспертизу и сделать возможной их реализацию. Тогда жизнь в городе начнет меняться. Задачи городских сообществ – встроиться в сеть культурных взаимодействий города, равноправными участниками которых являются любые субъекты, действующие в городском пространстве. Второе – это информированность об участниках культурных действий, то есть взаимосвязи с ними, отношения. Чем больше таких связей, тем более эффективна и интересна деятельность их участников, тем более они счастливы. Важно создание пространства, где происходит обмен ресурсами, а общение между членами сообщества является доступным и легким. Наконец, еще одна цель – обмен компетенциями. И обмен ресурсами, и обмен компетенциями возникает только в совместной деятельности. И события, и смыслы в каждом городе уникальны. Проведение пилотного форума помогает запустить эти процессы благодаря набору уже наработанных правил и регламентов: лидерство по запросу; открытый оргкомитет, участниками которого являются все, кто почувствовал необходимость участия в этом проекте, независимо от официального статуса; целеполагание, опирающееся на включение личных целей в общественные (это, пожалуй, самое сложное – формулировать цели для каждого события и для каждого сообщества); право на ошибку для участников; принцип

уважения личности. Принципы просты, но в действительности их осуществление достаточно сложно. Нас всех – и участников, и исследователей – объединяют четыре общие темы: культура, образование, городская среда и будущее. Преимущества городских сообществ – они могут привлекать в ряды своих участников любых людей, независимо от их образования, места жительства и профессии. Мы можем стать конструкторами поля – такой системы отношений и сети городских сообществ, которые включают всех жителей города, образуя пространство без лагун, где каждый житель является носителем ценностей города, участником локального неформального сообщества, что, в свою очередь, поможет сделать людей более счастливыми.

На открытии Форума городских сообществ, а также после экспертизы проектов выступил мэр Иркутска Дмитрий Бердников. Он высказал несколько конструктивных идей, подчеркнув, что настало времягласности управленческих решений, участия активных и неравнодушных людей в изменении города к лучшему. Главной ценностью и ресурсом города является человек, поэтому задача власти – установить постоянный диалог с городскими сообществами, способствовать тому, чтобы самые интересные идеи и проекты воплощались, меняя город, создавая в нем новые события и явления, новую атмосферу. Муниципальными процессами необходимо управлять, а чтобы управлять, надо понимать, что происходит, кто и каким образом участвует в этом процессе. Нельзя считать власть единственным субъектом этого процесса; власть не должна быть сакральной, искусственно замкнутой, герметичной. Цель у активной части горожан и у городских властей одна – чтобы город стал красивее, успешнее, чем сегодня, поэтому их общая задача – совместное и открытое участие в городском управлении. Главные цели проектов – понять, что привнесено нового в жизнь города, что само сообщество может сделать, какие инициативы идеологи проектов могут предложить городским властям для реализации и как они будут отстаивать свои стратегии.

Алексей Козьмин, советник мэра Иркутска по градостроительной политике, директор НИЦ урбанистики и регионального развития Томского государственного

университета, эксперт по региональному и городскому стратегическому развитию, член экспертного совета IMMDesignlab (Милан), глава экспертного совета ООО «Сибирская лаборатория урбанистики», сравнил тенденции в развитии сибирских городов. Планирование развития городов перестает быть делом только профессионалов – управленцев и архитекторов. Очень расширилась информационная база о том, как развивается город. Каждый, обладающий чувством вкуса, желанием и энергией, имеет возможность участвовать в организации городских событий, изменении городской среды. Но граддокументация – генеральный план города, правила землепользования и застройки – обязательны для выполнения, хотя среди участников городских сообществ мало кто что-то в них понимает. Именно эти документы являются основой для строительства и влияют практически на каждую территорию. Поэтому членам городских сообществ необходимо эту информацию знать и уметь с ней работать. Нужен постоянный диалог между представителями администрации и жителями города по поводу того, как мы обустраиваем город; нужны стандарты городской среды, которыми занимаются не только архитекторы, но и те, кто ежедневно этой городской средой пользуется. Именно пользователи этого пространства должны обсуждать парки, скверы, профили улиц. Будучи советником мэра, А. Козьмин пообещал инициировать публичные дискуссии по поводу конкретных градостроительных решений. Союз архитекторов находится в постоянном диалоге с властью, а городские сообщества могут выбирать конкретную территорию, сделать проект и приходиться в администрацию, в Общественную палату.

Обстановка в течение обоих дней была креативной, особенно интересным был мозговой штурм, а результаты работы позволяют надеяться на изменения в городских настроениях и городской среде в ближайшем будущем.

О задачах форума и его результатах рассказал член Общественной палаты города Иркутска, советник министра экономического развития Иркутской области, руководитель сообщества «Человек.И», зам. директора управляющей компании «130-й квартал» предприниматель Сергей Майяренко. Основные его суждения мы публикуем ниже.

Он сделал акцент на том, что программа форума была сформирована самими иркутскими участниками: «Есть мнение, что в Иркутске нечем заняться, ничего особенно интересного не происходит. Но стоило только объявить, что впервые все городские сообщества встретятся в одном месте, смогут представить себя друг другу, мы получили более 120 заявок на участие в форуме. В администрации города с зарегистрированными городскими сообществами ведется большая работа, им были сделаны адресные приглашения. А вот сообщества, которые не зарегистрированы, но существуют и реально действуют, собирал Иркутский центр прикладной урбанистики при активном участии Евгении Ямовой, проводя отдельное исследование».

Чтобы с горожанами говорить о будущем, была придумана уличная выставка «Городская среда. Идеи для Иркутска», ее главным редактором стала Е. Григорьева, а основными исполнителями – архитекторы Сибирской лаборатории урбанистики и Клуба молодых архитекторов. Выставка рассказывает горожанам о том, какой бывает городская среда и как городские сообщества могут участвовать в процессе ее создания. Были собраны интересные примеры из самых разных уголков мира и России, начиная от комплексных проектов и заканчивая элементами городской среды и уличной мебелью. На нескольких стендах размещена информация о таких сообществах, которые уже меняют города.

С. Мурунов в своем докладе говорил о том, что Форум городских сообществ должен стать социальным лифтом, прямым каналом связи между сообществами и городской властью. Предварительное исследование показало, что для сообществ в городе нужна определенная инфраструктура и навигация по городским сообществам. По-настоящему познакомиться можно, только делая совместные проекты, поэтому еще одна задача – попробовать их создать и привлечь разные сообщества к их реализации. Теоретический блок программы форума был нацелен на расширение информационного уровня участников городских сообществ.

В результате совместной работы экспертов и участников рабочих групп было отобрано восемь лучших проектов. Среди них – образовательный проект «Сибирский

лес», направленный на сохранение и создание парковой зоны. Проект спортивного парка «Поляна» предполагает обустройство прибрежной зоны в районе Академгородка для активного отдыха. «Ресторанный день» пропагандирует здоровое питание, возрождает традиции национальной кухни и помогает нуждающимся. «Центр технических видов спорта» предполагает создание вне города специального комплекса для занятий дрифтом и другими видами автоспорта. Дом ремесел «Пространство мастеров» и Центр городских сообществ станут центрами общения единомышленников, обучающими и консультативными центрами. Все эти программы отобраны как проекты с подготовленной для реализации платформой. Спортпарк, например, уже работает.

При поддержке мэра города в бывшем Дворце профсоюзов (ночной клуб «Панорама») было выделено место для организации Центра городских сообществ. Здесь будет размещена карта сообществ, организовано открытое пространство с календарем событий. Центр, во-первых, даст возможность изложить и представить свои проекты обществу, власти, бизнесу Иркутска. Во-вторых, это возможность привлечь в свои проекты новых участников. Центр должен стать единой «точкой входа»: любой горожанин, имеющий свободное время, сможет прийти в центр, увидеть единую карту и определиться с тем, чем ему интересно заниматься. Это можно будет сделать как в режиме офлайн – в центре, так и в виртуальном пространстве, на онлайн-выставке городских сообществ. В-третьих, все сообщества будут консолидированы и смогут работать по технологиям Центра прикладной урбанистики, сообща делать город лучше. Активисты городских сообществ будут учитывать мнения при формировании городской среды. Активные горожане, представители сообществ, – это участники рынка, лоббирующие определенные интересы. И диалог с этими людьми может быть очень конструктивен и полезен как для администрации, так и для бизнеса.

Сообщества – это социальный каркас города. Надо реализовать то, что было задумано, и готовиться ко второму Форуму городских сообществ в 2016 году. С. Маяренко и его единомышленники надеются, что Форум станет регулярным событием.

Выступление эксперта Марка Мееровича

В СССР города строились не для людей, а для того, чтобы работало производство. Чтобы рядом с фабриками и заводами можно было разместить определенное количество трудовых ресурсов. Для них возводили не слишком шикарное жилище (сначала в виде бараков, потом деревянных 2-этажных домов заселяемых коммунально, потом хрущевок, потом брежневских 9-этажек, изготавливаемых заводами крупнопанельного домостроения). Обязательно строили бани, потому что не во всех домах была вода, пару-тройку столовых для горожан (а рабочие и служащие питались в заводских или в служебных столовых), строили несколько магазинов, кинотеатр, городскую библиотеку. Иногда на месте городского кладбища устраивали ЦПКиО (центральный парк культуры и отдыха) с качелями, вышкой для прыжков с парашютом или колесом обозрения. На центральной площади города располагались здания горсовета и горисполкома, а также городского комитета партии. А если город был областного значения, то здания областного комитета партии, облисполкома и проч. В маленьких городах строили здание общегородского клуба, в городах побольше – здание театра. В них проводились общегородские партийные собрания и торжественные заседания во время государственных праздников.

Территория города разбивалась на кварталы, которые объединялись в районы. В каждом районе была своя небольшая площадь. Там елку ставили на Новый год. Надо отметить, что в советский период в городах проводилось шумные общегосударственные праздники с шествиями народа по городу и иногда, правда, очень редко, со слабенскими салютами. А на Масленицу на площадях порой устанавливали столб, на вершину которого вешали пару сапог. Народ лазал – доставал... Кто достал – того и сапоги... Происходило веселье.

Таким был соцгород. Интересы населения в нем ничего не значили. Где и что строить, у населения не спрашивали. Никто не интересовался, чего бы ему, народу, хотелось.

Интересы населения вообще никому было выражать. Депутаты населением не выбирались. Они назначались на свои депутатские места партией. Правда, проводилась

эта процедура в форме выборов. Но население только посещало избирательные участки, опускало бюллетени, а потом покупало продававшиеся здесь же пирожные и пиво... От его голосов ничего не зависело. Голоса даже никто не считал: все было заранее решено. Ну а поскольку депутаты на свои места проходили по решению партии, то они ей только и служили. Никак не населению.

Отсюда – полное недоверие народа к власти и отстраненность от нее. Гражданское общество в СССР отсутствовало. А те общественные организации, которые существовали, либо были полностью зависимы от власти, либо вырождались в безвредный для нее андеграунд.

Городские власти в советский период назывались горисполком (городской исполнительный комитет – это по-нынешнему «мэрия»; не путать с горсоветом, который по-нынешнему «дума»). Городские власти каждый год были озабочены одними и теми же проблемами: готовностью жилого фонда к отопительному сезону, ремонтом школ к новому учебному году, ремонтом уличных сетей – водопроводов, канализации (городские власти улицы постоянно раскапывали, ремонтировали трубы и снова закапывали), ямочным ремонтом дорог, причем асфальт часто укладывали сразу после дождя, прямо в лужи в колдобинах.

Постоянный недостаток мест в детских садах восполнялся не строительством новых (их строили очень мало), а постановкой родителей с маленькими детьми на очередь. Многие так и не дожидались, когда их очередь в детский сад подойдет: дети, повзрослев, шли в школу, так и не попав в садик.

О состоянии парков и скверов вообще никто не думал: до этого руки не доходили. Также никто особо не думал о благоустройстве дворов между жилыми домами. Дальше втыкания во дворах «типовых детских игровых приборов» вроде качелей или сколоченных из четырех досок песочниц дело благоустройства дворов не продвигалось. Домоуправления (по-нашему «управляющие компании») находили тысячи отговорок на обращения и просьбы жильцов. И никакой управы на них не было, т. к. с городской администрацией она были в дружеских отношениях (она же их и назначала).

Выступление эксперта Елены Григорьевой

Управление городами в СССР было исключительно вертикальным – командно-приказным, сверху вниз. В итоге городская среда все время пребывала в деградированном состоянии. Это состояние городской среды советских городов прекрасно помнят люди старшего поколения. И это отвратительное состояние сохраняется и сегодня – везде, где городская власть не желает вступать в партнерство и кооперацию с гражданским обществом.

Только отказ власти от иллюзии всезнайства, только ее поворот лицом к людям способны помочь и власти – решать ее хозяйственно-эксплуатационные задачи, и населению – обрести комфорт, уют, удобство, красоту внешней среды своего существования.

Чем дальше мы уйдем в нашей сегодняшней жизни от описанной мною советской действительности, от нарисованной словами картины советского города, тем больше у нас будет шансов обрести городскую среду, в которой будет хотеться жить.

Городская среда – улицы, площади, зелень, аккуратные тротуары, фасады домов, вывески, цветы на газонах... – может вызывать желание жить именно в этом месте, именно здесь воспитывать детей, работать, заниматься творчеством, гулять вечерами по улицам, сидеть на лавочках в скверах... Она порождает гордость за свой город, свою страну!

А возможно, и наоборот – серость и унылость, неухоженность и неприбранность, как это было в СССР, толкают к тому, чтобы уехать в поисках более душевно близкого и комфортного места обитания. Правда, в СССР, в отличие от сегодня, уезжать было некуда: везде был одинаково серо и бесхозно. А сейчас города реально конкурируют друг с другом в вопросах качества городской среды. И сейчас есть куда уезжать: советский железный занавес рухнул...

В городе сейчас существует много неформальных сообществ. У многих из них есть представления о том, каким должен быть город. Можно ждать милости от городской власти, если относиться к ней как к единственной всемогущей высшей, руководящей городом инстанции. А можно относиться к власти как к партнеру. Глядишь, чем-то и поможет, если ваши инициативы направлены во благо общего интереса и общего улучшения городского пространства.

Каким будет Иркутск, зависит от всех нас: депутатов, работников администрации, руководителей коммерческих структур, пенсионеров, студентов, молодежи – горожан, каждого, кто любит наш город. Удастся ли построить новый город – не капиталистический, в котором каждый стремится урвать побольше, плюя на всех окружающих. И не социалистический, не соцгород, который строился не для людей, а для станков. А тот, который можно было бы назвать ГОРОД ДУШИ. Удастся ли построить этот новый город, не разрушая старого, – зависит от всех вас.

Попробовать сделать это мы здесь и собрались. Если мы осознаем уникальность того, чем владеем, если способны ценить, сохранять и приумножать то, что создали предыдущие поколения, например наше деревянное наследие, тогда и нам самим, и нашим детям не захочется покидать Иркутск...

На прошлой неделе в Иркутском доме архитекторов проходил дискуссионный клуб; на нем сопоставлялись действующий генплан Иркутска, разработанный в 2000-е и утвержденный в 2007-м, с актуализированным в этом году. Архитекторы и гости рассматривали изменения, которые сейчас вносятся в генплан. Стало очевидно, что с реализацией генплана неблагополучно. За восемь лет с момента его утверждения несколько важных фрагментов города перекрасились из зеленого цвета (рекреации) в красный (застройка).

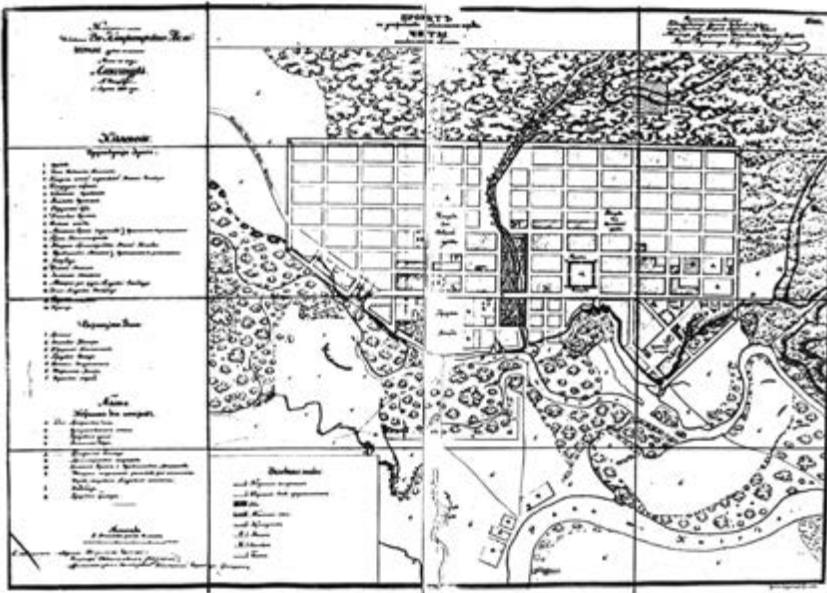
При этом архитекторы не открыли для себя ничего нового: в печати и с разных трибун мы (Союз архитекторов и журнал «Проект Байкал») постоянно обращали внимание общественности и предыдущего руководства города на неправомерную застройку в зеленых зонах. Где именно происходили процессы захвата рекреаций? В четырех местах главной набережной – бульвара Гагарина. От застройки пострадали русла ручьев в Свердловском районе – в пади Долгой между Университетским и Первомайским микрорайонами, в Кучумовском логе, между Академгородком и ул. Помяловского. Ради очередных торговых центров засыпано устье ручья, когда-то впадавшего в Чертугеевский залив, Шишиловский остров перестал быть островом. Увы, еще многие **зеленые и водные объекты природного каркаса** безвозвратно потеряны для горожан. Если такая практика будет продолжаться, самые популярные городские территории лишатся зелени.

Наш опыт показывает, что острых публикаций, обсуждений в профессиональных кругах и редких контактов с политиками недостаточно. Современные средства коммуникации, социальные сети и пр. позволяют осуществлять действенный и оперативный мониторинг. Это касается не только зелени, извините за банальность, – легких города. Исчезновение **памятников архитектуры из ткани города** ведет к утрате идентичности, стиранию своеобразия, потери лица. И здесь нет реакции общественности на каждый конкретный случай (в столице такая реакция есть благодаря движению «Архнадзор»).

Мы уже немного познакомимся во время подготовки к этому форуму и знаем, что заработала система скорого реагирования по поводу уборки мусора. Скорая помощь нужна деревьям, скверам и даже таким, казалось бы, неприкасаемым уникальным массивам, как сосновому бору на Кайской горе. Скорая помощь нужна как памятникам истории и культуры, так и исторической средовой застройке.

Еще одна беда – **самострои**. Снести дом, построенный незаконно, без разрешения, оказывается не так-то просто: это громоздкая, долгая процедура через суд. Возьмем, к примеру, успешный 130-й квартал. Концепцией и проектом планировки предусмотрены летние кафе – легкие тентовые конструкции, а вовсе не капитальные сооружения. Привычка собственника выжимать квадратные метры из всей поверхности своего участка даже здесь иногда побеждает здравый смысл: квартал привлекателен и популярен именно благодаря пропорции пространство – здание, основанной на традиции и исторической (генетической) памяти.

Мне думается, что **НОВАЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА**, заявленная новым городским руководством, при помощи активных городских сообществ будет гораздо более действенной.

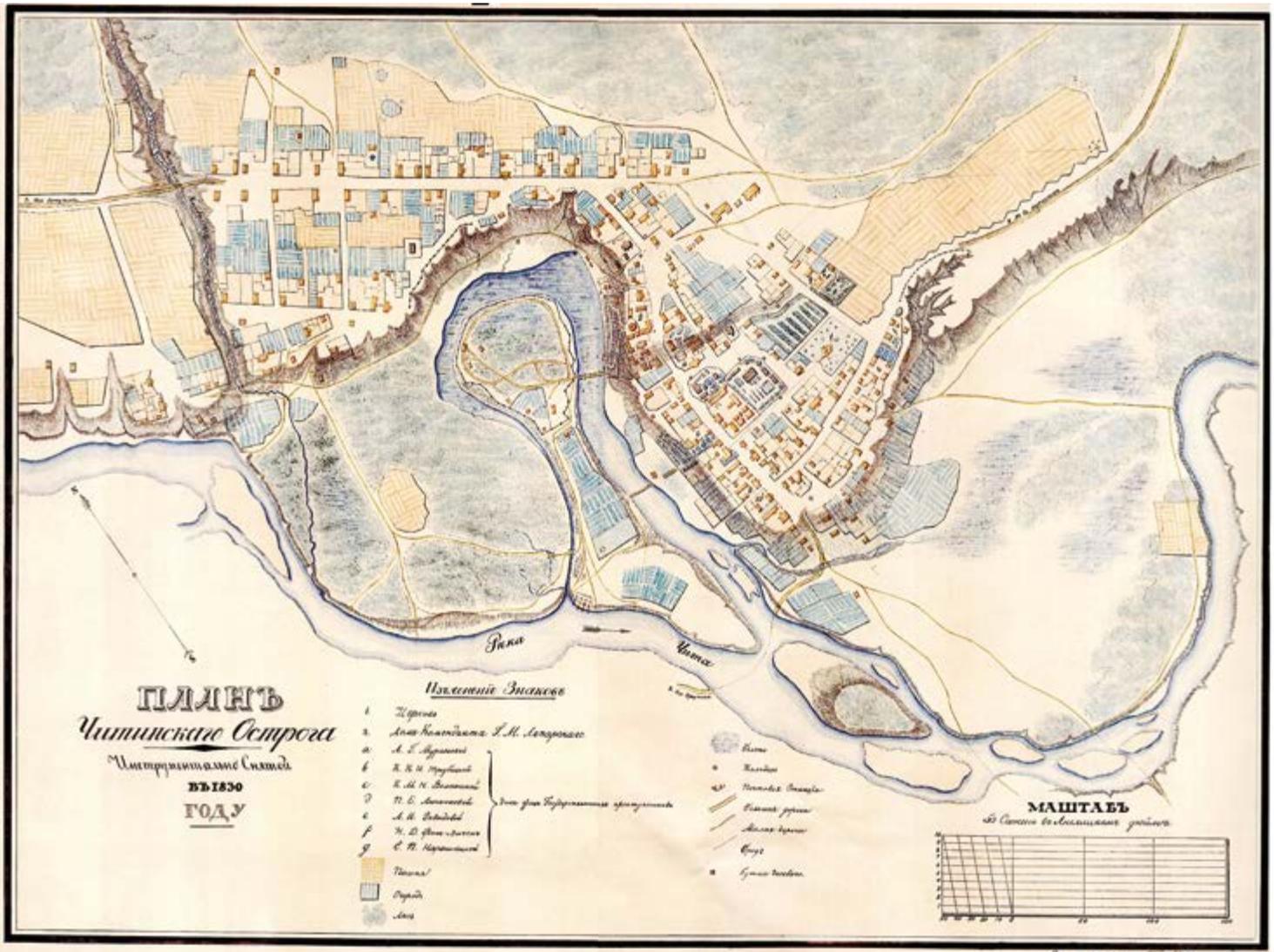

^ План Читы 1861–1862 гг.

Алексей Шегера, главный архитектор Читинской области с 1961 по 1996 год:

Первый генплан Читы, вернее – его прообраз, был создан в утопических произведениях английского философа и государственного деятеля Томаса Мора еще в XV веке, задолго до прихода в Забайкалье первых русских казаков-землепроходцев. Это генплан столицы острова Утопии, города Амауротума, обеспечивающего нужды «идеального общества» в виде модели общественного устройства городов будущего. В ней опыт еще более древних поселений и городов периода Александра Македонского. Планировочная модель градостроительства Средневековья ложилась в основу нового градостроительства и реконструкции старых городов нового и старого света. Этот порядок, покоривший мир, не миновал и Читу. Декабрист П. И. Фаленберг вместе с товарищами составил в 1830 году первый топографический план Читинского острога. А уже в 1852-м власти города решили, что необходимо составить «проектный план города Читы». Над ним работали сотник Кукель, топограф 2-го класса Попов, прапорщик Щечилин.

Иллюстрации предоставлены **Алексеем Шегерой /** Illustrations provided by **Alexei Shegera**

^ Топографический план Читы, 1830 г.

Правильный город / A Regular City

Рассказывается о первых планах Читы, на основе которых начал развиваться город. Рассмотрен вклад в историю города декабриста Дмитрия Завалишина как первого автора плана обустройства Читы. Представлены особенности квартальной застройки осуществленного плана города.

Ключевые слова: Чита, Дмитрий Завалишин, топографический план, план города, гипподамова система, квартал, правильный город. /

The article describes the first plans of Chita, which served as the basis for the city development. It presents contribution to the city history made by the Decembrist Dmitry Zavalishin's, who was the first author of the city development plan. Peculiarities of the quarter development of the realized city plan are also presented.

Keywords: Chita; Dmitry Zavalishin; topographic plan; city plan; Hippodamus system; quarter; regular city.

текст:

Арина Шаравина,
рисунки автора /
text and pictures by
Arina Sharavina

...И самолет, устав немало,
Уже верша последний круг,
К земле склоняется устало,
Как птица дальняя на луг.

Уже душа моя запела,
Ведь, отворяя ворота,
Косынку в клеточку надела,
Косынку белую Чита...

Ростислав Филиппов

Градостроительная история Читы в графическом исполнении известна практически с самого начала ее основания. Во многом это заслуга декабристов Петра Ивановича Фаленберга и Дмитрия Иринарховича Завалишина. Фаленбергом составлен топографический план местечка Чита по состоянию на 1830 год. Из всех зданий, нанесенных на этот чертеж, до нашего времени сохранилась только церковь Архангела Михаила, в которой ныне размещен музей декабристов. По этому зданию можно судить, «откуда есть пошла Чита». Улицы, которые сейчас называются Амурская и Селенгинская, также указаны на этом плане.

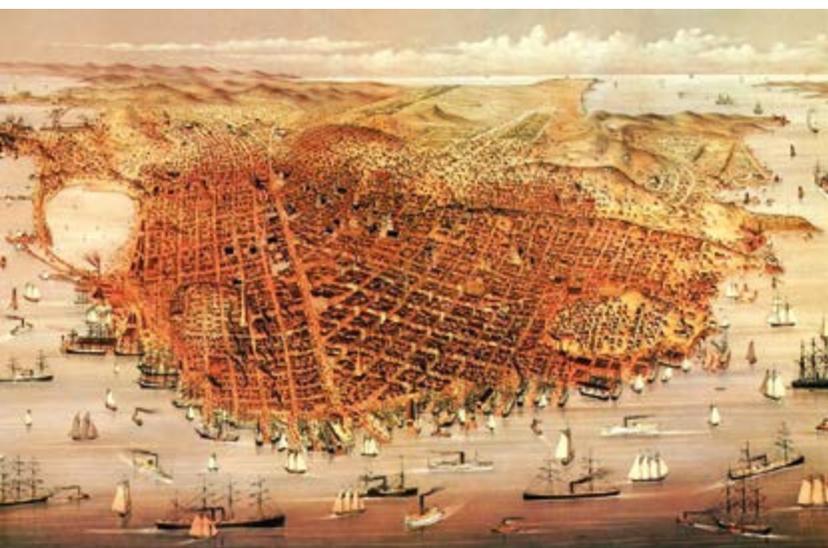
Развитие Читы как города было определено планом, автором которого волею судьбы стал декабрист Дмитрий Иринархович Завалишин, сын генерала, совершивший кругосветное морское плавание в 1822–1824 годы на военном фрегате «Крейсер» под командованием М. П. Лазарева. Мичман Завалишин был членом Северного

общества. В суровый декабрь 1825 года, круто изменивший его судьбу, он шагнул, когда ему было всего двадцать один год.

Дмитрий Иринархович был осужден по первому разряду, что обрекало его на смертную казнь за то, что, как сказано в приговоре, «умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии, возбуждая к тому словами и сочинениями, и принадлежал Тайному обществу со знанием сокровенной цели». Решением Николая I при confirmации приговора осужденным по первому разряду «даровалась жизнь по лишению чинов и дворянства и ссылка в вечно каторжную работу». Так бывший мичман флота оказался в Чите. После амнистии, в 1839 году, Завалишин остался в Чите на поселении.

В 1847 году генерал-губернатором Восточной Сибири был назначен граф Н. Н. Муравьев, который в своей деятельности старался опираться на тех, кто мог способствовать развитию края. Естественно, что в сферу его внимания попал Завалишин. По настоянию декабриста, с которым у генерал-губернатора вначале складывались хорошие отношения, областной город стал строиться на месте селения Чита. История развития Читы доказала правоту градостроительного предвидения Дмитрия Иринарховича.

Обратимся к «Запискам декабриста», где он писал о подготовительной работе по обоснованию места будущего областного центра. «Дело в том, что имея в виду необходимость обращения Читы в город, я давно изучал местность, с этой целью давно составил план города и употреблял нравственное свое влияние на горное

^ Сан-Франциско, рисунок XIX века

^ План на обустройство Читы, 1862 г.

v План центральной части Читы

начальство, чтобы все новые постройки еще задолго до открытия города соображались с этим планом». Вот что говорил сам генерал-губернатор об этом этапе работы декабриста: «Основания указаний Завалишина оказывались до такой степени верными, что пророчески предвидели будущее».

Как пишет Д. Завалишин, «в 1851 году в начале сентября Муравьев приехал в Читу открывать новоучрежденные город и область». К этому времени план города был уже готов. В своих записках он называл этот план предварительным, имея в виду, что официальный, высочайше утвержденный план появился только в 1862 году.

Составляя план обустройства Читы, декабрист ставил перед собой задачу сделать Читу «одним из самых правильных городов». Возможно, это представление о «правильности» планировки города сохранилось у него со времени кругосветного путешествия, когда фрегат «Крейсер» заходил в порт североамериканского города Сан-Франциско, план которого представлял собой регулярную гипподамову систему квартальной застройки (гипподамова система – способ планировки античных городов, названный так по имени древнегреческого архитектора Гипподама, V век до н. э.). Конечно, на чертеже официально утвержденного плана не могло быть имени Завалишина как автора. Клеймо «государственного преступника» исключало такую возможность.

Однако на этом официально утвержденном чертеже добрая треть кварталов отмечена условным обозначением как застроенные территории. Это свидетельствует о том, что план Завалишина неукоснительно воплощался в жизнь. А перспективные кварталы развивали заданную Завалишиным систему городской планировки. Так что его авторство несомненно.

Усилия Завалишина по реализации разработанного им плана подтверждают, что так работать над осуществлением своего замысла мог только автор. Дмитрий Ириархович писал в своих воспоминаниях: «А как велик был труд по устройству города, когда Муравьев уприсил меня взять и это на себя, можно видеть из того, что я должен был заняться съемкою плана, измерениями и предварительной расколоткой требуемой безотлагательно для немедленного начатия построек, не имея не только

^ План Читы 1885 г.

^ План Читы 1922 г.

никаких помощников, но и даже инструментов, так что астролябию я должен был заменить геометрическими построениями, вести расколки через чащу леса, через топкие места и рыхлые пашни после жнитва или осеннего пахання, в самое ненастное притом время года... Но я не щадил никаких трудов, чтобы предохранить город от той порчи вначале, которая всегда искажала наши города и закрепляла, так сказать, их неправильность в будущем. От подобной-то сущности я и хотел избавить Читу и успел до такой степени, что, несмотря на все последующие отступления от моего плана и искажения его, Чита будет одним из самых правильных городов».

Планировочная система кварталов размером 102 м на 204 м, запроектированных Завалишиным, позволяла более полутора веков соблюдать градостроительный порядок при застройке города. В эту систему органично вошли площади-форумы, торговые, прихрамовые площади, площади-скверы и др.

Квартальная система, где большое значение приобретает перекресток улиц, создает особые требования к ре-

шению архитектуры угловых зданий. Башни, скошенные углы, возвышающиеся объемы и другие элементы создают особое композиционное единство градостроительной структуры и объемной архитектуры.

Раскрытые в сторону окружающих Читу горных хребтов створы улиц как бы включают визуально их в городской пейзаж. Одной из немаловажных особенностей такой планировки Читы является простота ориентации в городской застройке. Предусмотренное Д. Завалишиным расположение кварталов с учетом рельефа обеспечивает оптимальные условия для отвода ливневых вод.

В России немало городов, центральная часть которых построена на основе прямоугольной сетки кварталов, но градостроительная основа центральной части Читы отличается какой-то особой изящной правильностью и математической выверенностью. Этой правильной регулярности прошедшие времена нанесли немалый урон. Но даже после этого остаются отдельные фрагменты города, которые до сих пор придают Чите неповторимый облик.

> Церковь Архангела Михаила в Чите, рисунок автора

> Вид Читы с высоты птичьего полета

В статье на примере ряда работ Ле Корбюзье выявляются и анализируются принципы пространственной комбинаторики, которую французский мастер современной архитектуры целенаправленно использовал при создании архитектурной формы для побуждения потребителя к сильному эмоциональному переживанию. Ключевые слова: Ле Корбюзье, творческое наследие, пространственная комбинаторика, композиционный анализ. /

Taking as an example several works by Le Corbusier, the article reveals and analyses the principles of the spatial combinatorial theory used by the French master of modern architecture when creating an architectural form to evoke a strong emotional experience among consumers.

Keywords: Le Corbusier; creative heritage; spatial combinatorial theory; compositional analysis.

< 15 октября 2015 года в Москве, на Мясницкой, у дома Центросоюза (ныне здание Росстата), построенного по проекту Ле Корбюзье в начале 1930-х годов, был открыт памятник Мастеру. Фото Елизаветы Санниковой

Уроки мастера / Lessons of the Master

Для советских архитекторов начиная с двадцатых годов прошлого столетия и почти до девяностых Ле Корбюзье был символом современной архитектуры. В XXI веке само понятие «современная архитектура» стало корродировать и терять прежние, незыблемые позиции. В результате молодое поколение не признает за творчеством Ле Корбюзье особых достоинств. Недавняя выставка его работ в Музее им. Пушкина, подготовленная Жан Луи Козном, была фрагментарна и не давала никакого представления о масштабах его творчества. Для меня же эта выставка была интересна, поскольку я впервые увидел подлинные макеты, живопись, эскизы и чертежи, но людей, незнакомых с его творчеством, она неприятно удивила. Это мне показалось несправедливым, и я решил написать несколько слов в его «защиту».

Восприятие пространства

Умение манипулировать пространством – основа профессии архитектора. Люди получают удовольствие, слушая музыку, воспринимая глазами живопись, следя за хитроплетениями сюжета в романе, переживают действия, происходящие в кинофильме. А как с архитектурой? Выясняется, что люди способны телесно ощущать и сопереживать окружающее пространство. Мы ощущаем взглядом детали, плоскости и фактуры. Фиксируем смену объемов и пространств. Упираемся в преграды. Пронзаем стены через проемы. Просачиваемся взглядом сквозь решетки и стекла.

Поднимаясь на купол Флорентийского собора, мы залезаем по узкой лестнице на крышу, открытую солнцу. Затем испытываем страх, стоя над пропастью внутреннего балкона интерьера. Далее с трудом пробираемся по пространству двоякой кривизны между внешним и внутренним куполом и наконец попадаем на галерею, парящую над городом. Для того чтобы испытать подобную смену ощущений, люди летят за тысячи километров и платят огромные деньги. Миллионы людей жадно «пожирают» пространственные изыски небоскребов Гонконга, Кападокийских пещер,

остатки Римских форумов и мощь готических соборов. Целые страны живут, продавая пространственные ощущения ненасытным туристам.

Архитектору редко выпадает удача вволю «поиграть» пространствами. Да и мало кто умеет. Ле Корбюзье был один из немногих, кто мог преднамеренно создавать постройки, насыщенные пространственными эмоциями.

Многие слышали его имя. Но я подозреваю, немногие понимают масштаб этого явления в архитектурном мире. Прошло полвека, как он умер, купаясь в море у городка Рокобрюн, на границе с Италией. Архитектурные формы расцвели за это время пышным цветом. Большинство людей, и даже профессионалы, смотрят на фотографии его произведений

(подлинники изучают единицы) и снисходительно улыбаются: мол, в те далекие времена это, наверное, было здорово.

Я хочу показать, что это здорово и сейчас.

Что хорошего в Парфеноне? В капелле Пацци, в Вандомской площади или в Барселонском павильоне? Об их красоте можно спорить. Но что несомненно – они глубоко профессионально осмыслены. Ничего лишнего. Каждая деталь точно соотносена с целым. Интерьер и экстерьер неразделимы. Эти объекты не поражают «цирковой» формой, рассчитанной на внешний эффект, но в них присутствует фантастическая пространственная проработка, ориентированная на понимающих зрителей. Именно это умел делать Ле Корбюзье.

Немного истории

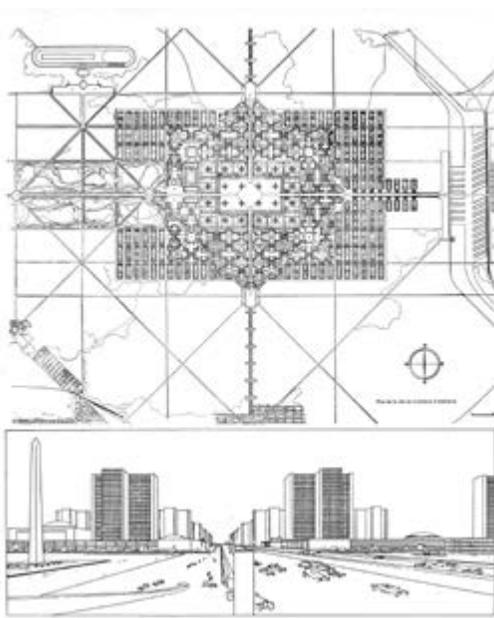
Творчество Ле Корбюзье началось сто лет назад, и сразу же он поразил мир широчайшим диапазоном идей. Он придумал скелет типовой жилой ячейки – «домино». Он придумал новый тип жилища – «виллэнблоки», то есть дома, состоящие из небольших двухэтажных вилл. Он построил множество зданий, и среди них не только прекрасные музеи и виллы, но и целые города, такие, например, как Чандигарх. Он придумал удивительный город на три миллиона жителей. Именно придумал, а не скопировал с неких образцов. В центре его города не торговля, не церковь, не офисы, как было тогда принято, а гигантский пересадочный узел.

^ Дом, состоящий из вилленблоков

^ Планы двух этажей вилленблока

^ План Лучезарного города и перспектива его главной оси

^ В 1922 году на парижском Осеннем салоне Ле Корбюзье представил проект «Лучезарный город» (La ville radieuse). На снимке фото с макета

Но он не только придумывал. Его книги «Современный город», «Когда соборы были белые», «Урбанизм», «Дом, как дворец» и многие другие являются шедеврами публицистики. У него масса неосуществленных проектов, среди них перепланировка Алжира и Монтевидео. Наконец он разработал, пытаясь описать гармонию геометрией, совершенно оригинальную измерительную систему «Модульор» и многое, многое другое. Во всех этих работах меня поражает то, как Ле Кор-

^ Фрагмент фасада дома, состоящего из виленблоков

бюзье управлял архитектурными пространствами. Он играл на них словно блестящий музыкант. Чтобы научиться слушать музыку его архитектурных форм, надо внимательно изучить его произведения. Желательно в натуре. Рассмотрим подробнее несколько моментов его творчества.

Вилленблоки

В 1922 году Ле Корбюзье предлагает строить вилленблоки. Идея проста. Есть средний класс. Денег на полноценную виллу с садом у них может не быть. Так нельзя ли сделать многоэтажный дом, состоящий из микровилл? Так появились проекты жилых домов и даже целых кварталов, состоящие из небольших, стоящих друг на друге вилленблоков. Ле Корбюзье всячески пропагандировал свое изобретение. На выставке ар-деко в 1925 году он построил павильон

Details des «Villain-Blocks»

^ Павильон «Эспри Нуво» на парижской выставке ар-деко 1925 года. Он представляет собой вилленблок

«Эспри Нуво», представлявший ячейку такой двухэтажной виллы, и наполнил ее своими проектами. Интересно, что полвека спустя Бернар Чуми, проектируя в Париже парк «Ля-Виллет», собирался восстановить павильон Мельникова и павильон «Эспри Нуво» как самые значимые пространственные изыски XX столетия. Пока сделать это, к сожалению, ему не удалось.

Вилленблоки обслуживаются двумя параллельными галереями. Внешняя галерея предназначена для прислуги, а идущая рядом, внутренняя – для «господ». Из «господской» галереи можно попасть во входной вестибюль вилленблока. У входа справа – лестница на второй этаж, кухня, санитарный узел и небольшая комнатка для прислуги. Кроме того, из вестибюля через открытый мост можно попасть в небольшой сад. Слева передняя с санитарным узлом и проход в обширную гостиную, половина которой имеет второй свет и выход в сад. На втором этаже расположены спальни и ванные комнаты, перекрывающие два нижних коридора. Таково краткое описание этого удивительного, многомерного жилого пространства, до сих пор не имеющего прямых аналогов. Я полагаю, что все последующие опыты с двухэтажными квартирами, такие как его дома в Нанте и Марселе, а также дом на Новинском бульваре Гинзбурга и Милиниса, имели в своей основе структурную идею вилленблоков.

Уникальность вилленблоков заключалась еще и в том, что

Мастер умудрился в небольшом прямоугольнике спрессовать пространственные ощущения до такой степени, что их хватило бы на виллу гораздо больших размеров. Это умение спрессовывать пространственные ощущения – одно из удивительных свойств Мастера. Хотя часто он делал это за счет жизненных удобств.

Изучая вилленблоки можно освоить уникальное искусство манипулирования пространством.

Лучезарный город

Ле Корбюзье был амбициозен. Проектов «одиноких» зданий ему было мало. Он мечтал о городах. Сто лет назад мир был иным. Города стремительно наполнялись людьми. С 1810 до 1910 год население Парижа увеличилось в пять раз, достигнув трех миллионов человек. Город застраивался медленнее, чем наполнялся людьми. Плотность населения увеличивалась. Множились темные двory-колодцы и комнаты, лишённые света и солнца. В город текли огромные потоки грузов, а структура дорог оставалась прежней. Города не успевали снабжаться водой и освобождаться от отходов. Гниющие помойки. Эпидемии. Париж нужно было разуплотнить и санировать.

В 1922 году на парижском Осеннем салоне Ле Корбюзье представил свой первый крупный градостроительный проект – «Лучезарный город» на три миллиона жителей (L'Avillieradieuse). Тесный и разномасштабный опыт Нью-Йорка он отвергал. В его городе лес рав-

^ Вилла Савой

^ Вестибюль. Винтовая лестница

новеликих небоскребов, стоящих на равном расстоянии друг от друга, позволял создать плотную жилую среду, освобождая открытые пространства для света, воздуха и зелени. Его город был гимном взаимодействия города и природы. В эпицентре Lavillieradieuse находился вокзал. Аэропланы, машины, автобусы, метро, железная дорога. Позже что-то подобное было осуществлено в парижском Дефансе (без аэропланов, естественно). Вокруг небоскрежного центра Лучезарного города появились 6-этажные кварталы в виде бесконечных меандров, состоящих из вилленблоков. Сады на крышах, дома на ножках. Всюду солнце, зелень и свежий воздух.

Эту градостроительную схему, почти не меняя, он предложил в 1925 году для Парижа и назвал ее Plan Voisin («План Вуазен»). Под снос шла огромная часть кварталов вдоль Севастопольского проспекта. Он заменяли новым «лучезарным городом». Не тронутым оставался лишь остров Ситэ и наиболее значимые соборы.

В наши дни, естественно, встал бы вопрос охраны памятников. Тогда ситуация была иной. Ле Корбюзье волновали не столько пластические изыски старых кварталов, сколько социальные проблемы. Поэтому он стремился в первую очередь «санировать» гниющие, переуплотненные районы, где в основном ютилась беднота, и ради этого он безжалостно сносил всю, как сейчас бы сказали, среднюю застройку.

Предлагая Plan Voisin Ле Корбюзье прекрасно понимал, что в буржуазно-демократической Франции осуществить подобное чрезвычайно трудно. Поэтому, когда его позвали в Москву, где господствовала социалистическая диктатура, он решил, что настал его звездный час. Русская революция призывала разрушить старый мир и построить новый. Картезианский проект Ле Корбюзье очень для этого подходил. Мастер предполагал, что в СССР руководители смогут одновременно направить огромные средства на создание придуманного им супергорода. Он почти без изменения перенес на Москву парижский PlanVoisin. Оставляя Кремль, он предлагал снести все вдоль Тверской улицы и застроить это пространство небоскребами. О массовом спасении памятников никто тогда и не помышлял.

В 1924 году советское правительство переехало из Петрограда в Москву. (Заметим, что после смерти Ленина именно Петроград, а не Петербург был переименован в Ленинград). В Москву хлынул поток переселенцев. Жилья не хватало, и оно не строилось. Многоэтажных домов было мало. Существующая жилая застройка представляла собой угнетающее зрелище. Москву покрывало море разваливающихся деревянных двухэтажек с дровяным отоплением, без водоснабжения и канализации. Темные, сырые подвалы этих домов были набиты людьми. На перекрестках улиц попадались редкие электрические столбы и водоналивные колонки.

^ Пандус, ведущий в солярий

^ Ванная при спальне второго этажа

^ Гостиная. Слева видна стеклянная стена и терраса

Никакого асфальта. Только кое-где в центре мостовые были покрыты булыжником. Штучные конструктивистские дома, которые появились позднее, и даже сталинские помпезные «паллацо» не спасали положение. Только хрущевские пятиэтажки в 60-е хотя бы частично решили жилищную проблему.

В двадцатые годы для москвичей даже пятиэтажные дома были строительным чудом. Их не сносили, но при реконструкции с огромными трудностями перевозили по рельсам. Недаром до конца 50-х Москву называли большой деревней. Такая «деревенская» Москва была далека от европейских стандартов. Страна была очень бедна. Миллионы людей надо было накормить, умыть, дать работу и кров. Не было и стройматериалов. Церкви разбирали «на кирпичи». Деревянные особняки сносили на дрова и при этом гвозди распрямляли, для повторного применения. Даже военные броневики и бронепоезда

приходилось «клепать» из металлолома. В этой ситуации Ле Корбюзье предлагал лес сверкающих небоскребов! Сталин, естественно, прекратил эти капиталистические фантазии, но при этом все же дал Мастеру возможность построить большой комплекс Центросоюза на Мясницкой.

Вилла Савой

Ле Корбюзье построил несколько вилл. Для меня самая значимая – вилла Савой в Пуази, близ Парижа. Это его раннее произведение (1929–1931 годы). Внешне – ничего особенного, спичечный коробок на ножках. Всего 700 кв. м. Но если посмотреть на это сооружение сверху, мы увидим не здание, а удивительную корбюзьеровскую скульптуру, и человека, попавшего в нее, ждет удивительный набор пластических ощущений.

В доме три этажа. На первом этаже по фасадному фронту свободно стоят колонны, поскольку помеще-

ния отступают от фасадной линии. В них располагаются входной вестибюль, комнаты прислуги, гараж, прачечная и иные подсобные помещения. Вестибюль небольшой, но хороших пропорций, ограниченный стеклянными стенами полукруглой формы. Из вестибюля на второй этаж ведет пандус и винтовая лестница так, что можно выбрать путь передвижения, либо быстрый – по винтовой лестнице в кухню и спальни, либо торжественный – по пандусу в гостиную и на террасу.

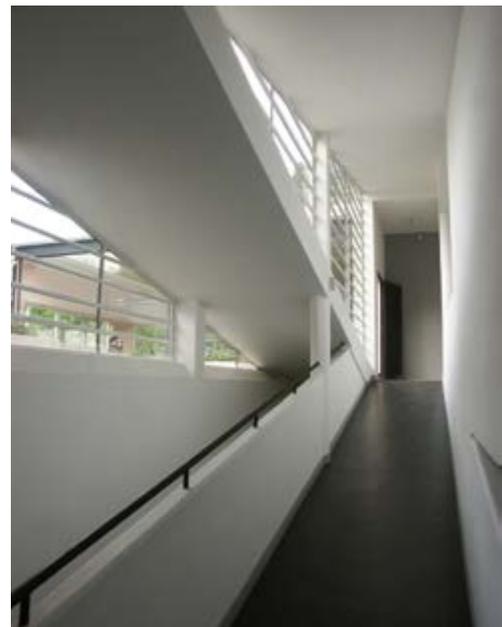
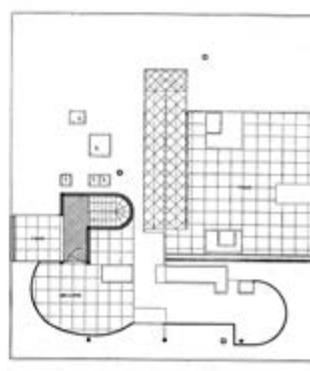
Второй этаж этой виллы основной. Здесь расположены жилые помещения. Спальни небольшие, но очень удобные. Из них по коридору, мимо кухни и офиса, можно попасть в длинную гостиную, внешняя сторона которой прорезана узкими окнами, а вторая, сплошь стеклянная, открыта на огромную террасу. Терраса окружена стеной с незастекленными ленточными окнами. Сквозь эти окна видна окружающая природа. Создается впечатление,

^ План виллы Савой. Первый этаж

^ Планы второго этажа и солярия

v Пандус, ведущий на второй этаж
v Второй этаж. Слева винтовая лестница. Справа виден пандус, ведущий с первого этажа. Затем он переходит на открытую террасу и поднимается в солярий

^ Фасад. Снимок сделан сразу после постройки

^ Перспективный вид фасада. Современное состояние

^ Опоры здания

что композиция пространств второго этажа построена по принципу улитки. Помещения постепенно увеличиваются – от замкнутых спален, через кухню и небольшой офис – в длинную гостиную с раздвижной стеклянной стеной, открытую на большую террасу. Далее через открытые ленточные окна террасы виден обширный газон, обрамленный дубами по границе участка.

Но пространственная «улитка» второго этажа не единственное достоинство этой виллы. На третьем этаже находится солярий. Винтовая лестница, пронзая второй этаж, попадает в небольшие закрытые помещения солярия. В то же время пандус выходит за стены второго этажа и также поднимается в солярий.

Пандус и винтовая лестница олицетворяют два разных пространства виллы. Винтовая лестница закрыта для глаз. Она узка и очень пластична. Движения по ней быстры и целенаправленны. Маршрут прост. Надо из зоны вестибюля и подсобок, не выходя на улицу, незаметно минуя гостевые зоны, попасть в спальни, а затем выше, в солярий. Пандус параден. Он декоративен и открыт окружающим. Таким образом, люди этой виллы живут в двух пространствах: во внешнем – парадном – и внутреннем – интимном. Эти пространства не просто разделены, как в традиционных виллах, но, постоянно переплетаясь и взаимодействуя, создают невероятные пространственные и пластические эффекты. Наконец, внешняя форма помещений солярия, благодаря

винтовой лестнице и пандусу, создают кривые поверхности, сознательно нарушающие «коробчатый» силуэт постройки.

Пластику разбираемого сооружения можно сравнить с огромными современными виллами, набитыми примитивными пространствами. Лестничная площадка, дверь в комнату, дверь в ванную и так далее до бесконечности.

Поиски пространственных и скульптурных изысков виллы Савой можно продолжить. В краткой статье описать пространственные эмоции невозможно. Но еще труднее искать их при помощи чертежей или фотографий. Виллу Савой можно ощутить только телесно, находясь внутри этого удивительного сооружения.

Модульор

В конце сороковых годов Ле Корбюзье разработал измерительную систему «модульор». По его мнению, эта система, должна была быть принята всем архитектурным и дизайнерским сообществом. Причем Мастер утверждал, что в отличие от равнорасчлененной метрической системы, модульор сможет учитывать сложнейшую игру природных пропорций, поскольку она построена на основе чисел Фибоначчи и величин, кратных пропорциям человеческого тела. Если следовать модульору, считал Ле Корбюзье, любой рукотворный объект любого стиля будет соразмерен и красив во всех своих деталях. После разработки модульора Мастер пытался подчинить элементы всех своих

построек, включая мельчайшие детали, этой системе.

Кстати о деталях. Известный конструктивист Михаил Барц (планетарий в Москве) объяснял нам, студентам, что резкий переход от функционализма к сталинскому классицизму был основан не только на приказах свыше. Когда делегация советских архитекторов (конструктивистов по преимуществу) посетила Италию, стала ясна огромная роль детали в классической архитектуре. А «современная архитектура» детали не имела. Видимо, Ле Корбюзье тоже понимал это. И в «Марсельской единице», в Роншане и других послевоенных постройках он всюду применял модульор и доводил его применение до мельчайших фрагментов.

В шестидесятых и семидесятых годах прошлого века многие во всем мире увлекались модульором. В сущности, это было желание получить красоту пространства, используя геометрические построения. Но автоматически красота не получалась. Видимо, пользоваться подобным инструментом мог только сам Мастер.

В СССР в тот период наблюдалось похожее явление. Это было повальное увлечение золотым сечением применительно как к классике, так и к современной архитектуре. Блестящие исследования в этом направлении проводил К. А. Афанасьев. В последние годы стали широко известны работы И. Ш. Шелвелова. Но это были исследования. Когда кто-либо пытался применить их на практике, результат получа-

ется ничтожным. До сих пор есть люди, ищущие в недрах золотого сечения тайну красоты и гармонии. Пока безуспешно.

Безусловно, в пропорциях человеческого тела, в структуре растений, в числах Фибоначчи и в пропорциях золотого сечения скрыта великая тайна. Но эта тайна еще не раскрыта. Те обрывки знаний, которыми мы обладаем, не дают нам возможности при создании предметов искусственной среды применить эти построения на практике. Видимо, вообще заменить геометрией гармонию невозможно, да и вряд ли нужно. Не зря эти явления отнесены Создателем к разным разделам человеческого мозга.

«Марсельская единица»

После войны, с 1947 по 1952 год, Ле Корбюзье строит жилой дом в Марселе, так называемую Марсельскую единицу, или Марсельский блок. Многие годы это сооружение считалось одним из самых значимых архитектурных произведений XX века. Сейчас, если оценивать архитектуру как объект любования, то Марсельский блок не из лучших. Тысячи подражаний обесценили его образ. Я хочу доказать, что и сейчас он не потерял своей значимости.

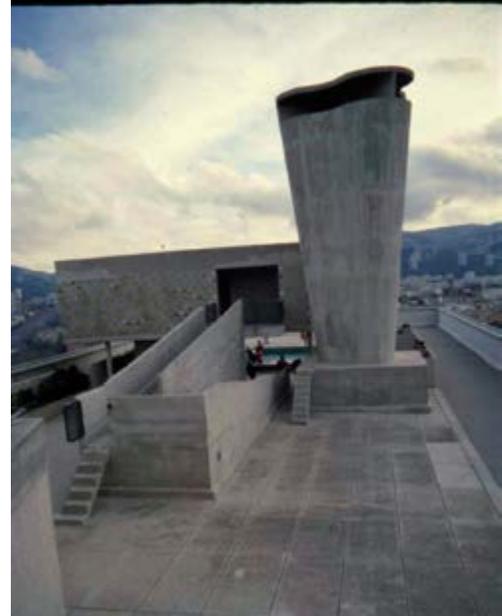
В основе создания Марсельского блока лежат две идеи. Одна – пластическая, идущая, видимо, от вилленблоков, и вторая – социальная, которую можно отнести к советским домам-коммунам двадцатых годов прошлого века. В этой связи заслуживает особого внимания дом

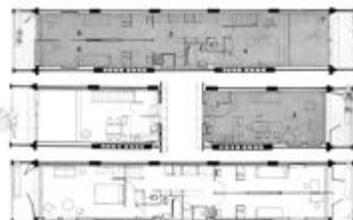
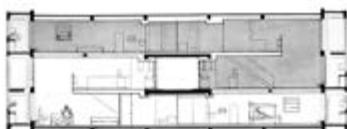
^ Коридор, ведущий в квартиры

^ Внутренняя двухцветная улица

^ Фрагмент пространства крыши

< Планы двухэтажных квартир

М. Гинзбурга и И. Милиниса на Новинском бульваре, где Ле Корбюзье бывал, когда приезжал в Москву в 30-х годах. Пластическая идея прослеживается в структуре дома и его квартирах, социальная – в активном включении в здание общественных пространств.

По «Марсельской единице» можно гулять целый день, находясь в совершенно разных пространствах. Дом пронизывают низкие, длинные коридоры, ведущие в жилые квартиры. Их пластическая сложность создается цветной покраской стен, заглублением входных дверей и ящиками для операций со стиркой белья. Из коридора можно войти в две двухэтажные квартиры. Одна развивается над коридором, другая, под ним. Таким образом, между коридорами расположено два квартирных этажа высотой по 2,28 м. Если мы входим в квартиру, развивающуюся вверх, то перед нами передняя, кухня и гостиная шириной 3,36 м, частично двухцветная. На втором этаже спальня,

нависающая над пространством гостиной и две узкие спальни (детские) шириной по 1,66 м. При входе в узкую спальню, у стены, расположен умывальник, шкаф и кровать. Дальше, ближе к окну, находится рабочий стол и раздвижная стена. С ее помощью можно объединить часть пространства двух комнат. За спальнями и за гостиной находятся глубокие лоджии, поскольку в Марселе очень солнечно. Глубокие лоджии позволяют иметь общую ширину дома более 20 м. Квартира невелика. Главная спальня открыта в двухцветную часть гостиной, поскольку считается, что когда в гостиной многолюдно, хозяева не спят. Я несколько раз побывал в Марсельском блоке. «Я люблю свою квартиру, но жить в ней не очень удобно, – сказал мне один из жителей. – Однако, – добавил он, – для живущей в ней семьи происходит постоянная, контрастная смена ощущений, благодаря чему создается иллюзия сложного, многомерного и вместе с тем приватного

пространства».

Кроме жилья, Марсельский блок имеет четыре уровня общественных зон. Внизу, на уровне земли, находится входной вестибюль и мощные опоры, которые держат все здание. Среди этих опор и примыкающей к ним зелени Ле Корбюзье сумел передать удивительное ощущение мощи, прохлады и спокойствия, свойственное скорее дубовой роще, чем основанию крупного жилого дома. Кроме этого, на части 7-го и 8-го этажа Мастер создает двухцветную улицу, закрытую от лучей солнца лесом вертикальных бетонных жалюзи. На двух этажах этой улицы расположены кафе, рестораны, магазины и даже спортзал. Это совершенно удивительный элемент Марсельского блока. Из низких коридоров с приглушенным электрическим светом житель неожиданно, внутри своего дома, попадает в светлое городское пространство. Но этого мало. Можно попасть на крышу и оказаться в совершенно иной пространственной среде. Это не квартирное хитросплетение, не внутренняя улица с барами и магазинами и не прохладная тень опор. Это вид на великолепный простор, открытый морю, солнцу и зелени.

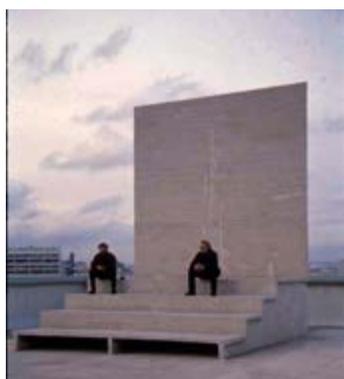
Как и любое произведение Ле Корбюзье, крыша представляет собой уникальную скульптурную композицию. В этой скульптуре удобно разместилась эстрада, детский сад, плескательный бассейн и беговая дорожка. Все работает на пластику. У стоящего на крыше человека создавалось впечатление, что он находится над пропастью,

но, когда он подходил к краю, под ним оказывалась узкая беговая дорожка, опоясывающая весь дом. Дорожка снаружи закрывается стеной выше человеческого роста. Это еще один пространственный изыск. В доме подобных изысков множество. Он насыщен ими от крыши до опор основания. Чего стоит, например, пластика фасадов и их совершенно неожиданная раскраска! Или изящная винтовая лестница в торце фасада. Таким образом, это не просто дом. Пространственных впечатлений может хватить на целый город.

Сейчас дом живет по своим законам. Житель дома говорил, что дом потрясающий, но ни магазинами, ни ресторанами он не пользуется. В ресторане сидят туристы. На крыше бегают дети из других кварталов. На одном из этажей появилась гостиница. Так что работают далеко не все обслуживающие дом системы, придуманные Мастером. Но я часами не мог покинуть здание, телесно ощущая пластику его пространств. Это был удивительный учебник «реальной» архитектуры. В этой связи интересно сравнить изысканные пространства «Марсельской единицы» с близкими по размеру домами в Ясенево или в Бирюлево.

Капелла в Роншане

Это сооружение удивительно что-то мне напоминало. Не остроумные семиотические интерпретации Дженкса и даже не аналогии с псковскими церквями, на которых настаивал Андрей Меерсон, а что-то

^ Эстрада на крыше

^ Фрагмент пространства крыши

^ Наиболее известное изображение капеллы в Роншане. Вид с юго-востока. Справа, на восточной стене, виден открытый алтарь

совсем иное. Позже я понял: его аналог – мегалитический дольмен. Их много в Бретани. Вертикально стоящие огромные камни, перекрытые гигантскими плитами. Иногда круглый вход. Верхний камень лежит неровно – один край выше другого. Щели.

Дольмен чаще всего связывают с гробницей. Но некоторые, наиболее крупные, служили, видимо, жилищем или капищем. Дольмен волнует, поскольку это – исток монументальной архитектуры. Он вне моды, Он вне времени. Он – древнейший акт человеческой воли. Очень подходящий образец для «вечного» творения амбициознейшего зодчего XX века.

Сооружение обладает множеством удивительных пластических изысков. Но, на мой взгляд, самое интересное в этом объекте – наличие внешнего алтаря. Такая простая вещь, а трудно припомнить аналог.

Есть фасадные фрески в южнославянских церквях. Есть временные сооружения для массовых молитв, когда паперть становится алтарем. Но наличие в церкви специально созданного внешнего алтаря, кафедры и аналая – новость. Внешний алтарь довольно прост, но при определенном освещении он удивительным образом приобретает вид фрагмента «лекорбюзерианской» скульптуры, с четко прописанными фигурами грубо измятых форм.

Пасмурно. На кафедре проповедник. Полное ощущение церковного действия. Пусто. Выглянуло солнце, и тени нарисовали трехмерную живописную картину. Подобные мистические переходы архитектуры в скульптуру и живопись невозможно ни описать, ни до конца осмыслить. Особенно сильно они работают с восточного угла алтарной ниши, там, где кривая

^ Южный фасад капеллы. Между башней и стеной – главный вход

стена уходит щелью в небольшую дверь, ведущую внутрь.

Несколько шагов в сторону, и картина резко меняется. С юго-восточного угла начинает мощно работать весь объем. Форма упрощается: видны только белые стены и два ломтя темной крыши. Именно тут возникают ассоциации с дольменом, шляпой, грибом, днищем корабля и т. д. Именно эта угловая точка наиболее запоминающийся образ капеллы.

Южная сторона. Смена декораций. Волнорез, распарывающий пополам крышу, отделяет живописную картину восточной стены от плоскости южного фасада. Южный фасад «работает» контрастами. Высокая световая башня слева от входа; темная тяжелая крыша и потрясающая белая стена, покрытая сетью мелких окон. Между стеной и башней (которую хотелось бы видеть колокольней) в нише находится

главный вход в капеллу. На дверях (воротах) единственная цветная деталь фасада. Это абстрактная картина Мастера, символизирующая, возможно, божественное происхождение системы «модульор». Сине-красная геометрия. Звезда. Руки. Облака.

Северная сторона «сборная». Она явно не парадная, деловая, рабочая. Состоит она из четырех разных частей. Слева открытый алтарь, над которым нависает «кусочек» темной крыши. Далее стена с модульными окнами (близко к южному фасаду). Эту часть фасада пересекает странная железная лестница, напоминающая аварийный выход из кинобудки. Далее две полубашни, фланкирующие ежедневный, рабочий вход в капеллу и закругленная стена, уходящая на западный фасад.

Западная сторона характерна высокой полуцилиндрической световой башней и небольшой лепной выпуклостью, транслирующей своей

^ Северный фасад. Слева виден алтарь

^ Открытый алтарь. Вид с северной стороны

^ Фрагмент северного фасада

^ Главный вход с цветной композицией на тему модулора

^ Западный фасад. Видна одна из башен северного фасада

^ Восточный фасад с открытым алтарем

формой наличие внутренних исповедален. Перед стеной находится странная скульптурная купель, которая должна принимать во время дождя воду с крыши капеллы. Вода поступает через водомет. Это единственная аналогия с готикой. Однако никаких химер. Водомет выполнен в виде длинных буйволиных ноздрей, навеянных, видимо, Индией, поскольку Чандигарх строился одновременно с капеллой.

Капелла, особенно ее интерьер, не выглядит католическим храмом. В традиционном католическом храме нет свободы воли, нет выбора. Ритм колонн, ритм окон, структура перекрытия – все направлено на алтарь, а дальше, через купол, к Богу. В Роншане все нарочито свободно. Недаром Ле Корбюзье считается одним из пионеров принципа свободной планировки зданий. Мастер ставит себя выше традиционного церковного канона. Точно также он поступает с жилыми

домами, виллами, музеями. Он вырабатывает свой стиль, свою систему измерений, свой ордер, свою социальную программу и свой церковный канон. В результате в центре молельного храма он ставит не Бога, а свои пространственные амбиции.

Интерьер капеллы – гимн перетекающим пространствам. Свет и тень в сравнительно небольшом помещении порождают сотни пространственных ощущений. Каждый шаг в сторону открывает новую форму. Формы эти создают удивительный мистический эффект, и, хотя это не традиционный собор, в нем хочется молиться. Божественно-возвышенное настроение создается прежде всего серией проемов в южной стене. Темно. Свет, проходит через узкие цветные стекла. Восемь скамей на небольшом возвышении, слабо освещенные оконцами. Скамьи,

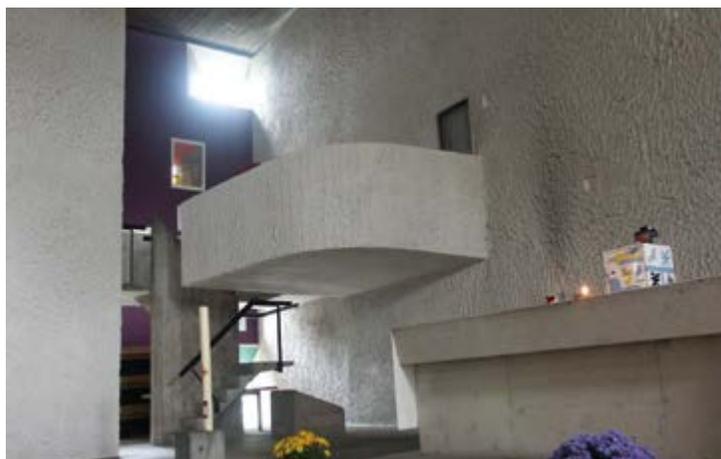
обращенные на восток, находятся в большом пространстве, но, когда садишься на них, оказываешься в некоей изолированной мистической зоне. Впереди алтарь, а вдали окно с распятием. Восточный фасад, тот, что снаружи имеет алтарь, покрыт, словно ночное небо, серией мелких «дырочек». Дырки эти столь малы, что на фасаде их не видно. Но в интерьере они очень активно «работают», особенно солнечным утром. Важная деталь: между крышей и юго-восточными стенами имеется тонкая неровная щель. Эта щель создает сильнейший световой эффект. Благодаря ей огромная крыша не давит, но парит над интерьером.

Чудеса внутреннего пространства капеллы этим не ограничиваются. Под высокой башней рядом с исповедальнями находится молельня с небольшим алтарем, открытая во внутреннее пространство. На-

против в одной из башен северного входа – вторая малая, изолированная, молельня. Мощный верхний свет растворяется в пространствах этих молелен и затягивает людей из темноты интерьера. Успокаивает. Гипнотизирует. Завораживает.

Несколько неожиданно выглядит северо-восточный угол капеллы с алтарем и хорами, напоминающий фрагмент жилого интерьера. В качестве мелких деталей в этой зоне хороши световые окна северного фасада и ритм ступеней обратной стороны лестницы, ведущей на кафедру.

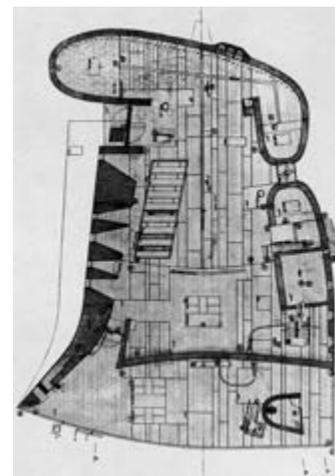
Описание капеллы, которое я привел, естественно, не дает никакого представления о том, что ощущает человек, осваивая постройку глазами и телом. Музыка можно записать. Записывают балетные движения. Планы, разрезы, фасады, архитектурного сооружения тоже записывают, но пространственные

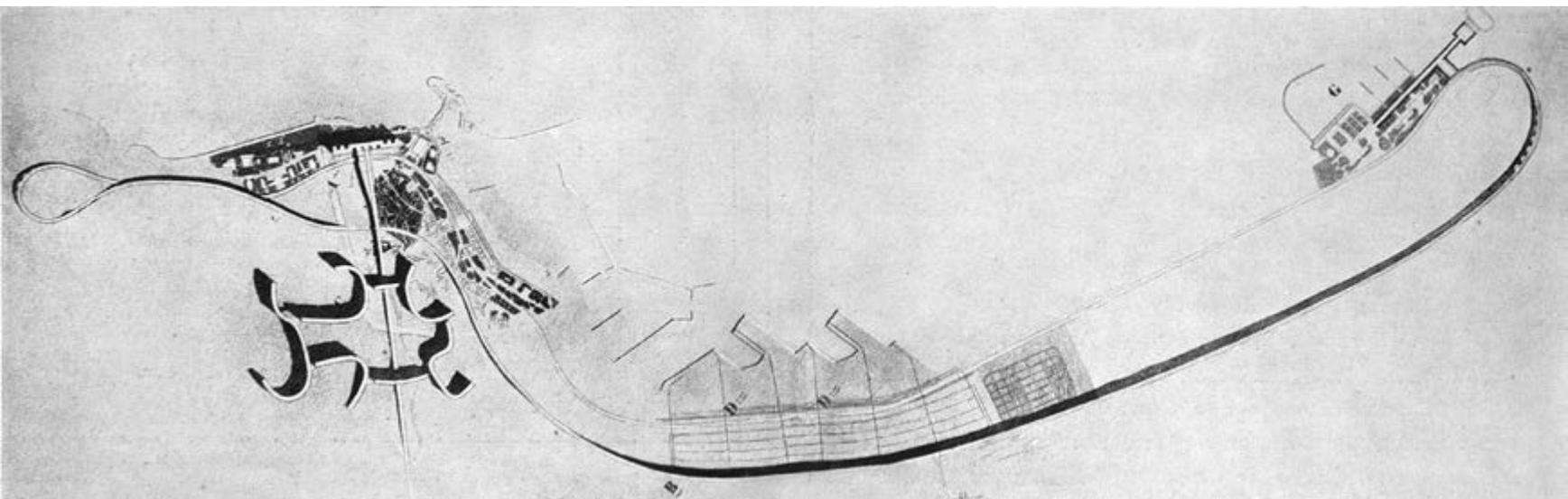
^ Северо-восточный угол интерьера капеллы

^ Кафедра на северной стене интерьера капеллы

^ План капеллы в Роншане

^ План проекта реконструкции Алжира

эмоции адекватно транслировать другому человеку пока невозможно. Даже в кино.

Я ежедневно вижу десятки великолепных компьютерных анимаций. Их количество множится. Чем их больше, тем скорее они обесцениваются. Имея удобные проектные компьютерные программы и бесконечное число построенных образцов, легко компилировать любые формы. Но качество реально построенного объекта всегда будет определяться парадоксами перетекания пространств, форм и поверхностей, а не чертежами и «трехмерками». Японцы толпами водят школьников на экскурсии по шедеврам современной архитектуры, приучая в натуре ощущать игру пространств. Для культурного человека это также необходимо,

как слушать музыку и воспринимать живопись.

Убежден, что в ближайшем будущем невозможно будет инструментально моделировать пространственные ощущения. Вот тут придется вспомнить о великом Мастере и его удивительном свойстве формировать в своей душе пространственные переживания, а затем виртуозно воспроизводить их в натуре. Тогда и наступит новый век славы Роншана, виллы Савой и Марсельского блока, как наступил век возрождения Барселонского павильона, находившегося в забвении многие десятилетия.

Реконструкция Алжира

Ле Корбюзье не был ортодоксом. За свою долгую жизнь он не боялся менять свои предвзятые идеи. В

начале творческого пути он проповедовал примат прямого угла. Но позже его захватила магия кривых форм, и он построил пластический павильон фирмы «Филлипс» и капеллу в Роншане.

В градостроительстве он также поначалу культивировал прямые линии. Кривые дороги он называл «дорогой осллов». Так он проектировал Lavillerradieuse, реконструкцию Парижа и реконструкцию Москвы. Но позже Мастер оставил идею сетчатых систем и «марширующих высоток». Он предложил элегантную реконструкцию Алжира, полностью построенную на кривых линиях. В этом проекте его увлекла идея пустить транспорт по крышам жилых домов. То есть крыши отдельно стоящих зданий он озеленял, а по домам, сочлененным в линейные системы, предлагал пустить транспорт. Так появился удивительный проект развития города Алжира. Вообще тогда идея активного использования крыш витала в воздухе. Вспомним хотя бы комплекс заводов «Фиат», где на крыше сборочного цеха была построена трасса для испытания автомобилей. Но на практике этот прием оказался нежизнеспособным. И дело не только в том, что колесные вибрации расшатывали конструктивную основу зданий. Сложна была связь с землей, осуществляемая лифтами; появлялась проблема стоянок, а также проблемы противопожарной безопасности. Все это делало проекты с использованием крыш малоэффективными. Но в проекте Алжира нечто подобное было

предложено впервые и, несмотря на перечисленные недостатки, изящный линейный дом-город алжирского проекта восхищает и еще многие годы будет восхищать зодчих всего мира. В этот же период он делает еще два проекта южноамериканских городов Монтевидео и Сан-Паулу, в которых также по крышам должен был идти транспорт, но в них не наблюдалось алжирского изящества.

Позже появились планы небольших городов – Злина и Нимура. В этих проектах он применял однотипные жилые блоки, на манер «марсельских единиц», которые ставил среди зелени в строгом порядке, как военные корабли на рейде. Многие десятилетия эти проекты являлись объектом бесконечных подражаний в архитектурных бюро всего мира. Я считаю, что московские конкурсные проекты тех лет, а также некоторые зоны пятиэтажных застроек, испытали на себе влияние планировок Злина и Нимура. Но Ле Корбюзье не был бы Великим Мастером, если бы ограничился только этим.

Чандигарх

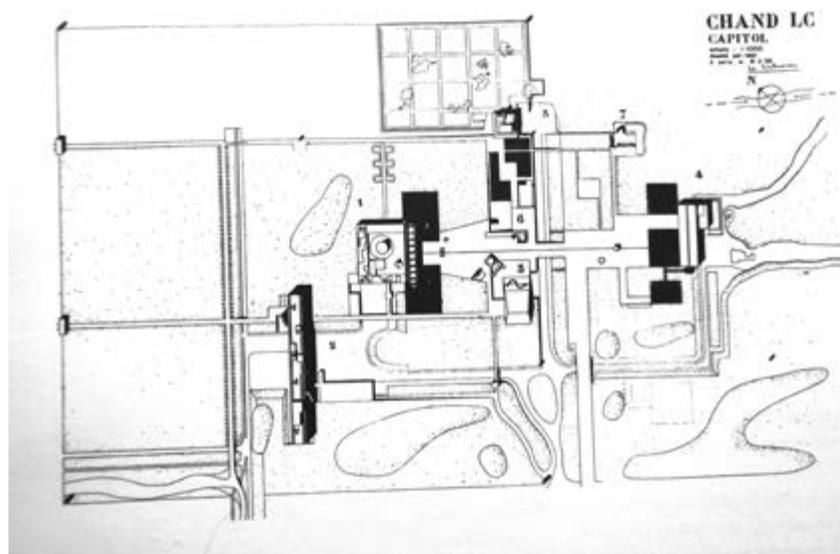
Как мы видим, Мастер постепенно стал отходить от ортодоксального преклонения перед прямым углом. Самая известная градостроительная работа, созданная Ле Корбюзье после Lavillerradieuse, это проект города Чандигарха, столицы индийского штата Пенджаб. Структура города сетчатая. Но сетка не подчинена жесткой геометрии. Она «живая» и в меру криволинейна. Транспорт-

^ Перспективный вид проекта реконструкции Алжира. На первом плане дом-дорога

^ Планировка Чандигарха

^ Планировка центра Чандигарха

ные потоки и пешеходное движение разделены. Город пронизывают озелененные бульвары свободной планировки. Таким образом, демонстрируется отказ от традиционного, «дорожно-тротуарного» города, господствовавшего в те годы. Простая и логичная градостроительная структура Чандигарха на многие десятилетия определила принципы проектирования городов. Даже советские микрорайоны, английские, шведские и финские города-спутники испытали на себе влияние четкой и логичной «чандигархской» планировки.

Но Чандигарх знаменит не только городской планировкой. Ле Корбюзье спроектировал и построил уникальный административный центр этого города, неожиданно расположив его на периферии основной планировочной сетки. Фактически за городом. Этим он подчеркивал, что потребительские функции должны быть внутри города, а властные вне него. Планировочная структура центра демонстрирует отказ от простых сетчатых схем. Но сложноподчиненная сетка все же присутствует. Эта сетка, как и структура всех зданий центра, строго подчинена новой системе координат, вытекающей из созданного им модулера.

Описывать сами здания центра Чандигарха – неблагодарное занятие. Комплекс перенасыщен пластикой, совершенно нехарактерной для ранних работ Мастера, хотя, возможно, в Индии подобное решение вполне уместно. К сожалению, судить об архитектурных достоин-

ствах этих сооружений, не увидев их в натуре, невозможно.

Архитектура Чандигарха не имеет ни аналогов, ни полноценных подражаний. Частично это объясняется тем, что в центре Чандигарха Ле Корбюзье создал уникальный мир пластических форм, который должен был символизировать индусскую национальную архитектуру. Или, что еще невероятнее, стать ею! «Замах» на создание национального стиля в стране с древнейшими архитектурными традициями – очень смелый творческий шаг. Многие считают, что это ему удалось.

Я не был в Чандигархе. Говорят, что через несколько лет после постройки бетон пошел пятнами, перекрытия стали протекать (сильнейшие дожди). Многие части зданий пришли в негодность. Сказались примитивные строительные технологии. Одно время центр Чандигарха даже хотели снести. Но сейчас дома приведены в порядок, и этот комплекс стал одним из желаемых туристических объектов Индии.

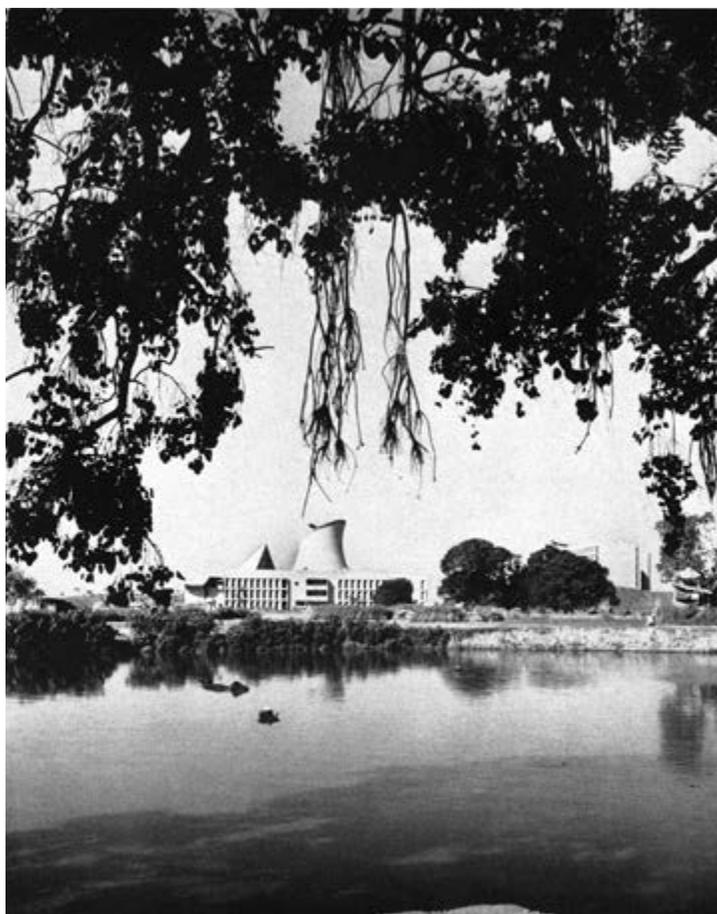
Заканчивая краткую статью о великом Зодчем XX века, можно добавить, что описываемые работы Ле Корбюзье – это лишь малая толика того, что он создал. Его вклад в архитектуру неоценим. Многие его работы дали начало целым направлениям в архитектуре. Он оказал огромное влияние на творчество советских архитекторов. И не только на них. Например, сложное и многогранное творчество так

называемой американской пятерки (1973 год) опиралось на работы Мастера. Особенно это относится к ранним работам Питера Айземана.

Около ста лет Ле Корбюзье задавал тон в архитектуре, градостроительстве, архитектурной теории, стилистике, живописи и даже скульптуре. Но самое главное, он один

из тех, кто положил начало тому безбрежному явлению, которое мы сейчас называем «современная архитектура». И, естественно, такие «ренессансные» личности не должны быть забыты.

Илья Лежава / Ilya Lezhava

^ Вид зданий центра Чандигарха

Национальная высшая архитектурная школа Страсбурга и архитектурный факультет Технического института Карлсруэ совместно с Санкт-Петербургским национальным исследовательским университетом информационных технологий, механики и оптики организовали Объединенную градостроительную студию для разработки проекта трансформации южного промышленного пояса Санкт-Петербурга. В перечень ключевых вопросов, которые предстоит разобрать на совместных мастерских в ноябре 2015 года, входят: устойчивое развитие постиндустриальных ландшафтов и превращение их в привлекательные городские районы, с использованием новых программных и пространственных возможностей и учетом атмосферы места и уникальных географических характеристик Санкт-Петербурга; новое применение промышленных сооружений и их адаптация к новым видам деятельности; проектирование пространственных структур для оживленных кварталов смешанного использования, где будут находиться жилые и офисные здания, отвечающие различным потребностям и уровням благосостояния.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, постсоциалистический город, промышленный пояс, городская трансформация, сотрудничество университетов, ENSAS, KIT, Университет ИТМО. /

Together with ITMO University of St. Petersburg, the National Superior School of Architecture of Strasbourg (ENSAS) and the Faculty of Architecture of the Karlsruhe Institute of Technology (KIT) set up a Collaborative Urban Design Studio on the transformation of the southern industrial belt of St. Petersburg. The sustainable redevelopment of post-industrial landscapes into attractive urban districts through new programmatic and spatial possibilities taking into account the sense of place and the unique characteristics of St. Petersburg's urban geography, the reuse of industrial structures and their adaption to new activities, the designing of spatial structures for lively mixed-use neighbourhoods with housing and work facilities meeting different needs and incomes, are some of the key issues for a common workshop scheduled in November 2015.

Keywords: St. Petersburg; post socialist city; industrial belt; urban transformation; university collaboration; ENSAS; KIT; ITMO

Трансформация наследия промышленного строительства Санкт-Петербурга Варианты будущего развития южного промышленного пояса /

< Обводный канал, недалеко от Балтийского вокзала, 2012 г. Представляет собой канализированный водный путь, не имеющий каких-либо особых городских или экологических черт / The Obvodnij Canal close to the Baltiskij train station. In its current state a canalized waterway without urban or environmental qualities. Author: Christian Horn / 2012

реорганизация, взявшая начало в эпоху социалистической плановой экономики, привела к процессу городской трансформации, который можно наблюдать в современном развитии социальной и пространственной структуры внутри и за пределами исторического центра.

Об этих изменениях свидетельствует растущий раскол между небольшой группой богатых людей и огромным количеством живущих за чертой бедности. Процесс социальной дезинтеграции задал новые темпы рынку жилищного строительства и привел к пространственному разъединению социальных групп. Некоторые районы центрального Петербурга все быстрее превращаются в эксклюзивные жилые районы. Растет пригород, застраиваемый различными жилыми комплексами и отдельно стоящими коттеджами, что делает городское развитие нерегулируемым и бесконтрольным. В то же время ощущается нехватка доступного жилья для населения с низким уровнем дохода.

Другое осязаемое изменение в городском пространстве Санкт-Петербурга выражается в стремительном росте числа личного

ТЕКСТ

Барбара Энгель
Кристиан Хорн
Фолкер Зиглер
Николас Рогге
Арина Сендер /
text
Barbara Engel
Christian Horn
Volker Ziegler
Nikolas Rogge
Arina Sender

Город в процессе изменения: градостроительные перспективы и задачи Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург – второй по величине город в России, где, согласно данным за 2015 год, проживает около 5,2 млн человек. Город считается культурной столицей России и имеет уникальный ландшафт, который формируют каналы и исторические здания. Около 4 000

гектаров центральной части города и целый ряд объектов за ее пределами занесены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Однако Санкт-Петербург и его округ не перестают меняться. Серьезными изменениями ознаменовался период, наступивший после распада Советского Союза в 1991 году. Социально-экономическая и административно-политическая

A city in transition – Perspectives and challenges of urban development in St. Petersburg

St. Petersburg is the second biggest city of Russia with approx. 5,2 million inhabitants in 2015. It is famous as the cultural capital of Russia with its unique urban landscape composed of waterways and historical buildings. About 4000 ha of the central part of the city are actually listed as a UNESCO World Heritage Site together with numerous sites outside of the city centre.

But St. Petersburg and its metropolitan district are changing. Since

the dissolution of the Soviet Union in 1991, the city is undergoing a period of significant changes. A socio-economic and political-administrative reorganization is taking place since the socialist planned economy era, leading to a process of urban transformation that can be observed in recent developments of the social and spatial structure of the city in and outside of the historical centre.

These changes can be observed in the growing polarization between wealth, concentrated in a small number of hands, and poverty affecting a large part of the population. This

social disintegration process led to new dynamics in the housing market and the spatial separation of social groups. Some districts of downtown St. Petersburg are increasingly turning into exclusive residential areas. A growing suburbia with various private housing complex developments and detached houses are a source of a spreading, unregulated and uncontrolled urban development. At the same time, affordable housing for the low-income population is lacking.

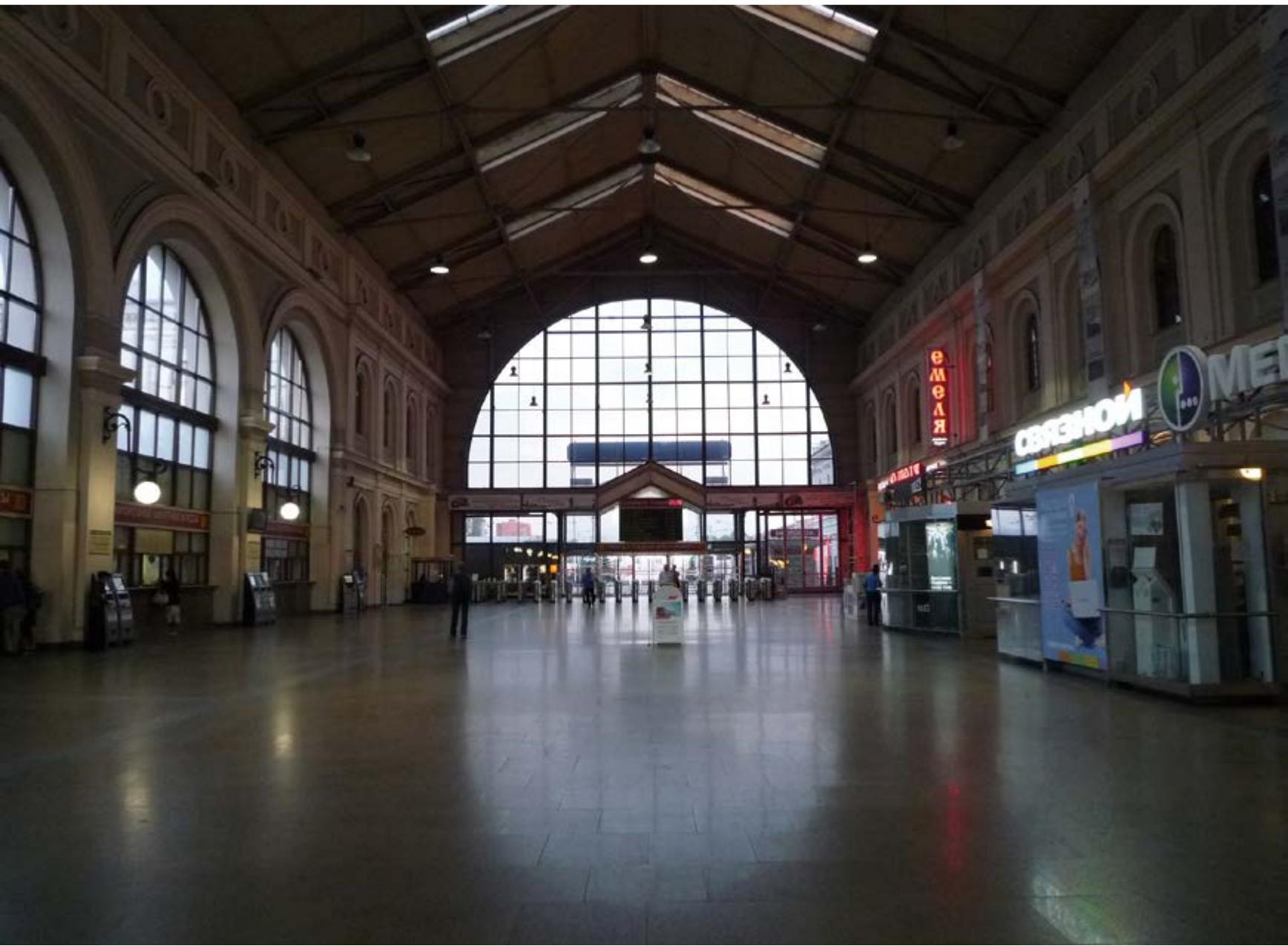
Another evident change in the urban space is the tremendous growth of private cars in St. Petersburg since

the 1980s, resulting in important road traffic problems. During the last 30 years, private car ownership has risen from 5,5% (per 100 residents) in 1985 to approx. 30% in 2010, and is likely to rise to 40% in 2020. The road network is hopelessly overloaded and the inner-city traffic collapses almost every day, whereas public transport is still insufficient and does not really offer an alternative way of transport.

Another recent phenomenon is directly connected with the changing economic situation. In the central districts, industrial production

Transforming industrial heritage in St. Petersburg Possible futures for the southern industrial belt

в Внутренний вид Балтийского вокзала в часы наименьшей нагрузки. Главный транспортный узел южного промышленного пояса Санкт-Петербурга. Автор фото – Кристиан Хорн, 2012 / The interior of the Baltiskij train station out of peak hour. A major transport hub for the southern industrial belt of St. Petersburg. Author: Christian Horn / 2012

^ Различные переходные виды использования южного промышленного пояса. Логистика, коммерческие функции наряду с неиспользуемыми пространствами. Автор фото – Кристиан Хорн, 2012 / Different transition uses developed in the southern industrial belt. Logistics, commercial functions besides unused spaces. Author: Christian Horn / 2012

^ Железнодорожный музей Санкт-Петербурга, в 2012 году располагавшийся за бывшим Варшавским вокзалом. В ближайшем будущем будет перенесен на преобразованный участок вблизи Балтийского вокзала. Автор фото – Кристиан Хорн, 2012 / The Railway museum of St. Petersburg was situated behind the former Varshavskiy railway station in 2012. It will be moved in a renovated site close to the Baltiskij rail station in the near future. Author: Christian Horn / 2012

автотранспорта, начавшемся с 1980-х и приведшем к серьезным дорожно-транспортным проблемам. За последние 30 лет число автовладельцев выросло с 5,5 % (на 100 жителей) в 1985 году до 30 % в 2010, а к 2020 году, вероятно, поднимется до 40 %. Дорожная сеть безнадежно перегружена, транспортные заторы в центральной

части города случаются практически ежедневно, но в то же время испытывается недостаток общественного транспорта, который все еще не может считаться альтернативным способом передвижения.

Еще одно явление напрямую связано с меняющейся экономической ситуацией. В центральных районах закрываются промышленные

предприятия, создавая вакантные пространства, которые необходимо использовать по-новому. Однако в период неясных экономических прогнозов риск возможного загрязнения окружающей среды служит препятствием к их развитию. Экологические аспекты, такие как сохранение зеленых территорий, водного пространства и открытого

ландшафта, зачастую не являются предметом особого внимания проектов, связанных с городской трансформацией.

В 2005 году был принят новый стратегический план «Стратегия-2030», который определил пять основных целей городского развития Санкт-Петербурга: сохранение статуса культурного центра,

facilities are closing, creating vacant areas waiting for reuse, but in times of uncertain economic prevision, the risk of possible ground pollution is a drawback for their redevelopment. Environmental issues such as the preservation of green areas, water space and open landscape generally do not stand in the focus of urban transformation projects.

Strategy 2030, the new planning framework approved in 2005, defines five main goals for the urban development of St. Petersburg: maintaining the city's position as a cultural centre, spreading its reputation

as a scientific educational centre, attracting high-tech industries, increasing tourism and enhancing the transport system. Strategy 2030 focuses on issues such as housing, the transformation and translocation of industrial areas as well as large infrastructure projects like the extension of metro lines, tunnels, highways and bridges in order to guide the current discussion towards a socially balanced sustainable urban and economic development, but the process how to get there is not clearly visible.

An academic collaboration – the French-German-Russian Collaborative Urban Design Studio

Continuing the investigations of previous years on metropolitan areas touched by crises or undergoing radical changes, the National Superior School of Architecture of Strasbourg (ENSAS), the Faculty of Architecture of the Karlsruhe Institute of Technology (KIT) and the ITMO University of St. Petersburg are coping with these issues by organizing a Collaborative Urban Design Studio on the transformation of the southern industrial belt of St. Petersburg, with the sup-

port of the St. Petersburg Committee for City Planning and Architecture and the planning office LabGrad.

The studio's design approach is based on preparative works on observation, survey and project tools and methods. During the 10-days of workshop in November 2015 in St. Petersburg, it leans upon a patient exploration and an accurate observation of the project area and its surroundings, which makes it possible to formulate project issues and strategies. In a second step, fragmentary scenarios are being elaborated, capable of fitting into a

получение признания в качестве научно-образовательного центра, привлечение высоких технологий, развитие туризма и улучшение транспортной системы. «Стратегия-2030» уделяет особое внимание таким вопросам, как жилищное строительство, трансформация и перенос промышленных участков, а также большим инфраструктурным проектам, включающим расширение линий метро, туннелей, магистралей и мостов, чтобы задать направление к социально сбалансированному устойчивому городскому и экономическому развитию. Однако сам процесс достижения этого результата определен еще недостаточно четко.

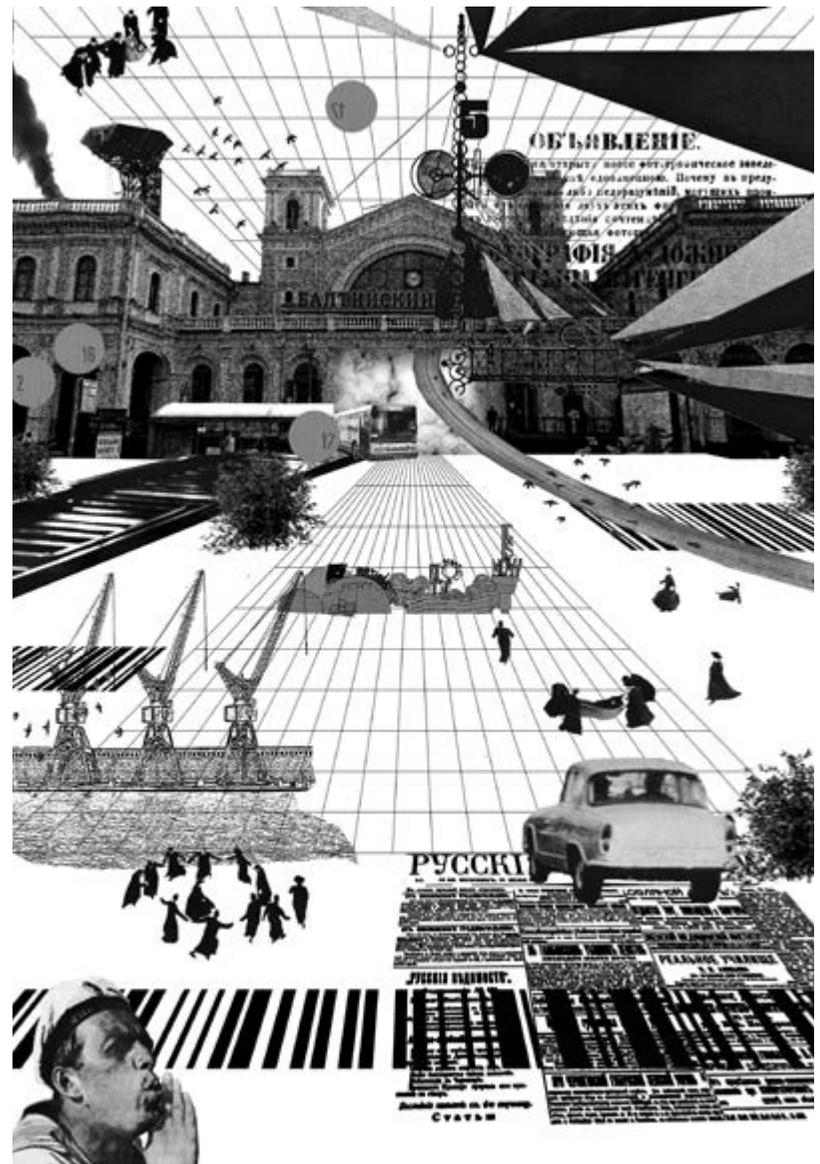
Академическое сотрудничество: франко-германо-русская Объединенная градостроительная студия
Продолжая предыдущие исследования агломерации, на которых сказался кризис и происходящие радикальные перемены, Национальная высшая архитектурная школа Страсбурга (ENSAS), архитектурный факультет Технического института Карлсруэ (KIT) и Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных

технологий, механики и оптики (Университет ИТМО) организовали Объединенную градостроительную студию для разработки проекта трансформации южного промышленного пояса Санкт-Петербурга. Поддержку данного проекта оказывает Комитет по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга и проектная мастерская «ЛабГрад».

Студия применяет подход к проектированию, основанный на подготовительных работах, которые включают обзор, исследование, а также разработку инструментов и методов проектирования. Десятидневная работа мастерских в Санкт-Петербурге, запланированная на ноябрь 2015 года, направлена на тщательное исследование участка и окружающей территории, которое позволит сформулировать задачи и стратегии проекта. Вторым шагом будет разработка детального плана, который будет соответствовать масштабному видению и предоставит возможные варианты будущего развития, положит начало новым идеям и новым проектам и объединит несколько сфер исследования, таких как общественное пространство, различные виды деятельности, жилищное строительство и т. д.

< Большие открытые пространства, используемые только в качестве парковок. Недостатки проектирования городской среды и низкая плотность населения не способствуют интенсивному социальному использованию открытых пространств. Автор фото – Кристиан Хорн, 2012 / Large open spaces have no uses beside parking. The lack of urban design and the low population density does not encourage a more intensive and social use of open spaces. Author: Christian Horn / 2012

> Коллаж, передающий впечатление от южного промышленного пояса. Авторы – Юго Бертран, Ноэль Пикапе, 2015 / Collage and overlay of the images, impressions of the southern industrial belt. Authors: Hugo Bertrand, Noël Picaper / 2015

global vision anticipating “possible futures”, initiating new ways of thinking and new design processes, or combining different fields of investigation such as public space, activities, housing etc.

Exploring the scales ranging from architectural objects to geographical and landscape structures, the studio aims to anticipate the condition “real” urban design projects have to deal with.

Working in mixed French-German-Russian teams, the 52 students are leading an urban study on the territorial, urban and neighbour-

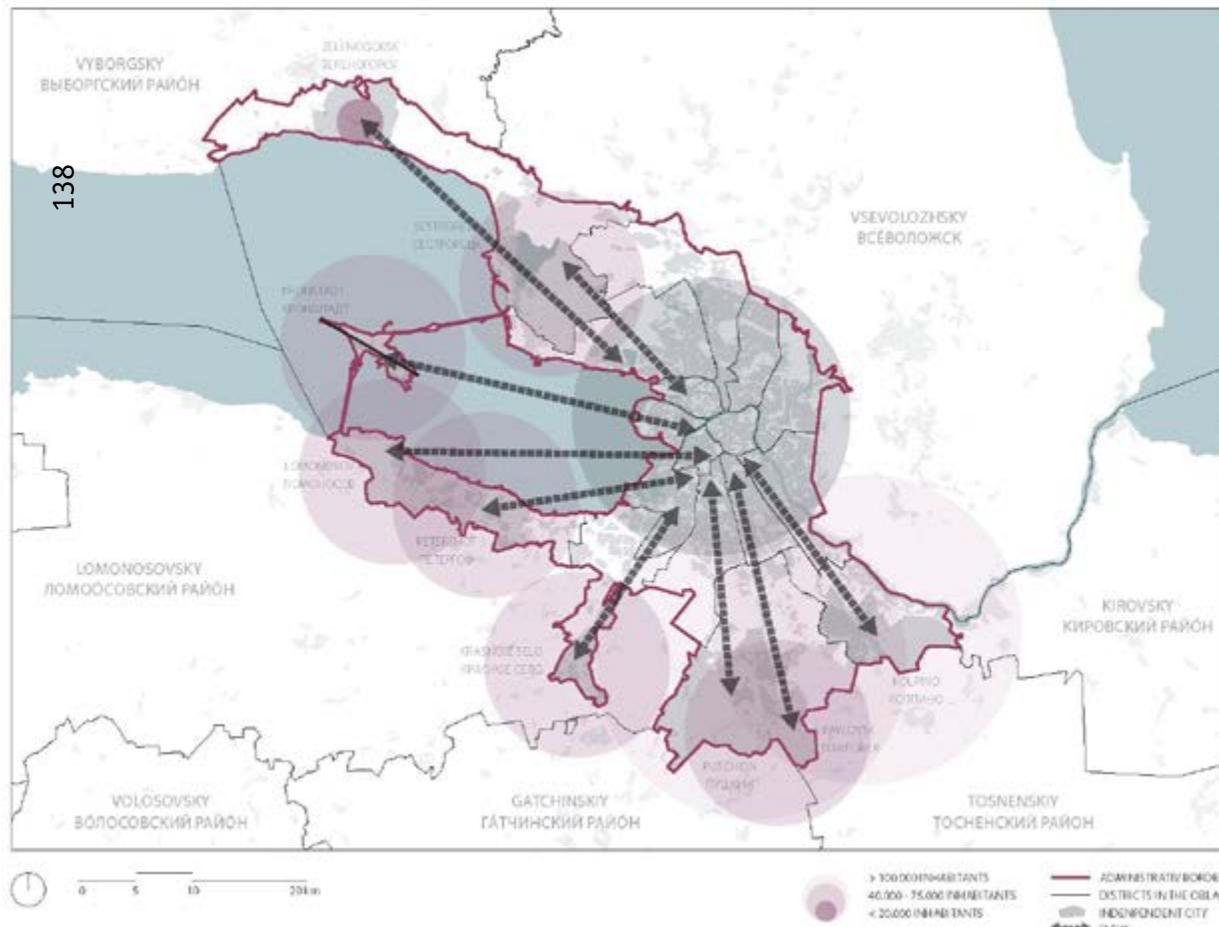
hood scale of a St Petersburg area in transformation, taking into account the interactions between the urban fabric and its inhabitants. In doing so, the foreign students are confronted with a new cultural and historic context and encouraged to analyze and understand the urban areas in a dialogue with their Russian fellow students. Together, they identify the strengths and weaknesses of the site and develop strategies and proposals for its urban development.

The project site – the southern industrial belt of St. Petersburg

The site is located on the southern edge of the historical centre, within the industrial belt surrounding the centre with massive redbrick buildings, chimneys and railway tracks. This industrial landscape was mostly built between 1850 and 1910, during a period of an important growth of industrial and military technologies in Russia. St. Petersburg was then amongst the leading industrial cities in Europe. As a centre for innovation and technical progress, the city was

the basis for the entire industrial development of Russia.

As the city grew, the outer limits of the industrial belt around the city centre were gradually encircled by new mass housing districts. What was originally the city's outer border, became a central periphery. In this distinct belt, framed between the imperial centre and the Soviet suburbs, the city's narrative blurs. Today, the area is characterized by diversity and fragmentation. Some parts are still in industrial use, some are vacant or with a transitional use, as a result of

Изучая широкий ряд вопросов, начиная с архитектурных объектов и заканчивая географическими и ландшафтными структурами, мы стремимся предвидеть те условия, в которых предстоит развиваться градостроительным проектам.

Пятьдесят два студента из Франции, Германии и России, работая в смешанных командах, начали исследование трансформируемого участка в территориальных, городских и районных масштабах, принимая во внимание взаимодействие городской среды и местных жителей. Сталкиваясь с новым культурным и историческим контекстом, иностранные студенты стремятся анализировать и понимать городскую среду в тесном диалоге со студентами из России. Вместе они определяют сильные и слабые стороны участка и разрабатывают стратегии и предложения по его развитию.

Объект проектирования – южный промышленный пояс Санкт-Петербурга

Южную границу исторического центра Санкт-Петербурга окружает промышленный пояс, на территории которого расположились массивные кирпичные здания, трубы и железнодорожные пути. Формирование этого индустриального ландшафта пришлось на период с 1850 по 1910 год, когда наблюдался стремительный рост промышленных и военных технологий в России. Санкт-Петербург был в то время одним из ведущих промышленных городов Европы. Будучи центром

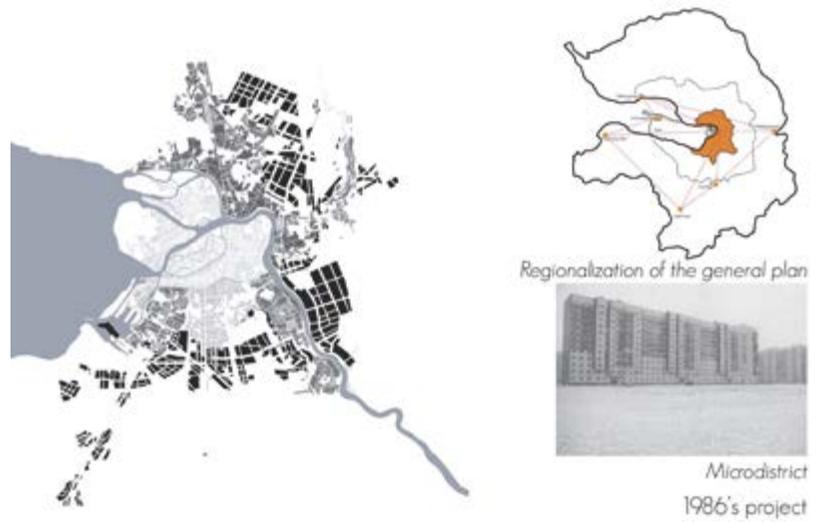
^ Перемещения между центром метрополии Санкт-Петербурга и близлежащими городами с пригородами. Авторы – Селин Бушир, Марлен Дорбаш, Катарина Граф, 2015 / Movements between the metropolitan centre and the outskirts and nearby cities of St. Petersburg. Authors: Céline Bouchire, Marlène Dorbach, Katharina Graf / 2015

the economic recession that followed the dissolution of the Soviet Union.

Many of those industrial territories are occupying very convenient positions close to public transport infrastructure and parts of potentially attractive landscape elements like rivers and canals. There are multiple barriers of transport infrastructure (railway tracks, roads) cutting the area off from its surroundings and creating inside barriers, but on the same time offering a high potential for a future public transport network. As urban development is constantly demanding additional areas for new

functions, the potential of post-industrial territories is increasingly being recognized. The former industrial territories serve as a reserve that can relieve pressure off the historic centre and accelerate the process of urban space and landscape regeneration.

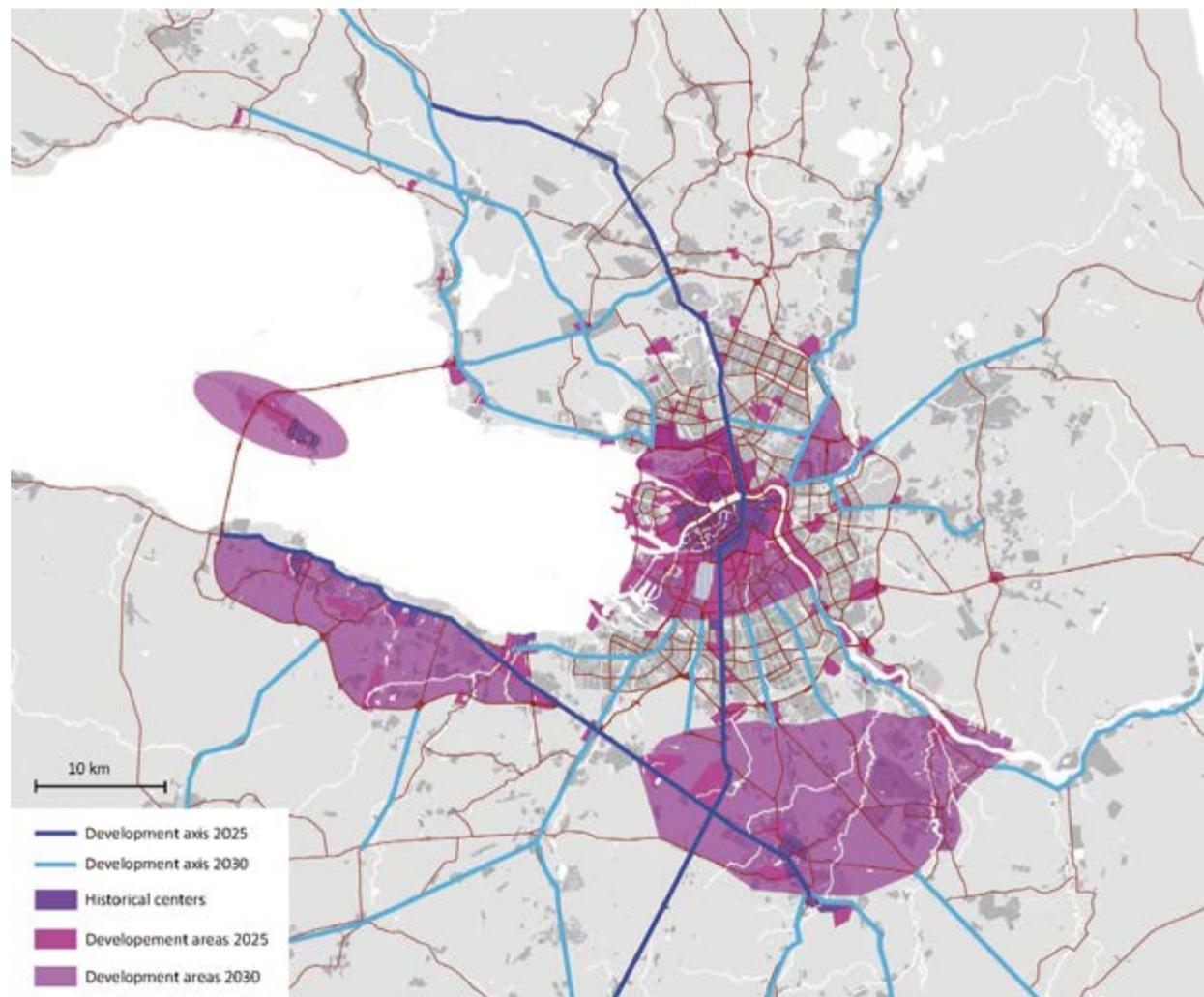
In order to improve the existing situation, the landscape of the "grey" belt, where old industrial buildings are for a long time surrounded by ecologically non balanced, aesthetically non attractive and functionally non effectively used open spaces, also becomes a subject for scientific

^ Массовое жилищное строительство 1980-х, основанное на концепции микрорайонов. Авторы – Лоик Ольмедо, Марион Спенле, 2015 / The development of the outer mass housing districts in the 1980s, based on the concept of Microdistricts. Authors: Loic Olmedo, Marion Spenle / 2015

инновационного и технологического прогресса, город обеспечивал основу развитию всей российской индустрии. С ростом города внешние границы промышленного пояса, прилегающие к городскому центру, постепенно обрамлялись новыми жилыми районами. То, что сначала было внешней границей города, стало центральной периферией. На этом четко выраженном поясе, проходящем между императорским центром и советскими пригородами, история города приобретает неясные очертания. Сегодня эта территория характеризуется разнородностью и фрагментацией. Одни ее части все еще имеют промышленное использование, другие либо пустуют, либо имеют переходное назначение в результате экономического спада, который последовал за развалом Советского Союза.

Многие промышленные участки имеют очень удобное положение вблизи от инфраструктуры общественного транспорта и потенциально привлекательных элементов ландшафта, таких как реки и каналы. Существует множество препятствий (железнодорожные пути, дороги), отрезающих территорию от ее окружения и создающих внутренние барьеры, но в то же время дающих большой потенциал для будущей сети общественного транспорта. Поскольку городскому развитию постоянно требуются дополнительные территории для наделения их новыми функциями, потенциал постиндустриальных зон все больше пользуется спросом. Бывшие промышленные территории

^ Прогноз городского развития, основанный на стратегии развития Санкт-Петербурга до 2030 года. Авторы – Симон Кранц, Пьер-Баттист Тартас, 2015 / The foreseen urban development based on the St. Petersburg Strategy Plan 2030. Authors: Simon Crantz, Pierre-Baptiste Tartas / 2015

градо

research. The problem has recently become even more urgent, as new constructions are actively invading the historic centre. Situated at a distance of 4 km from the Hermitage Museum and marked by a highly diversified urban fabric, the southern industrial belt offers a large potential to initiate a responsible and sustainable urban transformation process. Different projects planned and under construction in the area are indicators for the rising land values.

Main issues – city and water, mixed areas and proximity, landscape, climate and energy

The main task of the studio will be to work out a concept for urban development of the southern industrial belt. The urban layout shall include an idea for the built structures as well as for the landscape and open spaces. Can existing buildings and constructions (and which ones) be converted for new purposes? What functions are needed? How to transform the former mono-structured districts into vital neighbourhoods? Issues such as spatial connectiv-

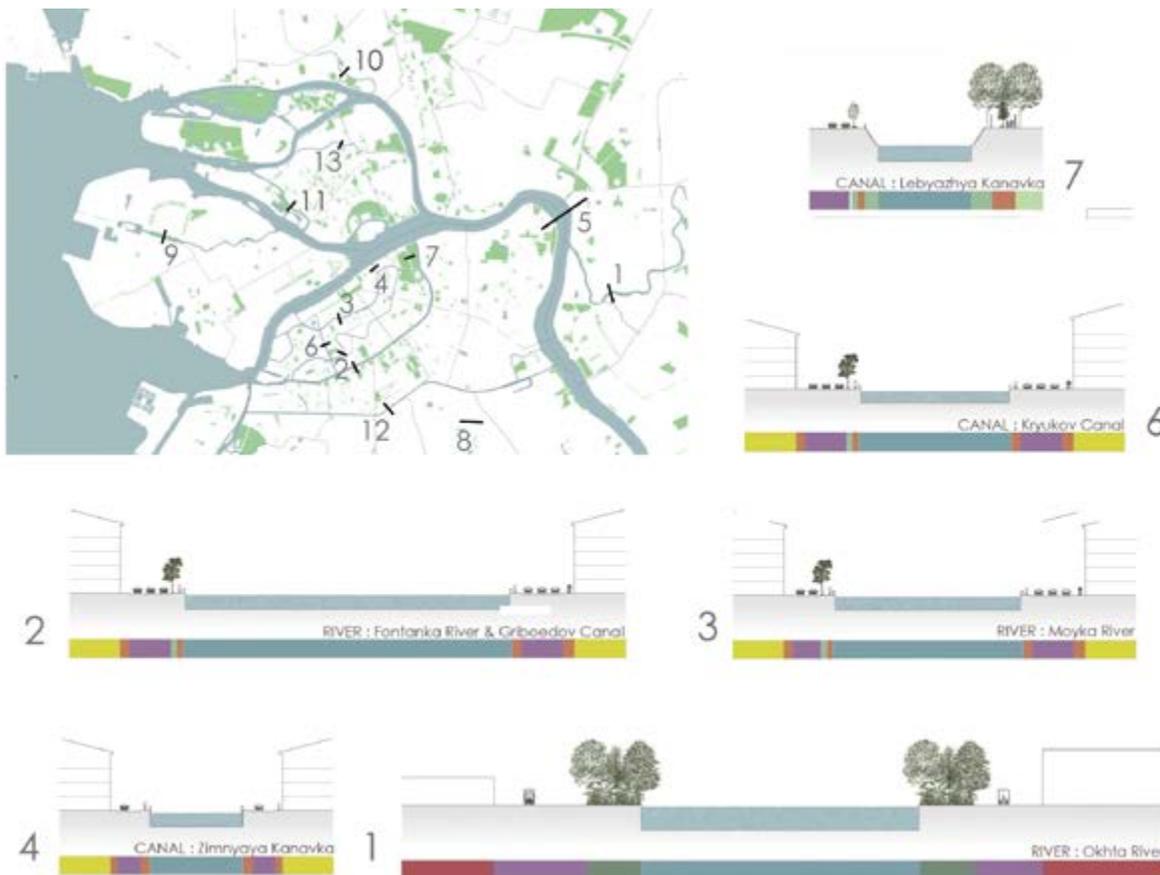
ity and networks, new forms and organization of mixed-use building structures, natural/landscaped areas and public space will play a crucial role.

In order to develop an urban transformation strategy and a spatial concept for the area, the following issues have to be taken into account:

City and water – Water is an essential part of the origin and identity of St. Petersburg. The changing relationships between the built areas and the water had been an important factor in the evolution of the urban forms. Relationship between the

city and its waterfronts, canals and rivers has to be reconsidered – there is a lot of potential to use the water as “asset”, for “place-making” or creating a unique address.

Mixed areas and proximity – Sustainable development and a lively urban district need a maximum of multiple functions and uses within a diversified and compact urban structure. Attractive, functionally and socially balanced neighbourhoods are important requirements for the quality of urban space and urban life. It is essential to offer different housing typologies for different

служат резервом, который может снизить нагрузку, имеющуюся в историческом центре, и ускорить процесс регенерации городского пространства и ландшафта.

Чтобы улучшить сложившуюся ситуацию, в рамках научного исследования необходимо рассмотреть и ландшафт «серого» пояса, где старые промышленные здания долгое время были окружены экологически несбалансированными, эстетически непривлекательными и функционально неэффективными открытыми пространствами. Сейчас проблема стала еще более насущной, так как новые постройки стали активно захватывать исторический центр. Находясь в четырех километрах от Эрмитажа и имея разнообразную городскую застройку, южный промышленный пояс может дать большой потенциал для начала ответственного и устойчивого процесса городской трансформации. Индикатором растущей ценности этой территории служат различные проекты, находящиеся в стадии разработки или реализации.

Главные вопросы: город и вода, смешанные территории и близость, ландшафт, климат и энергия

Главной задачей студии станет разработка градостроительной концепции южного промышленного пояса. В рамках проекта будут предложены идеи по обустройству открытых пространств и ландшафта, а также по строительству сооружений. Можно ли трансформировать существующие постройки (и какие)

^ Разрезы некоторых рек и каналов Санкт-Петербурга. Авторы: Мартин Фийатр, Шлоэ Ковальчик, Кристина Ламбру, 2015 / Sections of some rivers and canals of St. Petersburg. Authors: Martin Filliatre, Chloé Kowalczyk, Christina Lambrou / 2015

needs and incomes. How can new synergies of working and living spaces be created?

Landscape, climate and energy – Attractive urban and green spaces are basic elements of a comprehensive public image and promote identification with the city. Energy consumption is an important subject all over the world. Resources are not unlimited and pollution and climate change is a reality. But the question of saving natural resources is not only limited on gas and oil, but have to be extended to all materials, products and forms of consumption. The

coming challenge is to develop urban areas based on the notion of closed circuits and the necessity of reduce, reuse and recycling.

Beside the spatial concept shall be discussed strategies of implementation. How to stimulate a process of transformation? How to take into account economic pressure and ecological demands at the same time?

The transformation of the southern industrial belt in St. Petersburg is a challenging task, not only for urban planners.

^ Концептуальная модель трансформации южного промышленного пояса. Авторы – Мартин Фийатр (ENSAS), Анастасия Хритина (ITMO), Даниэль Брайтенбахер (KIT), Йоханна Бунд (KIT), 2015 / Concept model for the transformation of the southern industrial belt. Authors: Martin Filliatre (ENSAS), Anastasya Khritina (ITMO), Daniel Breitenbacher (KIT), Yohanna Bund (KIT) / 2015

v Первый сценарий трансформации южного промышленного пояса, разработанный на мастерских. Авторы – Антонин Дюкесн (ENSAS), Софи Котье (ENSAS), Йеронио Хауг (KIT), Алина Муратова (ITMO), 2015 / First workshop scenario for the transformation of the southern industrial belt. Authors: Antonin Duquesne (ENSAS), Sophie Cottier (ENSAS), Jeronimo Haug (KIT), Alina Muratova (ITMO) / 2015

для новых целей? Какие потребуются функции? Как оживить бывшие моноструктурные районы? Особую роль в решении этих вопросов будет играть обеспечение пространственных взаимосвязей и сетей, создание новых форм и организация смешанного использования зданий, зеленых зон и общественного пространства.

Для разработки стратегии городской трансформации и пространственной концепции территории необходимо принять во внимание следующие аспекты.

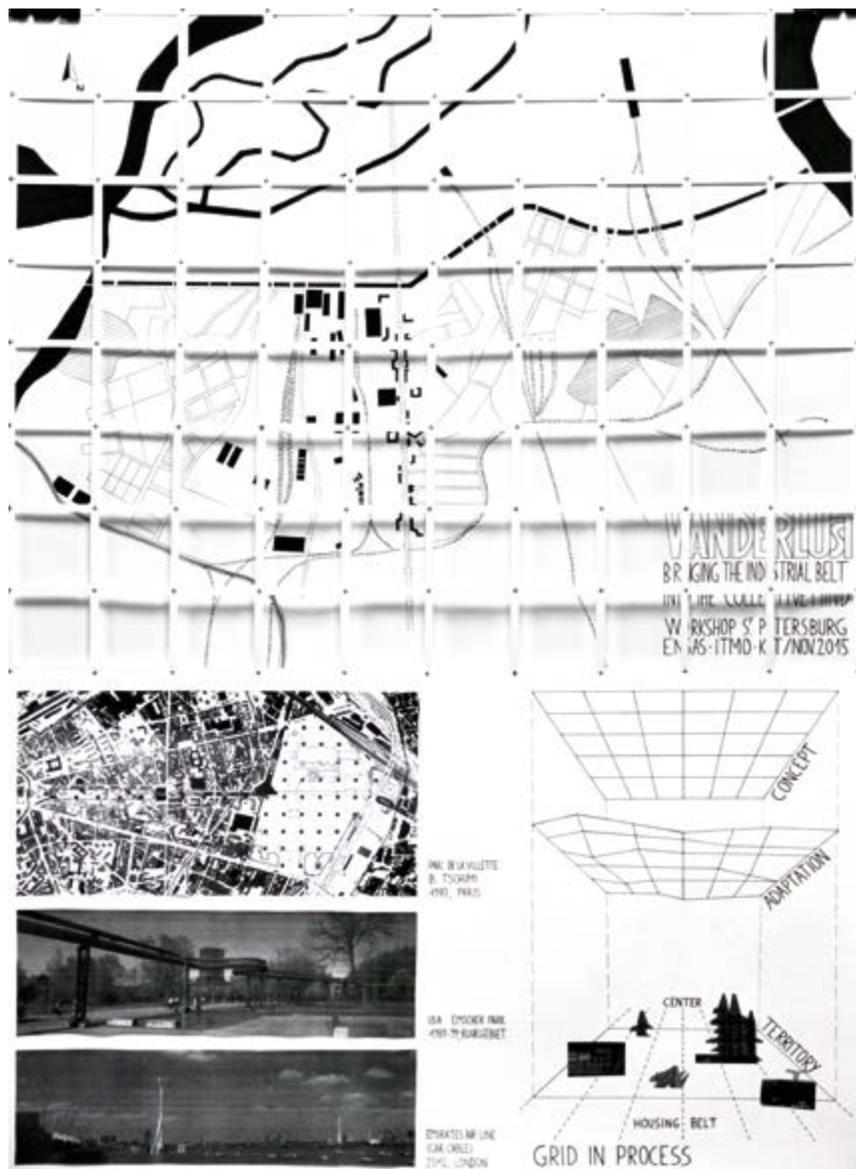
Город и вода. Вода служит основополагающим элементом возникновения Санкт-Петербурга и его идентичности. Меняющиеся отношения между застроенными территориями и водным пространством всегда были важным фактором эволюции городских форм. Взаимосвязь города и его прибрежной части, каналов и рек нужно пересмотреть, поскольку использование воды в качестве «актива», необходимого для организации архитектурной среды или создания уникального места, имеет огромный потенциал.

Смешанные территории и близость. Устойчивое развитие и оживление городского района требуют максимального количества различных функций внутри разнообразной и компактной городской структуры. Привлекательные, функционально и социально сбалансированные кварталы являются необходимым условием достижения высокого качества городского

пространства и городской жизни. Важно предоставить различные типологии жилья, соответствующие различным потребностям и уровням дохода, а также создать новую взаимосвязь рабочего и жилого пространства.

Ландшафт, климат и энергия. Привлекательные городские и зеленые пространства служат базовым элементом для создания полноценного имиджа в глазах общественности и способствуют идентификации горожан со своим городом. Одной из важнейших проблем во всем мире является потребление энергии. Как известно, ресурсы не безграничны, а загрязнение окружающей среды и изменение климата – реальная действительность. Однако вопрос сохранения природных ресурсов не должен сводиться только к газу и нефти – он должен распространяться на все материалы, продукты и формы потребления. Предстоит создать городские территории, в основе которых будут замкнутые системы, снижение энергозатрат, повторное использование и переработка.

Наряду с разработкой пространственного решения будут обсуждаться стратегии реализации. Как стимулировать процесс трансформации? Как одновременно принять во внимание экономическую обстановку и экологические требования? Трансформация южного промышленного пояса Санкт-Петербурга – непростая задача, к решению которой должны быть привлечены не только градостроители.

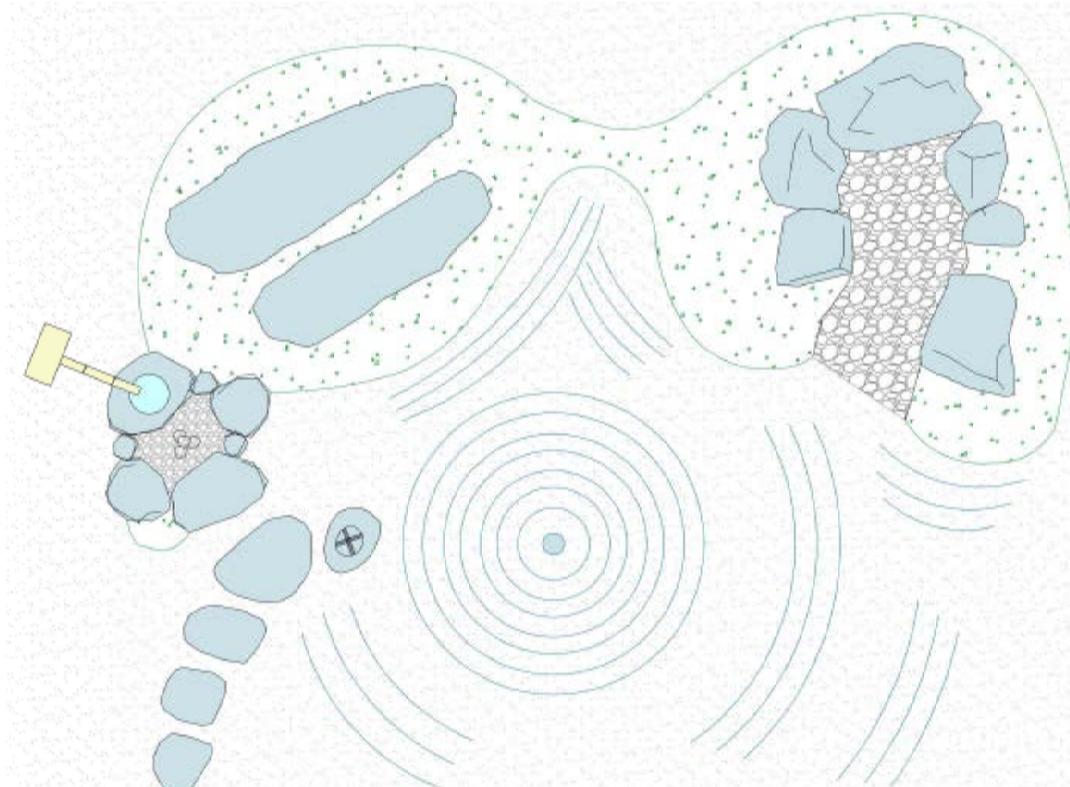

Первый японский сад в сердце Азии Место, где Восток встречается с Западом/

Рассказывается о создании в Иркутске настоящего японского сада, участка японского культурного наследия, благодаря партнерскому сотрудничеству двух университетов-побратимов и длительной дружбе между обществами «Россия – Япония» обеих стран. Японский сад был заложен в оранжерее Ботанического сада Иркутского государственного университета в 2012 году с целью создания нового междисциплинарного этноботанического и культурного объекта для студентов и местного сообщества. Сад дает возможность посетителям, не покидая Иркутска, лучше узнать об одной из величайших форм садового искусства в мире.
Ключевые слова: японский сад, Иркутск, Сибирь, университет, ботанический сад, оранжерея, ландшафтный дизайн, садовое искусство./

This article, through words and pictures, tells the story of how and why a small piece of Japanese cultural heritage – a genuine Japanese garden – was established in the heart of Asia in Irkutsk through a partnership between two sister-universities and a long lasting friendship between Russo-Japanese communities in both countries. The first Japanese garden was created in the greenhouse of the Botanic Garden of Irkutsk State University in 2012 to provide a new cross-disciplinary ethnobotanical and cultural facility for students and the local public. The 35-sq.m garden (7m x 5 m) was developed to provide an opportunity for visitors to experience one of the great horticultural art forms of the world without leaving Irkutsk.

Key words: Japanese garden, Irkutsk, Siberia, university, botanic garden, greenhouse, plants, landscape design, art, horticulture

Иркутск является одним из исторических мостов, соединяющих европейские и азиатские цивилизации, связывающих культуры России, Японии, Китая, Кореи и других стран [1, 2]. Здесь издавна мечтали соорудить несколько различных этноботанических садов, чтобы у жителей региона была возможность, даже не выезжая из Иркутска, непосредственно ознакомиться с природным и культурным наследием соседних стран [3]. Именно поэтому идея построить японский сад была здесь хорошо воспринята и поддержана. Искусство устройства японских садов, начиная с VII века, считается одной из самых важных частей японской культуры. Традиционные японские сады, благодаря чистоте линий и простоте комбинирования базовых элементов из растений, воды и камней, создают особую атмосферу спокойствия и мира. Глубинная сущность такого сада, как считается, передается метафорой, заключенной в японском слове Митате (見立), которое на русский язык может быть приблизительно переведено как «лечащий, оздоравливающий душу». Живописный райский пейзаж здесь предстает с помощью растений и камней.

^ Общий план Японского сада в стиле Каре-сансуи, состоящего из двух основных скалистых групп и Цукубаи в окружении маленьких растений и белого мраморного песка. / Plan view of the Japanese Garden of the Kare-sansui style consisting of two main rock formations and Tsukubai surrounded by dwarf plants and white marble sand

The city of Irkutsk is one of the historical bridges connecting European and Asian civilizations, linking cultures of Russia, Japan, China, Korea, and other neighboring countries (Kuzevanov, Sizykh, 2006; Kuzevanov, 2012). There was a dream for years to create several ethnobotanical gardens in Irkutsk to give local people an opportunity to get acquainted with the natural and cultural heritage of neighboring countries without leaving the city (Ljapin, 2014). That is why the idea to build a Japanese garden was very well accepted in Irkutsk. Since the 7th century, the art of Japanese gardens has been considered to be one of the most important parts of Japanese culture. To

create a tranquil retreat, the traditional Japanese garden combines the basic elements of plants and water with rocks with simple, clean lines. The essence of a garden is said to be in a metaphor called "Mitate" in Japanese, expressing the landscape of paradise and scenic spots by plants and rock formations. The typical styles of Japanese gardens are the following: Ike-niwa (池庭, Waterscape garden), which expresses the landscape of paradise; Kare-sansui (枯山水, Dry garden), which, without water, uses white sand to express waterscapes, such as seas, lakes, rivers, and waterfalls; and the Cha-niwa (茶庭, Tea garden) (Okazaki, 1974). While extremely popular

and numerous in Western countries, where 432 Japanese gardens have been confirmed outside of Japan, in Russia, only two Japanese gardens – in Moscow and Vladivostok – have been built during the last two decades (Japanese Institute of Landscape Architecture, 2006).

The idea became a reality when two professors from Hokkaido University, Tetsuya Kondo and Hajime Matsushima, visited Irkutsk in 2011 driven by the motivational forces of friendship and partnership between Irkutsk State University (ISU) and Hokkaido University. That is how a brilliant concept was born to create a miniature, all-season, Japanese garden under the roof of a large subtropical

educational greenhouse in the Irkutsk Botanic Garden of ISU. The professors have proposed to build a Japanese garden of the Kare-sansui style (枯山水, dry gardens, rock gardens). This style was developed in the later Kamakura period (1185–1333) of Japanese history. Such a minimalistic Japanese garden style symbolically reflects nature and has simple lines (Tonder, Lyons, 2005). It is a traditional gardening style in Japan allowing the garden to stay beautiful in any season, because it has carefully constructed structures based on rocks, sand and stones that never change. Such elements, combined with dwarf plants, make the garden attractive at any given time.

First Japanese Garden in the Heart of Asia A place where East meets West

Типичными стилями японских садов являются: 1) стиль Ике-нива (池庭, Ike-niwa, водный ландшафт), который в пейзаже выражает чистоту и красоту райской земли; 2) стиль Каре-сансуй (枯山水, Kare-sansui, сухой сад, скалистый сад), который особыми способами без использования воды, но лишь применяя белый песок, отображает такие водные ландшафты, как море, озера, реки и водопады; 3) стиль Ча-нива (茶園, Cha-niwa, Tea Garden, чайный сад) [4]. В настоящее время вне Японии насчитывается 432 официально зарегистрированных японских сада, которые стали чрезвычайно популярны и многочисленны в западных цивилизациях, включая Россию, где за последние двадцать лет построено всего два настоящих японских сада – в Москве и Владивостоке [5].

Таким образом, мечта о создании такого сада в Иркутске стала реальностью, когда два японских профессора из Университета Хоккайдо, Тецуя Кондо (Tetsuya Kondo) и Хаджиме Мацushima (Hajime Matsushima), движимые мотивами дружбы и долговременного сотрудничества между Иркутским государственным университетом (ИГУ) и Университетом Хоккайдо, посетили Иркутск в 2011 году. В итоге родилась красивая концепция, как создать миниатюрный всепогодный японский сад под крышей большой оранжереи Ботанического сада ИГУ, где содержится крупнейшая в регионе фондовая коллекция теплолюбивых растений. Было предложено создать японский

сад в стиле Каре-сансуй – миниатюрный стиль, который символически отражает природу и отличается простыми линиями [6]. Такой стиль садового искусства был разработан в Японии в поздний исторический период императорской династии Камакура (1185–1333). Этот традиционный национальный стиль, во-первых, сохраняет облик сада красивым в любое время года и, во-вторых, имеет тщательно выверенное построение, основанное на всегда сохраняющихся неизменными скалах, песке и камнях. Такие элементы в сочетании с карликовыми растениями делают сад особенно привлекательным в любое время года. Одной из самых важных и малоприметных характеристик японской ландшафтной архитектуры и дизайна является то, что сад и его непосредственное окружение составляют неразделимое единство [7]. Вот почему местом размещения японского сада выбрали именно площадку, окруженную богатыми коллекциями растений в оранжерее Ботанического сада ИГУ, так как именно это пространство лучше всего соответствует требованиям.

В течение последующих двенадцати месяцев творческой работы по планированию и обмену идеями между партнерами было найдено окончательное решение, как конкретно осуществить создание сада в стиле Каре-сансуй, чтобы его дальнейшее поддержание и сохранение не требовало специальных навыков. К следующему летнему сезону были завершены все подготовительные работы. К визиту

в Мастер-садовник Такухио Ямада в ходе творческого процесса планирования и строительства Японского сада. / Master-Gardener Takuhiro Yamada during the course of the creative process of planning and construction of the Japanese Garden

One of the most salient characteristics of Japanese architecture and design is the fact that the garden and its physical surroundings are inseparable entities (Petrova et al., 2014). For this reason, the chosen location of the Japanese garden among the rich plant collections in the greenhouse of the Botanic Garden of ISU met many of the needed requirements.

After a whole year of planning and exchange of ideas between partners, the final consensus was to design the Kare-sansui style Japanese garden because it is easy to maintain without any special skills. During the next summer season in 2012, the preparatory work and construction materials were completed

in time for the visit of Prof. Hajime Matsushima along with the well known Japanese gardener Takuhiro Yamada, and six students from Hokkaido University who came to Irkutsk to work collaboratively with the staff and students of the Irkutsk Botanic Garden of ISU as well as students of the Irkutsk Technical University, the Irkutsk Linguistic University and the Irkutsk Agricultural University.

Mr. Takuhiro Yamada brought the unique skill and art of Japanese gardening from 150 years of expertise from his family profession led by certain principles and rules including aesthetic qualities such as asymmetry, tranquility, simplicity and naturalness that have

been practiced since ancient times. As a result, the art of this particular Japanese garden emphasizes the visual beauty of bilateral asymmetry and simple segmentation in design, which consists of two main rock formations (two lands) on the base of white marble sands symbolizing the water surface. The white sand is a metaphor for the sea, while the rock formations are a metaphor for the land. The entire garden has been modelled as a miniature and powerful symbolic representation of the link between Russia and Japan - the left cluster of flat rocks is a symbol of Russia and the right vertical ones is a symbol of Japan. These two main rock formations are connected

by a narrow land bridge as a symbol of friendship between two countries. Although this is a Kare-sansui style garden, a "Tsukubai" (蹲踞) was constructed as a distinctive Japanese type feature, which is a small water basin made out of a big stone usually installed in tea gardens for visitors to purify themselves by the ritual washing of hands and rinsing of the mouth. The arrangements of the stones and other miniature elements reproduce natural landscapes, including mountains and natural water elements, islands and a waterfall in a more abstract way by using stones and marble sand, in order to evoke deeper meaning and inspiration for visitors. Larger rocks are partially buried

v Высаживание растений вокруг основных скалистых форм – это заключительный этап в обустройстве Японского сада. Российские и японские студенты работают под руководством проф. Хаджиме Мацushima. / Planting grasses around rock formations is the final stage of the Japanese Garden design. Russian and Japanese students as well as the botanic garden's staff do the work under the Prof. Hajime Matsushima's guidance

профессора Хаджиме Мацushima в сопровождении известного японского садовника Такухио Ямада (Takuhiro) и шести студентов Университета Хоккайдо были подготовлены все необходимые материалы, чтобы начать совместные работы с сотрудниками Ботанического сада ИГУ, а также со студентами из Иркутского государственного технического университета, Иркутского государственного лингвистического университета и Иркутской государственной сельскохозяйственной академии и др.

Такухио Ямада, садовник и ландшафтный дизайнер, привнес в эту работу опыт 150-летних традиций и навыков профессии своей семьи, практикующей с древних времен искусство создания японских садов с определенными принципами и правилами, включая такие эстетические качества, как асимметрия, спокойствие, простота и естественность. По замыслу авторов, искусство создания такого японского сада должно подчеркивать красоту визуального восприятия двусторонней асимметрии и простой сегментации элементов в его структуре, которая состоит из двух основных групп темных каменных глыб (двух скалистых участков суши), как бы погруженных в выровненный песок из мелких кусочков ослепительно-белого мрамора, символизирующий поверхность воды. Белый песок – это метафора моря, а скальные образования – метафора земли. Этот японский сад в целом был смоделирован как миниатюрное и образное олицетво-

as if they have been in place forever. All rocks, marble sand and stone materials are of local production, collected in the Lake Baikal region in Siberia; furthermore, the garden uses the natural stones without any artificial processing. Only the bamboo pipes used in Tsukubai were brought from Japan. Mondo grass (*Ophiopogon japonicus* cv. Kyoto dwarf, リュウノヒゲ, dragon's beard, *Ophiopogon jaburan* (Siebold) hort. Lodd., *Ardisia japonica* (Thunb.) Blume, *Reineckia carnea* (Andr.) Kunth., and ferns, *Humata tyrmanii* T. Moore, *Arachnoides simplicior* 'Variegata' are planted around rock formations as a metaphor for forest and green areas. The living plants

in this garden were chosen for their beauty, hardiness and similarity to plants used in the gardens of Japan. They were acquired and introduced in living plant collections of the Irkutsk Botanic Garden of ISU years ago from sources of origin in Japan and East Asia that have growing conditions similar to those in the greenhouse in Irkutsk. Each element has been carefully placed in a certain position in order to draw the eye and to add to the beauty of the authentic Japanese garden according to the creative mind of the gardener Takuhiro Yamada and meeting the historical guidelines of Japanese garden design. The designer used various optical approaches to give the garden

the illusion of being larger than it really is by using miniature grasses and rock positioning to create the illusion that they are far away and they look much larger than they are, and the reflection of a bright white color of the marble sand makes the effect even more impressive (Nitschke, 2003). The Japanese garden design was created in such a way that the existing scenery becomes the part of the total layout of the gorgeous plant collections in the greenhouse.

All stages of development and construction are presented here in simplified form (see photos). The configuration of rocks and stones plays a very complex role in the multilayered mental percep-

tion of this miniature garden which is something to be seen and not just as a place to exercise or relax in. Actually the garden's panoramic scene resembles the 3D-landscape paintings and gives the perception of the off-limits quality of its space, which leads visitors from everyday life to a calm, serene, reflective communion with nature, culture, and science.

As a result, after the opening ceremony on August 17th, 2012, this first authentic Japanese garden – a piece of culture and nature of Japan in Siberia – created collaboratively by Japanese and Russian students, gardeners and scientists in the heart of Asia in Irkutsk represents a unique place of peace

рение символической связи между Россией и Японией. Левая группа плоских каменных глыб как символ России, а правая группа вертикальных глыб – символ Японии. Эти два основных скальных образования были связаны узким грунтовым сухопутным мостом как символом дружеской связи двух стран. Хотя в данном случае авторы создавали стиль Каре-сансуй, в нем был устроен также Цу-кубаи (蹲踞, Tsukubai, чаша для омовения), сооруженный как типичный и отличительный японский объект, который представляет собой небольшую емкость для воды, сделанную из большого камня, как правило устанавливающегося в чайном саду, чтобы посетители могли провести ритуальное омовение рук и полоскание рта. Камни и другие миниатюрные элементы были размещены особым образом, чтобы воспроизвести в абстрактной форме естественные ландшафты, горы, воду и сцены природы, острова и водопад, используя камни и мраморный песок, чтобы вызвать у посетителей более глубокие ощущения вдохновения и воодушевления. Большие глыбы были частично заглублены так, чтобы создавалось впечатление, как будто они всегда были на этом месте. Все каменные материалы: мраморный песок, большие каменные глыбы, гравий и камни-окатыши – были местными, собранными на Байкале. Использовались камни только естественной формы, без какой-либо искусственной обработки или отделки. Из Японии привезли лишь толстые бамбуковые трубки

для Цу-кубаи. Живые растения выбирали в соответствии с канонами японского садового искусства, исходя из их декоративности и красоты, устойчивости и сходства с растениями, используемыми в садах Японии.

В качестве миниатюрного подобия леса и зеленых зон вокруг каменных глыб были высажены следующие растения: *Ophiopogon japonicus* cv. Kyoto dwarf, リュウノヒゲ, *Ophiopogon jaburan* (Siebold) hort. Lodd., *Ardisia japonica* (Thunb.) Blume, *Reineckia carnea* (Andr.) Kunth., и мелкие папоротники, *Humata tyrmanii* T. Moore, *Arachnoides simplicior* 'Variegata'. Эти виды растений за много лет до создания данного японского сада были получены из Японии и стран Восточной Азии, где они произрастали в природных условиях, сходных с условиями в оранжерее Иркутска, а затем в результате интродукционной работы были включены в состав живых учебных коллекций Ботанического сада ИГУ. Каждый из элементов аккуратно помещали в определенное место, чтобы особым образом привлечь внимание и усилить красоту сада в соответствии с творческими задумками японского садовника и традиционными принципами японского садового искусства. Японский садовник-дизайнер применял различные оптические эффекты, чтобы сад выглядел крупнее, чем есть на самом деле. Использование миниатюрных трав и особое размещение камней и глыб создавало иллюзию, что они находятся далеко

в Общий вид Японского сада сразу после завершения работ 17 августа 2012 года. / A panoramic view of the Japanese Garden just completed on August 17th, 2012

и выглядят намного массивнее, а ослепительно-белый цвет мраморного песка сделал эту оптическую иллюзию еще более впечатляющей [8]. В итоге дизайн японского сада был выполнен таким образом, что существующее декоративное окружение из разнообразных коллекционных растений в оранжерее стало естественной частью общей компоновки. Все этапы ее развития и строительства представлены в упрощенном виде на фотографиях.

Конфигурация скал и камней играет очень сложную роль в многоплановом психическом восприятии этого миниатюрного сада, который, как картина, является объектом для созерцания и медитации, а не просто местом для прогулки и релаксации. На самом деле панорамные сцены сада выглядят как трехмерные природные пейзажи, и они воспринимаются

как выходящие далеко за пределы его пространства, что выводит посетителей из ощущений пространства обыденной жизни в духовное пространство – тихое, спокойное, отражающее единение с природой, культурой и наукой.

Церемония открытия сада состоялась 17 августа 2012 года. Этот первый аутентичный японский сад как часть природы и культуры Японии в Сибири, созданный совместными усилиями японских и российских студентов и ученых, представляет собой уникальное место мира и теплой красоты в окружении растений в оранжерейной коллекции ботанического сада, предназначенное для спокойной созерцания и восприятия природной красоты в течение всего года, даже в условиях сурового климата Байкальской Сибири. Этот сад используется в качестве многофунк-

ландшафт

and warm beauty within the university Botanic Garden's plant collections in a greenhouse designed for quiet contemplation and appreciation of natural beauty throughout the seasons in the severe Siberian climate. This original Japanese garden in the Baikal region of Siberia is being used as a multipurpose display and a cross-disciplinary educational tool for university students and schoolchildren as well as an exhibition for excursions for local visitors and tourists.

ACKNOWLEDGEMENTS

Special cordial thanks to the students of Hokkaido University - Natalya Shmakova, Tomoya Hazama, Kazumitsu Kajihara,

Rieko Kimura, Yuki Otsuka, and a volunteer Razawi Niki – who took part in the construction work.

For the support of our work, the authors would like to express their gratitude to all staff of the Irkutsk Botanic Garden of Irkutsk State University (E.P.Chmelkova, S.E.Kalinovich, E.V.Lobanova, E.N.Filimonova, V.Z.Voronina, T.L.Yakusheva, N.A.Zhitova) as well as to other supporters and volunteers without whom this project could not have been completed: V.K. Sverkunov (JSC "Sosnov-geo"), S.A. Shunin, Prof. E.I. Lishtovanyi and Prof. S.I. Kuznetsov (Irkutsk State University), N.N. Kosovnenko, S.S. Kalyuzhny (Irkutsk State Agricultural Academy), Prof. A.G. Bolshakov (Irkutsk

State Technical University) and others.

The authors gratefully acknowledge the support from the Russia-Japan Societies of Friendship in both countries especially to V.V. Posdnyak, A.V. Markov, S.A. Odinets.

We furthermore would like to express our gratitude to Dr. Yoji Aoki (National Institute for Environmental Studies, Japan), Prof. Tetsuya Kondo and Prof. Hirofumi Kato (Hokkaido University, Japan), Prof. Yong-Shik Kim (Korea), Jan Illig (Germany), Dr. A. Ljapin and Prof. E.I. Grigoriev who initiated development of the project ideas. The authors also express their sincere gratitude to Tim Ashchepkov and Elizabeth Plantan who assisted with the article translation

into English.

The development of this Japanese garden in the Botanic Garden of ISU was supported through the partnerships between Irkutsk State University and Hokkaido University, and with support-in-aid provided by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the program on "Strategy of Development of Irkutsk State University" (2012-2015).

**Victor Kuzevanov, Hajime Matsushima,
Takuhiro Yamada, Svetlana Sizykh,
Alexey Ponomarev**

в Цукубаи (蹲踞) – комплекс из ритуальной главной каменной емкости для воды (Чодзубачи, 手水鉢) и нескольких камней и предметов, имеющих специальные имена и традиционное назначение: Йюоке-иши – камень справа как подставка для чайника с горячей водой; Тесяку-иши – камень слева как подставка для светильника; Какеи, 筧 – бамбуковая труба для приточной воды; Цукубаи-бисяку, 蹲踞柄杓 – ковшик из бамбука с длинной ручкой, а также плоские камни-ступеньки вокруг сливного бассейна, заполненного мелкими окатышами. / The Tsukubai (蹲踞) – a complex of the ritual main stone of water basin (Chozubachi, 手水鉢) and a few stones and items with traditional names and specific meanings: a right stone Yuoke-ishi – as a table stone for a hot water bucket; a left stone Tesyaku-ishi – as a table stone for a candle; Kakei, 筧 - bamboo pipes as a water supply faucet; Tsukubai-Hishaku, 蹲踞柄杓 – bamboo water ladle with a long handle; and flat stair-stones around the drain basin covered by small round stones

REFERENCES

Japanese Institute of Landscape Architecture. (2006). Japanese gardens outside of Japan. Sanyu-sha, Tokyo. 180 pp.

Kuzevanov, V.Ya., Sizykh, S.V. (2006). Botanic gardens resources: Tangible and intangible aspects of linking biodiversity and human well-being. Hiroshima Peace Science, No 28, 113-134. URL: <http://home.hiroshima-u.ac.jp/heiwa/JNL/28/Kuzevanov.pdf> (access 12.10.2015)

Kuzevanov, V.Ya. (2012). Pineapples under pine trees: The botanical garden of the merchants Basnins. Science First Hand. Vol. 31, No 1, 48-65. URL:

http://bogard.isu.ru/article/2012_sfh/ananas_16011941 (access 12.10.2015)

Ljapin, A.A. (2014). Japonskii sad: ot proshlogo k budushemu [Japanese Garden: From the Past to Future]. Pravila stroitelstva, 41/2. URL: <http://www.psdom.ru/catalog/yaponskiy-sad-ot-proshlogo-do-nashih-dney> (access 12.10.2015)

Nitschke, G. (2003). Japanese Gardens: Right Angle and Natural Form. Koln: Benedikt Taschen Verlag GmbH.

Okazaki, Ayaakira. (1974). Landscaping encyclopedia. Yokendo, Tokyo. 451 pp.

Petrova, E.G., Mironov, Y.V., Aoki, Y.,

Matsushima, H., Ebine, S., Furuya, K., Petrova, A., Takayama, N., Ueda, H. (2015). Comparing the visual perception and aesthetic evaluation of natural landscapes in Russia and Japan: cultural and environmental factors. Progress in Earth and Planetary Science. 2(6), 1-12. URL: <http://www.progearthplanetsci.com/content/2/1/6> (access 12.10.2015)

Tonder van, G.J., Lyons, M.J. (2005). Visual perception in Japanese Rock Garden design. Axiomathes, 15, 353-371.

ционального и мультидисциплинарного образовательного инструмента для студентов и школьников, а также в качестве уникального экспоната для экскурсий местных жителей и туристов.

**Виктор Кузеванов,
Хаджиме Мацушима, Такухио
Ямада, Светлана Сизых,
Алексей Пономарев**

Благодарности

Мы выражаем особую сердечную благодарность студентам и волонтерам университета Хоккайдо: Наталье Шмаковой, Томою Hazama, Kazumitsu Kajihara, Rieko Kimura, Yuki Otsuka, Razawī Niki, которые приняли непосредственное участие в строительных и проектных работах.

За поддержку этой работы авторы хотели бы выразить свою благодарность всем сотрудникам Ботанического сада ИГУ (Т.Л. Якушевой, Е.П. Хмельковой, Е.В. Лобановой, Е.Н. Филимоновой, Н.А. Житовой, В.З. Ворониной, С.Е. Калинович), а также другим коллегам, без которых этот проект не мог быть успешно реализован: Н.Н. Косовенко, М.Н. Ситникову, В.К. Свержунову (ОАО «Сосновгео»), проф. С.А. Шунину, проф. Е.И. Лиштованному, проф. С.И. Кузнецову (Иркутский государственный университет), проф. А.Г. Большакову (Иркутский государственный технический университет), С.С. Калужному (Иркутская государственная сельскохозяйственная академия).

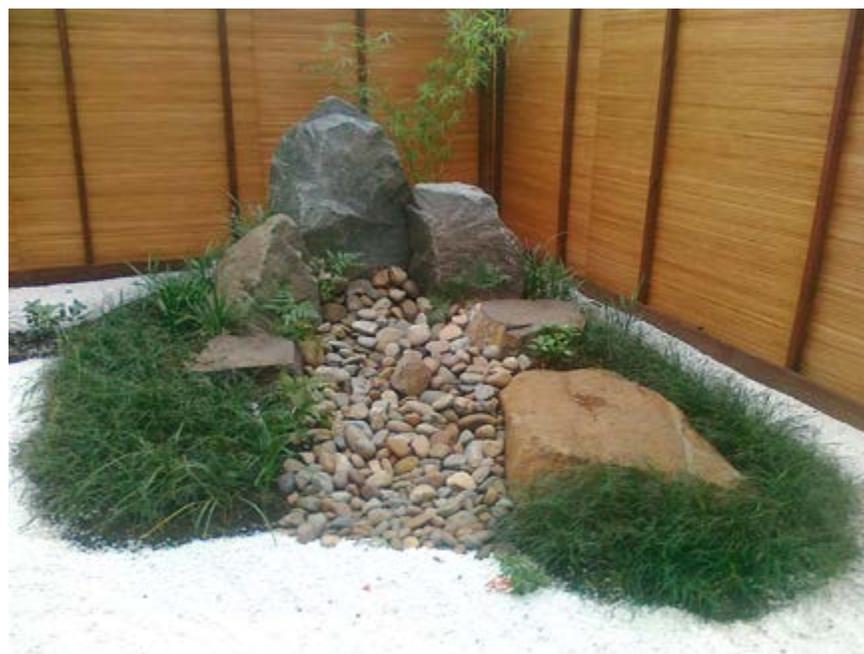
Авторы благодарят общество дружбы «Россия – Япония», особенно В.В. Поздняка, А.В. Маркова, С.А. Одинца. Кроме того, мы хотели бы выразить нашу благодарность Dr. Yoji Aoki (National Institute for Environmental Studies, Japan), Prof. Tetsuya Kondo и Prof. Kato Hirofumi (Hokkaido University, Japan), Prof. Yong-Shik Kim (Korea), Jan Illig (Germany), доценту А.А. Ляпину и проф. Е.И. Григорьевой, которые инициировали разработку проектных идей этой работы. Авторы также выражают искреннюю благодарность Т.Л. Ащепкову и Елизабет Плантан за помощь в редактировании текста английской версии этой статьи.

Развитие этого проекта создания японского сада в Ботаническом саду ИГУ стало возможным благодаря партнерству между Иркутским государственным университетом и Университетом Хоккайдо и целевой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации по программе «Стратегия развития Иркутского государственного университета» (2012–2015 гг.).

Список литературы

1. Kuzevanov V.Ya., Sizykh, S.V. Botanic gardens resources: Tangible and intangible aspects of linking biodiversity and human well-being. Hiroshima Peace Science. – 2006. –No 28, 113–134. – <http://home.hiroshima-u.ac.jp/heiwa/JNL/28/Kuzevanov.pdf> (дата доступа 12.10.2015)

2. Кузеванов В.Я. Ананасы под соснами. «Ботанический сад» купцов Басниных

// Наука из первых рук. – 2011. – № 3 (39). – С. 36–53. – http://bogard.isu.ru/article/2012_sfh/ananas_16011941 (дата доступа 12.10.2015)

3. Ляпин А.А. Японский сад: от прошлого до наших дней. Правила строительства, 41/2. – <http://www.psdom.ru/catalog/yaponskiy-sad-ot-proshlogo-do-nashih-dney> (дата доступа 12.10.2015)

4. Okazaki Ayaakira. Landscaping encyclopedia. – Tokyo : Yokendo, 1974. – 451 p.

5. Japanese Institute of Landscape Architecture. Japanese gardens outside of Japan. – Tokyo : Sanyu-sha, 2006. – 180 p.

6. Tonder van, G.J., Lyons, M.J. (2005). Visual perception in Japanese Rock Garden design. Axiomathes, 15, 353–371.

7. Petrova, E.G., Mironov, Y.V., Aoki, Y., Matsushima, H., Ebine, S., Furuya, K., Petrova, A., Takayama, N., Ueda, H. Comparing the visual perception and aesthetic evaluation of natural landscapes in Russia and Japan: cultural and environmental factors. Progress in Earth and Planetary Science. – 20015. –2(6). P. 1–12. – <http://www.progearthplanetsci.com/content/2/1/6> (дата обращения 12.10.2015)

8. Nitschke, G. Japanese Gardens: Right Angle and Natural Form. Koln: Benedikt Taschen Verlag GmbH, 2003.

наследие

Стеклянные высоты взорвали изнутри структуру исторических центров крупных городов и начинают радикально влиять на сложившуюся структуру городского каркаса. В современных городах, переживающих новый строительный бум, который можно назвать «стеклянной революцией» сосуществуют различные социальные группы с разным пониманием порядка. И то, что для одних является хаосом, упадком, деградацией, для других – норма, порядок иного уровня. Странники-индивидуалисты, ушедшие в дебри виртуального мира, озабочены законами и порядками виртуального мира. Они спокойно относятся к хаосу городской застройки. Язык исторической архитектуры непонятен для них. Стеклянная поросль новостроек воспринимается как норма.

Ключевые слова: строительный бум, стеклянная революция, восприятие порядка и хаоса, изменения городского каркаса, язык архитектуры, виртуальный мир. /

Glass highrises have blown up the inner structure of historical centers in big cities and begin to radically influence on the existing urban structure. Today cities experience a new construction boom, which can be called a 'glass revolution'. Here different social groups with different comprehension of order coexist. What some people perceive as chaos, decay, degradation, others consider as a norm and order on a different level. While wandering in the virtual world, individualists worry about laws and order of the virtual world. They are comfortable with the chaos of urban fabric. The language of historical architecture is strange to them. The springs of glass highrises are perceived as a norm.

Keywords: construction boom; glass revolution; perception of order and chaos; changes in the urban structure; language of architecture; virtual world.

Стеклянная революция и странники виртуального мира /

Glass Revolution and Wanderers in the Virtual World

Инфернальные картины мегаполиса сменяются идиллическими картинами природы. Так начинается фильм Андрея Тарковского «Солярис», который был выпущен на экраны 20 марта 1972 года.

Архитектура космической станции в «Солярисе» тем, кто смотрел фильм более 30 лет назад, казалась фантастически новой. Студенты-архитекторы 70-х годов XX века и их взрослые коллеги рисовали в своих проектах кольцевые коридоры и жилые ячейки со встроенной мебелью. Им казалось, что эти проекты в будущем осчастливят человечество. Им виделись города с высотными, в пятьдесят этажей и выше, стеклянными башнями, скоростные автострады с многоуровневыми транспортными развязками, автомобили, похожие на летающие тарелки... Архитектурные теоретики писали книги о футурологии жилища et cetera...

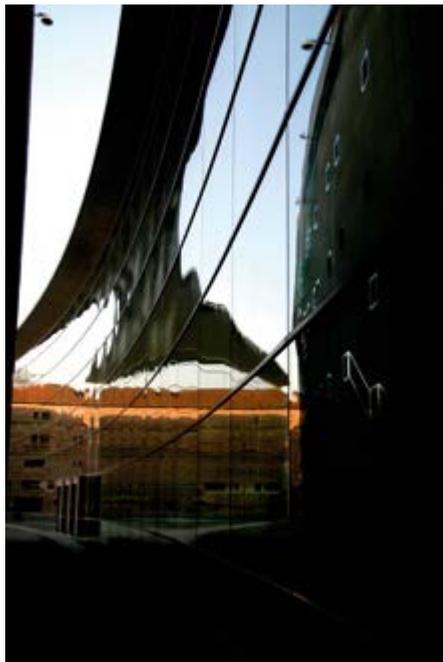
И вот почти через сорок лет после выхода в свет «Соляриса» мечты бывших студентов-архитекторов осуществились. Города заполнили высотные стеклянные башни, появились многоуровневые развязки и машины, похожие на летающие тарелки. Кольцевые коридоры и круглые окна стали общим местом. И, подобно фатально одиноким и разобщенным обитателям космической станции, жители современных стеклянных домов-муравейников пытаются как-то обжить стандартные ячейки своих квартир. Иногда это удается, и пространство становится теплым за счет предметов, имеющих историю и индивидуальность. Но внешнее по отношению к

крохотной квартирке пространство, как правило, остается необжитым и враждебным, как космос за круглыми окнами межпланетной станции.

Конечно, в современных городах внешнее пространство может быть теплым и освоенным. Европа дает огромное количество примеров. Но там городскую среду не чистят так варварски от пластов исторической памяти, как это сегодня происходит в России. Понятно, что реставрация и реконструкция рядовой застройки и памятников архитектуры обходится значительно дороже нового строительства. Понятно, что создавать в городах охранные зоны для исторической застройки экономически не выгодно.

Есть еще один аспект этой проблемы: воспоминания, зашифрованные в материальных свидетельствах прошлого, мало кто может прочесть. Если ключ к шифру утерян, старые камни будут молчать, и со временем их просто уберут за ненадобностью. А еще нужна упорядоченность городской среды, понятная и востребованная социумом, поскольку упорядоченность всегда имеет конкретно-временные черты. Строгая симметрия идеальных городов XVIII века была прекрасна на бумаге, но общество не было готово к столь жесткой перестройке города в целом. В результате появились дворцовые комплексы, где идеи жесткой упорядоченности нашли реализацию. Они были островками в море плотной застройки, сложившейся в предшествующие века. В этой застройке понимание порядка было совершенно иное. И получалось, что в одном и том же городе

существуют два параллельных мира с разной культурой и разным представлением о порядке и хаосе. Для жителей дворцов враждебной была застройка ремесленных кварталов, рыночных площадей, а для плебса дворцовые комплексы были запретным, холодным, почти нереальным пространством. И лишь соборы объединяли всех.

Возможно, в современных городах, переживающих новый строительный бум, который можно назвать «стеклянной революцией», тоже сосуществуют различные социальные группы с совершенно разным пониманием порядка. И то, что для одних является хаосом, упадком, деградацией, для других – норма, порядок иного уровня.

Плач по погибшей рядовой застройке и памятниках предшествующих эпох весьма популярен в среде архитекторов, искусствоведов, деятелей науки и культуры. Вряд ли скорбят по утраченным архитектурно-художественным ценностям скалярно мыслящие категориями выгоды и прибыли инвесторы стеклянных небоскребов и похожих на промышленные здания торгово-развлекательных центров и пр.

В архитектурной среде никто не будет оспаривать утверждение, что не стоит сносить старые дома, в которых прячется дух места, что город без разновременной застройки теряет индивидуальность. Это утверждение давно стало банальностью. Но те же самые архитекторы, тонко понимающие прелести исторической архитектуры, проводящие свои отпуска в Риме, Лондоне, Париже, Праге, проектируют и строят в центрах исторических городов России стеклянные многоэтажные громады, не думая о том, что силуэтные характеристики любого города могут быть невосполнимо утрачены или испорчены. Пятидесятиэтажная башня, даже одна единственная, – не безобидна. А если их много, а если они выше ста этажей?

Встает вопрос: почему заказчики хотят именно такие здания? Соображения экономики? Подражание? Кто, наконец, инициатор «стеклянной революции»? Какой группе населения это выгодно? Короче говоря, на кого работают архитекторы и строители?

Бетонные этажерки, облицованные стеклянными панелями, поначалу казались такими технологичными, гладкими, так красиво отражали зелень, старую архитектуру, небо и солнце, что не вызывали опасений. Но отражавшаяся в них историческая архитектура очень скоро оказалась подавленной ледяными

монстрами. Стеклянные высоты взорвали изнутри структуру исторических центров крупных городов. И рядом с ними милыми показались даже хаотичные и загаженные промышленные зоны прошлого столетия. Заговорили даже об их арт-освоении. Провели пару-тройку инсталляций на промышленных руинах. Перестроили под элитное жилье несколько старых цехов, озеленили территорию, раскрасили и расставили пластиковых петухов, ишаков и коров. Кое-где занавесили напечатанными на баннерах деревьями то, что казалось уж совсем неприглядным.

А в архитектурной науке не так давно появилось слово «видеоэкология». Само его появление символично, ведь изучать и охранять мы бросаемся те явления, которые безвозвратно уходят. Еще сорок лет назад слово «экология», ныне уже набившее оскомину, было в диковинку. В «Литературной газете» за 1972 год в статье, посвященной «Соляристу» Тарковского корреспондент писал: «Экология, слово, которое мы и не слышали прежде, становится не просто модным, но выражает какую-то насущную потребность человечества...»

Сегодня экологические «страшилки» перестали пугать: конечно, все плохо, все испорчено, но живем же как-то, возможно превращаясь потихоньку в мутантов. Вопрос в следующем: а может быть, мутантам и не нужно теплое, внешнее по отношению к их стандартным жилым ячейкам пространство? Может быть, они чувствуют себя странниками, путешествующими по пустыне от одного небоскреба к другому и оставляют на старых домах «зарубки» в виде граффити, чтобы как-то обозначить свое существование. Не нужны им старые особняки, доходные дома и соборы. Упорядоченная и разнообразная виртуальная среда, в которую они погружены, избыточна для их сознания, и там не остается места для ценностей, которыми жили предшествующие поколения и еще продолжают жить те, кого в России принято называть интеллигентами. У этой группы населения другие представления о жизни, и стеклянные этажерки для них – «прикольно» и «круто». Ведь недаром подростки в Неаполе, Москве, Праге покрывают стены граффити, отгораживаясь несоразмерными рисунками и надписями от архитектурной среды, освоить которую иначе они просто не в состоянии.

Странник-индивидуалист, перемещающийся на скоростном

автомобиле по пустыне мегаполиса от оазиса к оазису, – ныне весьма распространенный в кино образ. Распространено это явление и в жизни. Отсюда спокойное отношение общества к хаотичной застройке высотными стеклянными призмами, цилиндрами и прочими трехмерными геометрическими объектами центров городов, к появлению огромных торгово-развлекательных сараев на окраинах,

И в противовес к этому всему – коттеджные поселки с домиками, напоминающими весьма отдаленно то, что строили для себя

состоятельные люди в XIX веке. У каждого домика кирпичный трехметровый забор – огороженная, частная территория. Коттеджные поселки плодятся в России рядом с крупными городами как грибы. И там, в своем доме, на природе живут состоятельные люди, оставляя города погруженным в виртуальную реальность представителям новых поколений и тем, кто еще сражается с бульдозерами, сносящими старые дома.

В архитектурных фантазиях Бродского и Уткина, русских лидеров «Бумажной архитекту-

ры» середины 80-х – начала 90-х годов, еще четверть столетия назад прослеживалась ностальгия по уходящему в прошлое архитектурному раю. Бродский и Уткин рисовали архитектурные фантазии, в которых осколки архитектурных шедевров взрывались и парили в разряженном пространстве города будущего. Чего стоит только образ бесконечных стеклянных стен, вкопанных в песок! В какой-то мере этот образ был предвидением, высоко оцененным в профессиональном мире. Ничего сопоставимого со своими «бумажными» проектами ни

Уткин, ни Бродский впоследствии не сделали. То, что они проектировали и строили в 90-х годах и позже, известным в архитектурном мире не стало и революции не сделало.

Но революционные изменения в городской среде росли исподволь и не казались до поры до времени страшными. (Вспомним, еще в 1916 году многим и в кошмарном сне не могло присниться то, что предстояло пережить Российской империи. В октябре 1917 года многие думали, что все образуется. Так и архитекторы в 80-х годах XX века рисовали грустные фантазии и думали, что все

образуется: и архитектурные шедевры останутся целыми, и стеклянные громады как-нибудь будут с ними сосуществовать.)

«Панельно-бетонная революция» XX века тоже начиналась исподволь и, конечно, не прошла бесследно. Власть имущие в 20–30-х годах снисходительно смотрели на детские баталии конструктивистов и рационалистов. Политическая воля в один момент перестроила профессиональное сознание архитектурного сообщества, и классицисты вновь оказались в фаворе. Потом снова положение резко изменилось, и в начале 60-х «панельно-бетонная» революция получила второе дыхание.

Примитивные коробки 60–70-х годов XX века внесли изрядный хаос в разновременную историческую застройку, сделали новые районы безликими. Сейчас эти коробки столь безобразны, что их не жалко и взорвать. Были бы на это деньги. Город ничего не потеряет, утратив их. Но что идет на смену? Бетонные этажерки, одетые в стеклянные панели?

И все-таки хаос «панельно-бетонной революции» XX века не был тотальным, поскольку не были затронуты высотные и силуэтные характеристики городов с многовековой историей. Они сохранили свою индивидуальность.

Так ли она ужасна «стеклянная революция»? Ведь не первый катаклизм переживает градостроительство. Может быть, и они вступят в городскую ткань? Наверное, все же этого не случится, поскольку

в городах уличная сеть не справляется с потоком транспорта, и скоростные магистрали стали подниматься на эстакады на уровне 10–15-го этажа. А это означает, что рождается новый каркас города, соответствующий стеклянным громадам. Пространство старого города, попавшее под эти эстакады, быстро деградирует. (Например, в Праге, несмотря на то что скоростная магистраль проложена по оврагу на очень высоких опорах, дома XIX века, расположенные под ней, приходят в упадок.)

Здания эпохи конструктивизма, как гражданские, так и промышленные, которые в начале XX столетия претендовали на революционность, а также застройка 60–90-х годов рядом с 50-этажными гигантами утратили весь свой пафос. (С каким энтузиазмом конструктивисты писали в пояснительных записках о домах-пилах, взрезающихся в пространство и ломающих «скучную» линию фасадов, вытянувшихся по красной линии, как прогрессивно выглядели мельниковские клубы, «выстреливающие в пространство консольными объемами»!) Они вросли в городскую ткань и кажутся милыми свидетельствами эпохи острых деклараций и полемик, породившей «интернациональный стиль».

Но даже обрастая панельными окраинами и промышленными зонами, города, которым было что сохранять от предшествующих эпох, еще держались, до того момента, пока стеклянные монстры не посягнули на исторически сложившуюся

систему вертикальных доминант и пока не стали строиться скоростные магистрали на эстакадах.

Сегодняшняя «стеклянная революция» несопоставима по масштабам беспорядка, привнесенного в городскую среду, ни с одной архитектурно-градостроительной катастрофой. Сколько простоят эти стеклянные этажерки? Сто, двести, триста лет? Этого пока не знает никто. Но то, что они сделали городскую ткань прошлого хрупкой и уязвимой и нарушили архитектурно-художественный баланс исторических городов, — факт несомненный.

Но городским жителям с психологией странников-потребителей все равно. Они смирились с тем, что уходят в небытие материальные свидетельства прошлого их родных городов. Есть, конечно, Лондон, Париж, Рим, Прага. Там приятно и тепло. Там среда обитания если и имеет черты хаоса, то хаос этот создается за счет исторических напластований, которые бережно сохраняются. В Прагу или Париж можно съездить на десять дней, чтобы потом вернуться и вновь сесть за компьютер и окунуться с головой в привычный, родной виртуальный мир.

В России же Москва, Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург стремительно идут по пути «прогресса». Как грибы там растут здания сомнительной архитектуры. (Сомнительной, конечно, с точки зрения человека, имеющего некий культурный багаж, который для сегодняшнего поколения тридцатилетних слишком тяжел и неудобен. Этакий чемодан без ручки.)

Здания, которые появились в последнее время, конечно, устраивают заказчиков и потребителей нового поколения, образ жизни и ценности которых сформировались не без воздействия виртуального мира интернета, телевизионной рекламы, сериалов и пр. Иначе зачем было делать революцию?

Можно предположить, что упорядоченность и ясность, которая в некие незапамятные, почти «античные» времена была свойственна городской среде, все больше смещаются в виртуальную область, тогда как материальная жизнь все больше погружается в хаос.

Но вернемся к фильму Тарковского «Солярис». Неважно, где снял картины мегаполиса режиссер, была ли это студийная или натурная съемка. Важно то предчувствие ускорения информационного потока и переосмысления понятий порядка и хаоса, которые есть в этом фильме.

Уходят некие ценности из сознания, уходят они и из материальной жизни. Плач по погибшим архитектурным шедеврам можно переложить на музыку и исполнять в Teatro San Carlo, в Неаполе, для избранных, которые придут на представление во фраках, вечерних платьях и бриллиантах, вздыхая о тех незабвенных временах, когда Неаполь был еще чист и не испан отравительными граффити. Впрочем, эти граффити приезжают изучать апологеты современного искусства.

Елена Багина
Фото Сергея Астапова /
Elena Bagina
Photo by Sergey Astapov

< Здание Купеческого общества в Красноярске, арх. Л. А. Чернышев. Работа Анны Бабаджановой

< Жилой дом-усадьба архитектора в Красноярске. Работа Анны Бабаджановой

Архитектурное веяние эпохи Архитектор Чернышёв – яркий представитель сибирского модерна /

Рассказывается о ярчайшем представителе сибирского модерна в Красноярске Леониде Александровиче Чернышёве, внесшем заметный вклад в развитие архитектуры города. По инициативе правления Красноярской региональной организации Союза архитекторов России 2015 год в Красноярске объявлен Годом архитектора Чернышёва в честь 140-летия со дня рождения зодчего. В рамках юбилейного года запланировано проведение важнейших мероприятий, раскрывающих творческое наследие архитектора, как для архитекторов, так и для горожан.

Ключевые слова: Леонид Чернышёв, Красноярск, сибирский модерн, творческое наследие, Год архитектора Чернышёва. /

The article is about a bright representative of the Siberian Modern, Leonid Alexandrovich Chernyshev, who made a great contribution to the development of Krasnoyarsk city architecture. On the initiative of the Board of the Krasnoyarsk regional organization of the Union of Architects of Russia the year 2015 in Krasnoyarsk was announced the Year of the Architect Chernyshev to commemorate his 140th anniversary. During the anniversary year several important events will be held to demonstrate the architect's creative heritage both to architects and citizens.

Keywords: Leonid Chernyshev; Krasnoyarsk; Siberian Modern; creative heritage; the Year of the Architect Chernyshev.

^ В. И. Суриков. Портрет юноши Леонида Чернышева. Холст, масло. Красноярский краеведческий музей

На рубеже XIX–XX веков в Европе появился новый архитектурный стиль – модерн. В начале XX века стиль проникает в Россию, сначала в столичные города, а затем распространяется по всей территории нашей страны. Архитекторы старались соединить в этом стиле функциональность и роскошь, рациональность и изящное движение природного начала. Здания ста-

новились похожими на сказочные замки, растущие и развивающиеся внутри городской среды.

В отдельных крупных городах и регионах модерн имел свои отличительные черты. В России появились такие понятия, как московский, петербургский и провинциальный модерн. За Уралом формируется своеобразный вариант данного стиля, который именуется «сибирский модерн». В сибирских постройках появились характерные для стиля ассиметричные композиции. Красноярские зодчие придерживались основных тенденций стиля, но при этом могли обратиться как к эклектическим приемам, так и к ретроспективизму. Основные приемы и идеи модерна были привезены в провинцию красноярскими архитекторами из Москвы. Но каждый из них создавал уникальные для сибирского региона постройки, в которых проявлялись личные вкусы и замыслы авторов.

Ярчайшим представителем сибирского модерна в Красноярске был зодчий Леонид Александрович Чернышёв. Л. Чернышёв родился 15 марта 1875 года в селе Сухобу-

зимском Енисейской губернии, отец – зажиточный крестьянин, мать – дочь священника. В 1880 году семья Чернышёвых перебирается в Красноярск. Во время учебы в гимназии Леонид увлекается живописью, эти увлечения поощряет В. И. Суриков, который знал мальчика с детских лет, дружил с его отцом, а затем и с самим Леонидом Александровичем.

По совету Сурикова Чернышёв осенью 1892 года едет в Москву и поступает на архитектурное отделение Московского училища живописи, ваяния и зодчества, которое успешно оканчивает в 1901 году. Затем Чернышёв учится в Высшем художественном училище при Императорской академии художеств в Петербурге по классу профессора А. Н. Померанцева. В порядке практики Л. А. Чернышёв участвует в строительстве и отделке гостиницы «Метрополь» в Москве.

В 1906 году Чернышёв возвращается в Красноярск. В 1909–1910 годах строит в Красноярске Дом купеческого клуба, проектирует магазины, дачи, корпуса курорта «Озеро Шира». Занимает должность заведующего и преподает в

созданной в Красноярске рисовальной школе. В 1910–1913 годах занимается общественной и политической деятельностью в родном Красноярске. В 1910–1911 годах Леонид Александрович проектирует и строит павильоны для Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной и промышленной выставки в Омске. Один из павильонов был выполнен в египетском стиле, этот проект можно назвать предшественником здания Красноярского краеведческого музея. За работу над выставкой Чернышёв получил 11 тысяч рублей, что дало ему возможность построить собственный каменный дом в Красноярске.

И все же главным детищем зодчего является египетское чудо на берегу великой сибирской реки Енисей – Красноярский краеведческий музей. Леонид Александрович согласился безвозмездно проектировать здание и контролировать ход работ. В общей сложности над этим объектом Чернышёв работал шестнадцать долгих лет – с 1913 по 1929 год.

Леонид Александрович Чернышёв скончался в 1932 году в Крас-

> Торговый дом купца
И. Г. Гадалова, 1912–1913 гг.
Работа Анны Бабаджановой

> Жилой дом с воротами и
амбарами по ул. Горького, 9,
в Красноярске.
Работа Ольги Пантелеевой

Architectural Trend of the Epoch Architect Chernyshev as a bright representative of the Siberian Modern

ноярске. Похоронен на Троицком кладбище.

По инициативе правления Красноярской региональной организации Союза архитекторов России 2015 год в Красноярске объявлен Годом архитектора Чернышёва в честь 140-летия со дня рождения архитектора. При подготовке к юбилейным мероприятиям и организации выставки, которая успешно открылась в марте и работает по сей день в Красноярском доме архитектора, был собран значительный материал, который позволил не только провести несколько важных мероприятий для архитекторов города Красноярска, но и поделиться ценной информацией с нашими земляками. Был утвержден план юбилейных мероприятий, основным из которых стал круглый стол о влиянии творчества архитектора Чернышёва на развитие архитектуры города Красноярска. По итогам круглого стола была принята резолюция, которая поможет осуществить ряд профессионально значимых мероприятий для нашего архитектурного сообщества – Красноярской региональной организации Союза архитекторов России.

Интересным событием для горожан было проведение архитектурного квеста «Архитектор Чернышёв», разработанного сотрудниками Краевого краеведческого музея при участии нашего Союза архитекторов и Института архитектуры и дизайна СФУ. Это увлекательное и познавательное путешествие по объектам архитектора. Первыми «путешественниками» по этому маршруту

стали студенты-архитекторы Института архитектуры и дизайна СФУ. Со слов участников, получилась не только игра-соревнование, но и увлекательная экскурсия по объектам архитектурного наследия Л.А. Чернышёва.

Также были организованы экскурсии в особняк Чернышёва по ул. Марковского, 21, где сейчас находится Служба по контролю в области градостроительной деятельности Красноярского края, и поселок Удачный в Успенский мужской монастырь, где спустя 80 лет после ухода Чернышёва из жизни на средства меценатов был воздвигнут храм Иконы Всецарицы.

В марте в СФУ прошла научно-практическая конференция «Архитектурное наследие Сибири», к рамках которой сотрудники Института архитектуры и дизайна и практикующие красноярские архитекторы делились своими исследованиями в области творчества архитектора-художника Л. А. Чернышёва.

Летом возникла идея поделиться материалами о жизни и творчестве архитектора Леонида Чернышёва с Государственным музеем архитектуры им. А. В. Щусева в Москве. По результатам переписки с директором музея И. М. Коробыной и встречи с сотрудниками музея была достигнута договоренность о сотрудничестве. Музей архитектуры заинтересовала не только тема следа столичного модерна в провинциальной архитектуре на примере творчества Чернышёва, но и исследования кафедры архитек-

турного проектирования ИАиД СФУ в области истории архитектуры закрытых городов в советский период, архитектура сибирских городов Енисейска и Норильска.

Значимым событием юбилейного года стала и победа наших студентов на Международном архитектурном фестивале «Зодчество-2015». По результатам летней живописно-ознакомительной практики, где исследовалась тема архитектурного наследия нашего знаменитого земляка, были отобраны работы для участия в смотре-конкурсе студентов архитектурных вузов и колледжей. В Москве выставлялись работы шести студентов, четверо из них (А. Бабаджанова, В. Гончар, О. Пантелеева, Ю. Петроченко) стали лауреатами Международного архитектурного фестиваля «Зодчество-2015».

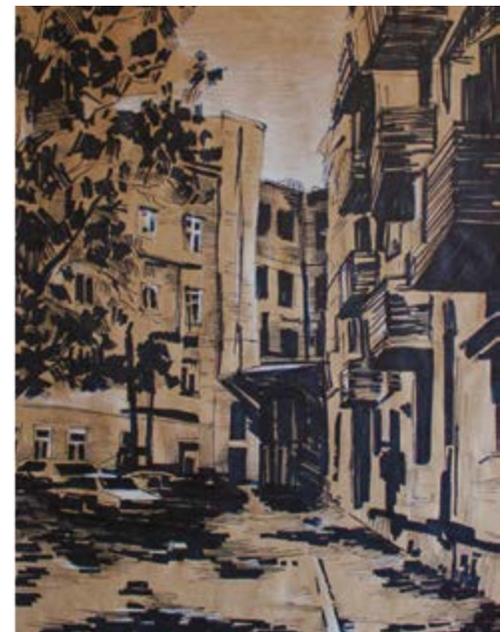
В конце ноября состоялось открытие выставки «Наследники Чернышёва», посвященной архитектурному наследию зодчего. А завершится юбилейный год выпускном получасового фильма о жизни и творчестве нашего знаменитого земляка.

**Ольга Успенская /
Olga Uspenskaya**

> Краеведческий музей, 1912–1929 гг.
Работа Ольги Пантелеевой

> Двор в исторической застройке в
Красноярске.
Работа Анны Бабаджановой

Статья посвящена критическому состоянию храма Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино Нерчинского района Забайкальского края, самого старого каменного сооружения от Байкала до Тихого океана. Высказаны сомнения в правильности принятого решения о консервации объекта, проект которой не предусматривает ликвидацию главной причины разрушения храма.

Ключевые слова: Забайкальский край, храм Успения Пресвятой Богородицы, разрушение, пучение грунтов, проект консервации храма. /

The article is devoted to the Temple of Dormition of the Mother of God in Kalinino village (Nerchinsky District, Zabaikalsky Krai), the oldest stone building from Lake Baikal to the Pacific Ocean. The author questions the decision relating to conservation of the temple, the project of which does not eliminate the main cause of its destruction.

Keywords: Zabaikalsky Krai; the Temple of Dormition of the Mother of God in Kalinino village; destruction; soil expansion; temple conservation project.

Самая древняя от Байкала до Тихого океана / The Oldest from Baikal to the Pacific Ocean

Вхождение России в Забайкалье датируется 1653 годом. Тогда боярским сыном сотником Петром Бекетовым «со товарищи» были заложены Иргенский и Нерчинский остроги. Шли годы. Первопроходцы старели, силы были уже не те. Потому и родилась челобитная самому царю, в которой было сказано, что «будучи в Нерчинску служили в правде своей верно... и престарелые оставленные служилые люди желают постричься. А в Нерчинску монастыря не бывало, и по се время нет».

Согласно Сибирской летописи Киприана, Нерчинский Успенский монастырь был основан в 1664 году. Начальный период становления монастыря мало известен. В 1706 году началось строительство на его территории каменного храма, который в 1712 году был освящен в честь Успения Пресвятой Богородицы.

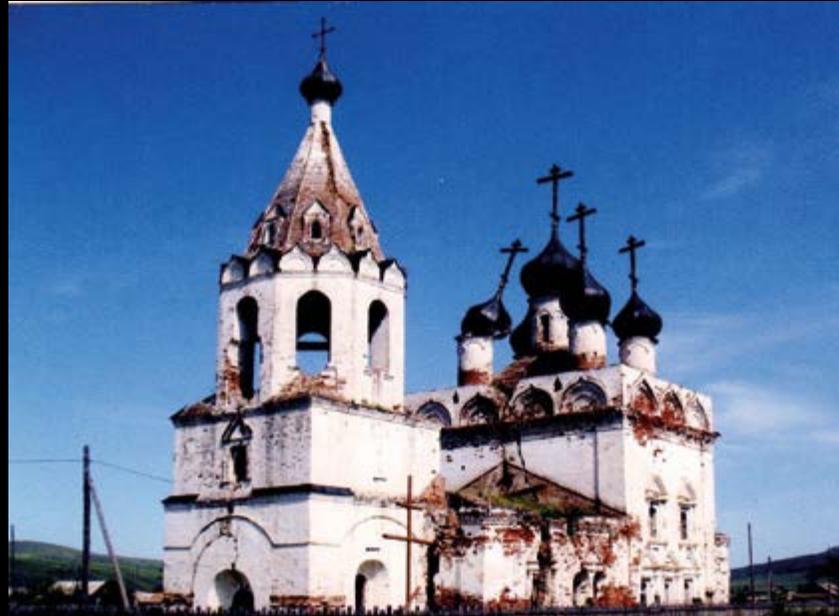
Вот его летописное описание: «Церковь каменная, о пяти маковицах. Кресты обиты белым железом, а маковицы деревянным лемехом. Над алтарем глава каменная, крест железный под золотом. При ней каменная же колокольня, а под колокольней, в середине, палатка каменная для содержания казны и прочей церковной утвари».

Планировочная структура храма осевая: алтарь, храм, трапезная и трехъярусная колокольня. Такую колокольню современники называли «со входом под колоколы». Композиция ее традиционна для храмовой архитектуры XVIII века: восьмерик на четверике с шатровым завершением. Детали фасадного декора несут явные признаки

стиля «нарышкинского» барокко. Интересным приемом являются различные рисунки обрамления оконных проемов южного и северного фасадов. Как будто две артели соревновались между собой, чей декор будет краше. Стены храма выполнены из кирпича, который изготавливался непосредственно на площадке строительства, фундаменты бутовые, сложенные на глиняном растворе.

В целом кубоватый и несколько приземистый объем храма создает впечатление силы и крепости. Однако создатели храма, имея опыт возведения внешнего объема здания, видимо, совершенно не представляли особенностей грунтов участка строительства. Потому что, как показывают результаты обследования, проведенные в 2008 году проектным институтом «Читагражданпроект», храм начал деформироваться уже в начальный период своего существования. Об этом свидетельствуют следы работ, направленные на уменьшение пролетов первоначальных арок, которые подверглись разрушениям.

Как показали результаты инженерно-геологических изысканий, основной причиной стали особенности грунтов основания, которые представлены 6-метровым слоем мелкого песка и глины, с включением иловых отложений. А вот ниже этого слоя была скала, до которой строители храма так и не дошли. При сезонном промерзании глубиной до 4,5 м этот слой обладает ярко выраженными свойствами пучения, а при оттаивании – свой-

ствами просадочности. А поскольку при строительстве храма никаких противопучинистых мероприятий не было предусмотрено – разрушительный итог закономерен. Но это сейчас нам все очевидно, а в те времена кто мог предвидеть этот печальный результат? И тем не менее здание простояло более 300 лет.

Нынешнее состояние храма удручает... Полностью обрушилась конха (полусферическое перекрытие) над алтарем. Срезаны металлические затяжки в трапезной, которые воспринимали распор кирпичного свода. В настоящее время часть свода обрушилась, что делает нахождение людей в стенах трапезной чрезвычайно опасным. Несмотря на это в храме до сих пор проводятся экскурсии.

Наружные стены, на которые опирается свод, отклонились от вертикального положения на 4–5 градусов, что также грозит обрушением. Прогнившие каркасы куполов с покосившимися крестами оскверляют чувства верующих.

В 2011 году Читагражданпроект (архитектор В. Кулеш, инженер С. Шкабура) был разработан проект восстановления храма. В основу проекта был положен метод стабилизации грунтов основания, предложенный учеными Забайкальского института железнодорожного транспорта (Н. Сигачев). Предусматривалось усиление фундаментов, введение каркаса, который размещался во внутреннем теле 1,5-метровых по толщине стен. И конечно, архитектурно-строительная часть проекта предусматривала

максимально достоверное воспроизведение всех деталей декора.

И вот, когда, казалось бы, все было готово к тому, чтобы начать восстановительные работы, руководство края и епархия приняли решение о консервации объекта. Проект консервации по стоимости оказался немногим меньше стоимости проекта восстановления, а главное – в нем не предусмотрены мероприятия, ликвидирующие основные причины разрушения храма. Его разрушение будет продолжаться, т. к. в проекте консервации не предусмотрены мероприятия по стабилизации и усилению грунтов основания. Проект консервации позволил всем ответственным лицам, что называется, умыть руки. А ведь забайкальцы, которые признали храм Успения Пресвятой Богородицы главной достопримечательностью края, собравшие 11,5 миллионов рублей на его восстановление, по сути, оказались обмануты в своих самых искренних и чистых побуждениях.

Доводилось слышать в стенах центра по охране памятников фразу о том, что «памятник и в руинах тоже памятник». Таких памятников по Забайкалью рассеяно немало. Но Успенская церковь среди них особенная. Она первая. Те, кто ее строил, утверждали, что Россия пришла в этот край всерьез и навсегда. И не руины нужны забайкальцам, а живые, с благодарностью к предкам возрожденные храмы – свидетели нашей великой и героической истории.

Арина Шаравина / Arina Sharavina

авторы

Айказян Григор – главный архитектор проектов мастерской «Архитекторы Асс» (Нижний Новгород)

Багина Елена – кандидат архитектуры, доцент УФУ (Екатеринбург)

Бражникова Инесса Борисовна – сотрудник Института географии СО РАН (Иркутск)

Гор Анна Марковна – директор Приволжского филиала Музея современного искусства (Нижний Новгород)

Григорьева Елена Ивановна – заслуженный архитектор РФ, член-корреспондент РААСН, вице-президент САР

Данилова Татьяна – студентка Института архитектуры и строительства ИРНТУ

Железняк Ольга Евгеньевна – заведующая кафедрой дизайна ИРНТУ, кандидат искусствоведения, профессор, член Союза дизайнеров РФ, САР

Зиглер, Фолкер – руководитель компании Architecture and Urban Design, координатор франко-германской программы двойной магистратуры «Архитектура и градостроительство в еврорегионах» при Национальной высшей архитектурной школе Страсбурга (Франция)

Казачова Валентина Игоревна – архитектор, член Клуба молодых архитекторов (Иркутск)

Козьмин Алексей Павлович – руководитель Сибирской лаборатории урбанистики, советник мэра города Иркутска

Корелина Мирья Вячеславовна – доцент кафедры дизайна ИРНТУ, член Союза дизайнеров России

Крылова Ирина Николаевна – архитектор, заместитель проректора СФУ (Красноярск)

Кузеванов Виктор Яковлевич – кандидат биологических наук, научный руководитель Ботанического сада Иркутского государственного университета

Кулеш Дарья Леонидовна – архитектор (Иркутск)

Лежава Илья Георгиевич – заслуженный архитектор РФ, доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой градостроительства МАрХИ, академик, вице-президент РААСН

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения

Ляпин Андрей Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования ИРНТУ

Мацushima, Хаджиме – доктор философии, доцент факультета сельского хозяйства Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Маяренков Сергей Юрьевич – директор АНО «Иркутские кварталы», член экспертного совета Сибирской лаборатории урбанистики

Меерович Марк Григорьевич – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, член-корреспондент РААСН, профессор ИРНТУ, заслуженный архитектор РФ

Невлютов Марат Раилевич – архитектор, научный сотрудник НИИТИАГ (Москва)

Пonomarev Алексей Валерьевич – архитектор ОАО «Иркутскгражданпроект»

Рappaport Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член СМА, член Союза дизайнеров России

Рогге, Николас – архитектор, научный сотрудник Технического университета Карлсруэ (Германия)

Рожанский Михаил Яковлевич – кандидат философских наук, научный директор Центра независимых социальных исследований (Иркутск)

Сендер Арина Викторовна – профессор ИТМО (Санкт-Петербург)

Сизых Светлана Витальевна – кандидат биологических наук, заведующая Ботаническим садом Иркутского государственного университета

Снарский Александр Сергеевич – историк, телеведущий (Иркутск)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГУЭП, сотрудник Центра независимых социальных исследований (Иркутск), член Союза журналистов России

Товмасьян Эдуард Ованесович – начальник отдела градостроительного планирования развития территорий ЦНИЭП градостроительства, советник РААСН, заслуженный архитектор РФ (Москва)

Токарев Никита Владимирович – архитектор, директор Московской архитектурной школы МАРШ

Успенская Ольга – заместитель председателя Красноярской региональной организации САР

Хаустова Мария Алексеевна – пресс-секретарь Управления архитектуры администрации города Красноярска

Хорн, Кристиан – преподаватель двухуровневой студии магистратуры в компании Architecture and Urban Design (Франция)

Чертилов Алексей Константинович – доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИРНТУ, научный руководитель Лаборатории архитектурного наследия, руководитель Сектора культурного наследия АО «Иркутский Промстройпроект», член САР, председатель Совета ИРО ВООПИиК

Шаравина Арина Викторовна – архитектор (Чита)

Шестопалова Ирина Николаевна – студентка Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук ИРНТУ

Энгель, Барбара – заведующая кафедрой международного градостроительства архитектурного факультета Технического университета Карлсруэ (Германия)

Ямада, Такухиро – ландшафтный дизайнер ООО «Ландшафтная компания Ханатойо» (Киото, Япония)

authors

Grigor Aikazyan – architect as project manager of the studio “Asse Architects” (Nizhny Novgorod)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Inessa Brazhnikova – leading editor of V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk)

Anna Gor – director of the Privolzhsky branch of Nizhny Novgorod State Art Museum

Elena Grigoryeva – honored architect of the RF, corresponding member of the RAACS, vice president of the Union of Architects of Russia

Tatyana Danilova – student of Institute of Architecture and Construction of INRTU

Olga Zheleznyak – Professor, Ph.D. in Art History, head of the Department of Design at INRTU Institute of Fine Arts, Humanities and Social Sciences, member of the UDR and the UAR

Volker Ziegler – coordinator of the French-German dual master’s degree program “Architecture and Urban planning in Euroregions” with the KIT at the ENSAS (France)

Valentina Kazakova – architect, member of the Club of Young Architects (Irkutsk)

Alexei Kozmin – director of the Siberian Laboratory of Urbanistics, adviser to the mayor of Irkutsk

Mirya Korelina – Ass. Professor at Institute of Fine Arts, Humanities and Social Sciences of INRTU, member of the Union of Designers of Russia

Irina Krylova – architect, deputy prorector for organization and support of projects of Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Victor Kuzevanov – Ph.D., Scientific Supervisor, Botanic Garden of Irkutsk State University

Darya Kulesh – architect (Irkutsk)

Ilya Lezhava – honored architect of the RF, doctor of architecture, professor, head of the Town Planning Department of MArchI, academician, vice-president of the RAACS

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Andrei Lyapin – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of INRTU

Hajime Matsushima – Ph.D., Lecturer, Research Faculty of Agriculture, Hokkaido University (Sapporo, Japan)

Sergey Mayarenkov – director of ANO “Irkutskie Kvartaly”, member of the expert council of the Siberian Laboratory of Urbanistics

Mark Meerovich – Doctor of Historical Sciences, Ph.D. in Architecture, corresponding member of the RAACS, Professor of INRTU, honored architect of the RF

Marat Nevlyutov – architect, graduate student, researcher of the Research Institute of the Theory and History of Architecture and Town Planning (Moscow)

Alexey Ponomarev – M.Sc., architect, JSC “Irkutskgrazhdanproject”

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the UMA, member of the Union of Designers of Russia

Nikolas Rogge – Dipl.-Ing. architect, research assistant KIT (Germany)

Mikhail Rozhansky – Ph.D. in Philosophy, scientific director of the Center for Independent Social Research (Irkutsk)

Arina Sender – professor, ITMO University (Saint Petersburg)

Svetlana Sizykh – Ph.D., head of the Botanic Garden of Irkutsk State University

Alexander Snarsky – historian, TV presenter (Irkutsk)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at BSUEL, member of the Center for Independent Social Research (Irkutsk), member of the UJR

Eduard Tovmasyan – head of the Department of Town Planning for Territorial Development of the State Central Research and Design Institute of Town Planning, council of the RAACS, honored architect of the RF (Moscow)

Nikita Tokarev – architect, director of the Architectural School MARCH (Moscow)

Olga Uspenskaya – deputy chair of the Krasnoyarsk regional organization of the UAR

Maria Khaustova – media relations officer of the Architecture Department of the Krasnoyarsk City Administration

Christian Horn – lecturer in the master 2 level studio in “Architecture and Urban Design” (AVT) (France)

Alexei Chertilov – Ass. Professor of the Department of History of Architecture and Fundamentals of Design of INRTU, scientific adviser of the Laboratory of Architectural Heritage, head of the Sector of Cultural Heritage of “Irkutsky Promstroiprojekt” JSC, member of the UAR, chairman of the IRO Board of the All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments

Arina Sharavina – architect (Chita)

Irina Shestopalova – student of INRTU Institute of Fine Arts, Humanities and Social Sciences

Barbara Engel – head of the Department of International Urban Planning and Design at the Faculty of Architecture of the KIT (Germany)

Takuhiko Yamada – landscape designer, Hanatoyo Landscape Co., Ltd. (Kyoto, Japan)

 GRADAS
Навесные объемные фасады

Продукт GRADAS
Представлен в Восточно-Сибирском
регионе и Забайкальском крае
компанией «Фасадные технологии»
г. Иркутск, ул. Энгельса, 8, оф. 302
тел. (3952) 484-184
fasdom.ru

Объект: Дворец ручных игр г. Баку
Материал кассет: алюминий 3 мм
Перфорация со светодинамической подсветкой

